

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
эригерцог

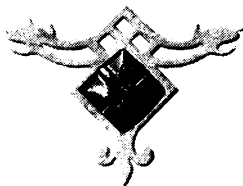
Ричард Длинные Руки —
эригерцог

Завоевание Ландергейма не было главным врагом варвары — не главные противники. Гораздо опаснее были Маги, что в прошлые разы полностью стирали с лица земли вторгшиеся войска королевства.

Кто сказал, что они впустят безжалостные крестоносцев, истребляющие даже намек на магию?

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гротграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог

Ригард Длинные Руки —
эрцгерцог

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард

Длинные Руки —
эрцгерцог

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

О-66 Орловский Г. Ю.
Ричард Длинные Руки — эрцгерцог : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2010. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-45922-3

Завоевание Гандерсгейма неминуемо, но степные варвары — не главные противники. Гораздо опаснее Великие Маги, что в прошлые разы полностью стирали с лица земли вторгшиеся войска королевства.

Кто сказал, что они впустят безжалостных крестоносцев, истребляющих даже намек на магию?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-45922-3 © Орловский Г. Ю., 2010
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Бог выше всякой добродетели, и не добродетелью определяется его достоинство, потому что в таком случае добродетель будет выше Бога.

Часть первая

Глава 1

Есть так называемое «остроумие на лестнице», это когда задним умом крепок, а есть тряска после случившегося, типа «господи, что я наделал». По настоящему меня потрянуло только по дороге к Альтенбаумбургу. Пришлось даже остановиться и дожидаться, когда перестану дергаться, как паяц на веревочках.

Пес подпрыгивал и старался лизнуть в лицо, но Зайчик ловко отступал, ревнуя к хозяину.

Я наконец сказал дрожащим голосом:

— Ну хорошо, хорошо... Я, типа, самоотверженный герой... надо же... Готов был, жертвенность, во имя, и все такое. Молодец. Только никому не рассказывай, не поверят. Да и сам как дурак...

Зайчик снова пошел ровно и царственно, помнит, кого везет. Я смятенно думал, что вообще-то в мой смертный час из меня должно бы полезть все говно, что таит в себе человек. Тем более, такой, как я, но такое вот странное свойство существ того мира, откуда я прибыл: как раз говно сверху — защитный панцирь, а все светлое забито, затоптано и загнано глубоко-глубоко, чтоб не позориться перед другими, крутыми и циничными. Быть благородным совсем не модно, даже позорно, надо говорить с гордостью: вот такое я говно! И быть, понятно, говном, чтобы везде быть своим...

Со стены крепости сбежал рыцарь, как мне показалось, только они здесь в полных доспехах, но через поднятое забрало я увидел обветренное лицо Паньоля.

Он сам перехватил повод моего коня. Лицо его дрогнуло, когда наши взгляды встретились.

— Ваша светлость...

— Все закончено, — произнес я мертвым голосом. — И не повторится. Можешь вернуться к кольчуге... если хочешь, понятно.

Он неумело улыбнулся.

— Да, конечно. Кто же в здравом уме таскает столько железа! Но когда лорды Гатор и Стерлинг сказали, что вы исчезли... намекнув, что отправляетесь к Воротам Ада, я на всякий случай поднял всех на ноги и вооружил до зубов.

К нам сбегались воины, жадно ловили каждое слово. Один сказал преданно:

— Вдруг бы за вами погоня!

— Врата разрушены, — ответил я устало. — Кто-то из нас туда попадет после грешной жизни, но сам Ад сюда не вторгнется. Отныне. Надеюсь... Так что лучше о нем забыть на время жизни и заниматься другими проблемами.

Паньоля открыл было рот и тут же стиснул губы так плотно, что превратились в узкую щель.

— Слушаюсь, сэръ! Будет исполнено, сэръ!

Он все еще держал повод коня, Зайчик терпеливо ждал, неподвижный, словно выкованный из черной стали, даже ухом не шелохнул, а я соскочил на землю и принялся снимать седельный мешок.

Пальцы коснулись твердого сквозь тонкую ткань, острый зубчик кольнул остро и напоминающе. По руке от кисти побежала мощь. Руки задрожали от неистового желания поскорее выхватить корону и водрузить на голову, чтобы стать не просто еще сильнее, а предельно сильным.

Челюсти стиснулись с такой силой, что перекусили бы берцовую кость. Я чувствовал, как меня трясет, задержал дыхание и с огромным усилием, переламывая себя в себе, перекинул мешок через плечо.

Сухо застучали друг о друга талисманы, амулеты, что я наснимал с убитых. Их там вместе с короной целая россыпь, хотя, может быть, простые нагрудные знаки без всякой магии.

Паньоль спросил осторожно:

— Вас проводить, ваша светлость?

— Я плохо выгляжу? — поинтересовался я.

— Краше в гроб кладут, — ответил он честно.

— Отойду, — пообещал я. — Живучести во мне... даже сам не знаю, у какого чудовища столько.

Твердым шагом, просчитывая под взглядами сбежавшейся челяди каждое движение, я двинулся к донжону, туда уже помчались слуги распахивать для меня двери. Сейчас нужно поскорее забыть о своем непонятном героизме, при одном воспоминании бросает в дрожь, и острая мысль мечется в пустом черепе: я ли там был?

Со стороны сада донесся радостный вскрик, я увидел золото роскошных волос сквозь плотную листву цветущих кустарников, дробно-дробно простучали каблучки, и через мгновение Иллариана ринулась мне на шею, запыхавшаяся и счастливая.

— Ты вернулся!.. Я так за тебя боялась!

Я подхватил ее на руки, она просто невесома, словно из тончайшей паутины, прижал к груди и торопливо понес в донжон. По сторонам мелькают тени слуг, я ни на кого не обращал внимания, наконец за спиной захлопнулись двери наших покоев, я опустил Иллариану на ложе, отступил, чтобы полюбоваться, но она тут же вскочила и снова бросилась мне на шею.

— Не-ет! Я страшусь, что исчезнешь снова!

— Все закончено, — сообщил я счастливо. — Все позади.

Она уселась мне на колени и, обняв за шею, внимательно и недоверчиво всматривалась в мое лицо.

— Ты сумел закрыть Портал?

— Да, — ответил я.

— Но... как?

Я отмахнулся.

— Надежно. Не будем об этом, а то как вспомню...
Давай о хорошем. Как ты с местными?

Она счастливо заулыбалась.

— Люди здесь милые, хорошие. Я не ожидала, что окружат такой заботой. Мне так хорошо, что просто страшусь, как бы кто-то большой и злобный не спугнул...

— Никто не спугнет, — заявил я. — Никто! Остался только один большой и злобный... это я.

Она счастливо завизжала, я крепко обнял ее, поцеловал и снял с коленей.

— Иди играй, знакомься с миром. Тебе им управлять! Или хотя бы царствовать.

— А ты куда?

— Пристрою где-то трофеи, — ответил я без уверенности, — да и вообще я до конца еще не вошел в роль герцога. Хотя, честно говоря, я чувствую себя вполне готовым...

— К чему?

Я пожал плечами.

— Есть люди ни на что не готовые, а есть — готовые на все. Я не знаю, которые из них хуже.

— Ой, Ричард, ты такое говоришь...

В коридоре стражи бодро стукнули копьями в пол, скоро там будут ямки, морды преданные, всяк в крепости мечтает, чтобы хозяин не был размазней, с таким быстро обнищаешь, а с сильным станешь сильным и богатым.

— Бдите, — сказал я отечески строго. — Будет служба, будут повышения, жалованье вырастет!

Они провожали меня преданными взглядами, тут перераспределение ценностей происходит быстро, у сильного господина и слуги ходят в шелках и едят на серебре, а у слабого и рыцари ходят в обносках.

Я обошел залы, осмотрел все тщательно и придирчиво, но не отыскал места, где пристроить черную корону. Пытался повесить на стену, как трофей, гордо водружал на стол среди подсвечников, устраивал на видном месте в шкафу, наконец, измучившись борьбой с желанием во-

друзить себе на голову, озлился и, сунув в мешок, решил, что лучше всего приторочить к седлу.

Ну, а талисманы и амулеты, что снял с убитых, подождут до лучших времен. Чтобы разобраться с ними, не пробуя вслепую что и как срabатывает, понадобится помощь то ли моих алхимиков, то ли священников.

На четвертый день после возвращения из Темного Мира меня все-таки перестало трясти при одном воспоминании через что прошел, наконец-то обратил внимание, что на губах Илларианы то и дело появляется таинственная улыбка.

Хотя и до этого все три дня ходила с величайшей осторожностью, словно держит на голове стеклянную вазу. Я посматривал с недоумением, спросить не решался, вдруг да нарушу какое-то табу, а она продолжала прислушиваться к себе, иногда улыбалась невпопад.

Наконец я не выдержал и ухватил ее в объятия.

— Что за новые тайны? Признавайся, а то съем! Ты же знаешь, я плотоядный.

Она мягко высвободилась из объятий.

— Осторожно, задушишь...

— Да я со всей чуткостью, — заверил я, хотя жаждалось именно схватить так крепко, что просто не знаю, — я тебя совсем не давлю!

— Давишь, — возразила она и пояснила, — ты нас давишь.

Я поперхнулся:

— Нас?

Она кивнула.

— Да. Я чувствую в себе новую жизнь. Это так странно... У нас уже забыли эти ощущения.

Я охнул.

— Будет ребенок?

Она счастливо улыбнулась.

— Да.

— Здорово, — сказал я, чувствовал, что говорю банальности, но всяк глупеет при таком известии, — это

же... ага... здорово!.. даже замечательно! Я его буду учить ездить на коне...

Она остановила мягко:

— Сперва нужно научить ходить, летать...

— Летать?.. — переспросил я тупо. — Ах, да, ну конечно, а как же без такого и естественного способа передвижения... Конь — это уже нечто продвинутое. Ну, как нам на дельфине... Это ж еще удержаться надо, верно?

— Ходить труднее, — согласилась она. — Летать... это так естественно! Летается само, а ходится... Скажи, почему ты такой скрытный? У тебя что-то там стряслось?

Я раскрыл рот, чтобы отшутиться, но как будто черная бездна космоса распахнулась во всю ширь. Стало нехорошо от его жуткой и безразличной глубины, словно стою на краю и смотрю в бездну.

Сердце сжала холодная призрачная рука.

— Трудно, — пробормотал я. — Такое ощущение, что там был не я... Нет, я, все делал я, но в то же время...

— Расскажи, — попросила она. — Сними с себя этот груз. Даже, если сделал что-то бесчестное, все равно ты мой, я тебя безумно люблю! Расскажи, прошу.

Я вздохнул, сказал с неловкостью:

— Бесчестного не было, надеюсь. Наоборот...

Она взяла мою ладонь в свои тонкие лапушки и смотрела внимательно в мои глаза. Я перевел дыхание, снова хотел отшутиться, но сам не уловил момент, когда начал рассказывать, сперва нехотя, вкратце, потом уже во всех подробностях. Есть что-то в женщинах, что умеют вот так. Именно им и раскрываемся, мужчину я скорее бы зарубил, чем открыл душу. А если бы все-таки открыл, то потом поскорее зарубил бы.

Ее лицо медленно бледнело, потом появился румянец, наконец уже горело, как маков цвет, а глаза сияли, как утренние звезды.

— Ты поступил... самоотверженно!

Я ответил с неловкостью:

— Да, но... я далеко не самоотверженный человек, если

честно. Скорее, наоборот. Нет, я не урод, просто в нашем королевстве у всех такая мораль. Ну там, не будь героем, всяк зверь гребет к себе, одна курица от себя, споткнувшегося толкни, а что мне больше всех нужно... Сейчас сам себе не верю. Как будто какую-то инфекцию подхватил в этом королевстве. Вообще не ожидал от себя ни такой жестокости, ни твердости, ни...

Я запнулся, она тихо договорила:

— Ни благородства? Прости, я заметила, ты его прячешь даже от себя. Если задела какое-то табу, прости...

Я помотал головой.

— Да все нормально. Говорят, лишь на краю бездны человек раскрывает душу. Но не хотел бы еще раз заглянуть в нее. Вдруг там все-таки не моя, а чья-то краденая?

Она засмеялась, прижалась ко мне, счастливая и тихая.

— Нет, душа у тебя замечательная. И она твоя, чувствую. Но как же все-таки хорошо, что тот ужасный мир с его чудовищами исчез... Он вообще не должен был соприкасаться с нашим, это была какая-то ошибка богов!

Я промолчал, что обычно расценивается как согласие, но что-то в такой картине мира не состыковывается. Если бы этот Темный Мир в самом деле пришел откуда-то, здесь было бы нечто невообразимое, но я видел этих существ, дрался с ними, и голову даю на отрез, что не так уж отличаются от меня. Если на то пошло, в истории Земли были целые культуры и цивилизации, основанные на каннибализме и вампиризме: ацтеки, майя, такой же Темный Мир, так что о пришедших с Луны — оправдательные легенды.

Если бы с Луны, хоть какое-то оправдание, а так, увы, это мы сами, это какая-то из наших черточек, обычно забитая и затоптанная вглубь, стала вдруг доминантной и обрела власть. Прав был Достоевский, заявив, что широк человек, слишком широк, надо бы его сузить...

То же самое и с «долунными». Какой-то народ тысячи лет прожил в блаженной изоляции, как вон сумчатые в Австралии, не зная врагов, пока туда не попала с какого-то корабля собака.

Я прижимал к груди Иллариану, баюкал, она счастливо закрыла глаза, а я подумал что спасибо Алонсии, не дала мне совершить слишком уж нерыцарский поступок. Теперь, когда у меня Иллариана, трепещу от мысли, что мог бы поступиться принципами и жениться по расчету.

И хотя тогда был уязвлен ее отказом до глубины души, но сейчас счастлив, что Алонсия оказалась благороднее меня.

Она распахнула глаза, такие неправдоподобно огромные и чистые, отыскала взглядом мое лицо.

— Ты человек...

— Надеюсь, — пробормотал я с настороженностью.

Она слабо улыбнулась.

— В человеке есть светлая сторона: доброта, сострадание, милосердие, любовь, нежность... и есть темная: жестокость, себялюбие, агрессия, похоть...

— Мы с этим боремся, — заверил я. — Удаляем! Выдавливаем из себя.

Ее улыбка стала невеселой, а в глазах отразилась давняя боль.

— Увы...

— Правда-правда

Она покачала головой.

— Если удалить из человека темное, он очень быстро теряет желание жить активно, исследовать, придумывать и превращается... ну, не в животное, но теряет всякую силу духа. И уже его род не развивается. К сожалению, в этом не однажды убедились Великие Маги прошлого, они же Молодые Боги, когда снова и снова пытались вырастить человечество без агрессии...

— Ого, — вырвалось у меня.

— Это им обошлось дорого, — объяснила она тихо. — Потом приходилось всякий раз с надеждой смотреть на дикие племена, уцелевшие где-то на окраинах мира, позволять им выйти на просторы и завоевывать благополучных и неагрессивных, что потеряли стимул жить и развиваться...

Я слушал с содроганием, слишком чудовищные масштабы, потряс головой.

— Не представляю... Но теперь, надеюсь, не вмешаются?

Она шепнула:

— Те времена остались только в легендах, но они правдивы. Кое-что нынешним магам удалось даже увидеть в прошлом, хотя это потребовало огромных усилий... Как-то получается, что только злой и агрессивный человек может развиваться, завоевывать рубежи как чужих королевств, так и знаний...

Она зябко вздрогнула и прижалась ко мне всем телом, ища защиты у человека, самого жестокого существа на свете.

Человек, проговорил я мысленно, укладывая новые понятия в извилины, вырвался из темного царства и стал человеком именно благодаря темной стороне своего характера. Но из-за этой своей особенности он постоянно ходит по лезвию острого меча. Когда дает ей волю — превращается в зверя, его убивают или изгоняют. Но если держит под контролем, становится лидером всего живого, открывает новые материки, новые законы, изобретает, строит, ломает, возводит, создает...

Я нежно поцеловал ее в лоб, как засыпающего ребенка.

— Не буду убирать агрессию, — пообещал я. — Но не выпущу наверх, обещаю. Без особой необходимости.

— Не выпустишь, — пробормотала она сонно. — Ты сильный... Что это у меня под щекой? Копыто?

Она с удивлением потрогала кожу на кисти руки.

— Ого! Почему такая... грубая?

— Потому что толстая, — объяснил я.

— А почему толстая?

— Потому что сэр Ричард толстокожий, — объяснил я терпеливо. — А теперь лучше...

Она кивнула, но продолжала в задумчивости поглаживать кончиками пальцев мою в самом деле огрубевшую

кожу. Я чувствовал нежное прикосновение, хотя не должен бы ничего ощущать, сам наращивал здесь дополнительную защиту наподобие роговых мозолей, чтобы тетива не рассекала кожу при каждом выстреле.

Все стрелки носят специальные рукавички из толстой кожи, но и те быстро приходят в негодность, тетива бьет очень сильно. Я могу, конечно, быстро заравнивать рану, но это после каждого выстрела терпеть резкую боль, пусть лучше уж толстокожесть. Для мужчины это даже признак достоинства.

Иллариана, похоже, так не думает, лицо погрузтело, а ресницы печально опустились, скрывая взгляд.

— Какой у вас жестокий мир... А я слабая и пугливая. Ты, наверное, смеешься надо мной?

— С чего вдруг?

— Я у тебя, как птичка на жердочке или подобранный на улице бедный и жалобный щенок... Ты так заботишься обо мне!

— Как о щенке?

— Да...

Я кивнул.

— Ты права. Мужчины вообще часто относятся к женщинам, как к собакам! Ожидают от них верности. А женщины — кошки: гуляют сами по себе, а муж для них — существо, что кладет корм в мисочку и убирает какашки. Из-за этого и непонимание, конфликты...

Она спросила недоверчиво:

— Что, совсем нет верных?

— Есть, — ответил я, — но это исключение. Кому повезло, должен знать, что повезло, а не так и должно быть. А у кого не так, то это норма, а не «не повезло». Мужчинам не следует искать у женщин верности.

Она посмотрела на меня с отвращением.

— Сэр Ричард, вас в детстве макушкой вниз не роняли? Из какого уродливого королевства вы прибыли?.. Я тебя приблю за такие слова! Женщины — верные! И всегда будут любить вас, противных.

Глава 2

Она так и заснула в моих объятиях, беременных часто тянет в сон, я баюкал и наслаждался покоем, но мозг, что работает даже ночью, сплетая причудливые сны, работать продолжал, хотя и несколько хаотично, лишенный конкретной проблемы.

Издавна ахали, удивлялись чуду: вот в прошлом году провалилась вершина горы, там на большой высоте образовалось озеро, вода чистейшая, горная... а в этом году там уже плавают рыбы! Откуда они? Никто туда не добирался раньше, и тем более не запускал ничего и никого...

Это потом естествоиспытатели догадались, что к лапам плавающих по озерам уток всегда прилипает икра, как рыб, лягушек, так и прочих-прочих, она для того и липкая, а потом утки разносят в перелетах по всему маршруту с севера на юг. А так как летят из разных мест, то их трассами покрыты все водоемы на свете, где они и отдыхают по дороге.

Как образовались племена, народы и даже нации в изолированных непроходимыми стенами или широкими пропастями землях, с уверенностью сказать труднее, их точно не утки разносили, и даже не гуси, но, по словам Илларианы, в королевстве Вестготия заселены практически все мало-мальски плодородные земли.

Так что одна из задач короля — обеспечить всех дорогами. Иначе как он может осчастливить их налогами?

Увы, король такую грандиозную задачу решить не может, мало сил.

Я просыпался медленно, неспешно и с неохотой покидал реальность, где мы с Илларианой неторопливо плывем, раскинув крылья над облаками, а между нами часто-часто лупит по воздуху крылышками визжащий от счастья ребенок, и проявляясь в той, где мне еще предстоит многое упорядочить и обеспечить стабильность, в Гандерсгейме закончить завоевание, закрепить роль церкви, поскорее воплотить в реальность все то, что уже мо-

жет быть сделано: паровые котлы, часы-ходики и прочее-прочее...

Сон обволакивает сознание, как шоколадная начинка хрустящую конфетку, но острое как шило чувство больно кольнуло уже в этом осязаемом мире. Я ощутил не холод, как бывает при опасности, а тихую, но бесконечную печаль.

В тревоге поспешно открыл глаза и автоматически протянул руку к Иллариане, чтобы подгрести ее к себе, спрятать и укрыть... но пальцы наткнулись на пустую подушку.

Я подпрыгнул, дико огляделся. Комната пуста, все на месте, никаких следов борьбы, только одно из окон распахнуто, ветерок колышет занавески. Боль резанула по нервам, я с рычанием ринулся через всю комнату и с такой силой ударился в проем, что едва сам не вылетел наружу, но плечи застряли, и я бессмысленно смотрел на зеленую долину внизу, на стадо белых гусей, бредущих к озеру, еще доносятся шелчки кнута, вот там пастух гонит скот на пастбище...

— Что? — прорычал я с лютой подозрительностью. — Кто?.. как сумели?

На девственно чистом столе белеет лист бумаги, которого вчера не было. Не помня себя, я моментально оказался там, ухватил дрожащими руками. Буквы дрожали и прыгали, но даже потом, когда сумел сложить их в слова, не мог понять смысл и повторял тупо: «Милый, любимый, единственный! Не ищи меня, я ушла навсегда. Никогда я в жизни не любила и не смогу полюбить так же сильно. Но мне надо уйти. Прости! И не ищи меня, пожалуйста!»

— Мне надо уйти, — повторил я тупо. — Мне надо уйти... не ищи меня... мне надо уйти... Но почему? Зачем? Куда?

Двери распахнулись, вбежали стражи. Оба с обнаженными мечами в руках, на лицах готовность броситься на любого врага.

— Ваша светлость?

Я прохрипел перехваченным горлом:

— Иллариана... Куда она исчезла? Кто видел?

Один вытаращил глаза, икнул и застыл, а другой, тоже ахнув, сказал неуверенно:

— Она умеет отводить глаза... Никто не увидит, если она не возжелает... И никакие амулеты не выявят...

Я прорычал:

— Знаю. Но что-то же заставило?.. Расспросите челядь. Не заметили за ней чего-то... странного, что ли? Необычного!.. Идите же!

Через четверть часа тщательных расспросов по крепости я уже в точности знал, где вчера бывала, с кем и о чем говорила, как себя вела и как держалась. Ничего необычного никто не заметил, за исключением того, что со всеми общалась исключительно тепло и смотрела так, словно расстается очень надолго.

Я молча ругнулся, приходится расстаться со слабой надеждой, что ее похитили. Тогда еще оставался бы шанс отыскать, перебить мерзавцев, а ее с торжеством вернуть обратно. Но если в самом деле ушла сама и по своей воле...

Остается только крохотный шанс все исправить в том, чтобы понять причину и убедить Иллариану, что это не причина, а женская блажь, дурость, каприз. На самом деле мы не можем один без другого, мы уже срослись душами, а сейчас расставаться — даже не резать по живому, а разрывать одно существо на две половинки.

Вечером примчался мальчишка, исцарапанный колючими кустами, бежал напрямик, преданно уставился на меня большими серьезными глазами.

— Ваша светлость, — выпалил он, — у меня отец охотник, он был в лесу и видел, как ваша леди...

Он запнулся, подбирая слова, я прорычал:

— Говори скорее!

— Ваша леди, — повторил он, — вчера тайком побывала у Тихоринга Золотой Рог.

Я схватил его за плечо:

— Что за Тихоринг?

— Предсказатель, — сказал он быстро. — Предсказывает судьбу. К нему часто ходят.

— Где он живет?

Я едва не скрипел зубами от нетерпения, мальчишка прокричал быстро и пугливо:

— По ту сторону леса! Там на опушке у оврага...

— Беги за мной, — велел я.

Я выметнулся в коридор, как буря из ущелья, простучал сапогами по лестнице. Сердце перестало колотиться в бешенстве о ребра и сделало стойку, как пойнтер на засевающую в камышах утку. Это для меня предсказания не существуют, я же человек новой эры, христианин, а она из древней эпохи, тогда предсказателям верили, с ними советовались, их слушались...

Мальчишка послушно бежал следом, я выскочил во двор и заорал страшно:

— Зайчик!.. Ко мне!

Первым прибежал Адский Пес, уставился горящими глазами, скорей говори, куда поедем.

Зайчик выметнулся из конюшни, выбив ворота. Я сразу же вспрыгнул ему на спину, не дожидаясь, пока оседлают, протянул руку мальчишке. Он поспешно вытянулся весь навстречу, я вздернул его наверх и усадил сзади.

Бобик весело гавкнул и понесся большими скачками к воротам. Арбогастр недовольно фыркнул, но Адскому Псу пришлось подождать, пока откроют ворота, а дальше они выметнулись ноздря в ноздю.

Мальчишка указывал дорогу, лес налетел, как буря, мы прижались к конской гриве и слышали только свист проносящихся сверху ветвей. Иногда что-то трещало, это Зайчик разбивает грудью зависшие деревья, что перегораживают путь, над нами свистят щепки, ветер дергает за волосы, а под копытами взлетают прошлогодние листья.

Деревья разлетелись в стороны, как вспугнутые воробы. Красное небо заката распахнулось на полмира, темно-багровые облака уже застыли, тяжелые и подернутые

окалиной, готовясь охладиться за ночь и к утру стать снежно-белыми.

Мальчишка прокричал:

— Вон там!

Он возбужденно цеплялся за мои плечи, еще бы, такая скорость, будет, о чем хвастать, тыкал пальцем в сторону гигантского дуба с раскинувшимися ветвями.

— Там живет? — перепросил я.

— В дереве!

С другой стороны дуба оказалось дупло, я заглянул вовнутрь, довольно просторное, десяток человек поместится, отшельник натаскал сухие ветки, покрыл десятком шкур, но сейчас там пусто.

— Где он может быть? — прорычал я.

— Скоро вернется, — заверил мальчишка. — А сейчас он, наверное, в нашей деревне. Он еще и лекарь...

Я прервал:

— Показывай дорогу!

Адский Пес внимательно следил, куда покажет мальчишка, и первым ринулся в ту сторону. Через несколько минут Зайчик резко затормозил перед первыми домами, а то сокрушит, а я оглядел испуганных внезапным появлением лорда крестьян.

— Кто староста?

Мне торопливо показали на добротный дом, Зайчик сделал гигантский прыжок, а на крыльцо вышел, вытирая ладони о толстый живот, мужик в новенькой одежде.

Бобик подбежал к нему, мужик побледнел и замер, вытянувшись в струнку, словно стремился взлететь.

— Ваша светлость...

Я сказал резко:

— Предсказатель Тихоринг здесь?

Он помотал головой.

— Он уехал и не вернется!.. Но велел передать вам...

Я протянул руку.

— Давай.

— На словах, — сказал староста виновато. — Он ска-

зал, что вы придете убить его, а он не виноват и вины не признает. Потому лучше спрячется на то время, пока ваш гнев остынет.

Я прервал:

— Он сказал, что напредсказывал моей леди?

Староста перекрестился и сказал истово:

— Да, из-за этого вы его и восхотите убить. А он предрек только правду... как он мне сказал.

Я соскочил на землю и взбежал к нему на крыльцо.

— Что, — прорычал я, — что он ей сказал?

Староста отшатнулся, прокричал в испуге:

— Он сообщил ей, что будет с вами безумно счастлива всю жизнь!.. А вот вы постепенно станете несчастным... потому что потеряете другие крылья... он так и сказал!.. Я, правда, не понял, но он велел запомнить слово в слово, а я в деревне самый запоминательный... Вы ради этой женщины откажетесь от завоеваний и свершений, ради семейного счастья, но это потом сделает вас несчастным.... Он все это сказал ей и еще сказал, что она будет долго плакать, но решится ради вашего счастья пожертвовать своим.

Я схватил его за грудь, но тут же разжал пальцы, староста рухнул на землю, подхватился и убежал. Я несколько раз ударился лбом о стену дома.

Кровь потекла в глазную впадину, пощекотала щеку, затем я ощутил ее солоноватый вкус на губах.

Иллариана ушла ради меня? Пожертвовала своим счастьем? Но это и мое счастье, как она посмела, я же не могу жить без нее...

Вернулся в замок ночью, все факелы зажжены, меня увидели издали и распахнули ворота загодя, челядь суетливо шустрит поблизости, чтобы всегда под рукой, но стараются держаться в сторонке...

Марсель встретил во дворе, напряженный, как струна, суровый, но с такой печалью на лице, словно это он потерял самое дорогое существо на свете.

Я отдал арбогастра конюхам, Паньолю устало махнул рукой.

— Все кончено. Она ушла. И не вернется.

Он спросил осторожно:

— Она... как-то объяснила?

— Не хочет мешать мне, — ответил я горько. — Что она понимает...

Горло перехватили невидимые пальцы, я пытался вздохнуть и не мог, зато злые слезы закипели в глазах, а в груди разлилась острая боль.

Марсель вздохнул, на немолодом лице море сочувствия и понимания, как будто кто-то еще может понимать такую боль, проговорил очень почтительно:

— Ваша светлость, не дайте амоку овладеть собой. Вам слишком легко давались победы с мечом в руке.

— Не так уж и легко, — прошептал я сквозь слезы.

— ...потому вам кажется, — продолжил он, словно не слыша, — что и в личном должно быть так же. А если нет, сперва недоумеваете, потом удивляетесь, гневаетесь, наконец безумствуете! А это неправильно. Воинских побед может быть много, а любовь бывает лишь одна.

— Зато подделок тысячи, — сказал я.

Он покачал головой.

— Грустно это... Вы слишком истосковались по любви, ваша светлость. Потому и полюбили это крылатое существо, слишком светлое, слишком нежное, чтобы жить в нашем мире. Уж простите за такие слова, но даже хорошо, что улетела! Вы все-таки из этого мира и для этого мира. Она это поняла и... пожертвовала собой. Теперь вы должны сделать так, чтобы ее жертва была не зряшной.

Я сказал с тоской:

— Как?

— Делать мужскую работу, — ответил он прямо. — Для которой все мы рождаемся.

Я вздохнул, но из груди рвутся рыдания, и чтобы не разреветься прямо среди двора, я кивнул и пошел в донжон.

Стражи в залах и в коридоре вытягивались и застыва-

ли, делая вид, что видят меня, но не замечают. Я кое-как добрался до своих покоев, почему-то сразу же ноги понесли к вбитым в стену крюкам, где я так и эдак примеривал черную корону Властелина Темного Мира, где лучше будет смотреться.

Острое желание взять седельную сумку, где оставил корону, стало таким сильным, что повернулся и двинулся к дверям, уже взялся за ручку, но заставил себя остановиться.

Иллариана, конечно, против, но сейчас ее нет, а жажда опустить корону на голову просто сжигает изнутри, чувствую этот недобрый огонь, гложущий внутренности.

Я вернулся к ложу, упал на мягкую перину, но снова вскочил и ринулся к двери, там остановился и заставил себя отступить.

— Да что со мной? — сказал вслух с горечью. — Кто не был в молодости радикалом, тот в старости станет сволочью... У меня старость уже наступила? Я не хочу отказываться от этой мощи!.. Но как же... Когда я перебрался через океан, у меня на Юге в руках была не меньшая мощь, а то и побольше... но в голову не пришло поработить демонов и стать их хозяином! Нет, вру, мысли приходили, как же без них, но их отшвырнул гордо и красиво!.. Так что же теперь? Устал?.. Постарел? Да я тут всего три года, ну пусть чуть больше... Или все-таки постарел, весь пар ушел в свисток?

В комнате вспыхнул яркий радостный свет. Из распахнутого окна доносились со двора голоса, заржала лошадь, а это значит, тот, кто умеет останавливать мгновение, на этот раз даже не замедлил время...

Я повернулся, ожидая увидеть его франтоватого и веселого, однако он показался мне мрачнее грозовой тучи. Пахнуло смертельной угрозой, лицо почти черное, в глазах сверкают молнии.

— Ну? — процедил он люто сквозь зубы. — И что еще? Вы уничтожили целый мир! А теперь страшитесь надеть корону?

Я спросил примирительно:

— И превратить этот мир в Темный?

Он прорычал:

— Нельзя было уничтожить, нельзя! Да, там был тупик. Да, ничего не удавалось сделать... Но все равно, я не просто недоволен... я просто в ярости! Там была такая замечательная площадка для отработки некоторых моделей поведения!

— Та площадка начала залезать на эту площадку, — сказал я нервно.

— Вы в самом деле сторонник справедливости?

— Не совсем, — ответил я осторожно, — разве что справедливости в моем понимании, я же самый умный, слышали?.. Но важнее то, что наша площадка, как мне кажется, перспективнее той. Я не хочу сказать, что все новое всегда лучше старого, но все-таки новое лучше почти всегда. А там основа была слишком древней, хтонной, спинномозговой. Но, сэр Сатана, возможно, вам будет весьма интересно знать, что Творец был недоволен, если не сказать круче, еще больше, чем вы сейчас.

Его перекошенная физиономия на миг застыла, затем глаза вперили в меня пронизывающий взгляд.

— Что-о-о-о?

— Это же он создал, — напомнил я. — А я, того... как слон в посудной лавке... Да вообще-то куда там паршиво-му слону! Я как стадо слонов. И вообще...

Он мгновение смотрел на меня бешеными глазами, наконец проговорил все еще люто:

— Да, о нем как-то не подумал... Ему вы, сэр Ричард, нанесли ушерба намного больше.

— Вот-вот, — сказал я, — хоть вы имейте... не сострадание, конечно, у вас же все по-деловому, но тогда деловой расчет. Если вашему конкуренту я навредил больше, то вам я не враг.

Он не сводил с меня обжигающего взора, взгляд неверящий, словно все еще не понимает, как на месте прежнего Ричарда, которого знал, как облупленного, возникло такое вот непредсказуемое чудовище.

— И как он вас пощадил?

— Наверное, — признался я, — только благодаря беспредельному милосердию. Щадит же наш род, хотя мы натворили куда больше, чем допотопные, которых притопил, как слепых котят...

Он поморщился.

— Да, постарел...

— Милосердие — признак старости?

Он сдвинул плечами.

— Разве жестокость и нежелание идти на компромиссы не отличительные черты молодости?

Я пробормотал:

— Вы так окольно назвали меня щенком?

— Гм, — сказал он и впервые чуть раздвинул губы в улыбке, — вам виднее. Не зря же у вас такие ассоциации.

Я сказал быстро, пользуясь случаем:

— Что такое Темный Мир?.. Почему вас там не было?..

Он вскинул брови.

— Я-то при чем?

— Разве не вы истинный властелин Темного Мира?

— Шутите? — переспросил он. — Или всерьез?

Я сказал раздраженно:

— Что-то в общей картине не состыковывается. Есть Добро и Зло, Свет и Тьма...

— Правда и Кривда, — продолжил он с иронией, — Верность и Предательство.... в общем, примитивный дуализм. Вы с таким термином знакомы? Прекрасно. Очень простая схема для простых умов. Потому так популярна.

— А что, есть и третья сторона?

Он поразмыслил и покачал головой.

— Вообще-то нет... если по самому высокому счету. Но кроме Света и Тьмы есть хотя бы Сумерки... уж не говорю о менее заметных материях. Темный Мир, как вы его называете, это хтонный мир, настолько древний, что люди тогда еще не были людьми. И религий тогда еще не возникало... в том виде, в каком признаем религиями.

Я спросил:

— Но вы-то, сэр Сатана, тогда уже были? Вы ведь с первого же Дня Творения?

Он кивнул.

— Да. Но тогда мы, все ангелы, были блаженными исполнителями воли Господа. Наша самоидентификация началась, как ни странно, после сотворения человека. Господь создал Адама и, весьма довольный своим творчеством, восхотел, чтобы мы оценили его шедевр и поклонились человеку, признав его властелином мира.

Он умолк, я сказал нетерпеливо:

— Да-да, я знаю. Большинство бездумно признало, а вы, сэр Сатана, отказались. Мол, существо из огненной породы, могучее и бессмертное, не станет кланяться куску мокрой глины.

— С этого все и началось, — согласился он. — У вас, людей, почему-то бытует мнение, что после этого Господь, разгневавшись, сбросил меня и моих сторонников в ад. Конечно же, это неправда. И в ваших книгах записано все верно, только надо уметь читать. Там нигде не сказано, что Господь нас низверг!.. Нигде. Господь и пальцем не шелохнул. Это те лизоблюды, что присягнули человеку и поклонились, даже не понимая, что делают, а только потому, что так велел Творец, это они собрались войском и после жестокой битвы низвергли нас с небес!.. Нас было во сто крат меньше, сэр Ричард, но мы им дали бой. И мы почти-почти победили, но в последний момент один отряд проявил малодушие и перешел на сторону верных Творцу.

Я спросил напряженно:

— Постойте... выходит, вы тоже, вслед за человеком, обрели свободу воли?

Он криво улыбнулся.

— Только те, кто захотел. Хочу вам напомнить, сэр Ричард...

— Ну-ну!

— Творец, — произнес он с нажимом, — с того момента, как создал человека и велел ангелам признать его властелином мира... ничем себя не проявил. Вся эта грандиоз-

ная битва, когда горела земля, океаны вскипали и превращались в пар, горы плавились и растекались жидким огнем, когда среди зеленых долин вырастали исполинские мертвые горы... прошла не только без его участия, но и без его внимания. И самое главное... вы меня слушаете?

— Со всем вниманием, — заверил я.

Он сказал с еще большим нажимом:

— Он так и не прояснил своего отношения к той битве... Хотел ли он такой развязки? Каждая из сторон все еще считает себя правой, но и в войске ангелов во главе с архангелом Михаилом, и у нас многие уже сомневаются. Верно ли поступили тогда? ...Более того, кого Творец считает правыми сейчас?

Я ощутил холод в душе, словно она открылась вечному космосу и межзвездным просторам. Сатана смотрел на меня с нехорошей усмешкой.

— Возможно, — сказал я с трудом, — у Творца планы гораздо грандиознее, чем нам дано вообразить. Может быть, он знал наперед, как среагируют ангелы на создание человека? Может быть, ваш бунт, сэр Сатана, был предусмотрен Создателем, как родители наперед угадывают реакцию ребенка на те или иные слова отца?

Он скривился.

— Ненавижу даже думать о таком!

— Я тоже, — признался я. — Но моя мама всегда знала наперед все мои детские хитрости. Уж не знаю как. Но все равно меня любила. А у вас, как мне кажется, эдипов комплекс. Сын на определенном этапе развития личности всегда хочет свергнуть отца и занять его место. Потом, конечно, со временем такое проходит. Вы, как я вижу, еще не повзрослели? Все еще хотите свергнуть Творца и сесть на его трон?

Он посмотрел на меня волком.

— Мне все равно, как вы это называете. Если бы у вас не было этого комплекса, вы не выбрали бы из пещер!

— Но если бы не научились его смирять, — добавил я, — тоже не выбрали бы.

Он прошелся вдоль стены, потрогал ее пальцем.

— Даже здесь чувствуется присутствие того мира...

В стенах накапливается некая эманация.

Я спросил встревоженно:

— На меня не повлияет?

Он посмотрел на меня с нехорошей улыбкой.

— А как вы думаете, откуда она подпитывается?

Глава 3

После его ухода я долго сидел с сильно бьющимся сердцем и пытался собраться с мыслями. Неслучайно архангел Михаил так смотрел злобно и жаждал меня убить. Для Сатаны присутствие во мне такой силы Тьмы лишь ха-ха, всего лишь любопытно, что дальше, но мне как раз очень неудобно, если говорить мягко.

И раз уж во мне ее столько, то я должен постоянно следить за собой, а то наломаю дров.

Рано утром я поднялся с тяжелой головой и понял, что так и не заснул, а все те суматошные видения, что одолевали пять часов кряду, вовсе не сон, а тягостный бред наяву.

Иллариана, была первая мысль. Если я не заморю себя работой или какими-то заботами, я сегодня же свихнусь окончательно.

В соседнем зале дворецкий тщательно протирает золотые кубки, очень тяжелые и неудобные, зато престижные, а еще на полках блестят фужеры из тонкого стекла с диковинно изогнутыми ножками. Я подсознательно ждал, что вот-вот упадут, у них настолько чудовищно смещен центр тяжести, что просто не могут стоять вот такие и не падать...

Он вздрогнул, ощутив мое присутствие, повернулся быстро и крайне почтительно склонился.

— Ваша светлость...

Я поинтересовался:

— А почему кубки подаешь, а фужеры прячешь?

Он выпрямился, на лице замешательство.

— Ваша светлость, из кубков пьют наиболее знатные... А фужеры для тех, кто попроще.

— Ага, — сказал я, — понятно. Ну, когда я один или с друзьями, подавай фужеры. А золотые кубки только на пиры. Только... что это с ними?

Он проследил за моим взглядом, на бесстрастном вышколенном лице проступило нечто вроде сдержанной улыбки.

— Ваша светлость, все вот так сперва... Потом привыкают.

— А как они не падают?

Он пожал плечами.

— Магия...

Я зло стиснул челюсти. Магия, черт бы ее побрал. Этим словом объясняют все непонятное, а заодно перечеркивают любые попытки доискиваться истины. Потому мир магии — это застойный мир, а мир науки — постоянно развивающийся.

Плохо только, что любые проявления магии нам симпатичны, что ли, как неожиданные подарки, а наука — это нечто ближе к ежедневной и рутинной работе, но кто из нас, положив руку на сердце, работает из любви к работе, а не по необходимости зарабатывать на жизнь?

— Где наш новый управитель? — потребовал я.

— Артур Шницлер? — переспросил он на всякий случай. — Он везде. В смысле, может быть везде. Здесь довольно странное сообщение между... между этажами, помещениями. Я даже не пытался разбираться. Принимаю, как должное. Велите позвать?

— Да, — отрубил я. — Пусть явится ко мне в покои.

Шницлер явился на удивление быстро, едва ли не быстрее, чем я вошел, и бросил на стол перчатки. Собранный, настороженный, с недоверчивым взглядом выпуклых глаз, он поклонился от двери и остался в таком положении.

Я сказал нетерпеливо:

— Давай без особых церемоний. И не прибавляй к каждому слову «ваша светлость», это вдвое сократит разговор. Итак, что скажешь о своей новой должности?

Он выпрямился, взгляд острый, развел руками, но только слегка, в присутствии высоких особ нижестоящие не должны позволять себе размашистые жесты.

— Ваша свет... простите, но я и раньше делал все то же самое. Томас Кемпбелл вел дела герцога умело... Я хочу сказать, хорошо подбирал помощников. Они все и делали, а он лишь...

— Занимался темными делишками, — прервал я жестко. — Как я понимаю, ты всех полезных оставил на месте?

Он ответил с поклоном:

— Зачем терять натасканных и умеющих, а брать новичков, которых еще неизвестно, научишь ли? Все работают, ваша грозная слава никому не позволит лентяйничать. Налоги собираются, кузнец вернулся к работе, некоторых слуг я заменил, разнощицы не заметите...

— Как с хозяйствами вне замка? — потребовал я.

Он вздрогнул, сказал торопливо:

— Тоже... стараюсь. Там были трудности, Кемпбелла знали больше, а меня пока мало кто слушает...

Я потребовал:

— Почему?

Он смущенно развел руками.

— Приказывать и распоряжаться я могу хорошо, но с отдаленными хозяйствами нужно еще поставить себя. А это у меня получается пока плохо.

— Ты должен научиться говорить с людьми, — сказал я наставительно, — одной твоей должности и моей тени за спиной недостаточно.

Он сказал тоскливо:

— Да знаю, ваша... простите!... Скажу откровенно, я уже начал запираяться в комнатке и произносить речи!.. Словно бы перед большой толпой. Там вроде бы получа-

ется, но когда выйду даже на деревенскую площадь перед крестьянами...

— Постой, — переспросил я. — В той комнатке тебя кто слушает?

— Только я, — ответил он. — Сам перед собой и прозношу.

— Тогда понятно, — сказал я. — Эх, Артур... одно дело, когда успешно втолковываешь что-то тому дураку, другое — когда людям! Народ не из таких дураков, что тебя слушает в одиночестве. Там всякие.

Он тяжело вздохнул.

— Значит, все зря?

— Говори с живыми, — посоветовал я. — Говорят же, уча других, и сам учишься. А попросту: или их поднимешь до понимания, либо сам опустишься... что произойдет скорее, так как у нас у всех мозги стремятся закиснуть или засохнуть. Ладно, я сейчас еще раз объеду свои владения. Подготовь список проблем, которые тебе не по зубам.

Пес несется впереди, подпрыгивает на всех четырех и на лету звонко щелкает зубами. Пойманные бабочки остаются в пасти, а нежные крылышки с отворачиванием вылевывает.

Арбогастр аристократически смотрит свысока, пофыркивает на скаку, он уж точно никогда бы не позволил себе так распускаться и вести себя чересчур... естественно.

Я объехал ряд хозяйств, Артур прав, иногда достаточно не братья самому за решение чужих проблем, а просто явиться и спросить грозно: «Как, вы еще не сделали?» и многозначительно погладить рукоять меча.

На всякий случай я расспрашивал про демонов, что могли появиться из ниоткуда. Никто ни о чем не слышал, существа Темного Мира, проникшие к нам через портал, либо передохли, либо затаились в ожидании подкрепления, которое никогда не придет.

Когда я ехал через густой лес с могучими красивыми деревьями, Пес насторожился, сделал стойку, как на дичь,

потом посмотрел на меня с вопросом в больших детских глазах.

Я остановил арбогастра, тот сразу превратился как в каменную статую, а я прислушивался и присматривался, наконец уловил далекий хруст сухой веточки, а чуть позже — шелест ветвей кустарника.

Между деревьями идет молодая девушка в простом крестьянском платье, а это значит, что под этим балахоном у нее другой одежды нет. Грудь высокая, живот плоский, спина прямая, черные как смоль густые волосы убраны в высокую прическу и плотно перетянуты красными лентами.

Вот только через плечо перевязь с мечом в узких ножнах, а тонкую талию перехватывает широкий кожаный пояс с кармашками, а еще там короткий нож в кожаном чехле.

Я покачал головой, когда девушка молниеносно выхватила меч и неуловимо быстро срубила толстую ветку, загораживающую дорогу. Тут же меч снова оказался в ножнах, а она шла дальше мирная и беспечная, на полных губах загадочная улыбка.

Женщина с мечом — да, выглядит здорово. Сочетание женственности и грозного орудия убийства. Я сам с удовольствием смотрю, когда такая дура возьмет клинок и пойдет с ним вышагивать по саду, комичная и забавная, как ребенок, старающийся выглядеть взрослым и влезший в папины сапоги. Но нельзя же всерьез этим дурам давать в руки мечи или даже луки!

Как ни крути, но пустить стрелу из пятидесятифунтового лука женщина просто не в состоянии. Натянуть его в силах только мужчина, да и то не всякий. Ну, разве что Бодеррия сумеет выстрелить даже из лука самого Асмера, он у него стофунтовый, однако все прочие женщины зачастую даже не в силах его поднять, а не то, чтобы держать в одной руке, а другой тянуть на себя очень уж тугую тетиву.

У этой меч предельно узкий, легкий, таким даже ее руки смогут разрубить не защищенного доспехами человека. А двигается она быстро...

Я неслышно покинул седло, подкрался ближе к кустам, и когда она проходила с той стороны, прыгнул и придавил к земле. Она отчаянно задергалась, но я приложил лезвие кинжала к ее горлу и внимательно посмотрел в глаза.

Она побледнела и закусила губу, взгляд мой говорил, что никаких скидок на женскость, убью без малейших колебаний.

— Говори, — велел я. — И давай без этих глупых историй насчет заблудилась в лесу. Я хоть и дурак, но не настолько, чтобы поверить в такую хрень. Не понимаю, как другие постоянно попадаются!

Она прошептала в страхе:

— А что говорить? Скажите, я на все согласна.

— Если на все, — сказал я резко, — выкладывай, кто тебя послал. Какие дал инструкции.

Она проговорила дрожащим голосом:

— Меня не посылали...

Я прервал:

— Ладно, как хочешь. Я не знаю, насколько ты опасна, но что враг — бесспорно. Потому на всякий случай я тебя просто убью.

Она пробовала приподняться вслед за мной, я толчком опрокинул ее обратно, занес нож и с силой обрушил вниз. В последний миг услышал отчаянный визг:

— Меня послал барон Брайан Петтиген!

Острие меча врубилось рядом с ее головой, брызнула алая кровь. Женщина вскрикнула и ухватилась за мочку уха, пальцы окрасились кровью.

— Говори быстро, — приказал я. — Никаких виляний. Чуть заподозрю... только заподозрю!... брехню, больше предупреждать не буду.

Я вытащил из земли нож и снова занес его над ее головой. Она пропищала жалко:

— Вы все равно убьете...

— Скорее всего, — согласился я. — Но могу и не убить. Все зависит от того, насколько быстро и кратко выложишь все секреты.

Она скосила глаза на нож, на бледном лице откровенный ужас, заговорила быстро-быстро, глотая слова:

— Послал барон Петтиген, это родственник убитого вами герцога Хорнелдона. Он хочет вас убить, но так, чтобы подозрение на него не падало, опасается королевского гнева. Я должна была дожидаться, когда вы мною овладеете, и вонзить в вас вот эту шпильку.

— Отравленная?

Я взял осторожно двумя пальцами, как ядовитую сколопендру, тонкую заколку для волос.

— Да, — прошептала она.

— А потом?

— Я должна выпустить вот этого жука, — ответила она, ее пальцы легли на пояс с большими кармашками.

— И все?

Она поняла правильно и пролепетала:

— ...взять все, что у вас есть, спрятаться и ждать, когда барон прибудет лично.

Я медленно опустил нож. Она смотрела глазами загнанного в угол и затравленного зверька, мелкого и жалкого. Я оглядел ее с головы до ног, скривился.

— И что же, он решил, что у меня такие вкусы?.. Какой дурак! Ладно, выпускай жука.

Она вздрогнула.

— Господин?

— Выпускай, — повторил я. — Или выпущу я...

— Я сама, — сказала он поспешно, — вы его раздавите. Он такой нежный...

Я внимательно смотрел, как она открыла кармашек, там заскреблось, на краешек вылез продолговатый золотистый жук с тонким телом, приподнял жесткие надкрылья. Развернулись и завибрировали тонкие прозрачные крылышки, жук подпрыгнул и с грозным ревом резко сорвался с места.

Мы оба смотрели вслед, я поинтересовался:

— И когда прибудет барон?

— До замка не больше двух часов, — сообщила она. — Кони уже ждут оседланные. Он помчится сразу же.

— А сколько лететь жуку?.. Впрочем, пару часов у нас точно есть. Подождем. Дурак должен понять, что сгруппил, полагая, будто клюну на такую корову.

Она судорожно вздохнула, спросила просяще:

— А какую было нужно?

— Я человек одухотворенный, — отрезал я, — тонкий, интеллигентный. Такое вымя — оскорбление для ценителя прекрасного, это для меня значит. И задница... втроем обхватывать?.. И губы как олады... Я ж, скорее, нефетист, чем рембрантец. Ладно, пока не убью. Но и отпустить не могу, а то сообщишь о провале. Какую-то другую гадость подготовят.

Она сказала поспешно:

— Я никому не скажу!

— Конечно, — сказал я зловеще, — не скажешь. Я при-
му меры.

Она в ужасе сжалась, роскошная грудь начала резко уменьшаться, полнота губ сошла на нет, я смотрел и не верил глазам, как она быстро превращается в худосочную, замороженную, с мелкой грудью и узкими мальчишечьими бедрами женщину-подростка. Даже щеки аристократично запали, шея вытянулась, а ключицы резко выступили под бледной кожей.

— Все равно свяжу, — сказал я. — Даже вот такую.

Она быстро закивала, соглашаясь со всем, только бы не ножом по горлу. Сама протянула руки и скрестила тонкие кисти, чтобы мне было удобнее. Я связал крепко и немилосердно, хотя уже понимаю, при таком уровне превращения может выскользнуть из любых пут. Но не знает, что мое чувство опасности никогда не спит.

— Во имя Господа, — сказал я и, наложив узел, перекрестил его. — Да не выпустишь ты никого без моей воли или воли Того, кто создал мир. Аминь!

— Господин...

— Ну? — спросил я грозно.

— Вы меня точно убьете?

— Посмотрим, — ответил я раздраженно. — Тебя как зовут?

— Адель, господин...

— Заткнись, Адель, — посоветовал я. — А то просто придушу.

Она так и не освободилась от пут, уж и не знаю, то ли в самом деле сработали мои слова чего-то вроде молитвы, то ли мое заверение, что ей будет плохо, если попытается удрать.

Напряжение заставляло меня ерзать задницей по камням, я крепился, но все-таки ерзал. Несколько раз слышал стук копыт, но всякий раз оказывалось, что чудится. Наконец в самом деле донесся приближающийся звон подков по твердой земле. Я повел плечами, послышался хруст заспавшихся суставов.

Солнце уже зашло, быстро темнеет, на фоне фиолетового неба с первыми звездами трое всадников вынырнули из-за поворота дороги как-то неожиданно резко. Все в доспехах, но без шлемов, ветер треплет волосы, лица беспечные. Я поднял лук, напоминая себе снова и снова, что это враги, замыслили меня убить вот так подло и неспортивно. И хотя приказ отдал вон тот, который впереди, но те двое не простые вассалы, а доверенные лица.

Все трое начали замедлять бег коней, я подивился, с какой точностью они определяют место, словно тот жук влез в ухо барону и шепчет, куда ехать и где остановиться.

— Зверей бьют и в спину, — напомнил я себе. — И потому не жмись.

Они проехали мимо, я вскинул лук и быстро выстрелил. Еще две стрелы пошли следом, передний всадник вздрогнул и почти подпрыгнул в седле. Двое вассалов упали на конские шеи и пытались удержаться, но быстро сползли на землю.

Я оглянулся на бледную женщину.

— Попытаешься сбежать, найду и убью!

— Нет-нет, господин...

Оставив лук, я с обнаженным мечом выбежал на дорогу. Один всадник лежит недвижимо, второй пытается ползти, однако ноги не слушаются, а барон сумел подняться в сидячее положение и с перекошенным от боли лицом тащит из груди окровавленный наконечник. У ног лежит обломанная часть с оперением.

Я резко ткнул острием меча в выемку между кирасой и подбородком, но остановил руку в момент, когда кончик пропорол там кожу.

— Зачем? — потребовал я.

Барон, крепкий мужик звероватого вида, посмотрел угрюмо и злобно.

— Без нас, — прогудел он, — тебе не удержаться в герцогстве. Ты не Хорнельдон и не его потомок.

— Может быть, — согласился я, — но куклой у вас становиться тоже не очень хочется. Или можешь предложить что-то получше?

Он на мгновение опешил, слишком быстро я понял, что он хочет сказать дальше, после паузы сказал:

— Я принесу вассальную присягу...

— Поздно, — ответил я. — От таких не принимаю.

— Но ты сам стрелял в спины!

Я кивнул.

— Вообще-то и лук церковь запрещает использовать против людей. Его можно только для охоты. Так что все дело в том, где провести грань... Я тоже, как понимаешь, отодвигаю грань, как мне удобнее.

Он сказал с надеждой:

— Тогда мы сможем договориться...

— Моя грань не настолько гибкая, — сообщил я.

Острие меча вошло быстро и почти без сопротивления, пока не уперлось в шейные позвонки. Кровь хлынула бурно, я отпрыгнул с мечом в руке, а барон повалился навзничь. Выждав чуть, я обшарил карманы, пояса и седель-

ные суммы всех троих, расседлал их коней и пошел к тому месту, где оставил связанную женщину.

В темноте белеет ее тело, она как легла по моему приказу, так почти и не пошевелилась, только платье каким-то образом задралось выше колен, белых и полных.

— Господин, — прошелестел ее голос, — вы... целы?

— А что, — спросил я, — твой хозяин был крут? Ладно, молчи. А то снова услышу про первого воина в деревне.

Я разрезал путы на ее руках, она сразу же прошебетала:

— Я соберу веток для костра?

— В такой темноте? — спросил я. — Глаза выколешь.

— Я... вижу.

— Тогда собирай, — разрешил я, ничуть не удивившись.

Пес, донельзя довольный, с шумом носился через кусты, опрокидывал коряги. За ним везде шум и треск, но ухитрялся ловить зверей, а кого-то и вовсе вытаскивал из нор, морда в земле по самые уши, приносил и ждал одобрения, пока я не сказал строго, что у нас тут не склад в ожидании похода целого войска.

Я мог бы, конечно, насоздавать еды, но хватит и того, что об этом знают некоторые лорды. Они «свои», у кого-то амулетик, который не стоит показывать церкви, у кого-то талисман, что-то вызывающий, у кто-то и сам умеет больше, чем человеку положено.

Адель умело распотрошила оленя, опасно нахваливая Пса. Он принял из ее руки требуху и жадно слопал, после чего лег и стал терпеливо ждать, когда же будет готово восхитительное жареное мясо.

Огонь угас, оставив россыпь крупных багровых углей. Последнее дымящее полено она выбросила, Бобик тут же сбегал, принес обратно и принялся тыкать горящим концом в руки Адель, предлагая продолжить великолепную игру.

Запах жареного мяса становился все сильнее, я смотрел и видел там лицо Илларианы, сердце начинало сжиматься болью. Лег и, закинув руки за голову, начал смотре-

реть на звезды, кое-где проглядывающие сквозь темные ветви.

Увы, и там смутный овал ее милого лица со звездными глазами...

— Мой господин, — послышался воркующий голос, — вам прожаренное на прутьях или на камнях?

— Без разницы, — буркнул я. — Уже готово?

— Да. Вот попробуйте это...

Запах щекочет ноздри, во рту помимо воли появилась слюна. Я взял из ее руки прут с нанизанными кусками коричневого мяса, исходящего паром, с нежно прожаренной корочкой.

Зубы вонзились с хрустом, сладкий сок брызнул на язык, ожег нёбо. Я начал пожирать с энтузиазмом голодного волка, мрачные мысли сами по себе, аппетит тоже сам по себе. Хотя кусок, как говорится, не лезет в горло, но он все-таки лезет, да еще как лезет, а на выходе из пищевода его хватают и жадно принимают в переработку, бросают в море желудочного сока и готовятся поймать на лету следующий.

Адель ела неторопливо, с деревенской жеманностью, поводила плечиками и откусывала по чуть-чуть, зато так удавалось чаще демонстрировать ровные жемчужно-белые зубки и красный сочный рот.

Я сделал вид, что у меня в седельной сумке кувшин с вином, принес и разлил по двум глиняным чашам. Адель мелко хихикала, строила глазки, пила понемножку, но быстро пьянела.

Меня вино не берет, мое проклятие, забыться никак, горечь из сердца не вымыть, я пил мрачно, смотрел тупо в багровые угли, где в их глубине часто бегают крохотные огненные человечки.

Адель начала ежиться, вздрагивать и обхватывать себя за плечи. Я наконец обратил на нее внимание, покачал головой.

— Ага, теперь мерзнешь?.. Надо было не терять мясо с костей. Чем пышнее формы, тем теплее. Женщины в теле не так мерзнут.

Она торопливо кивнула, сосредоточилась, нахмурила бровки и даже закусилась верхнюю губу, вид комичный и сиротливый. Очень медленно начала напухать грудь, на боках появились складочки, ключицы так и остались, разве что не так резко выпячиваются, бедра раздвинулись...

Все это время она не сводила с меня вопрошающего взгляда. Я понял правильно, мол, скажешь, когда хватит, но я мудро сделал вид, что не понял, и только когда формы начали превосходить те, в которых она появилась, я спохватился:

— Стоп-стоп!.. Ты куда разогналась? Уже не замерзнешь. Давай ложись. Вон укройся одеялом.

Не понимаю, почему после такой ночи, в общем-то обычной, женщины воображают, что у них появляется над нами какая-то власть или хотя бы рычаги влияния. Эта с утра цветет, чирикает довольно, расчесывает волосы, вообще-то длинные и блестящие, смотрит лукаво, будто между нами что-то произошло важное, а не слегка повязались среди ночи.

— Мой господин, — проворковала она, почти пропела, — мне вернуться... в худую?

Я пребывал в сумрачном состоянии, вытеснить или как-то сделать образ Илларианы менее ярким не удалось, все равно вижу ее серьезное лицо и укоряющие глаза.

— Не стоит, — ответил я равнодушно. — Хотя, как хочешь.

— Но мне показалось, вам так удобнее.

— Да нам все удобно, — буркнул я. — Для людей с воображением так и вообще никаких проблем.

Она победно улыбнулась, мужчины вообще-то существа бесхитростные, наши уловки всегда просты, нас может раскусить даже ребенок, если ребенок самочка.

Пес снова бежит впереди, Зайчик идет ровным галопом, женщина сидит за моей спиной, прижалась грудью, я прямо чувствую, как она время от времени меняется в размерах и плотности.

Когда добрались до развилки дорог, я остановил коня и спустил ее на землю. Она вспикнула, откинула голову назад и с изумлением смотрела мне в лицо.

— Ваша светлость?

Я протянул руку в сторону виднеющихся домиков среди роскошных садов.

— Это твое село?

— Да, ваша светлость, — проговорила она с настороженностью в голосе. — Вы угадали...

— Топай, — велел я безапелляционно. — Тебя родители заждались.

Она стояла ошарашенная, обескураженная, все надежды и честолюбивые планы рухнули разом. Я повернул коня в сторону Альтенбаумбурга, арбогастр уже сделал первый прыжок, когда за спиной раздался горестный вскрик:

— Ваша светлость, мой хозяин вами убит! Можно мне перейти в ваши слуги?

Из меня лезло автоматическое «нет», потом неожиданно для самого себя ответил:

— Можешь.

Зайчик рванулся с места в карьер, стены Альтенбаумбурга начали быстро приближаться. Я некоторое время вяло удивлялся себе, не сглупил ли, зачем мне такая, клин клином не вышибешь, да еще таким, но уже впереди выросли ворота, Бобик выбежал вперед и требовательно гавкнул, и все недостойные герцога мысли выпорхнули из головы, как испугнутые воробы.

Вообще-то Темная Фея выполняла для человечества нужную и важную работу. Особо закосневшие преступники, злодеи и сволочи исчезали из этого мира просто и незаметно. По ночам, когда все спят. Потому никто и не поднимал тревогу. Проще подумать, что такой-то ночью проснулся и куда-то ушел, что придумывать сложные построения наподобие Темного Мира.

Правда, если бы там все и оставались, было бы прекрасно. Несмотря даже на то, что в так называемых исправительных учреждениях никто не исправляется, а только

повышает квалификацию. Фиг с ними, пусть там уживаются, как хотят. Ссылали же в Америку, а потом в Австралию одних отпетых каторжников, а какие общества на-создавали!

Беда в том, что у кого-то на той стороне появилась идея совершить массовый побег. На эту сторону. И захватить власть над мирными и толстенькими обывателями. Но долгие годы, а то и столетия-тысячелетия это оставалось только сладостной мечтой, пока с этой стороны тоже не начали долбить стену.

Да, я вроде бы решил проблему в своем духе. Перевоспитал их всех разом и отпустил на свободу, как говорится, с чистой совестью. Угроза вторжения не просто миновала, а... исчезла. Ввиду исчезновения армии вторгателей, а заодно и самого мира, откуда бы вторглись.

Однако это значит, что те наиболее темные личности останутся здесь даже в самую темную ночь и даже в полнолуние. А это еще значит, что инквизиции работы прибавится. Как и палачам.

Глава 4

Артур Шницлер появился немедленно, однако вошел в кабинет тихо и не делая резких движений, вдруг да вспугнет важную мысль сюзерена. Всегда собранный, настороженный и с недоверчивыми глазами, он показался мне больше смахивающим на духовника, чем на управителя хозяйством.

Я поднял голову от бумаг на столе. Шницлер остановился и уставился в меня немигающими глазами.

— Ваша светлость...

— Та-а-ак, — произнес я, — чего это я тебя вызвал...

— Мне это неведомо, — сообщил он.

Я потер ладонью лоб.

— Что я хотел... ага, вот!.. Я сегодня отбываю по важным делам.

Он спросил быстро:

— Надолго?.. Простите я должен знать, чтобы...

— Просто отбываю, — повторил я веско, — по делам. Ты должен вести хозяйство так, словно моя светлость отличилась очень надолго, однако... будь готов к тому, что могу вернуться в любой момент. Вернуться и потребовать отчет, что ты тут натворил.

Он ответил с поклоном.

— Все понятно, ваша светлость.

— Не мечтай обворовать, — сказал я с угрозой, — и сбежать. Здесь должны понять, что такой орел и под водой найдет. И в земных норах. Марселю я уже сказал все необходимое. Вы с ним... эта, взаимодействуете?

— Даже дружим, — заверил он.

— Это хорошо, — сказал я и пояснил: — Я это учитывал, когда назначал тебя управляющим... лишь бы теперь ты не задрал нос.

Он сказал торопливо:

— Ваша светлость! Мы знаем, с вами не задерешь.

— Вот и хорошо, — ответил я, — оставайся на хозяйстве, но помни, я все вижу. Теперь иди.

Он повернулся и быстро дошел, почти добежал до двери, но там обернулся и, неслыханная дерзость, спросил настороженно:

— Ваша светлость... вы отбудете по делам как герцог Альтенбаумбурга? Или снова, аки странствующий рыцарь?

Я посмотрел на него строго.

— Хочешь спросить, еду открыто под рев труб или же исчезну тайно, подобно ночному вору?

— Ваша светлость, — ответил он уклончиво, — это очень важно.

Я сказал веско:

— У вас был необычный герцог. Так ведь?

— Так...

— И теперь у вас тоже хозяин не совсем простой, — сообщил я. — Потому не задавайте лишних вопросов. И ничему особо не удивляйтесь. Я могу покидать крепость под

взмахи платочков и слезы юных дев, но могу и незаметно. Главное, Артур, я вернусь!.. И спрошу, кто как себя вел и в чей колодец плевал.

Он поклонился, толчком натренированного зада открыл дверь и скрылся на той стороне.

После его ухода я позволил сойти с лица беспечному выражению сильного и уверенного в себе человека. Герцогство нужно покинуть срочно, слишком все напоминает об Иллариане, здесь точно сойду с ума. Все время вижу ее в залах, на веранде, на вершине башенок, чудится ее чистый детский смех, ловлю непередаваемый запах ее волос...

Но ехать к побережью и ждать Ордоньеса — долго. Можно, конечно, отправить с ним только арбогастра и Адского Пса, а самому махнуть в Сен-Мари на крыльях, но неизвестно еще, согласятся ли мои четвероногие друзья слушаться посторонних, даже если я им сам прикажу строго-настрого.

Можно, конечно, попробовать челночное управление: слетать в Гандерсгейм, показаться, поучаствовать в военном совете и принять участие в одном из сражений, затем вернуться в Альтенбаумбург...

Я все-таки не готов и не могу принять, что женщина пожертвовала своим счастьем для меня. Мы все еще эгоисты, гордимся, что можем ради женщины пожертвовать многим, а то и всем, вот такие мы широкие, бесшабашные, замечательные, но когда ради нас жертвует женщина — это дико и противоестественно. Такое вообще нас оскорбляет и заставляет чувствовать себя менее могущественными и как бы не полными властелинами вселенной.

Пес бодро примчался на свист, едва не проломив стену, а конюхи сделали вид, что вывели моего коня, когда он вышел степенно, держа их висящими на удилах по обе стороны его умной аристократической морды.

— Вот что, зверюки, — сказал я, — давайте-ка проверим одну идею...

Воздух горячий, я ощутил, что начинаю обливаться

потом, едва мы миновали ворота Альтенбаумбурга. Горячий и непривычно плотный, если встречный ветер сорвет с меня сюрко, оно повиснет, раскинув полы крыльев, и будут опускаться медленно-медленно, успею съездить по делам, вернуться и подхватить раньше, чем коснется накалиенной земли.

Пес мчится с распахнутой во всю ширь пастью и высунутым языком. Похоже, у него, как и вообще у собак, кожа не пропускает воду, потому приходится вот так с высунутым языком, в то время как арбогастр мчится ровно, словно нет никакой жары... Хотя вообще-то, если вспомнить, из какого ада я его отнял...

Дорога вывела в безлюдную местность, я начал придерживать Зайчика, по сторонам осматривался на случай, вдруг кто видит, куда мы отправились.

Арбогастр сочувствующе сопит, чувствует мое состояние, даже беспечный Пес перестал шарить по кустам и держится рядом, поглядывает с вопросом в глазах: а ты нас любишь?

— Люблю, — ответил я со вздохом. — Я вас очень люблю. Вы мои самые замечательные... А я — ваш.

Выбравшись в небольшую дикую рошу, я оставил Зайчика и Пса в тени раскидистого ясеня, велел ждать, скоро приду, а сам перебежал через ближайший гребень и, спустившись на дно каменистой котловины, велел себе превратиться в огромного дракона. Самого огромного из тех, кто может подняться на предельную высоту, где воздух разрежен, и ни одна живая тварь уже туда не может, и чтоб скорость мог развить небывалую.

Беспамятство длилось тревожно долго, а я уже надеялся, что с каждым превращением сокращаю этот период, наконец зрение очистилось, земля подо мной отодвинулась, лапы длинные, тело не совсем драконье, у тех не бывает таких великанских крыльев, сейчас я совершенное существо для полета, не слишком приспособленное для боя, зато могу лететь с такой скоростью, как никогда не летал.

Надо будет засесть время, за которое домчусь до Гандергейма...

Красивый, могучий и величественный, я поднимался мощными рывками, пока только вверх, хочется сперва окинуть взглядом всю Вестготию или хотя бы ее большую часть, чтобы потом составить самую точную карту.

Воздух все прохладнее, земля внизу уменьшается просто стремительно. Дерево, под которым ждут меня арбогастр и Адский Пес, превратилось в былинку, затем в едва различимую травинку, потом облачный покров полностью скрыл все внизу, а я продолжал подниматься, хотя ощутил, как воздух в самом деле становится все реже, а опоры для крыльев здесь меньше.

Жаркое солнце яростно жжет сравнимые по прочности с титановой броней щитки на спине и шее, мир прекрасен, я всемогущ, сейчас рванусь по горизонтали быстрый, как молния, и несокрушимый, как горная лавина...

Страшный и леденяще внезапный удар обрушился сверху. Резкая боль пронзила все тело. Пасть моя раскрылась для рева и осталась в таком положении: тело не слушается. Я снова попытался вскрикнуть, воздух начал стремительно уноситься вверх со всех сторон, я с ужасом ощутил, что падаю.

Земля и небо замелькали, быстро сменяя друг друга. Крылья рвет ветром, кости трещат, острая боль терзает тело все сильнее. Я попытался пошевелить хотя бы пальцем, но онемевшее и чужое тело не откликнулось...

Паника ударила в голову с силой молота: никакая регенерация не просыпается при перебитом позвоночнике, я закрыл глаза и попытался сквозь боль и страх пробудить ее усилием воли, увы, в ответ только боль и полностью парализованное тело.

Страх и обреченность часто-часто стучали в мозг, как острые молоточки. С этой высоты упади хоть на перину — разобьюсь, как переспелая груша. Лапы, голова, чешуя разлетятся при ударе на полмили. Неведомый удар с высоты пришелся в середину позвоночника. Спинной

мозг перебит или вообще разорван на две части, это значит, ни крыльями, ни лапами уже не шелохну.

Отчаянная жажда жизни, не человеческая, а древняя инстинктивная, тряхнула и заставила лихорадочно искать хоть что-то для выживания, ну хоть ничтожный шанс.

Я видел приближающуюся землю и понимал с тупой обреченностью, что таких шансов нет. Лес еще выглядит мшистым темно-зеленым болотом, но меня легонько сносит правее, а там желтая проплешина, что отсюда выглядит почти как пляж, но это каменистая насыпь...

До земли осталось меньше расстояния, чем я уже пролетел камнем, когда новая бешеная надежда ударила в мозг: а если попытаться превратиться прямо в падении?.. Именно в той части, что все еще связана с мозгом?

Я хрипел, стонал, шипел бессильно, ничего не происходит, я все тот же живой труп, падающий на острые скалы, что пронизут мое огромное грузное тело, как острия пик... Острая боль наконец затопила сознание, я чувствовал, как тьма захлестывает меня всего, это можно рассматривать, как спасение — умереть еще до страшного удара о землю...

Тело мое слабо трепыхнулось, я задержался в отчаянной надежде, меня трижды перевернуло, свирепый ветер начал выламывать крылья. Я не рискнул их растопырить во всю ширь, только осторожно выдвигал чуть-чуть, усиливая нагрузку, еще не понимая, почему они такие слабенькие... но я и сам уже настоящая мелочь, если сравнивать с тем могучим драконом, что сейчас в виде тучи песка и камней падает, сильно опережая меня, на каменное плоскогорье.

Тело еще визжит от боли, хотя, как мне показалось, на это хилое тело птеродактиля хватило материала только из огромной и массивной головы дракона. Ее неведомый удар с высоты не затронул, а тело великолепного дракона уже ничто не спасет...

Суставы трещат, я задержал дыхание и, собрав все силы, продолжал выдвигать крылья. Земля приближается слишком быстро, уже различаю даже мелкие камешки, еще чуть...

Падение камнем превратилось в падение планированием, я хрипел, стонал, регенерация сейчас спасает выворачиваемые встречным ветром плечевые суставы. Земля пугающе летит навстречу, я растопырил крылья, там треснуло, стегнула острая боль, меня понесло по дуге.

Я поджал лапы, больно чиркнуло животом по земле, я почти продолжил взлет, но силы кончились, я захрипел и упал с мертвыми крыльями.

Удар с высоты своего роста совсем не удар, меня распластало на спине, бесстыдно брюхом кверху, совсем не по-птеродактильи, так можно бросить только мертвого, но я лежал и часто-часто дышал, а вопящее от боли тело спешно заживляет переломы, порванные связки, ушибы, рассасывает гематомы, насыщает кровь кислородом.

Наконец я застонал, перевернулся на брюхо. Там сейчас длинный багровый шрам от раны, ее получил, когда задел землю, но боль уходит, мозг очищается. Непонятно, что меня так садануло сверху. Я всегда считал, что спина у меня самое защищенное место, так как смотрю обычно вперед и вниз, а если кто вздумает напасть сверху, пусть обломает зубы о костяные плиты особой прочности.

Однако некто могучий ударил именно в это самое защищенное место, словно для него все едино: комара прибить или дракона. Теперь могу смутно вспомнить, как в доли секунды нечто снесло толстые шипы гребня, проломило все перестроенные плиты защитной брони, как если бы толстой палкой кто-то решил испробовать на прочность яичную скорлупу куриного яйца, прожгло колодец в мышцах спины и безжалостно рассекло спинной мозг надвое, не замечая даже, что он защищен прочными кольцами позвонков.

За спиной раздались грохот, частое сопение. Я в ужасе начал поворачиваться, уже чувствуя, что не успеваю. На меня обрушилось нечто огромное, тяжелое, прижало к земле. Я жалко каркнул, огромная красная пасть с острыми как ножи зубами щелкнула ими перед моим носом, а

длинный язык с чмоканьем облизал мне морду так, что залепил глаза.

Я всхлипнул, едва не потеряв сознание от невероятного облегчения.

Через пару минут, уже вернувшись в тело человека, я обнял Бобика, примирительно улыбнулся внимательно рассматривающему нас арбогастру.

Он фыркнул, мотнул головой. Я сказал торопливо:

— Простите меня, дурака!.. Таился от вас, прятался, все в тайне... Как не пришло в голову, что вы меня узнаете под любой шкурой! И любите в любом облике, вы не люди какие-то!.. Ну что я за дурак...

Бобик все норовил облизать уже и в людской личине, потому что в прежней не считается.

— Возвращаемся, — сказал я. — Я сильно ударился головой... и теперь она полна идей.

Глава 5

В распахнутые ворота Альтенбаумбурга я въехал полорды: в одной руке повод, другая горделиво уперта в бок, а сам слегка откинут корпусом назад, чтобы всех оглядывать снисходительно и свысока, однако чувствовал себя по-прежнему жалко.

Когда-то посмеивался над всякими психологическими травмами, фигня какая-то, бывают только физические, остальное все придуманное, но сейчас даже на Зайчике сидел с опаской и все посматривал наверх, втягивая голову в плечи, вдруг да поняли, что я все-таки уцелел, решат добить.

Среди выбежавших навстречу слуг узнал и Адель, чистенькая и сияющая, с румяной мордочкой и зовущими глазками, торопливо опустила на колени, не опуская головы.

— Мой лорд...

— Ты уже здесь? — удивился я. — Ладно, скажи Артуру Шницлеру, это здешний управитель, пусть устроит. У не-

го мало челяди, любимчики разбежались после гибели их хозяина.

Она поднялась с колен и вскинула сияющие глазки. От улыбки сразу образовались милые ямочки на щеках.

— Уже сказала, — прошебетала она. — Он дал мне место и работу.

— Ага, — сказал я, но не стал спрашивать, что за место и что за работа, не лордье дело интересоваться такими мелочами, — ну да, ты же шустрая.

Стараясь не смотреть в низкий вырез ее платья, я соскочил на землю, бросил повод конюхам и отправился в донжон. Одного из стражей отправил на склад, велел принести крепкие веревки и широкие кожаные ремни.

Бобик забежал в мои покои первым, сделал круг и выбежал, сообщив на своем языке, что надо проверить, не разгневался ли народ на кухне, за ними тоже нужен глаз да глаз.

— Иди-иди, — сказал я вдогонку, — набирайся сил. Они тебе понадобятся. Еще как!

Я едва успел забросить в желудок пару ломтей буженины и кусок козьего сыра, как в коридоре послышались тяжелые шаги, я с сожалением отказался от чашки кофе.

Вошли, нагруженные мотками веревок и ремнями, двое из челяди, за ними сам управитель, демонстрируя рвение, с двумя большими мешками под мышкой.

Я указал на пол, оба осторожно и аккуратно сложили, на их лицах сдерживающее недоумение, но уже знают: у нового лорда даже причуды не причуды, а нечто важное и очень нужное.

Артур спросил почтительно:

— Ваша светлость, такие веревки?

Я оглядел, кивнул.

— Да, подойдут. Зачем?.. Ну это же понятно! Ночью превращу в змей. Пусть ползают по крепости и подсматривают, кто и что делает непотребное. И подслушивают!

Он отшатнулся в испуге.

— Ваша светлость!

— А что? — спросил я хладнокровно. — Это же так интересно... Ладно, я пошутил. Хотя было бы интересно, как думаешь?

Он вздрогнул.

— Интересно, ваша светлость... но так делать нехорошо.

— Ого, — сказал я, — так ты, выходит, человек с принципами? Так жить труднее, но достойнее. Хорошо, Артур, тем спокойнее оставляю крепость в твоём управлении. Не полном, конечно. Не забывай, у Марсея свои немалые обязанности.

— А ремни?

— Подойдут, — заверил я. — Складывайте в мешок.

Пока они заталкивали веревки и ремни в мешки, я быстро сотворил за их спинами чашку горячего крепкого кофе, выпил, обжигая глотку, чашку швырнул в окно.

Управитель косил глазом, зачуяв незнакомый дразнящий запах, но промолчал, тщательно завязал мешки, а челядины вскинули их на плечи.

— За мной! — велел я.

Во дворе Пес носится с довольной мордой, на кухне как будто ждали его прихода, посмотрел на меня и ринулся в распахнутые ворота конюшни.

Арбогастра вывели, что-то пережевывающего на ходу хрустящее. Судя по напряженным лицам конюхов, зубы размалывают явно не зерна овса.

Я жестом велел прикрепить мешки по обе стороны седла. Артур Шницлер наблюдал серьезными глазами, сдержанный и с непроницаемым лицом.

Пес прыгал вокруг и пытался стащить мешки на землю, будто догадывался, что я придумал.

Я сказал громко:

— Какое-то время меня здесь не будет. Но прослежу за всем, что здесь происходит!.. И если что пойдет не так, явлюсь немедленно и страшно покараю всех, кто осмелился. Да, кто осмелился. Помните, я добр и милостив, но... страшен в гневе!

Исократ, учитель Демосфена, в свое время советовал правителю: не делай ничего в гневе, однако делай вид, что весьма раздражен, когда тебе это удобно.

Я ни разу не показал в Альтенбаумбурге свое раздражение, но, думаю, необходимости нет: моя страшная слава, как уверяют со всех сторон, бежит впереди меня. Так что, думаю, никто не осмелится ни посягнуть на мои земли, ни на мои права сюзерена.

Арбогастр несется почти по прямой, и хотя трижды дорогу пытались загородить широкие трещины, но Пес лихо перепрыгивал с разгону, сердце мое почти обрывалось и падало в голенища сапог, Зайчик тоже с такой силой отталкивался от земли, что меня едва не сдувало, хотя я и вцеплялся, как голодный клещ.

Крутые склоны нас не останавливали, я уже видел вдаль тот самый Край, за которым внизу в страшной пропасти расположились земли Сен-Мари, однако дальше дорогу загородили огромные камни.

До Края еще мили две, на коне не проехать, даже на таком. Правда, как-то должны были пробраться Вильярд, Алонсия, Боудеррия и маг Дреслер, но это уже их проблемы... хотя, конечно, пешком пройти, где протискиваясь между этими чудовищными глыбами, где перелезая поверху, не так уж и смертельно.

Я соскочил на землю, Бобик с интересом смотрел, как я снимаю мешки и вытаскиваю из них веревки и широкие ремни, ринулся помогать и, ухватив второй мешок, побежал с ним, взбрыкивая, как молодой козленок.

— Стоп, — крикнул я строго. — Неси обратно! Это не игрушки.

Он смотрел с обидой, вообще-то все на свете — игрушки, как это я не понимаю такой простой вещи.

— Да понимаю, — ответил я, — понимаю. Если бы люди не превращали все в игрушки и в хи-хи, давно с ума бы посходили. Но сейчас я серьезен, как сова в дупле.

Арбогастр смотрел с недоумением, когда я поддел под

его брюхо широкие ремни, один под грудь, а на спине завязал что-то вроде красивого праздничного банта.

Бобик вертелся, брался помогать мне, хватая зубами ремни и дергая в разные стороны, наконец я и его увязал, все время повторяя, что теперь он красивый, вон Зайчик с ума сходит от зависти.

На этот раз я не стал прятаться, просто отошел в сторону и, присев к земле, начал представлять, как становлюсь драконом средних размеров, без толстых плит защиты на спине, зато с надежными крепкими крыльями.

Когда зрение очистилось, увидел, что арбогастр и Бобик смотрят все-таки с беспокойством, Бобик даже отступил на несколько шагов.

Я улыбнулся им. Бобик зарычал и отступил еще дальше.

— Это я, — проскрипел я непослушным голосом, — и это ненадолго...

Толчок, меня вскинуло в воздух, сразу же трусливо посмотрел на безоблачное небо. В синеве неспешно плывет, лениво помахивая косыми крыльями, стая гусей. Не догадываются, что некая сила наверху косвенно защищает их от крылатых чудовищ. Или же защищает себя, чтобы никто не поднялся в запретные высоты, но все равно страшно даже здесь.

Я сделал круг, снизился, арбогастр при моем приближении инстинктивно сделал скачок в сторону, но я ухитрился ухватить когтями за торчащие сверху петли над их спинами. Непомерная тяжесть дернула меня книзу, Бобик взвыл дурным голосом. Я стиснул челюсти, рванулся изо всех сил и, оторвавшись с грузом от земли, поплыл над россыпью камней.

В черепе стучит только одна мысль: надо было строить крылья еще шире. Не дотяну, уже кости трещат, и сухожилия вот-вот порвутся...

Внизу проплывает россыпь острых глыб, Край приближается медленно, я задержал дыхание и судорожно работал мышцами. Впереди открылась бездна, я из послед-

них сил сделал отчаянный рывок и, распластав ноющие крылья, перешел в планирующий полет.

Бобик завизжал над бездной, арбогастр нервно фыр-кал, их раскачивает, я выждал, всматриваясь, как далеко внизу поверхность зеленого болота превращается в лес, снова с усилием ударил усталыми крыльями о воздух.

Нас опускает чересчур быстро, но опускаться — не карабкаться с грузом вверх, я пыхтел, стонал, взрывывал, земля перестала мчаться навстречу, а приближается медленно и величаво.

Когда до нее осталось совсем немного, я выложился, почти завис над россыпью камней и опустил свой груз предельно нежно. Сам упал на камни рядом, отсапывался, чувствуя, как мощно бьется огромное сердце, потом решил на обратную метаморфозу.

Голова чуть не лопнула, поторопился, но вылез из кучи песка на большой валун, сердце радостно трепыхнулось: арбогастр взобрался на обломок скалы и осматривается, а Бобик с рычанием грызет ремни, обхватившие его могучую грудь.

— Морды, — сказал я с чувством, — как же я вас люблю!

Мы на россыпи камней, с отвесной стены Края все-таки за тысячелетия напададо достаточно, чтобы здесь никто не жил и вообще сюда никто не приближался. Камни с острыми гранями, блестящие, еще не обкатанные ветром, дождями и ливнями.

Чуть дальше из-под таких глыб кое-где торчат черные обработанные камни, я не сразу признал надгробные. Древнее кладбище завалено этими обломками почти полностью, только верхушки самых высоких еще видны, да кое-где заметны сферические купола склепов.

Веревки и ремни я оставил на камнях, в седельном мешке только черная корона да цепочка со странным медальоном, которую снял с груди убитой женщины-змеи. А еще россыпь непонятных нагрудных знаков особо отмеченных воинов Темного Мира. Если не считать тех монстров, что проникли в наш мир до того момента, как я

вычеркнул его из бытия целиком, это редчайшие реликвии.

Освобожденный Пес прыгает вокруг и смотрит с надеждой: помчимся? Наперегонки?

За спиной гордо и зловеще поднимается к облакам отвесная и угнетающая одним видом стена Края. Понятно, селиться никто здесь не станет, слишком нехорошая земля, одни камни и обломки скал, что свалились когда-то и могут свалиться снова. Здесь они всюду в несколько слоев, крупные и мелкие, даже цепкой траве не удастся пустить корни.

— Мы почти на месте, — сказал я. — А теперь поторопимся!

Арбогастр недовольно фыркнул, я быстро оглянулся. Из треснувшего купола склепа выбралась наверх и разогнулась, призывно глядя на меня, молодая изящная женщина с нежным, как у белорыбицы, телом. На плечах черный плащ из грубой материи, но под ним ничего лишнего, в разрезе до пояса голая нога, на груди плащ небрежно скреплен двумя крупными пряжками.

Кожа блее, чем у речного сома, никогда не выдавшего солнца, волосы черные, пышные, падают на спину свободно и раскованно. У меня сразу почему-то в воображении они красиво так это раскинулись на подушке.

Женщина взглянула на меня с ожиданием, мужчинам вот так стоит только показаться, дальше все само, эти существа предсказуемы, ничего нового, да и зачем...

Бобик посмотрел на нее абсолютно равнодушно, Зайчик тоже не повел глазом, что значит, в данный момент и в два-три следующих эта красotka не бросится с оскаленными зубами к моему горлу.

— И далеко так спешишь? — спросила она чарующим голосом. — Ты, по всему видно, герой...

— Герой, — согласился я. — Особенно за обедом. И чтоб ложка побольше.

Она уловила сожаление в моем голосе, качнулась всем телом, по нему словно пробежала музыкальная волна.

— По такой жаре, — произнесла она томно, — нужно в тень...

— Ты права, — согласился я.

— Не хочешь отдохнуть?

— Конечно, хочу, — ответил я и посмотрел на нее как на последнюю дуру, как такое не понимает сразу, — еще как!

— Тогда оставь коня в покое, — произнесла она мягко, — у меня там тень и прохлада.

— Эх, дорогая, — ответил я досадой, — если б ты знала, как мне хочется побыть простым, совсем простым зольтатом!.. И, как они говорят, прильнуть к твоим персям, а они, надеюсь, холоднующие?.. И вся ты... прохладненькая? В такую жару самое то... Да еще когда я так разогрелся, что скоро тепловой удар. Но, увы, я уже герцог, а это значит, работы все больше и больше. А я человек, никогда бы не подумал о себе такое, ответственный, представляешь?.. До сих пор сам не могу поверить. Скажи-ка, дорога на Геннегау вниз или вот туда влево?

— Вниз, — ответила она автоматически. — Но на обратном пути можешь заглянуть ко мне. Ты не такой, как все остальные.

— Правда? — спросил я и приосанился, до чего же приятно, когда такой весь из себя необыкновенный, хотя и сам это знаю, но слышать от других всегда приятно.

Она сообщила:

— Необычный ты. Любой другой уже удирал бы с диким воплем, а то и поседел бы прямо здесь. А ты вот все понял, но даже голос не дрожит...

— Чего пугаться, — возразил я. — Чем ты отличаешься от других?

— Я холодна как лед, — сообщила она.

— В такую жару сойдет, — ответил я в тон. — Сейчас намного противнее бабы жаркие и потные. А что они живые, а ты нет — нам какая разница, если честно? Настоящий мужчина на такие мелочи не обращает внимания. А у тебя и фигура вон просто чудо в нужных местах. Ты и на

груди одну пряжку расстегни... Верхнюю, так эротичнее. Нижняя пусть, надо оставить работу воображению... Ладно, надо торопиться, а то без меня таких дров наломают!

Я взобрался в седло, вскинул руку в прощании. Зайчик понял и ринулся большими скачками, но Адский Пес снова ухитрился обогнать, меньшая масса требует меньше времени для разгона.

Про выкопавшуюся из склепа тут же забыл, ей хватило стандартного набора начинающего убалтывателя, дура. Хотя, может быть, и не такая уж и дура, другие же попадают. Почему не сказать в очередной раз, что это я такой хитрый?

Мужчина должен говорить женщине приятное, этого требует учтивость, а порой и сердце... Но клятвы, которые даешь в ночь любви, теряют силу к утру. Нарушение их — грех прощительный... Ведь яблоком нас соблазнила как-никак женщина! А уж что сказал вот таким, кого встречаешь по дороге... это вообще не считается.

Арбогастр, похоже, выдал наконец-то свою предельную скорость. Или близкую к ней. Мимо мелькают леса, горы, города вообще проносятся вдаль как мимолетные призраки, да и не так уж населено королевство, чтобы я хоть где-то пронесся по людным местам. А если кто и увидит издали, то одной легендой о Призрачном всаднике больше, одной меньше.

В стороне остался Тараскон, до него много десятков миль вправо, затем так же миновал Геннегау — до этого десятки миль влево, а мы летим, как стрелы, прямо и прямо.

Могучая крепость Брабанта появилась на горизонте, тут же вжикнула мимо, а я торопливо начал придерживать арбогастра. Это муравей может остановиться моментально, как и с места набирает предельную скорость, но Зайчику пришлось двигаться почти юзом, садясь на круп, еще почти десяток ярдов, а за нами остались четыре глубокие борозды от копыт.

— Мы в Гандерсгейме, — сказал я вслух и ощутил,

что некие тиски, сжимающие грудь, медленно отпускают. — Мы почти дома.

Поколебавшись, я соскочил, Бобик тут же подбежал и, сев на толстый зад, начал искательно смотреть мне в лицо: будем играть? Или ловить всяких зверей?

— Ребята, — сказал я с неловкостью, — надо отыскать войско, а вслепую как-то недостойно лорда. Глава похода должен знать, кто где и почему... Потерпите, сегодня я в последний раз... Бобик, не бойся, летать не будешь...

На этот раз я даже не стал уходить в сторону, присел к земле, касаясь ее кончиками пальцев, а через несколько секунд поднялся уже птеродактилем, худым, костлявым, невзрачным, только с хорошим размахом крыльев. Даже сознание лишь помутилось чуть на миг, но беспамятства не было.

Оба смотрят на меня с укором, я взлетел в небо, начал подниматься, кругозор расширился во все стороны, как круги по воде, и почти сразу я увидел вдали крохотные шатры, скопление повозок, медленнодвигающиеся гусеницы конных или пеших колонн.

Я ругнулся на свою неуверенность, надо было переть дальше, как раз бы прибыл прямо к шатру графа Ришара, его спутать с другими невозможно: и на небольшом возвышении, и самый просторный...

Прошелся на большой высоте, рассматривая, сравнивая, запоминая расположение отрядов. Хотя у нас единое войско, сплоченное одной благородной идеей захвата этих ничейных земель, так как варвары не в счет, но старая феодальная система во всей красе: могучий отряд герцога Ундерлендов благороднейшего сэра Ульриха держится особняком, рядом с ним могучее войско брабандцев, узнаю пурпурное знамя с золотым львом, фамильный герб Валленштейнов...

В центре, естественно, могучее войско армландцев, самое многочисленное и закаленное в боях, оваянное славой, воспетое в песнях и внушающее почтительный страх противникам и зависть лордам Сен-Мари. С этой сторо-

ны довольно большой отряд рыцарей и пеших воинов королевства, в их составе много арбалетчиков, лучников, компактно держатся копейщики...

Присмотревшись, различил мелкие конные отряды, а то и просто разъезды сэра Норберта, он окружил ими войско на больших расстояниях, перекрыв все возможные пути, никто врасплох не застанет.

Со стороны незанятых территорий двигается рыцарский отряд человек в сорок, с ними не меньше сотни тяжелооруженных всадников. Впереди скачет на покрытой цветной попоной в шахматку пышно разодетый рыцарь. Богатый ярко-красный султан на конском лбу, такой же на шлеме хозяина, доспехи сияют, как солнце, посадка хвастливая, беспечная, полная бравады и веселья.

Подъезжая к группе военачальников, он снял шлем и передал пажу, но я и так узнал бы Арчибальда Вьеннуанского, всегда веселого и белозубого, единственного сына могущественного лорда Чарльза Фуланда, первого из крупных вельмож Сен-Мари, что признал мою власть и отправил ко мне на службу сына.

Я спланировал между деревьями и каменной грядой, постарался под их укрытием пройти как можно дальше на тот случай, если кто увидит приземление небольшого дракончика и вспыхнет желанием прибить для трофея.

Камни загрохотали под лапами, я цыкнул на самого себя, быстро прижался к земле и начал твердить себе, что давай быстрее, еще быстрее...

Снова обошлось без потери сознания, только глаза заволокло пеленой на миг, уже стою на четвереньках и тупо смотрю, как подо мной два муравья старательно ташат полудохлую осу.

Издали донесся частый стук копыт, я перевел дыхание и торопливо взбежал на гребень. Всадник уже близко, веселый и жизнерадостный варвар, молодой, солнце играет на загорелых плечах, на груди болтается цепочка с нанизанными зубами не то волков, не то медведей.

Я оттолкнулся с таким усилием, что мышцы затреща-

ли, скала здесь не совсем вертикальная, всадник скачет по середине дороги, не под стеной...

Он почти миновал меня, когда я обрушился сзади на конский круп, больно ушибся лицом о его затылок, но сразу же ухватил за горло, а другой рукой с силой ударил в висок.

Конь завизжал и, встав на дыбы, попытался сбросить меня себе под задние копыта. Я удержался, тогда он понесся во всю мочь по тропе. Я перехватил повод, степняк болтается передо мной, как тряпичная кукла, кое-как повернул коня и направил его в сторону рыцарского войска.

Он прохрипел:

— Ты... кто?

— Хозяин Гандерсгейма, — ответил я.

Арбогастр и Бобик выметнулись на свист, как два угольно-черных камня, падающие с высокой скалы. Степняк увидел оскаленную пасть Адского Пса, тот мчится рядом и ждет, когда тот соскользнет на землю, охнул и перестал вырываться.

Холм с шатром графа Ришара приближался медленно, конь под нами уже задыхается, не рыцарский, не говоря уже о Зайчике, тот нес бы с легкостью, этот же начал хрипеть еще на подъеме.

Навстречу ринулись легкие всадники охраны, я видел вытаращенные глаза и непомерное удивление на лицах.

Я столкнул пленника на землю перед шатром Ришара. Полог распахнулся, на пороге появился Ришар с весьма недовольным лицом, высокий, загорелый, седые волосы только подчеркивают мужественную красоту лица, как и обилие шрамов.

— Что за шум? — рыкнул он, став еще больше похожим на стареющего, но еще могучего льва. — Кто...

Он осекся, увидев сперва арбогастра в полной сбруе, но с пустым седлом, затем довольного Бобика, тот напрыгнул, напоминая, что Ришар когда-то бросал для него палку.

Граф отшатнулся в непомерном изумлении. Охрана

схватила вскочившего пленника, он рвался из их рук, но дюжие воины заломили руки за спину.

Я соскочил с захваченного коня, Ришар ахнул и пошел навстречу. Я не дал ему преклонить колена, обнял, сдвинул, похлопал по спине.

— Как же хорошо, — вырвалось у меня, — вернуться!

Глава 6

К нам сбегались рыцари, оруженосцы суетливо заскакивали в шатры, там начиналось волнение, судя по колышущейся ткани, выскакивали ошалелые военачальники и вытаращенными глазами смотрели в нашу сторону.

К моему удивлению, первыми подошли Митчелл и Будакер. Митчелл после победы над Сен-Мари спешно вернулся в свои армландские владения заканчивать тяжбы с соседями, а Будакер, который первым привел к Тоннелю свой отряд и отважно сражался в Сен-Мари, после победы точно так же вернулся в свои земли, убедившись, что успешно сломали сопротивление, как варваров, так и королевских войск.

Я обнял их по очереди, в груди защипало. Митчелл неуклюже улыбался во весь рот, даже красивый в своей некрасивости, а Будакер произнес почтительно:

— Ваша светлость...

— Вы первыми явились на мой зов, — прервал я, — и сразу же отбыли по домам, не дожидаясь дележа трофеев. И вот вы снова здесь, как только я протрубил сбор... Но на этот раз вам не скрыться от моей благодарности!

Митчелл развел руками.

— Сэр Ричард, вы и так нас обоих наградили сверх меры. Мои земли в Армландии хороши, у меня лучшая в мире жена, двое прекрасных сыновей... чего еще? Я не свинья какая-то ненасытная.

— Человек всегда ненасытен, — заметил я, — и должен таким оставаться. Во имя прогресса! Передавай по-

клон Даниэле. Я с нежностью вспоминаю время в Бранте...

— ...а я сидел в подземном застенке, — добавил он со смехом.

Нас постепенно окружали наши военачальники, подошел благородный сэр Альвар Зольмс, молодой и с сияющими глазами, чем-то похожий на Арчибальда Вьеннуанского, только не так пышно разодет, он был бы похож на придворного хлыща, если бы не пропеченное солнцем лицо, шрам на скуле и поменьше — на подбородке, за ним ясноглазый Палант, младший сын сэра Гевекса, тут же быстро подошел, словно прыгнул навстречу, хищнолицый сэр Ульрих, виконт Росбент, герой взятия Стального Клыка, на поясе непривычные для рыцаря его ранга два ножа: длинный с узким лезвием, и широкий короткий, сам в удививших меня еще тогда блестящих доспехах, что не просто отражают свет, а странно переливаются, словно созданы из жидкого, но холодного металла.

Взгляд упал на сдержанно улыбающегося сэра Герцлера, я сразу покосился на рукоять его меча: в ножнах вроде бы обычный клинок, да он и самый весьма рядовой днем, однако помню, как ночью освещал дорогу целому отряду, словно бегущая впереди дюжина скороходов с пылающими факелами в руках.

Через головы я заметил стеснительно остановившегося юного рыцаря в доспехах, но с непокрытой головой. Это очень узкое удлинненное лицо с внимательными синими глазами, длинный нос и красиво очерченные губы ни с чьими не спутать, даже уши вытянутые и заостренные, но не слишком, это он весь удлинненный и заостренный, а уши соответствуют общему дизайну.

— Макс, — крикнул я и помахал ему рукой. — Не хочешь дать обнять себя?

Он поспешно подбежал, довольный и сияющий, что сюзерен обратил внимание, я обнял, отстранил на вытянутые руки и сказал торжественно:

— Кто не знаком с доблестнейшим бароном Макси-

милианом фон Брандесгертом — спешите подружиться! Этот рыцарь воплощает в себе все достоинства нашего сословия и начисто лишен его недостатков.

Граф Ришар улыбался, но напомнил:

— Наш друг Макс всего лишь виконт. Вы пожаловали ему надел в землях Эльбеф.

Я хлопнул себя ладонью по лбу.

— Как?.. Я же велел составить указ о присвоении титула барона! И подобрать соответствующие владения...

— Не выполнено, — сказал граф Ришар.

Я сказал с досадой:

— Ладно. В Сен-Мари уже мало земель, а здесь много.

Макс сказал стеснительно:

— Ваша светлость, я...

— Сэр Ричард, — прервал я. — Для тебя — сэр Ричард.

Он покраснел от удовольствия, сказал снова:

— Сэр Ричард, мне совсем некогда заниматься хозяйством. Мне нравится совершенствовать тактику сражений...

— А за все хвататься и не нужно, — заверил я. — Это ты, слишком добросовестный, не можешь передоверить управителям, но — надо. А насчет баронства... для меня ты уже давно барон. За те заслуги... Макс, как я рад тебя видеть!

Он улыбался во весь рот, счастливый и сразу застеснявшийся, как деревенская девушка. Я посмотрел через его плечо, там скромно держится группа рыцарей, тоже несколько смущенная обилием знатнейших полководцев-военачальников, прославленных героев, что успели блеснуть отвагой и доблестью на просторах Армландии и Сен-Мари — рыцари Вестготии.

— Граф, — сказал я вполголоса Ришару, — вы как с ними?

— Вроде бы хорошо, — пробормотал он. — Берег здесь близко, им не пришлось совершать утомительный поход из Брабанта, как выпало нам. Вчера прямо к побережью прибыл корабль адмирала Ордоньеса, это близко. Сегодня еще корабль, заполненный так, что мы видели одни

мачты. Рыцарям Вестготии сейчас указывают, где расположиться на ночь. Ожидаем еще героев... Дичатся, как будто никогда раньше...

Я заулыбался во весь рот и пошел к вестготским рыцарям, широко раскидывая руки.

— Доблестный сэръ Морган Гриммельсдэн из клана Горных Рыцарей!.. Я рад вам. Барон Гедвиг Уроншид — первый, кто принес мне клятву верности в Вестготии!.. Граф Генрих Гатер фон Мерзенгард — второй присягнувший, но не второй по верности и преданности!... Граф Дэйв Стерлинг, с которым мы совершали подвиги и в моих владениях в Вестготии!.. Барон Альфред Бриджстоун, виконт Ноэль Джонстоун... и все славные рыцари дружественного нам королевства, что покинули родные земли для торжества справедливости!

Никто, к счастью, не заметил двусмыслицу в оговорке, главное в таких речах не слова, а пафос, подъем, лозунги, а здесь я хорош, сам знаю.

Все кричали восторженно и стучали железом в железо. В норах испуганные звери забивались поглубже, а птицы всполошенно кричали и торопливо улетали в сторону варварских отрядов.

Граф Ришар вскинул руку и сказал громким голосом:

— Рыцари крестового похода!.. Вы уже поняли, о чем говорит появление нашего сюзерена!.. Отдыхайте и набирайтесь сил, они вам понадобятся очень скоро!.. А сэръ Ришард, как я догадываюсь...

Он сделал паузу, я широко улыбнулся и сказал так же громко:

— Ознакомлюсь с положением дел, после чего... начнем!

Ришар придержал полог шатра, я вошел царственно, как и положено сюзерену, за каждым движением приходится следить, устало сел за стол, в теле в самом деле ноет каждая косточка, и сразу позволил морде лица расслабить мышцы, а то от дурацкой улыбки уже болит рот.

Граф Ришар огляделся по сторонам, я устало указал ему на кресло рядом.

— Присядьте, граф. Пусть они там покричат, а мы тут переведем дух.

Он кивнул и, осторожно присев, сказал негромко:

— Сэр Ричард, я от вас ожидал всего-всего, но то, что рассказали прибывшие из Вестготии эти славные и такие застенчивые рыцари...

Я отмахнулся:

— Никакие они не застенчивые. Просто слегка ошарашены видом огромного войска и необъятных просторов. Видели бы, на каких террасах там живут! Завтра-послезавтра охажуют, вот увидите.

Он смотрел мне в лицо с сочувствием, удивлением и тревогой.

— Это верно, что вы... уже герцог?

Я пожал плечами.

— Увы, граф, отвертеться не удалось. Однако, к счастью, у меня там такая сложилась репутация...

Он вскинул бровь.

— Догадываюсь.

— Ох, граф, — возразил я с неудовольствием, — уж и не знаю, что вы обо мне подумали, но все неправда! Я не такой. И вообще в мире все так предсказуемо. Я вообще-то демократ по убеждениям, но мир живет по понятиям! Правитель, каким бы он тупым ни был, все-таки должен учитывать реалии. Так что герцогство из-под меня никто не выдернет, несмотря на то что я здесь. Да и самых активных буянов я благополучно увел сюда, хе-хе. Теперь дело за малым.

— Да, сэр Ричард?

— Идти победной поступью, — сказал я со вздохом. — К сожалению, только армландцы готовы сражаться за абстрактную идею Добра и победы церкви, а сен-маринцы и вестготцы спят и видят новые земли, новые титулы, трофеи, добычу...

Он кивнул, глаза не отрывали от моего лица взгляда.

— Это вы им обеспечите... Но с вами что-то случилось, сэр Ричард? Вы улыбаетесь, но на вашем челе ночь.

Я спросил тревожно:

— В смысле, Тьма?

— В смысле, — сказал он, — печаль. И глубокая скорбь. Но не говорите, что вас настолько огорчило герцогство! Не поверю.

Я тяжело вздохнул.

— К сожалению, граф, судьба сладострастно бьет меня в самое больное место. Одной рукой дает, другой забирает и еще смеется в лицо... Я встретил женщину, душа моя воспарила в небеса, я был счастлив, как никогда... Но она ушла.

Он сказал с сочувствием:

— Если не оценила вас, такая... пусть уходит.

— Напротив, — возразил я. — Она переоценила! И ушла, чтобы не мешать моим грандиозным планам.

Он умолк, смотрел с некоторым смущением.

— Мда, — произнес он озадаченно, — подвиг самопожертвования раньше был только в нашем мужском ведении. Что с миром происходит? Обидно, что и женщины уже почему-то способны... Так недолго и в скорый конец света поверить... Сочувствую, такую потерю очень жаль. Но, сэр Ричард, никому Господь не дает всего. Как говаривала моя мама в детстве: в одну ложку не кладут два горошка. Или — или. Признаюсь, для всех нас все-таки важнее, чтобы вы были больше удачливы в сражениях, чем в любви!

— Граф... А как же личное счастье?

Он вздохнул.

— Положите его на алтарь Отечества... Кстати, что это?

Я отмахнулся.

— Мелочь в сравнении с торжеством справедливости во всем мире. Но великие и благородные цели всегда постепенно уступают дорогу более мелким и приземленным... Первая серьезная измена рыцарским идеалам произойдет, когда начнут сражаться не за справедливость, а всего лишь за Родину!..

Он поморщился.

— Это что, когда кулик хвалит свое болото?

— Именно, граф.

Он покачал головой.

— Сэр Ричард вы говорите о таком падении, что и представить не могу. Будут сражаться «за своих», и не важно правы они или нет?.. Ладно, это одна из ваших шуток, да?

— А если не шутка? Не представляете такого общества?

— Это общество простолюдинов, — сказал он твердо. — Надеюсь, что рыцарство такого падения нравов никогда не допустит! Да и церковь костями ляжет...

Он смотрел встревоженно, мое лицо очень серьезно, но я с усилием улыбнулся, провел ладонью по лицу.

— Конечно, шучу. Устал просто. Но все-таки, граф, давайте карту. Вводите меня в курс дела.

Для человека, охваченного каким-либо желанием, все делается недостаточно быстро. В Вестготии я наивно полагал и потому весьма тревожился, что половина Гандерсгейма уже захвачена, лорды от планов будущих завоеваний перешли к дележу захваченного, но на самом деле мое рыцарское войско только неторопливо разворачивается для войны в новых условиях.

Мы с Ришаром в свое время очень хорошо поработали над особенностями войны в Гандерсгейме. Если для вторжения в Сен-Мари требовались именно стремительность и внезапность, в них был весь залог нашего успеха, то здесь степняки гораздо мобильнее нас, о вторжении большого войска чужаков мгновенно станет известно и в самых дальних уголках.

Так что все верно, рулит осмотрительность и тяжело-весная основательность. Здесь не будет эффектных стремительных побед, но уверенно и неспешно оттесним сопротивляющихся к самому морю, а потом сбросим туда, откуда пришли их предки.

По сути, в Гандерсгейме собираемся повторить уже оправдавшую себя в Сен-Мари тактику: в каждом завое-

ванном городе оставлять гарнизон. Здесь будет даже несколько легче: в городах нет гарнизонов степняков, нужно только быстро вводить туда значительные отряды, быстро восстанавливать ворота, а затем двигаться дальше, оставив для защиты стен и ворот небольшие силы, так как степняки брать хорошо укрепленные высокие стены так и не научились.

За стенами шатра пространство наполнялось бодрыми голосами, стуком копыт, возгласами. Наши отряды, судя по карте, граф Ришар расставил очень умело, учитывая как рельеф местности, так и особенности пестрого войска. Правда, это резко снижает нашу маневренность, зато небольшие отряды варваров будут уничтожены стрелками Асмера еще до соприкосновения с основным войском, а большие массы конницы степняков увязнут в плотной щетине копий Макса.

Голоса за шатром становились все громче, наконец полог отодвинулся, вошел, пригибаясь, как всегда чисто выбритый до синевы, но с воинственно приподнятыми кончиками усов, сэр Норберт, сухой, худой и твердый, как одинокая скала в ровной степи, с которой ветры сорвали все песчинки и мягкие породы, оставив только самое твердое нутро.

— Ваша светлость, — произнес он ровным четким голосом.

— Барон Норберт, — ответил я.

Он позволил своим сухим губам на мгновение изобразить мимолетную улыбку, но взгляд оставался привычно суровым и недоверчивым, лучики у глаз остались на месте.

— Ваша светлость, — обронил он, — это сэр Альбрехт, порекомендовавший меня на пост начальника разведки... барон. Я лишь баннерный рыцарь.

— Уже барон, — сказал я, — сообщаю вам заранее. А я — сэр Ричард. Напоминаю, а то вы снова забыли.

— Сэр Ричард, — повторил он с поклоном. — Просто вы за это время уже успели стать герцогом...

— Но не стал светлее, — сказал я и подумал, что сам

брякнул горькую правду. — Хорошо выглядите, сэра Норберт. Вижу, воинская жизнь в Сен-Мари и Гандерсгейме идет больше на пользу, чем мирная жизнь между землями сэра Корнбелла и сэра Уинстона?

Он скупно улыбнулся.

— Сэр Ричард, я польщен, что помните такие мелочи, но лучше не забивайте голову ерундой. Взгляните вот на эти сведения... С вашего позволения я покажу на карте...

— Прошу вас, сэра Норберт.

Он быстро подошел к столу.

— Вот здесь большое скопление племен айров и некерлов. Похоже, они в мирном союзе, там два стойбища почти рядом. По ту сторону реки взбивают пыль сторожевые отряды гайдаков...

— Это те, — спросил я, — которые бреют головы, оставляя длинный клок волос на макушке?

Он посмотрел на меня с великим уважением.

— Все-то вы помните, сэра Ричард! Да, это они. Однако их основные силы сейчас в трех десятках миль заняты схватками с эвернейцами, это их извечные соперники...

Я слушал внимательно, очень довольный, что сумел блеснуть памятью и показать, как серьезно отношусь к планированию наступления. Сэр Норберт скрупулезно указывал на все моменты, как могущие помочь, так и помешать, в шатер вошли Зольмс, Арчибальд, Палант, Макс, даже Митчелл и Будакер, но я зря ожидал герцогов Ульриха Ундерлендского и герцога Готфрида Брабантского, ни один из них не появился.

Глава 7

Собравшиеся сгрудились вокруг стола, наблюдая за пальцем сэра Норберта. Он скрупулезно называл сосредоточения больших варварских войск, указывал, как и где пройти, чтобы использовать рельеф в свою пользу, называл даже имена вождей, которые мои военачальники тут

же забывают, вижу по их лицам, указывал, кто как там вооружен.

Я вникал во все подробности, с высоты драконьего полета мелочи не замечаются, наконец решил, что мои полководцы начинают терять нить рассуждений дотошного сэра Норберта, бодро выпрямился и хлопнул ладонью по карте.

— Спасибо, сэр Норберт!

— Пожалуйста, — ответил он чуть уязвленно, — однако я еще не добрался до края...

— К тому времени там все изменится, — заверил я. — Варвары — чрезвычайно мобильный народ.

Он пробормотал:

— Но рельеф не изменится.

Однако полководцы уже смотрели на меня с жадным интересом, я сказал с подъемом:

— Вы правы, сэр Норберт! Рельеф все тот же, однако он отмечен на картах, а те розданы всем. Напомню главное! В Гандерсгейме очень непростая, но благоприятная для нас ситуация. Мы должны действовать по римскому принципу: разделяй и властвуй. Почти все племена здесь в постоянной вражде, войнах и всяких мелких войнушках друг с другом. Потому мы должны какую-то часть временно привлекать на свою сторону...

Ришард кивнул.

— Понимаю. И направлять против наших противников.

— Так, — уточнил сэр Зольмс, — чтобы они шли впереди наших войск и несли основные потери.

— Тем самым докажут лояльность, — добавил сэр Палант.

— А также избегнут уготованной остальным участи, — напомнил граф Ришард, — на... первое время.

— Сэр Норберт — сказал я, — вам предстоит отвести два крупных воинских отряда к королевствам Меркель и в Тиборра. По дороге старайтесь не втягиваться в схватки. Тиборра — тоже королевство, самое крупное в Гандерс-

гейме. В нем помимо стольного града еще девять довольно крупных городов. Они принесли мне вассальную присягу, конечно, тайно, однако так даже лучше. Сейчас, прослышав о нашем вторжении, они должны спешно начинать укреплять стены и заложить дурацкие проходы в стене, где в старые добрые времена были ворота.

Он смотрел озадаченно.

— А наша цель, сэра Ричард?

— Быстро занять позиции на стенах, — сказал я, — расположить лучников, а также простой народ для отпихивания штурмовых лестниц, если вдруг что...

— Своих людей?

— Нет, привлекайте из местных. Лучше добровольцев, но можно и принудительно.

Он кивнул, лицо стало деловым.

— Подготовить город к осаде, понял.

— Хотя, — сказал я, — думаю, варвары на стены не полезут. Сперва они будут стараться делать то, что умеют лучше всего.

— Сражаться на просторах?

— Да, — подтвердил я. — Жители пропустят вас во все десять городов Тиборры, но защищать придется вам, у местных нет войск, как нет и оружия.

Он ухмыльнулся, в глазах все еще оставалось недоверие.

— Что-то слишком хорошо начинается поход, — обронил он. — Когда вы говорили, что часть городов откроет нам ворота, я не очень верил.

— Ворота там как раз и нет, — напомнил я. — Ни в одном городе! Как только прибудете, сразу же примите меры. Вообще-то ваша задача провести туда тяжелую пехоту. Они и останутся гарнизонами. А вы, передав им полномочия, немедленно обратно.

Он отсалютовал, сдержанно улыбнулся.

— Все выполним, сэра Ричард!

— С Богом, — сказал я.

Граф Ришар проводил его задумчивым взглядом.

— Сэр Норберт вчера обрадовал нас чрезвычайно, встретив на дальних подходах к нашим позициям двух весьма достойных рыцарей на очень измученных лошадях. Как выяснилось, оба посланы герцогом Ундерлендским. Он двигается сюда с большим войском, они должны сообщить нам, что он тоже примет участие в священной войне с неверными...

— Довольно быстро, — сказал я с удовольствием. — Ускоренным маршем? Сколько у него войска, уже известно?

Граф Ришард сообщил буднично, но с сияющими глазами:

— Да как вам сказать... Больше тысячи одних рыцарей, а еще двенадцать тысяч тяжелой конницы! Молчу про пеших ратников, тех как муравьев, засиделись там в своем горном крае... Среди них и копейщики, и мечники, и лучники, все сведены в отряды. По крайней мере, так сообщили сэр Феофан и сэр Бовман.

— Это точно? — спросил я недоверчиво. — Больше тысячи одних рыцарей? С ума сойти...

Сэр Норберт сказал быстро:

— Сегодня я разговаривал с доблестными баронами Бовманом и Феофаном. У них чрезвычайно сильные и быстрые кони. Он послал их вперед на быстрых конях, а доспехи настолько хороши, что даже в Сен-Мари такие не скоро отыщешь.

— Выучка у них тоже, — проворчал Будакер. — Я посмотрел, как они владеют мечами... Чувствуется долгая практика.

Арчибальд Вьеннуанский все это время молчал, крихтел, наконец проговорил с сомнением:

— Вы в самом деле так уж рассчитываете на герцога Ульриха?

— Ну да, — ответил граф Ришард, он сразу насторожился. — Вы его знаете? Хорошо?

Сэр Арчибальд кивнул.

— И очень даже хорошо. Я в его Ундерлендах побы-

вал еще раньше сэра Ричарда, выполнял деликатное поручение Его Величества Кейдана...

Граф изумился:

— Деликатное поручение?

— Ну да, герцог очень самолюбив, Его Величество не хотел публичной огласки и последующего позора, если вдруг Ульрих не возжелал бы исполнить его волю.

— А он мог бы?

Сэр Арчибальд посмотрел на него с сочувствием.

— И сейчас может.

— Вы о чем?

Сэр Арчибальд со вздохом развел руками.

— Он герцог, дорогой граф. Захочет ли, уж простите, подчиняться графу? Это не Готфрид, тот все понимает, а этот больно самолюбив, заносчив, спесив, хотя воин отменный, полководец отличный, все знает и все замечает.

— И что, — спросил Ришар с недоверием, — зачем он тогда ведет свои войска?

Сэр Арчибальд кивнул в мою сторону.

— Герцог обещал сэру Ричарду, а слово держит всегда, человек чести! Однако, скорее всего, будет держаться в сторонке и воевать самостоятельно. Я же говорю, человек он настолько гордый, что не терпит над собой ничьей власти. А граф Ришар, уж простите, ничуть не выше ни по знатности, ни по титулу Его Величества короля Кейдана, законного правителя королевства!

Ришар пробормотал в глубокой задумчивости:

— Которому, судя по вашим словам, он подчиняется только тогда, когда считает целесообразным... гм...

Он все чаще поглядывал на меня, я уловил в его взгляде невысказанную просьбу. Граф тоже дьявольски горд, никогда не попросит помощи, хотя вроде бы мудр, как почему-то говорят, но рыцарства в нем больше, чем рассудительности. Точно так же маркграф Роланд из ложной гордости отказывался трубить в рог и звать на помощь императора Карла Великого, и лишь когда пал израненный

и уже понимал, что погибнет, сломал свою Дюрандаль и наконец-то протрубил в рог, ибо мертвые сраму не имут...

— Граф, — произнес я как можно небрежнее, — я как раз собирался проведать герцога...

Он наклонил голову.

— Это весьма кстати. Возможно, вы найдете время поинтересоваться его планами.

— Обязательно, — пообещал я. — Раз я все равно туда еду, почему, так сказать, попутно не...

Он покряхтел, что для него очень нехарактерно, пожал плечами.

— Мне очень неудобно, сэр Ричард... но, как видите, меня легко заменить, как и любого другого, но только не вас! Я не представляю просто, кто сумел бы справиться с этой проблемой. А вы, я уверен, справитесь с присущим вам изяществом.

Сэр Альвар произнес со странным выражением:

— Без ударов молотом по голове?

— А что, — вступился сэр Палант, — у сэра Ричарда это иногда бывает. Без крика и топанья ногами, правда-правда!

— У сэра Ричарда это всегда, — ревниво вступился сэр Норберт. — Это потом понимаешь, что собственноручно отдал ему свой меч, своего коня, свои сапоги и даже свою женщину.

Сэр Альвар хохотнул.

— Да уже поздно, да?

Сэр Арчибальд буркнул с предостережением:

— Ну да, если кто-то из них жив останется. Герцог весьма горяч и своенравен.

Я поднялся.

— Отправлюсь немедленно. А вы все продолжайте работу, а не начинайте прикидывать, как и о чем договоримся с благороднейшим герцогом Ульрихом!

— И чем это закончится, — добавил Арчибальд встревоженно.

Счастливым Пес ухитряется и на этой неровной дороге появляться то справа, то слева, усердно проверяя придорожные кусты, хотя арбогастр мчится быстрее ветра.

Далеко впереди появились крыши домов, отсюда словно бы утонувшие в некоем озере разлившейся ртути. Зайчик начал сбрасывать скорость, но все еще шел галопом. Пес вырвался вперед, я прикрикнул: там тебя, морду толстозадую, не знают, нам не нужны крики ужаса и вопли: «Чей медведь?»

Войско герцога Ульриха, как вижу, остановилось на привал, встретив большую деревню с ее садами, колодцами, большим прудом. Куда ни падает мой взгляд, везде вооруженные воины, одни в латах, другие в кольчугах, а лучники так и вовсе в легких кожаных доспехах.

Одни, измученные переходом, спят в саду в тени фруктовых деревьев, другие пьют, играют в кости, самые старательные точат мечи и топоры, дряют крошкой кирпича латы и без того сверкающие на солнце, как зеркала. Сразу в трех местах перековывают коней, кое-где в походных кузницах поправляют доспехи.

Я обратил внимание на красные обожженные лица, в Ундерлендах то ли солнце не такое злое, то ли не выходят из домов, но здесь некоторые просто вульгарно обгорели, через пару дней будут снимать кожу лохмотьями.

В то же время лагерь герцог расположил очень умело, с одной стороны прикрывшись рекой, с другой каменистым плоскогорьем, где ни один конь не проскачет, а с третьей, к моему изумлению, вырыт ров, хотя войско задержится, как мне сказали его два рыцаря, всего на одну ночь.

Герцога я увидел с кубком в руке на крыльце самого богатого дома. Перед ним двое рыцарей теснят друг друга щитами, время от времени взрываясь серией яростных ударов. По обе стороны крыльца стоят в почтительном молчании знатные лорды, судя по пышным одеждам и ярким расцветкам, я узнал с ходу сэра Готмара, сэра Витерлиха, сэра Трандерта, а также Жерара и Бульбоне, я их видел при герцоге и в Ундерлендах.

Я соскочил с коня, Бобик идет с ним рядом, важный и спокойный настолько, что чуть не засыпает на ходу, зато это успокаивает каждого. Я бросил повод первому подбежавшему и пошел к герцогу, изображая улыбку и счастье на лице.

Он вскочил в радостном удивлении.

— Сэр Ричард!

Мы обнялись, его вельможи подошли ближе, все заинтересованные и тоже улыбающиеся, я здесь, а это значит — приключения будут. Я принял их поклоны и сам ответил с предельным дружелюбием, но герцог ухватил меня за рукав.

— Сэр Ричард, с ними потом!.. Я сгораю от нетерпения!

— Да ничего не случилось, — сообщил я. — Просто я, услышав о вашем скором прибытии, поспешил навстречу, чтобы выразить вам свое уважение и почтение!

Он довольно заулыбался, бросил короткий взгляд на своих вельмож, видят ли, что глава похода и некоронованный властелин всего королевства лично прискакал встретить его на полдороге. Они явно все заметили, тоже цветут, почтение к их властелину распространяется частично и на них.

— Дорогой Ричард, — сказал он. — Как я рад вас видеть!.. Пойдемте в дом, я угощу вас вином, вы ж такую дорогу проделали!

Я отмахнулся.

— Дорогой герцог, это вы проделали дорогу! Да еще такую. И с целой армией. И прибыли настолько удивительно быстро, что я просто не верю!.. Серьезно, не знаю полководца, который сумел бы с такой скоростью провести огромное войско через крайне узкий проход по Землям Дьявола, миновать почти все королевство и догнать нашу армию еще до начала полномасштабных сражений!

Он заулыбался, польщенный, но заметил довольным голосом:

— Мы бы остались в Ундерлендах, если бы вы не су-

мели каким-то образом очистить ту проклятую дорогу от ужасных гарпий!

Я покачал головой.

— Нет-нет, герцог, я уверен, вы все равно бы прошли, разве что с некоторыми потерями. На фоне общей массы очень незначительными. Но как воспрянуло все наше войско, когда прибыли ваши благороднейшие рыцари сэра Бовман и сэра Феофан и сообщили нам, что следом за ними движется вся огромная армия герцогства Ундерлендов! Как воодушевились все наши воины!.. И я их не виню, я сам видел рыцарей Ундерлендов и готов голову дать о заклад, что лучших рыцарей еще земля не рожала!.. Какая стать, какая выучка, какие доспехи, какие у них кони!..

Он порозовел от удовольствия, глаза стали довольными и просто масляными, уже и забыл, что звал меня в дом, упивается похвалой, а рыцари одобрительно шумят и что-то выкрикивают.

— Гм... да, — согласился он скромно, — выучка у них... да... И послал я вперед достойных рыцарей, чтобы сообщить...

— Вся армия возликовала, — сообщил я. — Даже ночью не ложились, а плясали у костров! А военачальники все так и рвутся под вашу руку. Я просто не поверил своим ушам, когда граф Ришар, приняв ваших рыцарей, сэра Феофана и сэра Бовмана, вздохнул и сказал, что для него честь находиться под командованием такого великого человека, как вы, ваша светлость!

Он улыбался все шире, но в какой-то миг в глазах мелькнуло сомнение, проговорил медленно:

— Так и сказал? Тот самый граф Ришар, герой блистательных побед при Олбени, Гастирксе, у Черной Речки, Проливе и прочих войнах, где он отличился где с малым отрядом, где с большими массами войск?

— Он, — подтвердил я с готовностью. — Граф — настоящий рыцарь. Он уступает вам славу полководца, ведущего победоносную войну с варварами Гандерсгейма! Для графа важнее победа над противником, чем личные амби-

ции. За эти редкие и столь ценные качества его так чтут и так уважают как в Армландии, Турнедо, Фоссано и даже в Шателлене! А теперь, естественно, еще и в Сен-Мари.

Рыцари восторженно шумели, а герцог проговорил медленно:

— Да, очень самоотверженный человек. Просто редких душевных качеств.

Я кивнул.

— Согласен. Он объявил всем, что вы привели, судя по прибывшим рыцарям, самую лучшую армию! Да и я рассказал о рыцарях Ундерлендов немало, как вы понимаете... Потому граф Ришар уговорил меня передать все объединенные войска под ваше управление, дорогой герцог. Отныне все будут знать, что покоритель Гандерсгейма — вы, дорогой герцог Ульрих!

Рыцари заорали восторженно, крик поднялся такой, что отовсюду в нашу сторону сбегались люди, выхватывая из ножен мечи. Герцог продолжал улыбаться, только улыбка постепенно застывала, на лице отразилось глубокое раздумье и сильнейшее колебание.

Я ждал, затаив дыхание, наконец он выпрямился, глаза сверкнули дьявольской гордостью.

— Нет!.. — произнес он громко и величественно. — Я предпочту, чтобы все знали и говорили, что именно я отказался от предложенной мне чести, ибо мое достоинство не позволяет перехватывать славу столь именитого полководца, как граф Ришар! Более того, я настолько чту общее благо, что отдаю все свое войско под полное командование графа Ришара! В моем войске множество знатнейших рыцарей столь древних родов, перед которыми даже длинная родословная Его Величества выглядит до смешного короткой и бедной на имена... и я хочу, чтобы мой пример, о котором будут говорить здесь и в Ундерлендах...

— ...и сложат баллады, — вставил я быстро. — Менестрели обожают великодушные порывы!

Он кивнул, донельзя гордый, продолжил так же важно:

— Чтобы мой поступок послужил им достойным при-

мером! Нам всем следует забыть о знатности рода ради величия церкви и внедрения христианской веры в дикие языческие земли! Все мы — рыцари церкви, вот что нужно нам помнить!

Я вскрикнул, в глазах слезы восторга, с жаром обнял герцога.

— Дорогой Ульрих!.. Простите, это я от волнения... Я просто не нахожу слов! Это ваше решение будет настоящим потрясением для всех, кто ожидал перехода руководства войсками к вам, и примером на долгие годы... да что на годы — на века!.. От этого сегодня же будут говорить с восторгом, а завтра начнут сочинять песни, легенды, баллады, стансы, сирвенты, поэмы...

Сэр Витерлих, что давно и открыто улыбался мне, протолкался ближе, веселый и уже с запахом вина.

— А не отметить ли это великое событие пиром? Пусть запомнят все!.. И пусть менестрелей тоже угостят на славу, у них строчки будут складываться быстрее!

Глава 8

Назад я несся подобно быстрокрылому птеродактилю, хотя и на арбогастре. Ветер ревет и воев в ушах, мы были уже на полпути, когда я придержал Зайчика и начал вертеть головой по сторонам.

Пес вернулся и уставился на меня ожидающими глазами.

— Слишком быстро возвращаемся, — объяснил я обним серьезно. — Вон там вроде бы постоянный двор... Перекусим, переведем дух, обдумаем новые хитрости!

Бобик все понял, развернулся и ринулся в сторону далекого домика в окружении роскошного сада. Деревья такие высокие, что видна только крыша, хотя дом двухэтажный, если не трех.

Ворота распахнуты, я въехал шагом, двое расторопных слуг бросились перехватывать повод, я великодушно

бросил им серебряную монету, чем удивил несказанно, еще не пришло время таких поощрений, а сам соскочил на землю и направился ко входу в главное здание, откуда вкусно несет жареным мясом, луковой похлебкой и вареной бараниной.

В двух шагах от крыльца вяло общаются четверо мужиков, двое в порванных рубашках, у одного лиловый кровоподтек под глазом, тоскливо поглядывают по сторонам, морщатся, когда смотрят на яркий свет, видно, что у каждого голова трещит после вчерашнего...

Их опасно обходят сторонкой, а еще опускают взгляды, а то ж это вызов, тут же можно схлопотать.

Я, естественно, пошел по прямой, грузный и величавый, как слон. Один нарочито выдвинулся, чтобы я его задел плечом. Я с удовольствием, настроение хорошее, выполнил его желание, да так, что его отшвырнуло на кучку дружков.

Те сразу оживились, подтянулись и помолодели. Похмелье временно отступило, один из группы, широкий и массивный чернобородый здоровяк круто развернулся ко мне, кулаки немедленно сжались так, что побелели костяшки.

— А, — проревел он, — ты так?

Я сказал нетерпеливо:

— Слушай, дурак. Хочешь получить в морду, давай без лишних слов. А то они у тебя такие... скучные.

Он даже отшатнулся в удивлении. Дружки смотрели на меня, разинув рот, как на дурачка.

— Ты не понял? — проревел чернобородый. — Нас четверо!

Я небрежно отмахнулся.

— Позови еще шестерых, чтобы наши силы сравнялись.

Он заорал:

— Да ты хоть знаешь, кто я такой?

— Знаю, — ответил я. — Дурак, который лижет землю.

Он вскрикнул:

— Что-о?

Я с превеликим удовольствием врезал ему в морду. Он рухнул, перевернулся лицом вниз, из разбитого рта потекла кровь. Испуганные и ошалелые собутыльники замерли, глядя на меня выпученными глазами. Для них все случилось чересчур быстро, без привычной ругани и соответствующего разогрева.

— Вот видите, — сказал я остальным, — лижет землю... Что он в ней нашел? Не дурак ли?

Один из его дружков пробормотал:

— Но...

— Он самый сильный боец в этих краях, — весело досказал я за него. — Угадал?

Он ошалело уставился на меня круглыми глазами. Остальные тоже вытаращились испуганно, кто-то перекрестился, другие плевали через левое плечо и щупали амулеты.

— А вы откуда... знаете? — проговорил тот же мужик с придыханием в голосе. — Вы... колдун?

— Люблю этот мир, — сказал я с чувством. — И вас всех люблю!

От меня шарахнулись в испуге, последняя фраза вообще доконала, уж не понимаю, как можно иначе понять слово «люблю», полное христианского смирения и любви к ближнему и даже дальнему.

Пес проскользнул в дверь харчевного заведения раньше меня, я оглядел довольно просторный зал, несколько столов занято, но все по одному, по два человека. Я выбрал свободный, Пес оказался под столом раньше, чем я опустился на лавку.

Хозяин сразу послал ко мне женщину в чистом переднике, угадал состоятельного клиента, я велел принести поесть лучшее, что у них готовится прямо сейчас, а также лучшего вина.

Буквально через пять минут на мою тарелку перегрузили прямо с широкой сковородки нарезанное тонкими

ломтиками жареное мясо, а мальчишка принес и водрузил на стол, надуваясь от натуги, кувшин с вином.

— И чего-нить покрупнее, — сказал я. — Еще. Например, гуся целиком или свиненка.

Мальчишка сказал с недоумением:

— Да... я скажу бате...

Я ел с удовольствием, ловил разговоры, но все о том же: что лучше сеять на этих землях, в самом ли деле появилась новая стая волков или орудует недобитая старая, почему под рекой всегда хороший урожай гречихи, а дальше от деревьев вообще не растет, но сколько бы я ни вслушивался, никто и не упомянул, что совсем недавно прошло огромное войско крестоносцев, и мир должен бы вроде стать другим...

Принесли, как я и заказал, большого гуся. Мальчишка уставился на меня в ожидании, неужели я такой проглот, но я оторвал лапу и швырнул под стол. Там послышался моментальный хруст, чавк, после чего высунулась огромная голова с удивленными глазами: это все, да?

— Не все, — ответил я и бросил ему остальную часть гуся.

Мальчишка торопливо отступил, глаза стали огромные. Я бросил ему золотую монету.

— Отдай бате. Хорошее мясо, а гусь так и вовсе... Слышишь, как хрустит? Это так спасибо говорит.

Он неумело улыбнулся и убежал, крепко зажав в кулаке драгоценную монету.

Дверь хлопнула, порог переступил чернобородый мужик с разбитым в кровь лицом, огляделся угрюмо, как бык, что выбирает, кого бы поддеть на рога.

Я уловил момент, когда он углядел меня, всхрипнул и, стиснув огромные кулаки, тяжело направился в мою сторону. Я продолжал доедать мясо, на него поглядывал искоса.

Он остановился у стола, нависая надо мной, как скала над родником.

— Ты кто? — потребовал он с угрозой.

Я сказал с удовольствием:

— Кто ты, уже запомнил, хорошо. Теперь хочешь знать, кто я?.. Садись, буду рассказывать. Эй, рыженькая, еще одну чашу, да побольше, кувшин вина и жареного мяса.

Он поколебался, но сел, выбрав место не напротив, а сбоку, чтобы легче дотянуться, когда сочтет момент подходящим. Женщина принесла чашу и блюдо с мясом, я взял кувшин, в это время дверь снова громко хлопнула.

Чернобородый оглянулся, я сосредоточился и создал ямайский ром прямо в его чаше. В харчевню вошли трое мужчин в запыленной одежде, с кнутами через плечо, сразу закричали насчет вина.

Все расселись вблизи двери, чернобородый разочарованно повернулся ко мне.

— Показалось...

— Пей, — посоветовал я. — В мою честь подали лучшее вино.

Он взял чашу, с подозрением принюхался.

— Пахнет как-то не так...

— А выпить боишься? — спросил я.

Он хмыкнул и в три могучих глотка осушил всю чашу. Роба моментально покраснела, затем стала темно-бурякового цвета, глаза полезли на лоб.

Целую минуту он не мог ни вздохнуть, ни выдохнуть, наконец грудь расширилась, жадно хватая воздух.

— Это... — просипел он, — что... за такое вино?

— Понравилось? — спросил я.

Он ответил хрипло:

— Да ему цены нет!.. Все внутри продрало, будто матерого ежа проглотил. Это что ж, тебя здесь так уважают?

— Да, — ответил я. — Только вино подают тайком, чтоб другие не просили. Сам знаешь, хорошего на всех никогда не хватает.

Он подумал, кивнул, дверь с громким скрипом распахнулась, на пороге появились рослые и крепкие мужики. Он снова оглянулся, я поинтересовался:

— Тебя ищут?

Не отвечая, он помахал им и смотрел, как те медленно спускаются в зал, плечами поводят угрожающе, каждое движение исполнено угрозы и напоминания, чтоб убились с дороги.

Я налил из кувшина в свою чашу, а остатки вылил в большую кружку хлипкого мужика за соседним столом. Тот опешил от такой щедрости, а я уже сосредоточился, ловил вкус и аромат рома, чувствовал, как медленно тяжелеет в моей руке кувшин.

Трое силачей подошли к нашему столу. Я дружелюбно помахал рукой.

— Ребята, хотите драться?.. Я тоже. Любой спор мордобоем красен. Гостей встречают по одежке, а провожают — по морде! Только сперва выпьем. А то как-то скучно живем.

Чернобородый посмотрел на меня, на них, кивнул.

— Да, — сказал он важно, — возьмите вон ту лавку.

— И захватите кружки, — крикнул я. — Мы с вашим приятелем угостим вином, которое пьем сами... а вы даже не нюхали.

Один из прибывших, огромный детина с меня ростом, настоящий гигант, принес лавку и опустил по ту сторону стола. Другой принес кружки.

— Ну?

Я кивнул чернобородому, тот злорадно улыбнулся и начал наливать им этого особого винца. На меня покосился с недоумением, кувшин показался почему-то тяжеловат для полупустого.

— Хорошее вино, — приговаривал он, — вам понравится...

На этот раз мы оба с одинаковым интересом, довольно злорадным, наблюдали, как троица разом, словно близняшки, припала к кружкам. Только гиганту удалось выпить до конца, при его размерах не сразу дошло ощущение огня в глотке, пищеводе и желудке, а его двое друзей задохнулись после первых же глотков.

Я смотрел невозмутимо, чернобородый ехидно улыбался.

— Понравилось? — спросил он приятелей. — Мне тоже... Есть же люди, что пьют такое вино...

Голос его еще звучит, как прежде, но я уже ощутил приближение того блаженного состояния, когда язык начнет заплетаться, а рожа расплывется в довольной и бессмысленной улыбке. Его дружки смотрели на него вытаращенными глазами, не в силах ни вздохнуть, ни выдохнуть, будто каждый получил копытом под дых. Наконец один с трудом выдохнул, но вместо того, чтобы сказать что-то или хотя бы выругаться, схватил кружку обеими руками и сделал еще глоток, но уже осторожно, чуть ли не лизнул.

Чернобородый тихонько, но довольно ржал, однако на всякий случай наполнил себе чашу доверху, вдруг да не хватит. В кувшине осталось не меньше половины, но я на всякий случай добавил еще, пока на меня не обращают внимания, и я могу сосредоточиться.

Гигант тупо прислушивался к своим ощущениям, на меня смотрел с уважением, а чернобородый спросил у меня:

— Налить ему еще?

— Давай, — разрешил я. — Пить следует умеренно. Две кружки вина вполне достаточно. Потом, конечно, можно еще.

Он спросил с недоумением:

— Это как?

— Выпив всего кружку, — пояснил я, — я становлюсь другим человеком! Понял?

— Ну...

— Так вот тому другому тоже надо налить!

Он врубился наконец, захохотал, троица прибывших тоже заржала с превеликим удовольствием. Я подумал, что мне с моим запасом шуточек и приколов в этом мире цены просто нет.

Когда чернобородый снова наполнял всем чаши, дважды едва не промахивался. Один из группы завел веселую песню, его дружки подхватили. Довольные и веселые, про драку уже забыли, в самом деле нравится мне этот простой мир, где все простые и понятные, даже короли.

В центр зала, подсвеченная пламенем камина, вышла танцевать легко одетая женщина, похожая на огненную саламандру. По ее телу зазмеились синие молнии, ноги переступают легко, а гибкие руки пошли исполнять над головой свой особый танец, манящий, эротичный и женственно мягкий.

Воздерживайтесь от вина, женщин и песен, вспомнил я старый совет. Преимущественно от песен. Хотя можно в исключительных случаях порадовать себя и песнями. Как вот эти...

Я поднялся, тяжело вздохнул.

— Погулял и хватит, пора на работу. Спасибо за веселую компанию... Бобик, кончай дрыхнуть! А то оставлю тебя здесь.

Гуляки замерли, когда Бобик выбрался, расталкивая их и едва не опрокинув стол, огромный и недовольный, не дали поспать после сытного обеда.

Чернобородый крикнул мне вдогонку:

— Приходи почаще, приятель!.. Как тебя зовут?

— Ричард Длинные Руки, — ответил я небрежно. — Маркграф Гандерсгейма.

Глава 9

Адский Пес на этот раз не оглядывался, стелется над землей, как стремительный стриж. Расстояние между ним и нами постепенно увеличивается, арбогастр начал хрипеть, глаза налились огнем, разогрелся так, что пот ментально высыхает, а я обжигаю ладони о его кожу.

Конные караулы Норберта увидел задолго до того, как показались шатры лагеря, их такое множество, словно все королевство Сен-Мари двинулось на покорение Гандерсгейма. Зеленая долина расцветена красными, желтыми, голубыми, оранжевыми, синими горбиками шатров, все чистых красок, еще не научились или не любят сме-

шивать в разные полутона здесь краски, как и люди — чистые и без всяких примесей.

Пес пронесся по прямой, пугая народ, а когда мы с арбогастром добрались до шатра графа Ришара, Адский Пес уже лежал у входа и, часто дыша с высунутым языком, смотрел на нас насмешливо и с чувством полнейшего превосходства.

Гонцы сразу разбежались в стороны с новостями. Я едва вошел в шатер, как по ту сторону тонкой шелковой стенки протопали быстрые шаги, полог откинулся, заглянул оруженосец.

— Ваша светлость?

Я кивнул.

— Кто?

— Его светлость граф Ришар.

— Зови, это же его шатер.

Граф Ришар вошел быстрыми шагами, на лице волнение, седые волосы раздуваются, словно ветер преследует его и в шатре.

— Как же вы быстро! — воскликнул он. — Просто невероятно!.. Кстати, для вас уже поставили шатер.

— Намек понял, — сказал я, — гоните в шею.

Он нервно хохотнул.

— Все шутите, а нас тут колотит нелегкая. Говорите же, как там? Почему там быстро?

— Старался, — ответил я скромно.

Он спросил торопливо:

— Судя по вашей скорости, герцог вот-вот покажется из-за тех вон холмов?

— Он близко, — подтвердил я, — но дайте ему еще с недельку. Все-таки у него обоз, большая армия пеших тяжелооруженных ратников... Как вы здесь?.. Кстати, герцог заверил меня в своем глубоком уважении к вам, дорогой граф. Более того, заявил, что все его войска в полном вашем распоряжении. Как и он сам.

Он охнул.

— Невероятно...

— Почему?

— Судя по тому, — сказал он с недоверием, — что о нем говорят... Может быть, вы его застали смертельно пьяным?

— Абсолютно трезв, — заверил я. — Как стеклышко! И потому от своих слов не откажется. Тем более что громко и отчетливо произнес их в присутствии своих наиболее знатных лордов. А их при нем целая свита. Немалая.

Ришар смотрел на меня в изумлении.

— Невероятно, — повторил он, — просто не понимаю, как вы это сделали. Впрочем, теперь это уже неважно. Главное, что войско герцога Ульриха сможет прикрывать нам левый фланг, мы сможем двигаться более широким фронтом, разрезая Гандерсгейм на две части... Сэр Ричард, вы куда снова?

Я остановился на пороге шатра.

— А вы как думаете? Туда, куда я вообще-то должен был помчаться в первый же миг моего появления здесь.

В его глазах появилось понимание и сочувствие.

— Сэр Ричард, — произнес он церемонно и с поклоном, — мы все чтим вашу удивительную преданность делу церкви и завоевания этих диких земель, из-за чего вы вынуждены пренебрегать семейными узами... Простите!

Я улыбнулся и вышел, где споткнулся и едва не упал через разлегшегося Бобика.

— Лежи-лежи, — успокоил я. — Я ненадолго.

Знатные лорды моей свиты чуть ли не впервые деликатно приотстали. Понимают, что там, куда я направил коня, их услуги телохранителей не потребуются. В стане герцога Готфрида скорее умрут, чем позволят его сыну хотя бы поцарапать палец.

Один из свиты пришпорил коня и понесся карьером к виднеющемуся на холме шатру герцога. Мы едем степенно, видели, как всадник соскочил с коня и бегом ринулся, как в ночь, в темное нутро шатра.

Через несколько минут вышли знатнейшие рыцари Брабанта, герцог на шаг впереди, остановился, рослый ги-

гант, за это время не стал ниже ростом, все так же уступает мне не больше, чем на один-два пальца, зато плечи шире и массивнее моих. Я вспомнил слова Смита, что герцог лучший из бойцов Арндского королевства, как в Брабанте упрямо называют Сен-Мари, и, похоже, в войне с Гандерсгеймом он захочет это доказать снова.

Я перевел Зайчика на рысь, нехорошо заставляя ждать человека, старшего хотя бы по возрасту. С герцогом у меня всегда чувство неловкости, слишком враждебно началось наше общение, потом неожиданности в Брабанте, где я вынужденно встал на защиту его семьи, и вот теперь я, Ричард Валленштейн Брабантский, скачу к своему отцу, который по родительскому долгу так много для меня сделал, стараюсь отыскать в чужой стране и выкупить из плена.

Я ожидал несколько сдержанной встречи, герцог всегда отличался холодностью и склонностью к строгому этикету. К тому же у нас обычно возникала некая напряженность даже не в память о нашей вражде и лютых схватках на Каталаундском турнире, это нет, о таком вспоминается с веселым смехом и обсасыванием деталей, а из-за вмешательства в дела Брабанта, которые никакой сын позволять себе не должен.

Соскочив на землю, я пошел к нему с почтительной и радостной улыбкой.

— Ваша светлость...

Он просто шагнул навстречу с распахнутыми объятиями.

— Счастлив видеть тебя, сын.

Я торопливо бросился в объятия, обнял, прижался. В глазах неожиданно зашипало, странное чувство, даже рожа искривилась, чувствую, вот-вот зареву, как дурак. Никогда мой родной отец меня не обнимал, только и помню, что является с работы потный и усталый, заваливается на диван, включает ящик и подвигает к себе пиво. И нет для него ни жены, ни сына, когда на экране мечутся фигурки и гоняют мяч.

Герцог задержал меня в объятиях дольше, чем указа-

но в дипломатическом протоколе, отстранялся медленно и с неохотой. Суровое лицо потеплело, пронизывающие глаза всматриваются с непривычной и непонятной для меня родительской теплотой.

— Заставил ты нас поволноваться, мой мальчик.

Я сказал виновато:

— Прошу прощения!.. И за то, что так ношусь всюду, не удастся побыть в кругу семьи и насладиться семейным обедом.

— Ты многое успеваешь, — произнес он. — Даже ухитрился сдружить леди Элинор и мою Дженни! Теперь постоянно шепчутся и ходят везде вместе, как привязанные одна к другой. Спасибо, для меня их теплые отношения просто спасение.

— Это получилось само, — запротестовал я. — Сам не ожидал... Герцог, я потрясен вашим войском. Их впятеро больше, чем я вывел брабандцев для похода на столицу!

Он горделиво улыбнулся.

— Все-таки их сюзерен я. Мне больше доверяют просто по привычке. Сила традиций. Но теперь они под твоим командованием... Пойдем в шатер. Твоих людей примут со всеми почестями.

У шатра двое оруженосцев синхронно распахнули полог, но я задержался, неподалеку на земле лежат со связанными руками и ногами пятеро варваров, вокруг опасно ходит священник и нерешительно поводит крестом в дрожащей руке.

Воины герцога стоят вокруг пленников с оружием наголо и вопросительно поглядывают на меня, мол, моргните, ваша светлость, сразу всех отправим в ад.

— Поздравляю, — сказал я изумленно. — Эти откуда?

Он усмехнулся.

— Это ответ, почему я не прибыл на твой первый здесь военный совет.

— Была атака?

Он кивнул на распахнутый для меня вход, я переступил порог. У герцога Готфрида все по-спартански строго

и ничего лишнего, даже вместе кресел, что привез Ульрих, простые лавки, грубо сколоченные из местных материалов.

Двое оруженосцев внесли неизменные кубки и кувшин с вином, оба суровые воины со шрамами на лицах, одетые как для похода. Я опустился на лавку и ждал, пока расставят кубки, наполнят и отойдут в стороны.

— Мы сперва полагали, — пояснил Готфрид, — что варвары гонят табуны на новое пастбище. Те в самом деле сперва прогнали три конских табуна, чтобы мы увидели и успокоились, но потом бросились в атаку на мой лагерь. К счастью, табуны прогнали слишком уж напоказ, а я — старый волк, кое-что заподозрил и велел всем занять позиции для отражения конной атаки.

— Была битва? — удивился я.

Он покачал головой.

— Нет. Спасибо, ты прозорливо снабдил стрелков особыми луками... композитные называются? И хорошо, что составил из них целые отряды. Они выпустили первые стрелы, когда атакующие были еще за два полета стрелы! А потом еще и еще. Варвары повернули раньше, чем ударились о наших копейщиков. А нам осталось подобрать их раненых. Уверяю тебя, их было куда больше, чем эти пятеро.

— Эти не раненые, — заметил я.

Он кивнул.

— Раненых потом добили по их просьбе. Такие желания надо уважать; мы же все мужчины. А эти целы потому, что кого упавшим конем придавило, кого копытом по голове задело.

Я спросил настороженно:

— Почему не подали сигнал тревоги по всему нашему войску?

— Была не армия, — объяснил он, — а племя. Хотели проверить нас, себя показать, покрасоваться друг перед другом... Потому я не стал беспокоить других. Тем более, что принимали тебя, и я не хотел портить такой праздник.

В его суровом голосе проскользнула нежность.

Я сказал осторожно:

— Герцог, прошу вас не рисковать в этих битвах. Степняки — не рыцари. Они стреляют в спину без зазрения совести. Для них важна победа любой ценой!.. Нужно вести себя соответственно.

На его лицо набежала тень.

— Нет, сын мой. Я понимаю твое беспокойство, сам отвечаю за своих людей и беспокоюсь за их безопасность. Однако мы не можем брать на вооружение грязные приемы войны... На кону нечто выше, чем жизни. Это нечто и позволяет побеждать благородным людям, а не подлым. Хотя у тех вроде бы возможностей во всем больше.

Я вздохнул.

— Это стратегическая правда, а вот по мелочам и в тактике подлые и бесчестные люди обычно побеждают. Ладно, укрепим свой дух и с именем Господа очистим эти земли!

Он перекрестился.

— С именем Господа.

— С нами Бог, — сказал я, — кто же против нас?

Оруженосцы молча подливали нам в кубки, пока я не остановил жестом. Герцог прислушался к шуму по ту сторону полотняного полога, спросил оруженосца:

— Что там случилось?

Тот моментально исчез, а через минуту вернулся и доложил:

— Там ловят собак лорда Корнуфроста. Все пятеро его боевых догов порвали цепи и убежали, когда собачка сэра Ричарда посмотрела на них как-то особенно и облизнулась...

Герцог в недоумении посмотрел на меня, я сказал недовольно:

— Вот шельма прожорливая, все-таки увязался за мной! Я думал, спит. Ладно, сейчас я его приструню.

— Не стоит, — посоветовал он мирно. — Там сами справятся. Лучше расскажи, что случилось за то время, когда я отправился с выкупом через Перевал?

Я замер на мгновение, за это время для меня случилось столько, что даже не знаю, с чего начать, или же ограничиться простым перечислением событий и титулов, что нахватал за это время.

— Хорошо, — согласился я, — только еще один вопрос, как там Родриго? Мне показалось, что он заметно подрос...

— И сильно повзрослел, — подхватил герцог, когда я сделал намеренную паузу. — Уже на коне носится, учится метать дротики на скаку. Элинор переживает, но я приставил к нему лучших воинов, они не позволят ему пораниться и в то же время воспитывают как мужчину...

— Рад, — сказал я и ощутил, что в самом деле очень рад, это же и мой братишка здесь. — Хорошо, слушайте мои приключения.

Глава 10

Сэр Норберт с разведчиками увязался сопровождать меня даже при осмотре войска. Я морщился, но помалкивал. В их глазах столько веры в меня и преданности, что я внутренне ежился и с непониманием осматривал себя: что, в самом деле настолько много стою?

Шатры военачальников выделяются размерами и высотой поднятого на шесте знамени, вокруг группируются шатры лордов, а простые рыцари вперемешку с рядовыми воинами расположились у костров, и только один воинский отряд начисто лишен шатров и даже палаток, только костры и охрана по периметру.

Сэр Норберт пояснил вполголоса:

— Весьма могучий с виду рыцарь из Вестготии...

Сэр Палант сказал живо:

— И не только с виду! В первой же схватке он лично сразил семерых варваров, а ему даже не поцарапали кирасу. Этот сэр Вильярд силен, как стадо быков.

Норберт кивнул.

— Согласен, он поразил всех отвагой, мужеством и силой. Сэр Ричард, что скажете?

— Да, — ответил я. — Я поговорю с ним. Ждите здесь. Он спросил с беспокойством:

— Но не будет ли урона вашей чести...

— Не будет, — заверил я. — Мы с ним... знакомы. Весьма. И у нас весьма сложные отношения.

Они послушно придержали коней, я послал Зайчика в галоп. За Вильярдом, как уже вижу, десятка три рыцарей, а еще у костров расположились в ожидании выступления не меньше сотни тяжеловооруженных всадников. У всех тяжелые боевые топоры, мечи, а из-за спины выглядывают луки, а то и арбалеты.

Вильярд поднялся навстречу, громадный, широкоплечий и собранный настолько, что выглядит литым из цельного куска великолепной стали. Доспехи укрывают от горла и до пальцев ног, только шлем остался лежать на земле.

Я еще издали вскинул руку в приветствии.

— Сэр Вильярд! Скажу честно, очень рад видеть вас здесь!

Он смотрел холодно, не ответил «еще бы», как говорит весь его вид, просто не сводил с меня взгляда, а когда я остановил коня, медленно поклонился.

— Ваша светлость...

Я соскочил на землю, так учтивее, иначе выгляжу разговаривающим свысока, как бы доброжелательно ни звучал мой голос.

— Сэр Вильярд, — ответил я тем же церемонным тоном, но тут же позволил себе улыбнуться и спросить в великом удивлении: — Это ваш отряд?

— Да, ваша светлость.

Я покрутил головой в изумлении.

— Как?.. Откуда?

Он смотрел на меня со смесью враждебности и почтительности.

— Половина рыцарей, — произнес он с холодной уч-

тивостью, — из Вестготии, остальные — местные. Так уж получилось.

Я кивнул, быстро соображая, что все знатные лорды пришли со своими вассалами, но существуют и самостоятельные хозяева, которые не являются ничьими вассалами. У них обычно небольшие наделы и скромные хозяйства, они могут идти на войну, а могут не идти. Если кто решит пойти, может присоединиться к отряду любого лорда. Или даже драться в одиночку под собственным штандартом.

— Понятно, — сказал я, — они сделали хороший выбор. Под вашим руководством сумеют добиться больших побед, чем под, скажем... ладно не будем называть имен!

К тому же, мелькнула мысль, к кому бы ни примкнули, будут выглядеть его подданными, а это ущемляет самолюбие, в то время здесь они как бы на равных, а этот Вильярд не сюзерен, не лорд, а лишь воинский вожак.

Вильярд чуть кивнул, явно стараясь, чтобы это не выглядело как поклон.

— Постараюсь оправдать их доверие.

— Я в этом не сомневаюсь, — заверил я.

— Все будут стараться, — произнес он, и снова я уловил в его сдержанном голосе борьбу уязвленной гордости и желания не вызвать моего недовольства. — Как и я лично. Ибо за мной не только принцесса, но и эти люди.

Я потрепал по холке Зайчика, он повернулся боком, приглашая меня в седло.

— Желаю побед, — сказал я. — Кстати... принцессу вы где устроили, сэра Вильярда?

Он ответил ровным голосом:

— Она со мной.

Я проговорил с запинкой:

— Это... в каком смысле?

Он указал кивком на две телеги в самом центре их лагеря. Одна из них крытая, лошади выпряжены и пасутся, оглобли сиротливо торчат концами в небо.

— Алонсия там.

— В деревенской телеге? — переспросил я.

— Да. Но она не жалуется.

— С ума сойти, — пробормотал я.

Он сказал тем же ровным голосом:

— У нас здесь ничего нет, сэр Ричард. А на те драгоценности, что были на принцессе, удалось купить только повозку и коней.

Червячок стыда проснулся и шустро начал грызть мои железные внутренности.

— Неловко получилось, — пробормотал я. — Давайте поступим так... Мы, по сути, уже начали захват земель Гандерсгейма. Это вот их территория. Берите ее, скажем, от границы с Брабантом и до той реки... и вширь с теми же пропорциями. Начинайте обживать. Принцессе не стоит мучиться, таскаясь за войском в деревенской повозке...

Он задумался, на лице отразилось короткое колебание, но тут же покачал головой.

— Нет, это будет урон моей рыцарской чести.

— Подумайте о принцессе, — сказал я.

Он ответил неумолимо:

— Она тоже не примет.

— Уверены?

— Да, — ответил он резко, в голосе прозвучала нотка оскорбленного достоинства за принцессу. — Я должен завоевать право на владение здесь землей! Да и что обо мне подумают мои люди?

Понятно, что подумают, мелькнула мысль. Это в моем срединном сказали бы завистливо, что ловко провернул, без боя выхватил такой лакомый кус, да еще на границе с Брабантом, где все торговые пути, а место и безопасное, и доходное.

— Хорошо, — ответил я с неохотой, — мы постараемся захватить Гандерсгейм побыстрее.

Он коротко усмехнулся.

— Осмелюсь заметить, вы не то говорите... ваша светлость.

Я потер ладонью лоб.

— Да, вы правы. Устал, извините. Боудеррия с принцессой?

— Да.

Я помедлил, вопрос щекотливый, наконец поинтересовался:

— Она как... в своем наряде?

Он покачал головой.

— Здесь не королевский дворец.

Взгляд его говорил, что больше мне здесь делать нечего. Я покосился на его рыцарей, что остались у костров, но чутко прислушиваются, улыбнулся примирительно и, вскочив в седло, поднял руку.

— Успеха вам, сэръ Вильярд!

— Спасибо, ваша светлость.

Я галопом вернулся к отряду, сэръ Норберт встретил меня с непроницаемым лицом, но все же обронил негромко:

— Сложные отношения... остались?

— Практически нет, — ответил я. — Уже нет.

Он осведомился:

— Натянутость из-за женщины?

Я насторожился.

— Почему именно?

— А из-за чего еще, — спросил он, — если девять из десяти стычек именно из-за них? Да и возраст у вас обоих... подходящий.

Он говорил негромко, понимающе, не как с лордом, а как старший по возрасту, повидавший всякое и желающий предостеречь от тех неприятностей, что в свое время... да...

Мое горло на миг перехватили незримые пальцы. Я с трудом передохнул, покачал головой.

— Некоторым приходится взрослеть раньше. Нам с Вильярдом выпало именно такое... счастье.

Он кивнул, в глазах оставалось сдержанное сочувствие.

— Насчет Вильярда не уверен, но вам, да, пришлось, чувствую. И еще придется.

— Сплюньте, — попросил я. — И так душа едва не выпорхнула.

На границе нашего лагеря часовые бодро стукнули концами копий в землю. Норберт остановил коня, лицо чуточку виноватое.

— Ваша светлость, — произнес он, — здесь вас вынужден оставить...

— Скачите, — ответил я, — у вас дел больше, чем у меня.

— Это вряд ли, — ответил он, — но за оценку спасибо!

С ним отправились почти все из его группы, но двое проводили меня до самого шатра, Ришар велел разбить его рядом со своим, только мой вроде бы крупнее и выше, для этого то ли земли подсыпали, то ли вместо боковых жердей вкопали целые деревья.

Передав меня с рук в руки охране, норбертовцы развернули коней и галопом унеслись вслед за своим командиром.

Внутри шатра никакой роскоши, Ришар знает мои вкусы, зато широкий стол, на нем большая карта, вокруг стола и даже под стенами множество крепко сколоченных кресел и две лавки, узкое ложе с цветистым покрывалом. Еще добавочный стол, на котором в готовности около дюжины кубков и чаш, а под ним три пузатых кувшина.

— Неплохо, — пробормотал я. — Быстро здесь... Что-то, а воинское ремесло в нашей жизни налажено лучше всего.

Полог откинулся, появилась голова оруженосца.

— Ваша светлость, — взмолился он, — мы не расслышали!

— А вы не подслушивайте, — сказал я назидательно. — Это нехорошо! Марш от шатра, морды. Когда понадобитесь, я так гаркну, что мертвый проснется!

— Ваша светлость, — пробормотал он, исчез, я услышал по ту сторону быстро удаляющиеся шаги.

Древние говаривали, что трудно прокормить одного бездеятельного человека, еще труднее прокормить целое семейство, но труднее всего содержать войско, проводя-

щее время в праздности. А еще если в ближайшие дни вся эта огромная масса вооруженных людей не столкнется с сильным противником, начнутся стычки особо спесивых друг с другом, с конкурирующими отрядами, начнется выяснение, кто круче: армландцы, сен-маринцы, брабандцы, ундерлендцы, вестготцы или даже отдельные группы внутри отрядов...

Еще надо помнить, что в обозе вместе с войском движется немало священников и магов, последних я переквалифицировал в механиков. И хотя те и другие, во избежание, делают вид, что не замечают друг друга, но я все-таки велел держать их на разных концах обоза. Правда, с началом боевых действий священники будут стремиться перебраться в передние отряды, все обучены врачевать, кто молитвой, а кто всего лишь травами и мазями.

Я взял лук Арианта, любовно протер, хотя он никогда не собирает пыли, но, думаю, и луку приятно, когда его гладят и чешут. Не забыть и про такой пропагандистский жест, часто воспеваемый бардами: прямо на поле боя кого-то из простых воинов возвести в рыцари, об этом заговорят, многих подстегнет...

Полог откинулся, в шатер просунулась голова начальника стражи.

— Ваша светлость, к вам... гость. Гостя.

Я сказал рассеянно:

— Пропусти.

Он исчез, а через пару секунд в шатер вошла сверкающая статуя из блестящего металла, высокая, широкая в плечах и узкая в поясе, только шлем с перьями красиво покоится на сгибе руки. На меня без всякого выражения взглянули холодные светло-голубые, почти серые глаза, нос высокомерно вздернут, губы плотно сжаты, волосы туго убраны в пучок на затылке.

— Ваша светлость, — произнесла она так, словно заговорила усыпанная снегом гора, — я прослышала о вашем беспокойстве. Дескать, могу опозорить ваше мужское войско непотребным здесь женским обликом...

Я шагнул вперед, но обнять не решился, вдруг да в морду даст, сказал с искренним покаянием:

— Боудеррия, ну ты чего?.. Это тебе Вильярд наябедничал?

— Неважно кто.

— Неважно, — согласился я быстро, — ты права. Насчет облика... Я уже понял, ты сделаешь все, как надо. Доспехи просто чудо!

Она ответила так же ровно:

— Принцесса продала все драгоценности. Я у нее в долгу.

Я указал на самое лучшее с виду кресло.

— Сядь, давай поговорим. Не о тебе, не дергайся! О Вильярде и принцессе. С ними общаться трудно, ты же знаешь.

— Знаю, — ответила она.

— Садись, садись! Ты у нас вроде буферной зоны.

— Буферной?

— Да, — сказал я и невольно посмотрел на то место, где под панцирем укрыта ее высокая грудь, — это для смягчения столкновения... Да садись же!

Она неохотно и с некоторым недоверием села, я проследил, как сгибаются ноги в коленях, вроде бы легко, чувствуется добавочная подгонка доспехов по фигуре. Вообще они вроде бы легче обычных, что и понятно, для Боудеррии важнее прикрыть обнаженные части тела от мужских взоров, чем получить добавочную защиту.

Я опустился за табуретку рядом, стол не между нами, а сбоку, быстро наполнил кубки хорошим вином, один подал Боудеррии.

— Давай... за будущее.

Она взяла кубок, светлые глаза смотрят строго и вопрошающе, лишь на краткий миг почудилось, что в самой глубине мелькнуло что-то похожее на смущение.

— За будущее Алонсии, — произнесла она. — За Вильярда.

— За тебя, — сказал я честно.

Она не сводила с меня взгляда, теперь уже совершенно непроницаемого, медленно кивнула.

— И за вашу светлость.

Я поморщился.

— Боудеррия, брось... Мои друзья обращаются ко мне по имени. По крайней мере, в неофициальной обстановке.

— Сэр Ричард...

— Можешь просто «Ричард», — сказал я. — Пусть мои рыцари догадываются и завидуют... Я смотрю, ты в доспехах, это хорошо, извини за трюизмы. Но, надеюсь, ты мудро ограничишься ролью телохранителя Алонсии.

Она осведомилась:

— Что вы имеете в виду, ваша светлость?

— Ричард, — напомнил я.

Она сказала с неохотой:

— Сэр Ричард.

— Останешься возле принцессы, — объяснил я. — Никакого участия в боях! Знаю, тебя ничего не страшит, но если прибьют... Алонсия изойдет слезами.

— Не прибьют, — заявила она.

— Война, — напомнил я, — не серия поединков. Пора дерешься с одним, трое ударят в спину, это нормально.

Она спросила высокомерно:

— Рыцари бьют в спину?

— На одного рыцаря, — напомнил я, — десять тяжелооруженных конных, двадцать пеших, пятнадцать копьеносцев и столько же лучников. Все бьют в спину и, скажу честно, правильно делают. Степняки же бьют? Это война, а не красивая рыцарская игра с поклонами и расшаркиваниями. Потому мне хотелось бы тебя сберечь. Ты у нас уникальная. Потому не приказываю, ты же с норовом, а прошу по-людски, а то и по-человечески заниматься только своим делом: телохранить принцессу.

Она поморщилась.

— Алонсия говорит, она уже не принцесса. А главное, она оказывается в середине хорошо охраняемого обоза. От кого спасать?

— От нескромных взглядов, — предположил я.

— Как?

— Бить в морду всех, кто подойдет слишком близко.

Она поморщилась.

— Алонсия сама почти не выходит из повозки. Это она отпустила... даже велела идти к вам.

— К тебе, — поправил я.

Она выговорила с трудом, словно глотала огромную упирающуюся жабу:

— К тебе... сэри Ричард. Нет, не могу! Все-таки к вам.

Я поморщился.

— Ну, если совсем уже не можешь. Понимаешь, если решишь участвовать в боях, мне придется ради Алонсии и... вообще, стать телохранителем при тебе. А это не совсем... уместно. Я должен хранить державу, а не твои прелести.

Она сделала вид, что не заметила мой мужской взгляд, лицо стало еще суровее.

— Сэри Ричард, я слышала, вы считаетесь со своими вассалами.

— А ты мой вассал? — спросил я с интересом.

Она ответила нехотя:

— Куда деваться...

Я ощутил себя виноватым, хотя и не понимаю, с чего вдруг, но женщины это умеют, даже вот такие.

— Боудеррия... если ты слишком уж упираешься, то я могу тебе разрешить участвовать в боях. Как ты и сказала, куда денуться. Но только под моим присмотром! И только тогда, когда сам ввяжусь во что-то непотребное.

Ее глаза сразу заблестели, а на щеках вспыхнул румянец.

— Спасибо!

— Это не будет так часто, — предупредил я, — как ты надеешься. Я человек осторожный и нерисковый. К тому же стратег, а не искатель приключений.

— Я знаю, — ответила она. — Вы избегаете приключений, я слышала. Но слышала еще, что они вас не избегают! Еще как не избегают... Кстати, а вы сами не хотите навестить принцессу Алонсию?

Я в испуге потряс головой.

— Ни за что!

— Почему?

— Ну, что за вопрос?... — спросил я. — Вильярд при-
бьет. Он ревнив, как тысяча мавров.

Она скептически поморщилась.

— Ну да, так я и поверю, что опасаетесь его гнева. У вас как-то была схватка или я что-то перепутала? Я помню, кто одержал верх.

— Он был измучен вашим походом, — возразил я, — держался на последнем дыхании. А я прибыл свеженьким... Да и вообще, зачем мне его дразнить? Он мне присягнул, теперь я о нем обязан заботиться и защищать все его права.

Она смерила меня высокомерным взглядом.

— Вы говорите, как старик.

— Это как?

— Разумно, — сказала она с презрением. — Рассудочно! А где ваше боевое безумие? Звериный порыв? Отважное безрассудство?

Я пробормотал:

— Да как-то выветрилось, когда по голове били. Наверное, по ней стучали чаще, чем по другим местам. Такая у меня голова особенная. Каждому хочется по ней стукнуть.

Она кивнула.

— Да, мне тоже все время хочется. И чем больше смотрю...

Я посмотрел на нее искоса.

— Да ты вроде бы и била... и спину царапала. И даже укусила.

Она фыркнула, отвернулась и начала смотреть вдаль, но взгляд упирался в стенку шатра.

— Вранье.

— У меня след остался, — пожаловался я. — Хочешь, покажу?

Она вроде бы даже чуть покраснела и поспешно отвернулась.

— Сэр Ричард! Как вы можете?

— Сам удивляюсь, — ответил я. — Только с тобой и получается поговорить, как с человеком. Остальные, которые носят платья — женщины! Всего-навсего. А с тобой просто душа отдыхает.

Она с подозрением спросила:

— Это комплимент или оскорбление?

— Боудеррия, — ответил я с упреком, — ты же видишь, как я неровно к тебе дышу! И вдруг такие подозрения.

— Значит, все-таки оскорбление, — сделала она вывод. — Хорошо, сэр Ричард, до встречи в бою! Посмотрим, каков вы в реальном деле.

И, гордо повернувшись, вышла из шатра. Я покачал головой, все-таки женщины, как бы ни настаивали на своем равенстве, беззастенчиво пользуются своей женскостью. Попробовал бы кто-то из рыцарей вот так повернуться и выйти, смиренно не испросив моего высочайшего соизволения!

Глава 11

Отряды сэра Норберта ушли далеко вперед, в свою очередь выпустили разьезды по два-три всадника, а вся армия медленно снималась с места и продвигалась в глубь Гандерсгейма, еще не встречая ощутимого сопротивления, что меня настораживало, а местами и серьезно тревожило.

Граф Ришар объезжал рыцарские отряды, уже в полных доспехах, только сюрко поверх, спасаясь от жаркого солнца, с ним десяток военачальников, все в белых плащах с огромными красными крестами на спине.

Я встретил их на полдороге, когда быстро промчался по широкому кругу вокруг растянувшихся колонн, высматривал, откуда могут ударить быстро и внезапно.

— Ваша светлость, — сказал Ришар весело, — началось?

— Хорошее начало, — согласился я, — половина дела.

Он оглянулся на внимательно слушающих нас полководцев.

— Скажите что-нибудь, — попросил он, — как вы умеете. Даже у меня, старого зверя, вскипает молодая кровь после ваших речей!

Я развел руками, дескать, что сказать, все идет, как надо, потом выпрямился в седле и оглядел всех орлом.

Военачальники остановили коней и смотрят с ожиданием.

— У нас святое всепобеждающее знамя, — сказал я твердо, — на нем незримо горят слова «Сим победиши!», а вы все, конечно, знаете эти знаменитые слова, изменившие ход истории. У варваров же не так опасно знамя, как его древко.

Все заулыбались, Ришар сказал поощряюще:

— Ваша светлость, ваш строгий приказ насчет обязательного закрепления в городах вызывает... гм... разговоры среди доблестных рыцарей. Все-таки большинство надеялись на жаркие схватки в чистом поле...

— Этого хватит с избытком, — заверил я. — Будут жаркие и очень быстрые. Только успевайте. Но чтобы не приходилось отвоевывать захваченные земли снова и снова, везде нужно, увы, ставить крепости. Мы должны лишить варваров возможности носиться по Гандерстейму везде, где возжелают!

Сэр Арчибальд проговорил, морща аристократический нос:

— Такое осторожное продвижение... как-то не походит на ваше стремительное вторжение в Сен-Мари!

— Каждому противнику, — сказал я, — своя тактика.

— А вас не беспокоит, — поинтересовался он со всей почтительностью, но с долей ехидцы, — что варвары сочтут ваши поступки недостаточно... мужественными?

Я пожал плечами.

— Я еще не встречал kota, которого заботило бы, что о нем говорят мыши.

Ришар приподнялся в седле и оглядел всех веселыми и дерзкими глазами.

— Все слышали? — прогремел он сильным голосом

верховного полководца. — Никакого особого рыцарства по отношению к варварам! Вы коты, а они — мыши!

Я молча позавидовал, как мгновенно он воспламенил всех, судя по их лицам, и как мигом, как говорится, перевербовал, заставил переменить отношение к методам ведения войны.

Они орали довольно, били в щиты, вздымали руки, а я спросил тихонько:

— Граф, вы верите, что так будет?

Он вздохнул.

— Нет, конечно. Рыцарство у них в крови. Даже по отношению к драконам и то, бывало, делали такие жесты... Просто надеюсь, что удержат рыцарство в каких-то рамках. Не люблю терять героев из-за чрезмерного благородства.

— На следующем привале, — сказал я, — проведем еще раз сверку планов. А пока опасайтесь прежде всего внезапных набегов.

Он поморщился.

— Сэр Ричард! Вы так часто предупреждаете о такой мелочи, что просто оскорбительно для нашего крестоносного братства. Неужели внезапный набег что-то изменит? А приближение большого войска люди сэра Норберта обязательно заметят издали.

Утром мы прошли земли карликового королевства Кромленехи, уж и не знаю, какое племя владеет этими землями, потом миновали такое же мелкое королевство Ятгалды.

Мы двигались плотной конной группой, военачальники, полководцы, а также наиболее знатные из рыцарей, тут уж ничего не поделаешь, эту привилегию у них отнять я даже не пытался. Достаточно и того, что не берутся вести войну каждый своим отрядом самостоятельно.

Вокруг нас на расстоянии усилиями барона Норберта двигаются, не приближаясь и не отдаляясь, конные отряды телохранителей, наиболее крепкие и умелые из простых воинов.

Граф Ричард красиво восседает на рослом жеребце, он

на полкорпуса впереди, красивый в блестящих латах, сейчас, правда, почти целиком скрытых белым плащом с огромным красным крестом на спине.

— Захваченные сообщили, — сказал он довольно, — а наши разведчики подтвердили, что мы в пределах довольно крупного и богатого королевства Белые Гарпии! Ну и название, надо сказать... Вот тот город, видите, и есть стольный град... а также все королевство. Видите вон те три деревни? Это все подданные...

— Не считая горожан, — вставил Альвар Зольмс.

— Не считая горожан, — согласился Ришар. — Сэр Ричард, что с ними делать будем?

Я подумал, сказал медленно:

— Дорогой граф... насколько я помню, королевство Белые Гарпии... правит им великий король Вандерлит. Чем великий, никто объяснить не может, а у него лучше не спрашивать из свойственной нам деликатности и христианской шепетильности. У него два сына, но оба давно выросли и куда-то выданы замуж... или, точнее, зажен. Чуть дальше королевство Гардекс с королем Узиландом.

— Тоже великим? — спросил граф с усмешкой.

Рыцари засмеялись, я кивнул.

— Ну, тут все великие, привыкайте. Чем мельче, тем... Дальше, если по прямой, королевство Поющих Деревьев... Ага, левее от Гардекса — королевство Бретокс, там самая качественная и низко залегающая руда во всем Гандерстейме, однако плавильные мастерские самые лучшие и дешевые — в Йеремланде. Над ними нужно поскорее установить связь, а то вдруг Вики все-таки выдадут замуж, и расклад сил резко поменяется...

Альвар Зольмс воскликнул с великим удивлением.

— Сэр Ричард, откуда вы все это знаете?

Я ответил с должной надменностью:

— Разве это не мое маркграфство? И не мои люди? Пусть даже пока об этом не знают... В общем, от Гардекса правее Бурландия, это королевство может оказаться на нашей стороне. Ему покровительствовал ярл Растенгерк,

сейчас, правда, женатый на Мириам Сероглазой, дочери короля Франсуа Меченого, королевства Меркель... Можно надеяться, что Меркель и Бурландия не окажут нам сопротивления...

Альвар поинтересовался тихонько:

— А кто такая Вики?

Я отмахнулся.

— Местная принцесса. В Гандерсгейме сто семьдесят королевств, так что можете представить себе, сколько здесь принцесс!

Все кивали, улыбались снисходительно, только Альвар помолчал, присматриваясь ко мне, и спросил тихонько:

— Но принцесса Вики чем-то особенная?

Я спросил удивленно:

— С чего вы это взяли?

— Да что, — ответил он, — у вас на лицо тень набежала... И вздохнули. Чуть-чуть, но правитель должен лучше следить за своей мимикой.

Я помолчал, теперь и другие смотрели на меня с ожиданием, а он коварно улыбался.

— Это чистая и светлая девушка, — выговорил я наконец. — Я не встречал более наивной, доверчивой и преданной... Но, видит бог, я не могу жениться на всех прекрасных женщинах мира... хотя, конечно, хотел бы, сознаюсь. Господь посылает нам и такие испытания, а не только сражения с драконами и битвы с варварами! Но с теми ясно, а вот с женщинами... проходишь это испытание и не знаешь, правильно ли прошел...

Их лица медленно темнели, серьезнели, в глазах у кого сочувствие, у кого сопереживание, а у многих печаль, словно еще раньше меня прошли через такое и не уверены, что прошли правильно.

Наконец Христоф Вильгельм Гуфеланд, младший сын графа Фридриха Новоплесского, чьи владения входят в герцогство Вельденское, то есть мое, расхохотался звонко и весело.

На него посмотрели с удивлением, он поерзал в седле и спросил приподнятым голосом:

— А это королевство Меркель... далеко?

Он явно старался столкнуть всех с минорной колеи, я ответил уже деловым тоном:

— Насколько помню, от некой точки... гм... до Меркеля было восемнадцать королевств... а если считать отсюда, то не меньше двадцати пяти, если по прямой. Это гигантское королевство: три города и восемнадцать сел...

Он бодро хохотнул.

— Ого! В самом деле. Чур, мое!.. Я как раз и хотел себе именно такое. Чтoб три города и восемнадцать сел.

Я грозно нахмурил брови.

— Сэр Христоф, — сказал я резко. — Вы мне принесли клятву верности в Вестготии, как сюзерену, но почему решили, что здесь я никто? Вам что, нужно напоминать, у кого в руках меч власти?

Рыцари утихли, а сэр Христоф побледнел, развел руками, торопливо промямлил:

— Сэр Ричард... ваша светлость... это же только шутка... пусть неуместная, но я же ни в коей мере не посягаю на ваше право раздавать трофеи самолично...

Я выждал, обводя всех карающим взглядом, все потупили головы, наконец я сказал резко:

— Дабы никто отныне не забывал об этом, повелеваю! Земли королевства Меркель никому не будут переданы!.. Там останется тот правитель, что правит сейчас. Пусть это будет предостережением тем, кто берется распоряжаться захваченным.

Дальше ехали некоторое время молча, испуганные моей вспышкой вельможного гнева, хотя я просто имитировал ее в интересах дела. Сэр Христоф довольно удачно для меня сглупил, я воспользовался его промахом, чтобы отмазать королевство Меркель от захвата и раздела победителями. Конечно, независимым ему быть недолго, быстро запрягу в общую экономику, но хотя бы избегнет обязательного разграбления.

Еще надо будет вывести из-под удара пару коро-

левств, что уже на стороне великого и ужасного Ричарда, а еще обязательно связаться с племенем Растергерка. Приходится напоминать себе, что Гандерсгейм — не страна, и заселяет его не нация или народ, а множество варварских племен, у которых нет понятий единства на основе общности нации, веры или чего-то еще. И которых сосед обычно намного сильнее раздражает, чем пришлые чужаки.

Рыцари потихоньку начали переговариваться, Ришар оглянулся на них, пустил коня рядом с моим Зайчиком.

— Что-то варвары ведут себя как-то странно, — сказал он обеспокоенно. — Ни одного крупного сражения!.. Мелкие стычки не в счет, я просто не нахожу себе места.

— Бойтесь, затевают что-то?

Он кивнул.

— Да. Такое впечатление, что у них что-то в запасе. Ужасное для нас. А что думаете вы?

Я постарался изобразить полное спокойствие.

— Граф, они же видят нашу силу! Всем заметно, что теперь нас вдвое больше, чем было тогда, когда их разбили и выгнали из Сен-Мари.

Он кивнул, соглашаясь, но лицо оставалось хмурым. Я улыбался, но самому поведение варваров кажется неестественным. Вместо того, чтобы дать решительный отпор, отступают, как будто заманивают в глубины Гандерсгейма, где нас р-р-р-раз! — сожрет нечто огромное и настолько могучее, что и не хрюкнем.

— А наши силы тают, — заметил он. — Нехорошо.

— Что так? — спросил я. — Сражений вроде не было?

— А гарнизоны? — напомнил он. — Я и так оставляю самых, так сказать, малодеспособных. Но у нас, как на зло, все рвутся сразиться с дикими людьми, упрочить веру Христа!

— Давайте какие-то льготы, — посоветовал я.

Он поморщился.

— Да и так всем сказал, что остаются хозяевами. Справедливыми и милостивыми... но все-таки хозяевами! Только так и удастся набирать добровольцев.

Глава 12

Войско остановилось на привал, выбрав защищенное со всех сторон место. Часть рыцарей отправилась поглазеть на королевство Поющих Песков, оно расположено рядом и занимает земли чуть больше, чем наш лагерь, в головах других уже цветет идея устроить турнир, надо же выяснить, кто лучше владеет копьем и мечом: армландцы, сен-маринцы или вестготцы, кто-то тут же устроился на отдых, а я молча пустил Зайчика вперед.

От стен города несет воню жареной рыбы в дешевом оливковом масле, воздух горяч, в лагере редко увидишь блеск стальных доспехов, все укрываются легкими сюрко, а на головах тонкие тканевые накидки, защищающие от солнца.

Люди сэра Норберта перехватили огромное стадо овец, теперь эта блеющая резкими гортанными голосами масса вливается на просторы лагеря, какая-то странная порода, черная с блестящим отливом, их весело расхватывают по одному, тут же режут и разделяют у костров.

Я выехал за пределы, за спиной послышался дробный стук копыт, я думал, что усердствуют телохранители, но те держатся в отдалении, а догнал меня всегда веселый и жизнерадостный барон Витерлих, под ним даже конь веселый и жизнерадостный, сразу начал скалить зубы Зайчику, фыркать и строить конские рожи.

— Сэр Ричард, — сказал Витерлих с живостью, — я не успел рассказать и половины ваших приключений в Ундерлендах, а меня уже подняли на смех!..

— Неужели обидно? — удивился я.

— Еще как, — сказал он сердито. — Когда вру — верят, а тут чистую правду...

— Значит, — сообщил я, — мир не созрел. Как вам здесь?

— Бесподобно, — заявил он. — Я в диком восторге! Столько благородного рыцарства, столько величавых му-

жей, чьи речи и поступки достойны подражания!.. И какая великая цель перед нашим доблестным воинством!

Я подумал, знает ли он, какая у нас цель, сказал с пафосом:

— Мы объявили войну хижинам, чтобы застроить Гайдерсгейм дворцами!

Он воскликнул с восторгом:

— Именно!.. О, здесь будет прекрасный край!.. Как только очистим от грязных дикарей, поклоняющихся идолам...

Я не успел ответить, снова со спины стук копыт, телохранители было качнулись в нашу спину, но тут же остановили коней, признав в сверкающем металлом всаднике Боудеррию, что пользуется, как уже знают, моим полным доверием.

Она остановила коня с другой стороны от меня, сердито зыркнула на Виттерлиха, но тот заулыбался радостно и начал с нею раскланиваться с такой предельной любезностью, что она засопела и насупилась, подозревая насмешку.

— Сэр Ричард, — обратилась она надменно и требовательно, — прошло уже несколько дней, как я вынуждена таскать на себе это железо, но за все время так ни разу не обнажила меч! Вы меня обманули.

Виттерлих закрыл рот и смотрел на нее со странной смесью восторга и отвращения.

— Боудеррия, — сказал я миролюбиво, — но ведь сражений еще не было. Сама все видишь, при чем тут я?

— А куда вы отлучались? — спросила она с подозрением. — Не поверю, что ни разу ни с кем...

Я хотел сразу помотать головой, потом мелькнуло разбитое лицо чернобородого, но решил, что это не в счет, все-таки помотал головой, но зоркая Боудеррия сказала резко:

— Врете, я все вижу!

— Боудеррия, — сказал я с упреком, — ты женщина,

даже дама... можно сказать... гм... леди, а такие грубые слова знаешь.

Витерлих кивнул и тоже начал смотреть на нее с упреком.

— Я еще и не такие знаю, — пригрозила она. — Вот что, я еду с вами!

— Да мы никуда не едем, — сообщил я. — Просто в лагере... запахи, а мой утонченный изнеженный аристократический нос не выносит такие ароматы в большом количестве.

Она посмотрела с удивлением.

— Это у вас утонченный?.. ладно, умолчу, раз я, оказывается, дама.

— Даже леди, — подсказал сэр Витерлих с упреком.

Он одарила его таким холодным взглядом, что у него улыбка примерзла к губам, а потом уголки ее потекли, как сосульки в жару.

— Мы просто объезжаем лагерь, — сказал я. — Если хотите, присоединяйтесь. Но только о вас будут думать, что вы здесь ради меня или сэра Витерлиха.

Она вскинулась, гордо выпрямила спину.

— Что-о?

— А разве нам не нужно стараться понравиться? — спросил я.

Она натянула повод, я думал, что сейчас развернет коня и ускачет к лагерю, и сэр Витерлих, похоже, ждал того же самого. Боудеррия посопела, как разъяренный дракон, только что пламя не вылетает из пасти, сказала надменно:

— Боюсь, без меня вас и муравьи уташат! А я — телохранительница.

Витерлих тяжело вздохнул, лицо стало печальным, даже конь под ним опустил голову и шел так торжественно, будто везет гроб с останками короля.

Я сказал, желая подбодрить Витерлиха:

— У каждого человека есть два мотива, истинный и тот, который хорошо выглядит. Лишь только наше кре-

стоносное войско движимо одним благородным мотивом, одной целью и одним желанием! И как хорошо, что в войне не бывает второго приза для проигравших. Гандерсгейм весь наш по праву!

— У нас справедливая война, — сказал он с подъемом.

— Есть справедливые войны, — согласился я, — и хотя нет справедливых войск, однако в целом мы справедливы, гуманны, прогрессивны, миролюбивы. Целью любой войны является мир, а в нашем случае — вечный мир!

— А варварам, — добавил Витерлих злорадно, — вечный покой. Ненавижу этих тупых, грязных и злобных дикарей! Война тем лучше, чем больше вреда она им причиняет!

Телохранители постепенно отставали, только двое продолжали держаться справа и слева на почтительном расстоянии. Витерлих продолжал изощряться в ругательствах насчет диких варваров, не понимающих благородные законы войны, из-за чего должны исчезнуть с лица земли быстро и безжалостно.

Мы проехали небольшую рощу, с той стороны донеслись яростные крики, конское ржанье и лязг металла. Боудеррия насторожилась, быстро повернулась в ту сторону.

— Там бой!

Сэр Витерлих сказал озабоченно:

— наших там точно нет...

Боудеррия красиво и страшно выхватила из-за спины оба меча, выпрямилась, гордая и великолепная в гневе.

— А если кому-то нужна помощь?

Конь под ней не скакнул даже, а его будто швырнули пинком в ту сторону. Сэр Витерлих вскрикнул горестно:

— И как после этого быть рыцарем?

Мы догнали ее, я опередил и выскочил на опушку, где прямо на дороге сражаются два десятка полуголых и абсолютно одинаковых варваров: все рослые, загорелые, обнаженные до поясов, топоры и мечи блестят, разбрасывающая солнце, сталкиваются со зловещим звоном и лязгом.

Я крикнул:

— Красные пояса!.. Напали на серьгоносцев!.. Бей краснопоясных!

Сэр Витерлих лишь хлопнул глазами от такого неожиданного приказа, но моментально сориентировался и ринулся в схватку с диким воплем и поднятым мечом.

Еще раньше подоспели оба телохранителя, умело прикрыли меня щитами с боков и сзади, оцетинились мечами, оба рослые жилистые гиганты.

Варвары остервенело дрались между собой, сэр Витерлих двумя ударами рыцарского меча срубил двоих краснопоясных, лишь тогда его заметили и бросились на него. Я наносил удары быстрые, стараясь, чтобы серьгоносцы успели понять, что я на их стороне.

Боудеррия вертелась, как бешеный вихрь, что сносит крыши и переворачивает груженные телеги, ее мечи рассекали плоть с такой легкостью, словно те были слеплены из тумана.

Я наконец заорал:

— Бей мергелей!.. Бей мергелей!

Один с поднятым мечом, что уже бросился на сэра Витерлиха, заколебался и отступил, зыряка в нашу сторону злобно и недоверчиво. Один из мергелей метнул в него нож, я успел заметить движение вовремя и быстро выбросил руку с мечом в сторону.

Нож с силой ударился о лезвие, оно плашмя шлепнуло варвара по лицу. Он отшатнулся, посмотрел на меня зло, но все же сообразил, что я ему спас шкуру, заорал своим, и мы уже все вместе ударили на мергелей с новой силой.

Те не дрогнули, отбивались яростно и умело, до последнего вздоха. Я опустил меч, когда последние пали на землю и, вытерев от крови, демонстративно сунул в ножны.

Варвары все еще с оружием в руках смотрели в нашу сторону с недоумением и враждебностью. Я улыбнулся широко и сказал с предельным дружелюбием:

— Мы не враги!.. Но мергели — враги. Закон Степи и Великого Морского Коня — нерушим, не так ли? Как эта

земля, как эти горы, как это небо!.. Отважные люди пришли на эту землю как кочевой народ, но мергели собирались сменить гордый быт на жизнь презренных глиноедов, как не стыдно? Как только земля их носит, допустивших такой позор на кости их предков?..

Все раскрыли рты, как варвары, так и сэр Витерлих с Боудеррией. Я сказал громко:

— Если вы верны духу Священного Морского Коня, если в ваших одурманенных душах еще жива честь и доблесть кочевников, романтиков и бунтарей — вы поймете наш порыв поддержать вас в вашей схватке. А теперь прощайте, мы возвращаемся к своему войску.

Я повернул коня, Боудеррия и сэр Витерлих, сопровождаемые телохранителями, обалдело сделали то же самое. Мы выехали на дорогу и пустили коней рысью, Боудеррия сделала каменное лицо, ее ничем не удивишь, написано на нем крупными буквами, а сэр Витерлих сразу же спросил горячим шепотом, словно нас может услышать еще кто-то из противников:

— Сэр Ричард, о чем вы говорили?

— О конституционных основах строя, — ответил я. — Правда, он называется здесь иначе, но...

— Что за мергели? — потребовал он. — Что это вообще было?

Я беспечно пожал плечами.

— А я откуда знаю? Да и важно ли это?.. Жизнь идет, сэр Витерлих. Красные муравьи дерутся с черными, черные с желтыми, желтые — со всеми... И рыжий о черный ударился щит, ни вздоха, ни стопа — война шелестит! И рыжее войско, и черная рать, и рыжие черных спешат dokonать... Жить нужно красиво! Ну подрались мергели с каким-то племенем. Мергели — это довольно могучее объединение, что оказалось на опасном распутье... и чуть-чуть было не сделало правильный шаг. Но я ему это не позволил. А красные пояса — знак элитных воинов в их племени.

Боудеррия заметила с интересом:

— Так это были элитные?

— Не похоже? — спросил сэра Витерлих.

Телохранители на этот раз едут к нам близко, второй раз такой оплошности не допустят, чтобы опекаемые первыми вступили в бой.

Боудеррия фыркнула:

— Мне они такими не показались.

Я свое мнение сказать не успел, за нашими спинами послышался частый стук копыт. Пятеро варваров догоняют нас во весь опор. Телохранители, а за ними и Боудеррия с сэром Витерлихом сразу же подали коней в стороны, вытащили мечи и развернулись навстречу.

Я тоже повернул коня и ждал, держа руку вблизи рукояти меча. Варвары начали придерживать коней, передний вскинул обе руки, показывая, что меч и топор на седле.

Я выехал навстречу. Он отвесил сдержанный поклон и сказал твердым голосом:

— Мы сражались храбро, но мергелей было втрое больше. Без вашей помощи победа досталась бы им.

Я ответил сдержанно:

— Не стоит даже упоминать о таких пустяках. Мужчины помогли мужчинам, только и всего.

Он покачал головой.

— Да, но вон тот... что с красными перьями на шлеме, спас мне жизнь, когда на меня набросились трое. Я буду опозорен, если не отплачу ему тем же...

Я покачал головой.

— Спаси жизнь кому-то из друзей, и мы будем в расчете.

Он повысил голос:

— Нет! Моя честь не позволяет такую уловку. Я, сотник отряда серьгоносцев Степак Кривой Рог, пойду за ним и спасу ему жизнь...

Сэр Витерлих ерзал в седле, поглядывал на меня то сердито, то беспомощно, Боудеррия нагло улыбалась, наслаждаясь ситуацией.

Я с самым серьезным и торжественным лицом сказал возвышенно:

— Честь и благородство превыше расчета, ума, мудрости и даже рассудка. Потому я от имени смущенного и донельзя растроганного сэра Витерлиха, у которого даже слов не находится, чтобы выразить охватившие его чувства, принимаю ваш обет и скрепляю его своим словом Ричарда Длинные Руки.

Варвары насторожились, их очень серьезные лица обрратились в мою сторону.

Степак Кривой Рог спросил осторожно:

— Перед нами великий вождь Ричард Повелитель Драконов?

Боудеррия едва слышно вздохнула:

— Господи, он еще и Повелитель Драконов...

— Это иносказательно, — шепнул я ей, а варварам ответил громко: — Да, я есть он самый. Тот, который, да. Следуйте за нами, вам окажут достойным прием, как друзьям и союзникам.

Степак сказал резко:

— Мы не друзья и не союзники. Я просто должник и постараюсь поскорее отдать долг! Причем за мою жизнь я должен спасти ему дважды, так как жизнь воина-серьгоносца, конечно же, дороже жизни жестянщика.

Я ответил кротко:

— Я не сказал, что вы друзья или союзники. Я сказал, вам окажут прием, как друзьям и союзникам.

Степак кивнул, принимая уточнение, сказал громко и гордо:

— Я, Степак Кривой Рог, сотник своего отряда, оставляю командование на своих заместителей, а сам последую за этим воином, спасшим мне жизнь. А это мои люди.

— Люди твоего рода? — уточнил я.

— Да, — ответил он. — Вижу, ты понимаешь наши обычаи.

Я кивнул.

— Конечно. Я ведь из племени айсоров, что входит в объединение ассиоров. Там сейчас остался ярл Растенгерк, мой друг и названный брат, я его не видел с тех пор, как

помог его младшему брату Элькрефу завоевать принцессу Элеонору Гордую. Кстати, самому Растенгерку я помог добыть его нынешнюю жену Мириам...

У них у всех открывались глаза все шире, а челюсти отвисали. Даже у телохранителей, которые вообще должны только бдить и ни к чему не прислушиваться.

Боудеррия красиво вбросила мечи в ножны. Варвары смотрели на нее с восторгом и почтением.

— У тебя достойная женщина, — сказал Степак с одобрением.

— Да, — согласился я. — Пришлось долго выбирать!

Он ухмыльнулся, все мы понимаем, о чем речь, только Боудеррия надулась, как мышь на крупу, а когда на минутку нас со Степаком разъединили телохранители, сказала злобно:

— Я не ваша женщина!

— Это было в интересах этикета, — пояснил я шепотом.

Варвары снова подъехали, Степак одобрительно кивнул в сторону Боудеррии:

— Сильная женщина! Злая. Хорошо!

Витерлих свернул к своему стану, а варвары, к его ужасу, покорно повернули за ним. Я злорадно усмехнулся. Это просто возмутительно, если наши враги имеют наглость обладать какими-то достоинствами. Особенно теми, что считаются исключительно привилегией рыцарей.

Глава 13

Тяжелая конница герцога Ульриха прошла земли еще четырех королевств, оттесняя кочевников в глубину Гандерсгейма. Одно стойбище не успело вовремя убраться, передовые отряды сожгли его скарб, юрты и шалаши, а также порубили всех, кого успели захватить на месте.

Брабандцы под руководством герцога Готфрида двигались намного севернее, как и предусматривалось на-

шим планом, расчлняя племена и оставляя в городах гарнизоны. У единственного брода через бурную и широкую реку Истрицу он велел начать возведение крепости, чтобы воспрепятствовать бесконтрольному передвижению кочевых орд с северной части Гандерстейма в южную.

Мы двигались согласованным с Ульрихом и Готфридом маршрутом, захватывали города, наконец сэр Норберт сообщил с тревогой, что с трех разных сторон нам наперерез двигаются три многочисленные конные орды.

Граф Ришар вздохнул с облегчением.

— Я уж и не надеялся...

— Какие у них силы? — спросил я.

— Примерно впятеро больше, — сказал Норберт, — чем у нас, но все одинаковые, ваша светлость. На этот раз никаких огров не замечено.

— А кентавров, троллей?

— Вроде бы тоже нет, — сказал он, — но ручаться не буду. Среди обычной конницы их не особенно рассмотришь, да и пыль у них всегда столбом.

— Пошлите гонцов к герцогу Ульриху, — сказал я, — и к герцогу Готфриду. Мы ударим первыми, они пусть поддержат с флангов.

Разведчики донесли, что отряды варваров медленно и неспешно, чувствуя полное превосходство, стягиваются на той стороне гигантской долины, куда мы вступили. Раньше я назвал бы их орды войском, теперь уже знаю, что это разные племена, их вожди договорились на короткое время отложить смертельную вражду и ударить по чужакам вместе. Когда начнется бой, все будут больше следить друг за другом, чтобы никто не увиливал, все должны нести потери, а не отсиживаться за чужими спинами...

Асмер вывел вперед лучников, всего три шеренги, однако вдоль всего длинного строя, это не меньше двух тысяч человек. Растет Асмер, хоть и поневоле, но в роли военачальника он мне важнее, чем лучший на всем Севере стрелок из лука.

За его людьми расположились плотными рядами тя-

желовооруженные всадники, а уже за ними стоят наготове пока невидимые для варваров копейщики Макса.

Ришар снова пожертвовал своих знаменитых скакунов для посыльных, носятся быстрее, чем голодные стрижи над озером. Исполинское войско выстраивается медленно, однако без привычной феодальной вольницы, где граф не изволит стоять рядом или позади барона, тем более — виконта. У меня титулами можно мериться только за столом, но не перед лицом противника.

Со стороны войска варваров донеслись слабые звуки рожков. Пропел один, тут же подхватили в разных концах, я подосадовал, что не заметил, откуда пришел сигнал, туда надо бы нацелить удар в первую очередь.

Граф Ришар сказал нервно:

— Началось...

Я ощутил дрожь во всем теле, но сказал натужно бодро:

— Граф, мы уже били их в Сен-Мари.

Он ответил недовольно:

— Тогда была неожиданность на нашей стороне! В Сен-Мари варвары с такими воителями столкнулись впервые. А теперь, битые, что-то да придумают...

— Сплюньте, граф.

По его знаку ко мне подъехали устрашающего вида рыцари в блестящих, как солнце, доспехах и разом сомкнулись вокруг меня, словно волны вокруг утеса. Я узнал старшего, сэра Переальда, от отличился в прошлых битвах в Сен-Мари, и как когда-то Макс на Каталаундском турнире, так и этот всюду умело берег мою спину.

Как я понимаю, это моя стража или мои телохранители, знатные юноши из благороднейших семей, которым прочат великое будущее, потому и постарались впихнуть их ко мне поближе, чтобы я их рассмотрел, убедился в их преданности и самоотверженности.

Рядом с сэром Перияльдом такой же молодой, едва-едва усы начали пробиваться, розовощекий великан Умальд, уже успевший еще в оруженосцах одержать ряд блистательных побед в поединках, Айсватер, известный тем, что

в полных рыцарских доспехах с двуручным мечом в руке и тяжелым щитом перепрыгивает любого рыцарского коня, не коснувшись высокого седла, сэр Йомильд — высокий, худой, невероятно быстрый, одержавший немало побед на турнирах, Динальд — знатный рыцарь из Сен-Мари, последний отпрыск древнейшего рода, Лионель — этого я знавал как искусного запевалу, однако он оказался еще и свирепым бойцом...

С удивлением и удовольствием увидел среди телохранителей еще двух гигантов: Хрурта и Ульмана, едва ли не первых моих рыцарей, что присягнули мне, тогда еще беститульному, в захваченном мною замке Амальфи.

Также при мне десяток гонцов на быстрых конях, в случае необходимости мигом разнесут в любой конец войска мои приказы, и отец Тиберий с тревником в руках и большим крестом на груди.

Я оглянулся на копейщиков Макса. В прошлый раз копия были длиннее, тяжелее и толще, их поднимали по двое-трое, но граф Ришар после побед в Сен-Мари моментально сделал верные выводы, а Макс с жаром и молодым энтузиазмом тут же с его помощью перевооружил своих копейщиков. Для отражения атаки варваров не обязательно готовить такие же заостренные бревна, как для закованных в железо рыцарей. Сейчас копия тоньше и даже короче, зато их настолько много, что отсюда кажется, что гигантское войско ошетинилось, как испуганный еж.

Я с холма хмуро всматривался в грозные фигуры тысяч варваров, рослых и широкоплечих, полных боевого задора, нетерпеливых, готовых ринуться в бой без приказа, если вожди слишком уж будут медлить с сигналом. Напрягая зрение, я различал пояса, главное отличие воинов одних племен от других, здесь не только все цвета, но также из кожи, металла, полотна, некоторые узкие, как веревка, другие такие широкие, что закрывают весь живот, как панцирем, многие различаются по количеству ременных петель и стальных колец...

Есть отряды длинноволосых, есть с обрезанными ко-

ротко, одно племя разрисовало себя причудливой татуировкой, но я подивился, что только одно. Похоже, сюда стеклись воины со всех концов Гандерсгейма, как с гор, так и из пустынных областей, а еще вот те, судя по знакам на лице, прибыли с побережья...

Я видел, как волнуются наши воины, опытные ветераны лишь посуровели и успокаивали молодых, а те сжимают рукояти мечей и топоров, дышат часто и трудно, словно уже в схватке, дергаются, лица покраснелись, глаза горят безумной отвагой.

Варвары не удосужились узнать, сколько нас, слишком уверенные в своем превосходстве, в силе, которую сравнивают только с жителями тех королевств, которым милостиво оставили жизнь на их землях.

Я медленно продвигался между готовыми отрядами в передние ряды, за мною, как замороженные, протискивались мои военачальники и телохранители.

Слышно было, как один из ратников, побледнев, шепнул другому:

— Как же их много!.. Тут не меньше десяти тысяч... А еще вон там на фланге... и в запасе...

— Тысяч тридцать, — согласился второй воин, но голос спокойный.

Я услышал, остановил коня и сказал первому громко:

— Не пересчитывай тех, кого побаиваешься. К твоей смерти доступ открыт только одному, сколько бы врагов ни оказалось напротив.

Он кивнул, повеселел, я поехал дальше, вот сказалул же явную глупость, но зато многозначительную, а мы всегда ловимся на многозначительность, на пышные одежды, властный голос, красивые жесты. И как этот простак сразу перестал бояться, так и мы из-за какой-то хрени можем стать хуже или лучше, всего лишь оттого, каким тоном будет сказано. И кем. А еще с коня или с земли.

Да много от чего зависит успех твоего дела, сэр Ричард. Учись руководить массами. Всеми слоями.

Земля начала подрагивать, донесся негромкий, но все

усиливающийся гул, словно с горы сорвалась исполинская каменная лавина и мчится по склону, ломая деревья, размалывая их в щепы, сбивая тяжелые камни и увлекая с собой.

Стрелки вскинули луки. Асмер выждал, взмахнул рукой. Туча темных черточек взвилась в воздух, все небо заполнилось зловещим свистом двух тысяч стрел, злобным и леденящим кровь.

Дальше все стреляли уже без команды, каждый старался превзойти соседа по скорости.

Варвары мчатся в атаку красиво и весело. Я всматривался в их торжествующие лица, всяк торопит коня, чтобы опередить соседа и первым врубиться в строй беззащитных лучников, а затем, стоптав их, как сочную траву, скрестить оружие с закованными в блестящую сталь конниками, что стоят за их спинами плотными рядами, неподвижные, суровые и грозные с виду.

Сэр Витерлих сказал торопливо:

— Что-то ваш Асмер задерживается!

— Он знает свое дело, — ответил я, хотя самому уже показалось, что Асмер не успеет избежать участи быть затоптанным. — Он договаривался с Максом...

Лучники выпустили еще по стреле и наконец-то ринулись под защиту конных, как это показалось, и, конечно же, не успели бы, однако между конными с той стороны быстро пробежали навстречу лучникам копейщики, на позиции каждый сразу упер тупой конец длинного копья в землю, придавил ногой и направил острие в сторону скачущих.

Варвары уже не успевали повернуть коней, но я видел, что могли бы затормозить, остановиться, однако даже пришпоривали, хотя навстречу грозно ощетинилась стена острых копий в пять рядов.

Ришар выдохнул с облегчением:

— Похоже, сен-маринский урок не усвоили...

— Здесь другие, — сказал я. — Войска у них как не было, так и нет...

Варварская конница налетела с грозным гулом, топотом и конским храпом. Сразу же закричали смертельно раненные кони, рядом со мной граф непроизвольно передернул плечами, когда кони и люди с разбега с хрустом начали нанизываться на острые копыя.

Наши всадники снова подали коней назад, а на их место выбежали последние ратники Макса из резерва, тоже уперли копыя в землю и наклонили острия.

Лучники с новой позиции торопливо расстреливали противника, а рядом с копейщиками появились ратники-меченосцы, умело добывая и защищая копейщиков от сумевших упасть на землю между копыями.

Если бы передние ряды варваров так и остались на копьях, следующие прорвали бы оборону, однако копейщики выдерживали острия и снова били с большой силой. Но отступить на пару шагов все же пришлось из-за быстро выросшего перед ними вала из конских и человеческих тел.

Лучники продолжали держать в воздухе тучу тяжелых стрел метровой длины и с острыми стальными жалами, они обрушивались сверху с такой силой, что иногда пронизывали полуголого всадника насквозь.

По взмаху руки Макса пропела труба, копейщики слаженно отступили. Им на смену выдвинулись два ряда запасных и точно так же уперли копыя в землю. Варваров прорывалось сквозь град стрел из композитных луков все меньше, но так же бесстрашно и красиво бросались на ровный строй ощетинившихся копыями, гибли, а за их спинами все настойчивее звучали рожки.

Меня била дрожь, наше войско действует слаженно, как машина с притертыми частями, а варвары... да, это люди, свободные, непокорные, яростные, не желающие принимать дисциплину, и вот сейчас продолжают снова и снова наваливаться на копыеносцев, хотя ряды их сильно поредели из-за смертоносной атаки лучников, уже сотни или даже тысячи коней мечутся с пустыми седлами, усиливая неразбериху и мешая атакующим.

Я едва-едва услышал сигнальные рожки, то ли гонят в

атаку, то ли подадут сигнал отступить. Уцелевшие группки варваров, еще не наколовшихся на копья, начали придерживать коней, но сзади наперли, прижали и снова недобрый хруст всаживаемых в живую плоть острых копий...

На стороне варваров хрипло запели рога, пропищали свиристелки, резко и пронзительно протрубили трубы. В тот же миг все огромное войско сорвалось с места и ринулось в нашу сторону, огромное и страшное, будто несметная стая летучих мышей.

Я крикнул:

— С нами Бог!.. Вперед!

Рыцари с поднятыми копьями тронулись вперед шагом, на ходу медленно опускали копья, шаг перешел в грунь, грунь в рысь, а через некоторое время вся стальная тяжелая лавина несется уже галопом, выставив перед собой щетину толстых и длинных копий.

Земля застонала, начала вздрагивать, а потом уже мелко тряслась в ужасе, а стальное тяжелое войско все мчалось и мчалось, с каждым скоком набирая скорость.

На какой-то миг мне почудилось, что грохот копыт почти затих, только раздаются крики раненых и конское ржание, но затем земля снова застонала, затряслась, тревожно загудела. Из облака пыли вынырнули громадные люди-кони.

Я охнул, сердце тревожно сжалось. Огры верны слову, остались нейтральными, тролли тоже на этот раз не пошли с варварами, но кентавры... Или это я сам забыл взять с них слово воздержаться от участия в боях, слишком занятый задачей прекращения их войны с троллями?

Земля уже кричала от боли, кентавры мчатся плотной массой, они вдвое тяжелее всадника с конем и впятеро опаснее...

Лучники как остервенели, руки мелькают, как спицы в колесе, глаза безумные, стрелы вылетают так часто, что небо там потемнело. Их начали теснить сзади, заставляя расступиться, закованные в блестящую сталь конные рыцари из Вестготии.

Во главе я узнал Вильярда, даже родовитые граф Гатор и граф Стерлинг признали его достойным идти во главе рыцарского клина, за ними весь цвет искателей приключений и славы Вестготии, единственный отряд в моем войске, где рыцарей пока больше, чем простых ратников: первыми на корабли в великом нетерпении ринулись именно рыцари.

Копейщики изготовились, я видел, в каком страшном напряжении они все ждут страшного удара. У моих стрелков на этот раз, в отличие от битвы в Сен-Мари, у всех тяжелые композитные луки, я видел, как Асмер быстро-быстро посылает длинные убойные стрелы, и каждая бьет либо в глаз кентавра, либо в широко распахнутый в бешеном вопле рот.

Остальные лучники бьют менее прицельно, однако если в Сен-Мари стрелки не остановили ни одного кентавра, те продолжали сражаться с десятком стрел в теле, то сейчас то и дело падают на скаку, на них обрушиваются скачущие следом, создавая страшный вал из бешено бьющих во все стороны копытами тел.

Рыцари Вестготии продолжали медленно, не нарушая порядок, продвигаться вперед. Оставив позади лучников, вклинились между копейщиками, остановились на миг...

Кентавры тяжелой массой ударили в копейщиков. И хотя передние ряды напоролась на копья, но и копейщиков вся линия исчезла под их телами. По взмаху руки Макса на помощь выбежали с пиками те последние, кто оставался в резерве, ткнули тупыми концами в землю и наклонили в сторону кентавров.

Вильярд протискивался вперед все настойчивее. Макс что-то прокричал, замахал руками, и копейщики распахнулись перед конными рыцарями, как театральный занавес.

Рыцарская конница разгон набрать не успела, но удар бронированной лавины остановил натиск озверелых кентавров, даже отбросил передние ряды, но сзади напирают и напирают, и началась жестокая рубка на месте.

Огромный меч Вильярда взлетел над его блещущим

шлемом, сверкнул солнцем по всей длине, а когда поднялся второй раз, уже не сверкал, залитый кровью по самую рукоять. Граф Готар и барон Уроншид рубятся рядом, прикрывая друг друга, граф Стерлинг со своими вассалами пытается соревноваться с Вильярдом, отчаянно пробивается вперед, не обращая внимания на кентавров рядом, их добивают его рыцари.

На левом фланге красиво и торжественно зазвучало «Кирийе Элейсон», сотни сильных мужских голосов подхватили суровыми голосами, обещая неизбежную победу церкви и страшный суд над ее противниками. Я ощутил, как у меня зашипало в глазах, мохнатая душа всколыхнулась, теряя звериную шерсть и чешуйки, стала доступна малейшим дуновениям добра и справедливости.

Я опустил забрало.

— Вперед! — сказал я страшным голосом.

Граф Ришард крикнул:

— Ваше место здесь!

— Это ваше здесь, — велел я. — Вы главнокомандующий!.. А я сейчас всего лишь рыцарь и паладин.

Зайчик пошел в галоп, ветер свистел в ушах, кентавры приближаются, я поднял над головой меч, готовя для страшного удара.

— Ура!!!

Над полем, заполненным криками и лязгом металла, время от времени раздавался звук особенно мощного удара, от которого вздрагивала земля, это в войско варваров врезался то отряд рыцарей из Ундерлендов, то из Брабанта, отдельно ударил элитный отряд из Фоссано, там рыцарей всего десятков, зато с ними пятьсот тяжеловооруженных конных воинов, по выучке не уступающих рыцарям.

К моему удивлению, в бой вступил и небольшой отряд под прапором королевства Турнедо. И хотя на штандарте незнакомый мне герб, но в левом углу значок, указывающий, что данный лорд является вассалом короля Гиллеберда Фруассара...

Глава 14

Над полем битвы тяжело грохнуло, словно раскололось небо. Запасные отряды сэра Митчелла и уже лорда Будакера ударили во фланг варварского войска. Закованные с головы до ног в прекрасную сталь, рыцари слегка уступают противнику по скорости ударов, зато опрокидывают конных варваров, словно ребятишек на козах, теснят, топчут, продвигаются дальше, и я увидел, как яростный запал и жажда схватки покидают степных героев. В глазах тревога, многие начинают вертеть головами, стараясь понять, что же случилось, почему их, таких сильных и отважных, теснят, почему приходится пятиться под тяжелым напором этих людей, похожих на закованные в железо скалы.

Я наконец заставил себя остановиться, не своим делом занимаюсь, надо держать себя в руках, никогда не поддаваться чувствам, потому что они у меня, как ни странно, благородные.

Остановились и мои телохранители, я с удивлением узнал среди них и Боудеррию, хотя ее вроде бы никто в их число не приглашал. Граф Ришар с его рыцарями протиснулся ко мне, быстро окинул цепким взглядом, я цел, даже панцирь без царапин.

— Не ваше это дело, — буркнул он и, не дожидаясь ответа, сказал с напряжением: — Все равно мне как-то не по себе...

— Ожидали иное? — спросил я.

— Да, — ответил он так же зажато. — Мы с великим трудом одержали над ними победу в той великой битве в Сен-Мари. Я страшился, признаюсь честно! На родной земле могли быть гораздо сильнее...

Я напомнил:

— С ними нет огров, троллей. Пусть тех было немного, но это была страшная сила...

— Гм, — произнес он, — знаете ли, сэра Ричард... Я не новичок, меня ничем не испугаешь. Но я чувствую...

— Опасность?

— Да.

— Какую?

Он покачал головой.

— Не знаю. Просто чувствую. И мы к ней все ближе.

— Вернемся, — предложил я. — Враг отступает. А сэра Норберта заверил, что у них в запасе нет никаких засадных полков.

Он кивнул.

— Да, варвары сразу идут всей мощью. Стараются сломить одним могучим ударом, а потом гнать и добивать.

Витерлих сказал бодро:

— Сейчас роли поменялись! Сэр Ричард, ну позвольте хоть теперь дать моему застоявшемуся коню размять мышцы?

— Действуйте, — разрешил я и сказал телохранителям: — Вы тоже, дорогие друзья. В лагере я в безопасности.

Треть все-таки осталась, хотя я видел по их лицам, как хочется принять участие в разгроме противника, однако и в лагере могут ждать опасности, если вдруг с той стороны внезапно ударит затаившийся до поры до времени отряд варваров.

Около тысячи варваров под предводительством гигантского вождя, больше похожего на огра, продолжали стойко сражаться, но их окружили со всех сторон закованные в сталь воины Севера, рубили мечами и топорами, вышибали из седел молотами, топтали копытами тяжелых коней в стальной броне, слышался звон, лязг, хриплые вскрики.

Остальные отряды варваров, уже превращенные в беспорядочные толпы, сражались отчаянно, отступая, наконец не выдержали такого явного истребления, повернули коней и помчались прочь. Конники сэра Митчелла и Будакера сперва кинулись было вдогонку, но протрубили трубы, пришлось остановиться, и в бой вступили легкие всадники, которых по моему приказу так тщательно отбирали в войско.

На быстрых конях, не обремененных броней, даже неподкованных, неслыханное дело для нашего лошацкого дела, они помчались следом, настигли, и началось страшное истребление, потому что варвары все еще надеялись уйти, прекрасно зная, что их кони хоть и слабее рыцарских, но резвее, и кровавая резня длилась и длилась, кони варваров уже устали в битве и теперь спотыкались, а свежие лошади наших конников несли всадников без усилий.

Избиение продолжалось на протяжении десятков миль, земля вся покрылась телами умирающих варварских героев. Кое-кто из степных воинов, помня обычаи крестоносцев, пытался сдаться, но таких молниеносно убивали и мчались дальше, не желая обременять себя грузом.

К нам подскакал гонец, прокричал издали:

— Ваша светлость!.. Капитан Уитмэн сообщает, что продолжит преследование, пока не останется ни одного вражеского воина.

— Не попал бы в засаду, — пробормотал граф Ришар.

— Уитмен осторожный воин, — ответил я. — Приметил я его давно. По возвращении нужно возвести в благодарное сословие. Все-таки возраст...

Он странно посмотрел на меня.

— А пока держали в черном теле, чтобы не взбрыкивал?

— Сами понимаете, — ответил я, — для такой роли нужен человек не родовитый. Обремененный знатной родословной мог бы нарушить мой строгий приказ и вступить в бой по своему желанию. Не каждый способен смирить рыцарскую гордость и четко выполнять приказы.

— Как Макс, — сказал он.

— Да, — согласился я, — как Максимилиан фон Брандесгерт.

— Поистине, — заметил Ришар, — у этого виконта христианское смирение и послушание.

— Напоминаете, что созрел для барона?

— Вы сами это обещали, — напомнил он.

— Сразу же после этой битвы, — заверил я.

А на поле отряд под руководством вождя, похожего на огра, продолжал сражаться и в окружении. Наши рыцари, оскорбленные таким упорным сопротивлением, в то время как другие уже бегут, бросались на варваров в боевом исступлении, поднимали покрытых броней коней на дыбы и тяжело обрушивали их на головы противника, рубили мечами, топорами, били шестоперами, боевой клич давно оборвался, слышен только постоянный стук металла по металлу и дереву щитов, хриплое дыхание да ржание коней.

В тесноте дрались грудь в грудь, в тесноте нельзя даже размахнуться, и били друг друга рукоятями, хватали за голову, за руки, за волосы, падали с коней и там продолжали сражаться, а выживший тут же старался вспороть брюхо вражеского коня или бедро противника. Удушливая желтая пыль то и дело окутывала все место сражения, варвары дрались уже молча, угрюмые, как медведи, окруженные псами.

Я с ужасом увидел, как гигантский вождь двумя ударами разбил, как переспевшие дыни, стальные шлемы двух блестящих рыцарей вместе с их головами, ему пытались противостоять в поединке, но он ревел страшно, как зверь, и продолжал сокрушать противников.

— Это я не могу терпеть, — сказал я и, повернув Зайчика, ринулся к месту схватки.

Кольцо рыцарей сжималось вокруг отряда варваров с каждой минутой, Я подскочил к тесному ряду тяжелых конников, через которых еще надо протиснуться вперед, как раз в момент, когда удачно брошенный молот ударил вождя в лоб. Он покачнулся и остановился, тряхнув головой, глаза затуманились на миг, но в следующее мгновение взревел оскорбленно и снова поднял над собой огромную палицу.

Однако этого мгновения оказалось достаточно: сразу три короткие пики вонзились в его бока. Он закричал

страшно, двинулся вперед, увлекая за собой соратников и нанося страшные удары, сумел выбить из седла еще троих, затем его колени подломились...

Я еще услышал его хриплый крик:

— Вперед!.. Убьем Ричарда...

Воодушевленные рыцари и латные ратники с еще большей яростью стиснули кольцо, а из варваров словно выдернули стержень: начали отбиваться кое-как, уже смирившись с неизбежностью смерти.

Я повернул коня, Боудеррия посмотрела на меня с удивлением, но тоже пустила своего следом. Мы поднялись на холм, граф Ришар сказал с сожалением:

— Обилие плодов клонит ветвь книзу, пышный хвост замедляет походку павлина, быстროногого коня стреножат.

— Гм, — сказал я, — растолкуйте, граф. А то я что-то сегодня туповат.

— Вот так сами достоинства причиняют зло, — пояснил он. — Вредят! Будь эти герои не так отважны и горды, либо убежали бы и сохранили жизни, либо сдались бы... Таких отважных воинов мы бы только угостили вином и постарались склонить на свою сторону..

— Дураки, — согласился я. — Вообще, среди ненавистных качеств врага не последнее место занимают его достоинства, не так ли?

Он хмуро усмехнулся.

— Увы, так. Но мы, рыцари, должны ценить доблесть и в противнике.

— Должны, — согласился я. — Должны, да.

На поле боя священники и лекари торопливо обходят раненых, одних торопливо перевязывают, других причащают, мои алхимики лечат своими способами, но если тяжелораненый приходит в себя и выказывает признаки выздоровления, священник старательно смотрит мимо, потом разберемся, а пока все мы в одной лодке.

Я выехал на место самых ожесточенных схваток,

спрыгнул на землю и тоже пошел, высматривая тех, кто даже при хорошем лечении точно не дотянет до ночи.

Они открывали глаза, провожали меня взглядами, я медленно шел по залитой кровью земле, постепенно нарастает слабость, холодок начинает проникать даже в кости.

В сторонке заметил целый вал трупов варваров, а в середине фигура в доспехах, наполовину завалена полуголыми трупами. Почти все рассечены так страшно, что никому второго удара уже не потребовалось, рукоять чудовищных размеров секиры прикрыта когда-то белым плащом с красным крестом.

Пока я делился частичкой жизни с ранеными, двое священников вытащили там доблестного воина, это оказался массивный гигант, весь в железе, широкий и со вздутой грудью.

С него сняли шлем, оттуда освобожденно выплеснулась бородаща, я с изумлением смотрел в лицо героя, узнавая эти грубые черты, словно вытесанные каменотесом из гранитной глыбы, эти широченные плечи.

Священники что-то говорили ему, один начал суетливо протирать мокрой тряпкой лицо раненого, тот прорычал что-то грубым и бухающим голосом, словно за его спиной кто-то бьет в огромный барабан, скривился.

Я крикнул:

— Бернардище!.. Тебя помяло сильно?

Он скорчился, монахи приподнимают, усаживая, он рыкнул:

— А не видно?

Я сказал подбадривающе:

— А представь себе, дружище, каково сейчас тому усатому, которому ты засадил топором между ног?..

Он повернул ко мне бледное лицо.

— И как он?

— Еще жив, — утешил я. — Верещит, как придушенная бревном свинья.

Он сказал с облегчением:

— Фу-у, даже болеть перестало. Да, я ему крепко врезал...

— Даже, — сказал я, — если бы он выжил, уже не смог бы... ха-ха... жениться.

Он совсем повеселел, приподнялся на локте.

— По-моему, у меня уже и не так уж болит... Пойду посмотрю, что там с конем...

— Лежи, — сказал я, — сейчас закончу с сэром Перкинелем, потом с Вудянгом, а затем и к тебе подойду. Чтоб не сказали, что сперва к ближайшим дружкам бегу.

Он хмыкнул, но я видел по его грубому лицу, что польщен. Многие забывают тех, с кем начинали, я не только не забыл, но и сам напоминаю.

— Помнишь, — сказал я, — в прошлый раз я говорил, что быть тебе человеком благородных кровей и основателем длинного аристократического рода? И все виконты, бароны, графы и герцоги будут с гордостью говорить, что ведут род от легендарного Бернарда, которого за великие подвиги какой-то там тогдашний местный лорд прямо на поле битвы возвел в рыцарское сословие?

Он смотрел с недоверием, я закончил с предыдущими ранеными, подошел к нему, сперва возложил руки и залечил раны, достаточно серьезные, а затем сказал властно:

— На колени, Бернард!

Он с неохотой опустил на колено, я вытащил меч и ударил плашмя по плечу.

— Пусть этот удар будет последним, который ты стерпишь!.. Возвожу тебя в рыцарское достоинство, сэр Бернард, и возлагаю на тебя все обязанности, что неразрывно связаны с благородным сословием: ты должен защищать церковь, женщин и детей, имя твоего сюзерена, заботиться о крестьянах в своей деревне... а она будет, обещаю со всем злорадством, также ты должен справедливо разрешать их споры...

Он все больше распахивал глаза, а нижняя челюсть, тяжелая, как обломок скалы, медленно отвисала.

— Еще ты должен, — продолжил я неумолимо, — бдить и защищать...

Он сказал умоляюще:

— Ваша светлость, а может, пощадите... ну, в память о нашем славном походе к осажденному Зорру? О тех светлых днях?..

Я неумолимо покачал головой.

— Нет. Хороших людей много, если верить церкви, но встречается их почему-то мало. И теперь мы с тобой видим почему. Смирись, взрослей, прими то, что в твоём положении есть и некие малозаметные преимущества...

Он спросил с надеждой:

— Какие?

Я долго добросовестно думал, наконец сказал обрадованно:

— Право первой брачной ночи!

Он скривился.

— Всего-то? Действительно, малозаметное. Я должен возиться с какими-то визжащими, брыкающимися и царапающимися дурами, да еще считать это привилегией?.. Не-е-ет, сэръ Ричард, это не по мне.

Я грозно раздвинул плечи, глаза мои метнули молнию, а голос прогремел, как гром из близкой тучи:

— По законам военного времени, сэръ Бернард, вы принимаете все, что велит ваш сюзерен! Или чем одарит. И вообще подумайте о всем том длиннейшем генеалогическом древе, весьма разветвленном, что будет гордиться своим происхождением! Вы хотите всех их вот прямо щас просто убить?

Я с негодованием отвернулся и пошел дальше, трогая тяжело раненных, обходя раненных легко. Трое из моих телохранителей топали сзади на тот случай, если вдруг кто-то из раненых варваров сумеет броситься на меня со спины с ножом в руке.

Я помалкивал, моя прекогния, или как ее там, успевает предупредить о таком вовремя. Но карты не раскрывать благоразумнее даже перед своими.

Пес бегал кругами, тоже охраняя или же просто любопытствуя, и многие из тяжело раненных, завидев огромного Адского Пса с горячими багровыми глазами и красной пастью, похожей на вход в ад, считали в помрачении, что они уже там...

Зайчик шел следом, осторожно выбирая места, куда поставить копыта. Холод все больше вгрызался в мое тело, наконец я ощутил, что нижняя челюсть трясется, как при землетрясении, а костный мозг начинает превращаться в лед.

Мне дважды приносили горячего вина, потом по чьей-то команде телохранители властно подхватили меня под руки, усадили на арбогастра и, придерживая в седле, вернули в лагерь.

Я сидел в шатре графа Ришара, укутанный тремя одеялами, тряся и жадно ел горячее жареное мясо прямо со сковородки, однако внутренний холод уходил очень медленно и неохотно.

В шатер ворвался молодой гонец с эмблемой отряда сэра Норберта, быстро опустился на одно колено.

— Ваша светлость! — выпалил он. — К вам... послы!

Граф посмотрел на меня, на гонца, поинтересовался:

— Послы? От кого?

— От варваров, — сказал гонец торопливо. Он поднялся по знаку графа, жадно смотрел на меня. — Четверо!

Ришар повернулся ко мне.

— Велите прогнать... или примете?

Я проворчал:

— Что за шутки, граф? Армия — это люди, собранные в одном месте с единственной целью — исправлять ошибки дипломатов. Но если можно что-то решить переговорами...

— Дипломатия, — заметил граф с усмешкой, — искусство обуздывать силу. Но разве сила не на нашей стороне?

— На нашей...

— Тогда зачем? Война предоставляет возможность совершать подвиги благородным людям, чтобы в мирное

время кичиться славой и доблестью перед друзьями и хвататься перед дамами...

Я покосился на его довольное лицо, все-таки граф Ришар — действительно герой битвы при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Проливе, всех войн королевства с соседями, а теперь еще Сен-Мари и Гандерсгейма. Но, увы, и с его седой львиной гривой он все еще мальчишка, что вовсе не комплимент, как думают дураки.

— Дипломатия, — сказал я мирно, — та же война. Только чуть другим оружием.

— Гм, — сказал он озадаченно, кивнул гонцу, — иди отдохни, выпей вина. Послы пусть подождут.

— Совсем немного, — сказал я вдогонку. — Сейчас всех приму.

Глава 15

По ту сторону стенок шатра громко и торжественно пропели фанфары. Я вышел в яркий солнечный мир без доспехов, но с плащом на плечах, царственно огляделся.

Для меня поставили кресло с высокой спинкой, настоящий трон, принесли также несколько широких лавок, но никто не смеет сесть в присутствии маркграфа, а главное — майордома, что в глазах моих соратников выше даже герцога.

Шагах в десяти стоят в ожидании четверо обнаженных до поясов варваров. Высокие, могучие, с рельефной мускулатурой, гордые, с надменными лицами, словно это они оказывают мне великую честь, явившись и позволяя смотреть на них.

Я опустился в кресло, возле меня встали мои полководцы, телохранители по бокам, внимательно следят за варварами. Я заметил пустые ножны у всех четверых, даже ножи отобрали.

Пока я осваивался, сэр Арчибальд Вьеннуанский рассматривал варваров свысока, фыркал, морщил нос.

— А почему, — поинтересовался он громко, — эти люди не преклоняют перед его светлостью колени?

Альвар Зольмс ответил с затаенной усмешкой:

— Это степные короли, сэра Арчибальда. Вожди племен!

— Ах, короли, — протянул он.

Граф Ришар пробурчал:

— Короли... Послать бы этих королев чистить свинарники, большего не заслуживают. Да разве ж сэра Ричарда слушают!

Я подумал, что граф по сути прав: смешит нелепость, когда некто выводит на поле боя стотысячное войско и бьет Мамаю, но все еще князь, а чуть западнее мужик с участком земли, где нельзя даже камнями кидаться, чтобы не попасть в соседа, называет себя гордо королем. И другие, такие же бесштаные короли, вполне искренне считают его королем.

Мои лорды изумились, когда я покинул трон и спустился к полным достоинства королям.

— Тогда, — сказал я, — не могу разговаривать с вами, сидя так высоко. Думаю, нам лучше устроиться вот здесь...

По взмаху моей руки все отступили от лавок, все на одном уровне, я сел первым, ничем, кроме роста, не отличаясь от вождей. Быстро принесли стол и поставили между нами.

Вожди держатся настороженно, однако с достоинством, каждый пуше смерти страшится потерять лицо, движения замедленные, величавые, но за ними кроется страх сделать что-то не так и опозориться, это понимаю, сам такой.

— Меня зовут Ричард, — представился я, — Длинные Руки, что вы, без сомнения, уже знаете...

— Кенгш, — сказал один вождь.

— Вапрольд, — произнес второй.

— Фывап, — густым голосом прогудел третий.

Они называли себя, при этом гордо расправляя плечи и выпячивая грудь, смотрели прямо и бесстрашно, я улы-

бался, кивал, запоминая имена и титулы, упаси боже забыть или что-то перепутать, будут смертельные обиды.

— Кулд, — произнес последний с оттенком металла в голосе, я ощутил, что он негласный лидер среди этих вождей независимых племен. — Мое племя буковинцев, что значит — дети Великого Бука, сейчас кочует в предгорьях Бескид до самой Говерлы.

Седеющий красавец, весь из мускулов, как и все варвары, предпочитает появляться обнаженным до пояса, но сейчас набросил на плечи короткий плащ, этого требует неписанный дипломатический протокол варварских племен.

Я уже слышал еще в прошлый свой визит в Гандергейм, что он захватил власть в племени в результате переворота, убив прежнего вождя и его пятерых сыновей, чего ничуть не стыдится, напротив, горделиво упоминает, так как все пятеро были уже зрелыми воинами и дрались отчаянно.

— Счастлив познакомиться с такими прославленными воинами, — сказал я почтительно. — Я уже слышал ваши имена от своих героев, все они отзываются о вас уважительно и даже с восторгом! Мы умеем ценить отвагу и воинскую доблесть... Но где мой старый друг, прославленный и благородный вождь Антуан Бесстрашный?..

Вожди переглянулись, а Кулд посмотрел на меня с подозрением.

— Он был вашим другом?

— Конечно, — заверил я. — Мы были врагами, но сильные и благородные противники чувствуют друг к другу не только уважение, но и почтение.. А когда я сразил в поединке за королевство полевого вождя Берара Молнию, он зауважал меня безмерно...

Я сделал паузу, он кивнул, но увидел, что я все еще жду ответа, сказал нехотя:

— Антуан Бесстрашный был убит вскоре после возвращения. Союз племен распался.

— Все искали виноватых, — сказал я понимающе. — Но сейчас союза нет, как я догадываюсь?

Вожди помрачнели, промолчали, а Кулд подвигал массивными глыбами плеч.

— Какое-то время был, — ответил он уклончиво.

— Но сегодня рассыпался?

Он нехотя кивнул.

— Как и тогда, когда вернулись побежденными.

— Понятно, — сказал я напористо, не давая ему говорить то, что хотел, чтобы не пришлось потом с трудом отказываться, — сейчас каждое из племен ведет свою линию. Кто-то готов на сепаратный мир, кто-то готов драться до последней крови, кто-то готов признать мою власть, кто-то надеется отступить в глубь Гандерстейма, куда мы как будто не пойдём... Что желает ваше племя?

Он посмотрел на меня в затруднении.

— Я говорю не от своего племени. Пока что мою власть вождя признают двенадцать племен, я хотел бы вести переговоры от их лица. И каждый из присутствующих здесь может говорить не только за свое племя...

— Их уполномочили? — уточнил я.

Он кивнул.

— Да, они сдержат слово. Это дело чести.

— Хорошо, — сказал я, — тогда давайте поговорим начистоту. Мы никакие не завоеватели, как может показаться. Если бы мы были из Сен-Мари, тогда да, явились как бы мстить!

Они слушали все еще настороженно, один из вождей переспросил:

— А кто вы?

— Плохо у вас работает разведка, — укорил я. — Давно должны бы узнать, что я и все мое войско прибыли из-за Великого Хребта. Правда, здесь у нас есть и воины из Сен-Мари, но, как вы понимаете, основной костяк из людей северных королевств. Да-да, мы открыли тоннель под хребтом, сейчас по нему в обе стороны идут купцы, воины и прочие искатели приключений, что задыхались в

тесных границах... В общем, мы не враги! А наша красивая битва — разве есть лучший способ увидеть и оценить доблесть друг друга, отвагу, мужество? А как иначе совершать подвиги, что прославят наше имя?.. Кто бы из нас, пришедших из далеких северных королевств, знал бы грозное имя Антуана Бесстрашного, если бы вы и мы сидели по своим норам и бесславно старели?..

Мои лорды хранят молчание, но я видел, как вытягиваются их лица, а в глазах разгорается беспокойство.

Кулд произнес в затруднении:

— Берар Молния... гм... да, был великим воином...

Я сказал громко и с подъемом:

— Как здорово, что все мы здесь сегодня подрались!..

Нет радости у настоящих мужчин выше, чем утолить зуд в кулаках, дать веселой злости выплеснуться на волю, на простор!.. Как хорошо и сладко убивать и грабить, мчаться на горячем коне и слышать сладкую музыку грохота копыт, звонкую песнь меча, слышать, как встречный ветер ревет и воев в ушах, чувствовать в ладони рифленую рукоять меча, когда вскидываешь клинок, сам полный ликующей радости, которую не понять оставшимся, что, как слабые женщины, заперли себя в тесных стенах домов и юрт!..

Они смотрели на меня замороженными глазами, лица просветленные, как у ангелов, на лицах светлое и блаженное счастье праведников. Кулд даже чуть приподнимался и покачивался, а за ним так начали делать и другие, словно скачут на горячих скакунах по ровной степи, сухая земля гремит под копытами, ветер в лицо, вон глазки прищурили, а Вапрольд начинает пригибаться, зарываясь в конскую гриву...

Граф Ричард наклонился ко мне и шепнул с укором:

— Сэр Ричард, что вы говорите?

— Не все ли равно, — шепнул я, — хитростью или доблестью победить врага?

Он умолк, а я улыбнулся варварам и сказал патетически:

— Нам не все равно, хитростью или доблестью победить врага! Мы признаем только второй путь, ибо это путь мужчин, мужества, доблести, стойкости и геройства!

Они все четверо кивали, счастливые и довольные, встретив не просто родственную душу, но и человека, который их мысли и чаяния сумет так точно и емко облечь в жаркие слова, в каждом из которых бьется неистовое сердце варвара.

Я продолжал громко:

— Я скорее прошу того, кто нанес мне тяжелую рану, чем того, кто мечтает посадить мне чирей! Тут уже не сильный и смелый враг, а не только злая, но и ничтожно мелкая душонка. Потому я поднимаю кубок за вас, мои отважные и доблестные враги! Вас не приходится опасаться, как хитрых друзей, вы честны и открыты, потому у меня больше доверия к вам, чем ко многим своим соотечественникам в Сен-Мари!

Альвар Зольмс дергался, полагая, что оскорбляю их таким образом, а успокоился только, когда я назвал соотечественниками сен-маринцев.

Ришар тихонько взял его под руку и отвел в сторону, спасибо за понимание, граф. Хотя и герой битвы при Олбени, Гастирксе и Черной Речке, но иногда взрослость берет верх, тогда он вдруг понимает необходимость отступления от некоторых рыцарских норм в современной политике развитого государства.

— Врагами надо гордиться! — сказал я. — У кого нет врагов, того губят друзья. И у врага дозволено учиться. Более того, умный многому сумеет научиться у врага. Хотя, на мой взгляд, враги не те, кто наносит обиду, а те, кто делает это преднамеренно. Так что мы не враги, а противники, что весьма меняет дело.

Кулд кивнул, сказал важно:

— Хороший вождь должен друзьям делать добро, а врагов делать друзьями.

Кенгш добавил:

— Трусливый друг страшнее врага, ибо врага опасаться, а на друга надеешься.

Они посмотрели на Фывапа, тот кашлянул и проговорил негромко:

— Настоящая победа только та, когда сами враги признают себя побежденными. С нами до этой битвы...

Он остановился, а Кулд поправил:

— До этой встречи!

— До этой встречи, — согласился Фывап. — С нами до этой встречи такого не случалось. Но сейчас, общаясь с другом великого Берара Молнии, я чувствую, что мне совсем не трудно признать себя побежденным... потому что соревновались доблесть с доблестью, честь с честью, безумная отвага с неистовой отвагой... а в таких битвах победители и побежденные не могут чувствовать друг к другу вражды.

Я хлопнул в ладони, ко мне подбежали оруженосцы.

— Быстро на стол лучшего вина! — велел я. — И... все остальное, а также прочее. Чтобы было не стыдно принимать моих дорогих друзей, великих и доблестных вождей сильных и благородных племен великого Гандерстейма!

Лицо графа Ришара менялось на глазах, то светлело, то темнело, когда не успевал следить за моей иезуитской мыслью, плечи то расправлял, то отодвигался в тень, я же больше наблюдал за вождями, держатся невозмутимо, но слова мои все-таки пробивают их толстые шкуры, как стальные болты кожаные доспехи.

Вождь Кулд дождался паузы, сказал осторожно:

— Наши воины оценили ваше мужество и готовы сражаться хоть с вами вместе, хоть против вас. Но что насчет наших племен, если мы признаем вашу власть?

Душа моя взыграла, но я не позволил ей глупо орать и пускаться в пляс, ответил с надлежащей солидностью:

— У нас с законностью строго. Гарантирую, ни один человек, будь это мужчина, женщина или ребенок, не будет убит... По крайней мере, никем с нашей стороны. Да и вашу кровавую вражду всех со всеми обещаю остано-

вить. Это главное. Теперь о достатке и благополучии... Всем обещаю жизнь более зажиточную! Обещаю твердо.

Он слушал меня внимательно, взгляд становился строже, а лица остальных вождей вытягивались.

Кулд спросил после паузы:

— Значит ли это, что закончится героическая пора наших народов? И придет покой... что слишком похож на могильный?

Я ощутил, что иду по краю бездны, заставил себя хитро улыбнуться.

— Взгляните на меня! Неужели вам кажется, что вот так возьму и успокоюсь? И буду жить-поживать, добро наживать, как дурак какой-то из дурной страны? Вы в это верите?.. Ха-ха.. Вижу, не верите. И правильно делаете. Под моей рукой ваши племена совершат настоящие подвиги, великие, героические, мифические, эпические, легендарные! У вас у всех раньше было высшей целью завоевать Сен-Мари, верно? Вы к этой мелочи... уж простите за прямоту!.. шли сотни лет! А я вам говорю, что мы можем... и должны!.. завоевать весь мир!

Вождь Кулд охнул:

— Мир?.. А насколько он... велик?

— Побольше, чем королевство Сен-Мари, — ответил я. — Вы другого не знали? А я пару дней тому прибыл из королевства Вестготия, оно совсем рядом за Краем. А вон в ту сторону, за Великим Хребтом, сотни и тысячи богатых королевств... Уж молчу про баснословно и сказочно богатый Юг! Я там бывал, чего только не насмотрелся...

Слуги быстро и умело расставляли на столе блюда, кубки и чаши, другие пошли вереницей друг за другом и наливали вино, клали куски жареного мяса.

Мои полководцы постепенно присоединялись к пиршеству, с вождями все общаются уважительно, этика воинов. Завтра могут сойтись в смертельном бою, но сегодня нужно вести себя достойно.

Жаль, нет барона Альбрехта, он бы сумел провести эту деликатную миссию без сучка без задоринки, но и без

него мои лорды справляются неплохо, уже начали рассказывать замороженным вождям варваров о королевствах, чьи названия звучат в их ушах, как дивная музыка: Фоссано, Турнедо, Шателлен, Гиксия, Варт Генц, Аганти, Ясти Дебр, Сизия, Меция, Придепр, Горланд, Мезина...

Я слушал и подумал с удивлением, что в самом деле не только везде побывал и совершал великие подвиги, чуть ли не в каждой земле у меня земли и вассалы, так что за таким вождем нужно идти, не раздумывая, без добычи не останутся.

Бедные варвары, которые не знали другого королевства, кроме Сен-Мари, слушали, распахнув глаза и развесив уши. У них с одной стороны Великий Хребет, с другой — Сен-Мари, за спиной которого тоже Великий Хребет. Взгляд только с одной стороны не упирается в неприступную каменную стену... но там океан, которому нет конца и края.

— Как же мир, — проговорил Кулд потрясенно, — оказывается... громаден!

— Он еще больше, — заверил я, — чем думаете! Но как-то даже неприлично, что там еще не ступали копыта ваших коней.

Слуги следят за быстро пустеющими чашами и кубками, вовремя наполняют их снова и снова. Мои рыцари переглянулись, подняли их над столом и выжидающе смотрели на вождей.

Кулд первым взял кубок с вином и тоже гордо поднял над головой. К нему потянулись с чашами в руках, он лихо чокнулся с ближайшими и провозгласил громко:

— Под знаменем сэра Ричарда!

Глава 16

Пир длился всю ночь, а утром хмельные вожди отбыли к своим отрядам. Сэр Норберт хотел послать с ними своих людей, я вовремя ухватил его за рукав.

— Нет-нет!

— Почему?

— Пусть все видят, — сказал я твердо. — У них как бы полная автономия, мы же союзники?

Он спросил с подозрением:

— Как бы полная... это как?

— Это никак, — пояснил я. — И не полная и не автономия вовсе. Но это прояснится потом, а сейчас они наша наглядная агитация для других племен с призывом прекратить сопротивление.

Сэр Палант, сам хмельной больше некуда, проворчал с неудовольствием урожденного лорда:

— Здесь все одеты бедно. Даже эти вожди... гм... оборвыши. Мои слуги богаче.

Я сказал многозначительно

— Овца, носившая золотое руно, не была богата.

За моей спиной раздалось возбужденное перешептывание, я не видел лиц, но сразу представил, как ярко вспыхивают и разгораются глаза при таком намеке, что куда уж яснее.

Барон Альвар довольно хохотнул:

— Тогда мы снимем эти шкуры!

— Хороший пастух снимает с овец шерсть, — сказал я наставительно, — а не шкуру. Эта земля теперь наша, как и люди — наши. Улавливаете разницу?

Граф Ришар посмотрел недоуменно. Я продолжал:

— Развивая эту мысль, поясню, что те герои приплыли на чужой берег с кратковременным набегом. Пограбили, что успели, сняли золотое руно и бросились убежать. Помню, за ними еще была погоня королевских войск... А здесь надо сразу вести себя так, будто эти земли уже наши.

Морган Гриммельсден, никогда не отличавшийся острым умом, сказал с недоумением:

— Но как же... там же варвары!

— Сопrotивляющихся, — заговорил Ришар и взглянул на меня, в том ли направлении развивает мысль, — истребить! Сразу. Пока они чужие, а не наши подданные. Так легче, и Господь простит быстрее. Но дома не жечь,

сады не рубить, колодцы не засыпать!.. Вы не чужое захватываете, а освобождаете свое!

Рыцари возбужденно переговаривались, идея хоть и понятная, я вдальбливаю уже давно, но то были идеи, а сейчас нужно все на практике, как-то непривычно без грабежей и поджогов.

Я покосился на Ришара, сказал так же строго и значительно:

— Вы должны преисполниться праведного гнева! Это на ваших землях хозяйничают эти полуголые нечестивые дикари! Господь избрал вас своим орудием, так будьте же достойны вашей великой миссии! Излейте гнев в полной мере!

Ришар кивнул в сторону усакавших вождей.

— Но на землях их племен не бесчинствовать, женщин не позорить, скот не уводить!.. Вообще обходить стороной.

Иоганн Пауль Фридрих Дистервег из Рихтерберга, незнатный рыцарь из моего герцогства Дассаль в Вестготии, успевший в битве показать себя, проговорил сконфуженно:

— Но как же... Вы же сказали, что чужих истребить... пока они еще не наши...

Ришар скривился, посмотрел в мою сторону за поддержкой. Я произнес властно:

— Истребить тех, кто сопротивляется! Можно побольше. И тех, кто рядом. А вождь Крулд и остальные — союзники. Их земли не трогать! Это потом, когда захватим весь Гандерсгейм, придет их очередь расставаться с золотым руном.

Все повеселели, я внес ясность в трудный вопрос: грабить всех сразу или же избирательно?.. Оказывается, все-таки всех, но не сразу. У нас законность, а не варварство.

В лагере то особое оживление, какое бывает только у побеждающей стороны. Даже те, кто сидит у костра, вертятся, будто у каждого шило в заднице, переговариваются, хохочут, хлопают друг друга по плечам. Еще больше

таких, кто бродит от костра к костру, навещает приятелей в шатрах, меняется цветными поясами, снятыми с павших варваров, хвастается драгоценными камешками, оказалось, что варвары украшают ими кинжалы, мечи и топоры.

Я вспоминал, как в этих краях совсем недавно принес кучу платьев, скупив у одного из торговцев все, что было. Мириам сперва пофыркала настороженно, как кошка на горячее молоко, но затем, обжигаясь и взвизгивая, все же начала рыться, разглядывать, примерять. Вики тоже заинтересовалась, хотя, конечно, у нее во дворце такого добра навалом и получше, но все-таки здесь дикость, пещера, а принес волшебный дракон.

Сердце мое зашипало, я судорожно вздохнул, кивком позвал графа Стерлинга.

— Дорогой граф, — сказал я, — не в службу, а в дружбу, соберите рыцарей, что особенно отличились в этой битве.

Очень польщенный, что я обратился к нему напрямую, а мог поручить оруженосцам и пажам, он переспросил довольно:

— Ваша светлость?

— Включая и рядовых, — пояснил я.

— Все сделаю быстро, — пообещал он.

Я слышал, как он на ходу раздает приказы, затем прогремел частый конский топот вестовых.

Вблизи зазвучала музыка, я тихонько откинул полоз шатра, трое молодых оруженосцев исполняют веселую песню: двое на трубах, третий поет красивым чистым голосом. Их слушали с удовольствием, я видел, как постепенно попадают под обаяние мелодии, начинают притопывать в ритм, рыцари ритмично стучат закованными в железо рукавицами в грудь, стальная кираса тут же отзывается бодрящим звуком, бьют рука об руку. Копьеносцы ударяют тупым концом в землю, простые ратники в восторге лупят по коленям, но, к счастью, попадают в такт, и все пронизывается, как острым копьем, этим взвинчивающим дух ритмом, от которого вскипает кровь...

Ко мне подкатили дубовую колоду. Я бодро вскочил наверх, вокруг блещет железо и сталь, мы в лагере, а не на отдыхе, все готовы в любой момент услышать сигнал тревоги и отражать атаку вражеской конницы.

Военачальники, как водится, прошли ко мне через море почтительно расступающихся рыцарей, встали полукругом, серьезные и величественные.

Я вскинул руку.

— Воины Господа! Нас призвал Творец в этот мир для великой цели! Нам дан великий шанс творить благо и справедливость не только в своем доме, но везде, куда падет наш взор!.. И скажу с ликованием, мы не посрамили доверие Господа!.. Битва, которую мы выиграли, не уступает той, в которой наши герои сломали хребет захватчикам в Сен-Мари, после чего варвары решили отступить из королевства.

Рыцари одобрительно закричали. Простые ратники начали стучать в щиты, но граф Ришар повелительно вскинул руку, и все послушно затихли.

— Будут еще кровавые битвы, — пообещал я, и эти сумасшедшие снова обрадованно заорали. — Будут сражения, бои, схватки, но мы доведем свою работу до конца, ибо за нами — Творец! Мы выполняем то, что начертал в своих планах ОН. После победы под Шварцвельдом нам открылись дороги на Турлец, Фрянкс и Галигению, а передовые отряды сэра Норберта и сэра Митчелла вошли в земли гучцов, верховиков и вивцив, где расположены королевства...

Я запнулся, граф Ришар придвинулся, готовый подказать, уже и рот открыл, но я покачал головой.

— Нет-нет, — сказал я громко, — их названия помню, но стоит ли запоминать победителям? Еще не знаю. Думаю, это дело тех, кому эти земли достанутся. Может быть, кому-то барону или виконту будет лестно, что на его землях располагается королевство, что полностью в его власти...

По рядам прокатился хохот, через минуту уже все ржали, довольные, как кони среди лопнувших мешков с отборной пшеницей. Я чувствовал, что очень многие со-

хранят в своих владениях такие вот королевства, чтобы хихикать и наслаждаться властью над королями, пусть и такими крохотными.

— А теперь, — продолжал я с подъемом, — время награждать особо отличившихся! Вы знаете их. Вы сами назвали их, я только собрал ваши голоса.

Море блестящей стали пришло в некоторое движение, некоторые старались протискиваться ближе, хотя и стараюсь произносить слова так, чтобы достигали и самых дальних.

— Хочу представить вам благородного рыцаря, — сказал я, — который, по вашим словам, особенно отличился в боях. Подчеркиваю, это ваш выбор! Я прибыл только к решающему сражению, а сэр Вильярд, я говорю о нем, уже успел к тому времени стяжать славу в схватках с небольшими отрядами варваров!

Рыцари одобрительно кивали, переговаривались, на лицах вижу одобрение. Все правильно, этого рыцаря из Вестготии видели в боях, орел, быстрый и яростный, как лев, бесстрашно бросается в самую гущу схватки, раненных прикрывает, а для единоборства выбирает самых опасных противников.

— Сэр Вильярд, — я говорил напряженно нейтральным голосом, с этим стойким рыцарем все сложно, любую мою интонацию может истолковать так, как подталкивает уязвленное самолюбие, — вы весьма и бордзо zelo отличились в этой битве. Все рыцари, знатные и простые, отмечают ваши подвиги, вашу доблесть и вашу беспримерную отвагу!.. Благодаря вам был прорван центр войска варваров, что обеспечило нам победу...

Он слушал молча, только недоверчиво и хмуро зыркал из-под насупленных бровей. Рыцари его отряда одобрительно шумели, горделиво расправляли плечи.

— Потому я, — проговорил я торжественно, — властью, данной мне Богом и императором Генрихом Третьим, жалую вас титулом барона!.. И вручаю во владение Мевовию с землями по Карлию, до самой реки Ястре, ку-

да входят города Голгон, Илепия и Устенъ, каждое из которых, как вы можете догадаться, — королевство.

Вильярд поклонился, лицо хмурое, быстро посмотрел по сторонам. Рыцари кричали ему славу и били кулаками в щиты.

— Ваша светлость, — произнес он сильным голосом, — я бесконечно тронут вашей милостью и крайне польщен столь высокой наградой... как и чрезмерной оценкой моих воинских дел...

Я сказал громко:

— Ничуть не чрезмерной.

Воины закричали:

— Ничуть! Он дрался, как лев в стаде овец!

— Он лучший!

— Слава Ричарду Справедливому!

Вильярд повысил голос, и тот перекрыл все крики:

— Однако я со всем прискорбием вынужден отклонить столь щедрый дар.

Все в недоумении сперва умолкли, затем зашумели, начали переглядываться.

Я ощутил неладное, спросил сдержанно:

— Объяснитесь, сэра Вильярд.

Он гордо выпрямился и взглянул мне в глаза.

— А еще вы хотели бы, чтобы я немедленно принял эти земли и начал ими заниматься

Я замедленно кивнул.

— Ну... это подразумевалось.

Он покачал головой.

— Ваша светлость, я не могу позволить себе принять дар первым из всего огромного войска, где так много достойнейших рыцарей! Второе, я не могу принять эти земли, потому что война еще не закончена. Только по ее окончании можно судить, кто вел себя достойно, а кто отличился лишь однажды, а потом только пьянствовал и прятался в кусты. Потому я прошу вашего изволения оставаться просто Вильярдом Иронфорестом, безземельным рыцарем.

Он смотрел гордо, красивый и возвышенный. Я ощутил себя гадко, вроде бы масштабы мои растут, но сам все мельчаю, мог бы догадаться, что Вильярд откажется... будь во мне самом больше рыцарства. И все присутствующие как будто и не удивились, поздравляют Вильярда, хлопают по плечам и никто не сказал, что он дурак и по-ступает по-дурачки.

У тебя же Алонсия, сказал я ему взглядом, ей нужно пристанище. Не тащиться же ей в обозе через всю страну...

Потащится, ответил он мне молча. Жена пойдет за мужем всюду, если это настоящая жена.

Прости, извинился я взглядом, я сглупил.

Принимаю, ответил он точно так же.

Я сказал громко:

— Сэр Вильярд Иронфорест выказал скромность и благородство, столь необходимые для воина-крестоносца. Мы понимаем его мотивы... Потому пусть будет, как пожелал. Но титул барона отныне будет присовокуплен к его имени! К тому же рыцарь, отказавшийся от богатых владений, — разве не повод для баллады?

Его утащили в задние ряды, обнимая и восторгаясь им, менестрели явно сегодня же постараются что-то сочинить о глупом герцоге и благородном рыцаре, с презрением отвергнувшем недостаточно заслуженный, по его мнению, дар, а затем слух обрстет чудовищными подробностями, где я буду вообще по колено в дерьме...

Граф Ришар проводил его внимательным взглядом.

— А ведь это, сэр Ричард, можно было предвидеть...

— Но не такому дураку, — ответил я с досадой. — Граф, меня заносит то в одну, то в другую сторону. По молодости или по дурачости?

Он усмехнулся.

— Обычно это синонимы. Но никто из молодежи с этим не согласится.

— Ну да, каждый говорит что-то типа «ах, каким же дураком я был!», но всегда потом, потом... Что-то я слыш-

ком резво перехожу от паладина к политику. У других это растягивается на пару десятков лет, а я хочу проскочить за два-три года. И получается, что уже и не паладин, и еще не политик, а так... какая-то мелкая сволочь...

Он усмехнулся, покачал головой, глаза полны сочувствия.

— Вы полны раскаяния, сэра Ричард. Уже это говорит, что вы не политик и, тем более, не сволочь. На вас многое свалилось, другой бы вообще упал! Вы держитесь, что восхищает не только меня.

— Это вам только кажется, — сказал я сварливо. — На самом деле уже свалился. И ползу, как старая больная черепашка. Скоро уткнусь мордой в песок и замру.

— Вас глубиной не добьешь, — сказал он с оптимизмом.

Вильярда уже утащили в глубину рядов, я проводил его взглядом и снова вскинул руку, успокаивая собравшихся.

— Поражение варварского войска, — сказал я с подъемом, который старался в себе воспламенить, — началось с их атаки!.. Когда вся конная масса, способная смести со своего пути горы, ударила в построения сэра Максимилиана фон Брандесгерта... и разбилась о них, как волны о скалистый берег, оставив тысячи убитых!..

Макс слушал внимательно, серьезный и сосредоточенный, но почему-то хмурится, глаза недовольно поблескивают, как осколки слюды. Рядом с ним оказался сэра Карл, тот самый, что еще Теодор Вильгельм Вейерштрасс из Лассальвиля, мой вассал из Вестготии, он подбадривающе подтолкнул Макса, но тот покачал головой и остался на месте.

— Сэр Максимилиан, — произнес я торжественно.

Макс сделал шаг вперед, с достоинством поклонился.

— Ваша светлость...

— Максимилиан фон Брандесгерт, — сказал я громко, — впервые я встретил тебя на Каталаундском турнире, где ты усердно берег мою спину, принимая на себя жесто-

кие удары. Ты не отвлекался на богатую добычу, ибо если падет вожак... такое весьма чревато для отряда. И тогда ты почти единственный, кто остался без добычи... Но ты получил гораздо больше, чем добыча: ты собрал славы и уважения больше, чем кто-либо из участвовавших в том сражении.

Рыцари переговаривались, на Макса смотрят с симпатией, он в самом деле никому ни в чем не соперник, слишком занят муштрой своих копейщиков.

Я обвел всех орлиным взором, учусь этому у самых внушающих, сказал так же громко и властно:

— Жалую тебя титулом барона и даю во владения земли племени арджнунов!.. Кроме богатых пастбищ, могучих лесов и озер с рыбой, в северной части расположено еще и королевство Йеремланд. Богатое, развитое, но весьма зажатое в своих границах. Тебе предстоит вывести их... или хотя бы разрешить своей властью сюзерена выйти на просторы.

Глава 17

Макс все время порывался что-то сказать, от волнения красивое юношеское лицо пошло красными пятнами, смотрел на меня с мольбой и только беззвучно разевал рот.

Я вскинул руку, призывая к молчанию.

— Тихо всем! Как я понимаю, обуреваемый жадной воинской славы наш благородный сэр Максимилиан и в этот раз попытается отказаться от вручаемых ему земель и владений.

Сэр Палант спросил с интересом:

— А от земель виконства Эльбеф он все-таки отказался?

Голос его разнесся далеко, рыцари затихли, вслушиваясь очень заинтересованно.

Я ответил так же громко:

— Да. Проявил благородство и уступил богатейшее владение некой весьма уверенной девице, которая якобы имеет на него право по какой-то дальней линии.

— И все? — спросил сэр Палант.

— И все, — подтвердил я, — после чего поспешно уехал, чтобы девица не пыталась его как-то отблагодарить. Но здесь у него такой возможности не будет! Эти земли принадлежали племени арджнунам, нашим врагам, что разбиты, рассеяны и перестали быть племенем.

Макс наконец решился нарушить воинский этикет и сказал громко, хотя и со всей почтительностью:

— Ваша светлость, сэр Ричард, я бесконечно признателен... но я не хотел бы покидать войско. Здесь еще столько возможностей по улучшению взаимодействия копейщиков, стрелков и конницы...

Я с надменным видом вскинул брови.

— Разве тебя кто-то гонит из армии? Дорогой сэр Максимилиан, вы незаменимы!.. Но всем нам приходится когда-то взрослеть, а это обычно начинается с обязанностей, которые надо выполнять, хотя и не хочется. Всем нам бы только на горячего коня да в яростную атаку! Но тогда управлять хозяйством останутся какие-то сволочи, и страна захиреет.

Граф Ришар сказал негромко, но в мертвой тишине слышали во всем зале:

— А управлять необходимо. Не будем мы, станут управлять другие. А потом они будут управлять уже и нами.

Рыцари тревожно загудели, на Макса начали поглядывать уже с упреком. Он шагнул вперед и поклонился.

— Ваша светлость, но все же я вынужден отклонить ваш щедрый дар... по гораздо более серьезной причине.

Рыцари насторожились, затихли. Я спросил в тревоге:

— Что случилось?

Он смотрел мне в лицо чисто и бесстрашно.

— Дар слишком щедр. И... не заслужен.

Я охнул вместе со всем войском.

— Что? Ты разгромил противника впятеро сильнее себя!..

Он не отвел от моего лица бесстрашного взора.

— Этого недостаточно.

Все затихли, от Макса не отрывают взглядов, все задержали дыхание, стараются не пропустить ни слова.

— А что достаточно?

— Достойная победа, — ответил он внятно. — Не должно гордиться случайными неудачами или глупостью противника. Уверенность в себе следует питать тогда только, когда превзойдены планы его. Варвары совершили большую ошибку! Потерпев страшное поражение в Сен-Мари, когда вот так же глупо атаковали конницей ряды копейщиков, они обязаны были сменить тактику.

Лицо его порозовело, в глазах пламя истинной веры во всеобщую справедливость.

Я ощутил ком в горле, опустил голову

— Сэр Максимилиан... Вас хоть сейчас забирай на небо! Но Господь в своей мудрости оставляет такого рыцаря в наших рядах, дабы вы служили примером рыцарских идеалов, чистоты и справедливости. Хорошо, пусть будет по-вашему. Решаюсь на это только потому, что у вас впереди много и тех побед, к которым не сумеете придраться даже вы сами!

Он поклонился и отступил в железные ряды. Там началось звяканье металла, его обнимали, поздравляли, укоряли, хвалили, ругали, а я обратил царственный взор на группу рыцарей, пришедших вместе с графом Стерлингом.

— Сэр Иоганн Пауль Фридрих Дистервег из Рихтерберга!

Сэр Иоганн выступил вперед, высокий, мужественно красивый, а это выше, чем просто красавчик, с гордо вскинутой головой и развернутыми плечами.

— Ваша светлость...

— Вы новичок в нашей войске, — сказал я и обвел взглядом внимательно слушающих рыцарей, — прибыли из Вестготии за считанные дни до начала сражения, однако быстро завоевали авторитет у рыцарей, возглавили отряд и прорвали оборону на левом фланге противника!

Некоторые рыцари кивали, соглашаясь, что да, они сами видели, как это происходило.

— Это позволило, — закончил я, — зайти варварам в тыл и вызвать панику в обозе. А еще вы возглавили рейд в расположение племени пенгеров, одного из опаснейших противников, что вывело их из войны...

Мне казалось, что говорю скучно, перечисляя заслуги, о которых и так все знают, но все-таки без этого не обойтись, во всем нужна четкость, да и не нужны какие-то иные толкования.

— За несомненные заслуги, — сказал я, — жалую вас, сэр Иоганн, титулом виконта де Альгерц. В ваше владение отдаю земли племени пенгеров, которых вы сумели выбить из войны. Это малочисленный, но храбрый народ. Они уважают и чтят сильных людей, и потому в будущем станут вам верной опорой! Поздравляю вас, виконт Иоганн!

Он поклонился, я ждал наконец-то привычных слов благодарности, однако он выпрямился и бесстрашно посмотрел в мое грозное лицо.

— Ваша светлость, — прозвучал его ровный и полный достоинства голос, — я бесконечно признателен вам за высокую оценку моего пребывания в войске!.. Я польщен и растроган до глубины души. Видит Бог, я счастлив...

Я сказал благосклонно:

— Вы заслужили, сэр Иоганн. Взгляните на своих соратников!

Рыцари одобрительно постукивали железными кулаками в кирасы, на лицах полное одобрение, все видят, кто как сражался, никаких закулисных игр.

Сэр Иоганн покачал головой.

— Ваша светлость... но, увы...

Я спросил с подозрением:

— Что еще?

— Все-таки, — договорил он, — я вынужден с великой благодарностью отклонить ваш щедрый дар.

Я охнул.

— А с вами что случилось?

Он ответил громко и с пламенем в голосе:

— Мы только начали святую войну за торжество нашей веры, нашего образа жизни, нашего Господа!.. Я считаю для себя не совсем достойным принимать часть добычи, когда проклятые язычники еще не сломлены, край еще не завоеван, церкви еще не восстановлены!

Я раскрыл рот, чтобы возразить, уж что-что, а это я умею, но посмотрел на лица рыцарей, у всех на лицах такой же свет истинной веры, что и в глазах сэра Иоганна.

— Достойные слова, — сказал я громко, но сам ощутил в своем голосе неуверенность, — однако мы живем на грешной земле, где для веры в Христа нужна некая материальная основа. Потому титул и соответствующие земельные владения совсем не лишние...

Сэр Иоганн ответил коротко:

— Простите, ваша светлость. Я не могу этого принять.

Он поклонился коротко и с достоинством, сейчас он равен мне: такой же рыцарь, как и я, отступил, но не затерялся в кругу друзей, что тут же принялись тормозить и поздравлять.

Я покачал головой.

— Сэр Иоганн... простите, виконт Иоганн предпочитает получить свою долю после окончания нашей справедливой и гуманной войны. Это его право. Я же вызываю сэра Анри Готмара, который, командуя своим отрядом, ухитрился остановить большое войско полевого вождя варваров Фывапа и не дать ему успеть на поле битвы до конца сражения!

Сэр Анри, массивный и грузный рыцарь с неприятным, как мне всегда казалось лицом, и угрюмыми глазами прирожденного воина, выступил вперед и сдержанно поклонился.

— Сэр Анри Готмар, — сказал я с чувством, — вы сумели своими действиями вырвать победу над варварами гораздо более легкой для нас ценой! Мы не знаем, что бы произошло, успей они соединиться...

Граф Ришар сказал громко:

— Все равно бы их разбили!

Рыцари одобрительно закричали, над головами взметнулись закованные в стальные пластинки кулаки.

— Разбили бы, — согласился я, — но лучше бить порознь. Так легче. Спасибо вам, сэр Анри! Жалую вас высоким титулом динграфа и передаю в ваше владение земли племени алазорцев с расположенными на нем королевствами и городами...

Он поклонился, застыл так на пару мгновений, словно не решался поднять голову и посмотреть мне в глаза, но когда разогнул спину, взгляд был тверд, а лицо спокойное и уверенное.

— Ваша светлость, — произнес он густым, как жужжание в дупле роя пчел, голосом, — я польщен... и счастлив. Что еще сказать? Я уже немолод, а это столь высокая награда, что вряд ли я когда-либо получу что-то подобное еще... Однако я вслед за доблестными рыцарями, которых вы уже награждали, вынужден отказаться от столь щедрого дара.

Я вскинул брови.

— Но вам что мешает, динграф?

Тишина над лагерем стоит мертвая, слышно, как высоко в небе счастливо верещит жаворонок. Анри Готмар произнес с непередаваемым достоинством:

— Пристало ли мне принимать земли, когда более достойные рыцари отказались брать дары до завершения справедливой войны?... Нет, ваша светлость! Благодарности моей нет границ, но я уже вознагражден Господом, что позволил мне с мечом в руке нести слово истинной веры в земли диких людей и жечь их дома для света нашего ученья. Еще раз спасибо, ваша светлость!

Он поклонился и отступил, и снова волны рыцарского моря сомкнулись вокруг него, забурили.

Граф Ришар посматривал на меня со странной усмешкой. Я перевел дыхание, кивнул Арчибальду.

Тот провозгласил громко:

— Виконт де Голдинвуд!

Высокий поджарый рыцарь, единственный, кто из доспехов ограничился одной кирасой, в красивом камзоле, пурпуренэ, рукавами шамарр и сапогах из мягкой кожи, выдвинулся из толпы, учтиво поклонился и даже помахал рукой над сапогом по придворной моде, я вспомнил, что видел его среди щеголей в королевском дворце Геннегау.

— Виконт де Голдинвуд, — произнес я, — вы показали себя неустрашимым в бою, но что важнее, вы сумели прорубиться сквозь охрану верховного вождя Митвольда и захватили его в плен, обезоружив в единоборстве!.. За этот воинский подвиг, совершенный вами на виду всего войска, я жалею вам титул стальграфа и вручаю в пользование земли племени триворов с расположенным на них королевством Высокое Залесье.

Сен-марийские рыцари кричали, поздравляя, громче всех. Виконт де Голдинвуд, а теперь уже стальграф, самодовольно улыбался, гордый и щеголеватый, даже ногу выставил вперед и поигрывал плечом, а когда пришел момент заговорить, поклонился еще учтивее, чем в прошлый раз, и поиграл рукой над сапогом.

Рыцари завистливо умолкли.

— Ваша светлость, — произнес он красивым артистическим голосом прирожденного аристократа, — Господь видит, как я польщен, и как душа моя трепещет от восторга... и как я уже представил, как возликуют мои родные, как будет гордиться своим непутевым чадом мой отец, у которого я до этого, скажу честно, сидел на шее...

Я произнес жирным державным голосом:

— Вы все заслужили, доблестный стальграф. Это не я вас награждаю, награждает войско! Вы же слышите, что они кричат!

Он посмотрел мне в лицо, и у меня дрогнуло сердце от нехорошего предчувствия.

— Ваша светлость, — произнес он, — я в самом деле принял участие в этой войне только ради возможности

получить в собственность хоть какой-то клочок земли, и потому так безмерно рад, что вы жалуете мне от щедрот целую область с деревнями, городами и целым королевством.. Однако же...

Он умолк на миг, я сказал раздраженно:

— Что однако?

Снова мертвая тишина над лагерем, кашляни муравей — все вздрогнут, а сэр Голденвуд произнес хрустальным голосом:

— Пока мы собирались в Брабанте, пока стягивались в отряды, пока двигались в Гандерсгейм... я неожиданно получил самую высокую награду, уж простите, вы такую предложить не можете. Господь открыл мне, что идем сражаться за святое дело, за веру и правду, за добро и справедливость. Душа моя проснулась, стяхнула шерсть, теперь чиста и открыта свету... Простите, ваша светлость, но я смогу принять из ваших рук любой дар, который вы сочтете меня достойным, лишь после полного завоевания Гандерсгейма и установления везде христианской власти.

Он говорил твердо, спокойно, что совсем не вязалось с его щеголеватым обликом. Сейчас в нем живет и действует суровый крестоносец, готовый на любые тяготы ради торжества справедливости.

Рыцари начали переговариваться, я со стыдом и смутением уловил, что все отнесли к его словам с полным одобрением. Господи, мелькнуло у меня тоскливое, а ведь наступит же подлейшее время, когда даже самые мелкие и ничтожные премийки и награды будут выцарапывать такие же мелкие и ничтожные людишки. Будут добиваться их, подличать ради них, подставлять, подсиживать!..

Или не наступит, если не дать ему наступить?

Граф Ричард поглядывает на меня с вопросом в глазах. Я заставил себя улыбнуться, вскинул руки и заговорил с подъемом, которого на самом деле не ощущал:

— Сам Господь говорил вашими устами, дорогие друзья!.. Мне стыдно, что я предложил вам материальное вознаграждение, когда души ваши обрели крылья. Да, ко-

нечно, вы правы, а я не прав. Мы сперва завершим миссию по освобождению Гандерсгейма от...

Я запнулся, подбирая точное слово, граф Ришар тихонько подсказал:

— ...населения.

— ...скверны, — сказал я, — в которой пребывают здешние люди, сами того не замечая. Будьте чисты и непримиримы к отдельным еще встречающимся недостаткам! Помните, потом труднее будет с ними бороться, в то время как в момент завоевания один взмах меча так легко и просто решает многие проблемы, что потом могли бы здорово осложнить как наши жизни, так и жизни наших друзей.

Судя по их лицам, последние слова попали в точку. Если человек еще может допустить осложнение своей жизни ввиду нашей рыцарской сентиментальности и мягкосердечности, то ради друзей глотки порвет и землю Гандерсгейма по колено зальет кровью.

— А теперь, — прокричал я, — пир!.. Отпразднуем нашу победу!..

Блещающее металлом войско шумело, колыхалось, а я с радостной улыбкой, словно все происходит именно так, как я и задумал, повздымал руки, помахал ими, затем с неторопливой поспешностью скрылся в шатре графа Ришара.

Ришар опустил полог, но это почти не отрезало от ликующих воплей, звона металла и воинственных кличей.

Я тяжело опустился в кресло, Ришар продолжал смотреть на меня с сочувствием. Я перехватил его взгляд, зло огрызнулся:

— Ну что? Говорите же, какой я дурак!

Он невесело усмехнулся.

— Вы не дурак, сэръ Ричард. Очень даже... Но вы развиваетесь быстро, чересчур быстро. Это опасно. Совсем недавно вы были таким же рыцарем, из каких состоит наше славное войско. И разделяли те же взгляды... если не прикидывались очень уж усердно. Но, думаю, вы не прикидывались.

— А сейчас прикидываюсь?

— Нет, — сказал он, — позвольте, присяду?

Я буркнул:

— Это ваш шатер.

— Спасибо, — он сел напротив и продолжил с тем же оскорбляющим сочувствием: — Вы вроде бы не прикидываетесь. Или не слишком уж заметно.

— Однако?

Он вздохнул.

— Однако вы из простого рыцаря очень быстро выросли в крупного сюзерена. Это вроде бы хорошо, но вы поспешили освоиться с его реальностями.

— Это плохо?

Он кивнул.

— Опасно.

— Для меня?

— И для других, — произнес он осторожно. — Я же говорю, вы поспешили вжиться в роль хозяйственника. Но любой хозяйственник вашего ранга... не только хозяйственник. Он еще и рыцарь. Душа у него та же, только положение намного выше. Но идеалы не должны меняться от высоты кресла.

Я сказал вяло:

— Хватит, граф. Я уже вижу, какое я дерьмо. Даже этот, из Сен-Мари, и то отказался! А я ж по глазам видел, что из рук готов выхватить... Что с людьми делается?

Он сказал примирительно:

— Думаю, в другом случае он бы взял, но сейчас, глядя на других, не решился стать белой вороной.

— То-то и оно, — сказал я с досадой. — А мог бы взять и говорить хвастливо, что все дураки, а он один умный!.. Но не взял. А по уму, хитрости или высоким идеалам... сейчас не так важно. Важно, что общий дух войска намного выше, чем я думал, а это непростительно для вожака.

Он сказал с сочувствием:

— Не убивайтесь. Это даже хорошо...

— Что хорошего?

— Что недооценили энтузиазм рыцарских масс. Плохо, если бы переоценили.

Я проворчал:

— То и другое плохо. Я должен быть... всезамечающим. Теперь я понимаю Бонапарта... Был такой полководец в моих землях. Когда короли соседних земель требовали, чтобы подписал неудобный для него договор и отступил, он закричал в бешенстве: «Это они могут терпеть поражения и благополучно возвращаться на свои троны!.. У меня трона нет, любое поражение для меня — гибель!»

Ришар подумал, спросил осторожно:

— И что, он потерпел поражение?

— Да, — ответил я. Подумал, добавил для объективности: — Но до этого завоевал фактически весь мир.

Мы помолчали, я прислушался к разговорам по ту сторону тонкой стенки шатра и наконец-то ощутил то, что давно должен был почувствовать: стыд. Я собирал войско из всех королевств, обещая земли, добычу, титулы, богатство, однако даже простые воины сейчас говорят не о трофеях, а о том, что и эту страну приведут в лоно церкви, восстановят попранные храмы, монастыри и что законы христианства воссияют и над этими землями.

Граф с недоумением вскинул голову, когда я рывком поднялся, набросил на плечи плащ и направился к выходу.

— А сейчас куда, сэра Ричард?

— В обоз, — ответил я. — Победа куется всегда в обозах. А наступление начинается с чертежных досок.

Часть вторая

Глава 1

После битвы при Шварцвельде, как ее назвали, конные отряды ускоренным маршем продвигались дальше, оставив обозы под охраной пеших войск. Впереди двигалась широким фронтом конница сэра Норберта, все больше приобретая вес в этой войне, усиливаясь добавочными отрядами, получая лучшее вооружение.

Жители города Татрей охотно согласились восстановить и укрепить городские ворота, но наотрез отказались давать ремесленников и материалы, чтобы выстроить сторожевую башню за пределами королевства у единственного моста через реку Гуца.

Сэр Норберт тут же вывел весь городской совет на площадь и велел немедленно повесить, что сделали с великой охотой. Все-таки жители города не поработенный варварами народ, а с союзниками противника никто церемониться не будет.

После такой устрашающей меры уже ни в одном городе ему не перечили, он получал и людей, и материалы, и нужное количество телег.

Ко мне начали обращаться из городов и королевств, я принял первые две делегации милостиво, остальным велел сообщить выработанную завоевателями общую линию.

Мои полководцы, а также наиболее знатные лорды из Вестготии, Ундерлендов и Брабанта то и дело сами начинали интересоваться, как поступать с гандерсгеймцами, наконец я собрал всех и объявил:

— Как с варварами обращаться — знаете? Знаете!.. Ну вот, хорошо. И что с их землями будет, тоже для вас не секрет, еще как не секрет!.. Теперь давайте раз и навсегда определимся с очень важным вопросом! Города, где живет в автономии население Сен-Мари... гм... там нас могут принять, как освободителей, но пусть вас это не смущает. Они — коллаборационисты, предатели, изменники! Это не значит, что вы должны их истреблять, нет, конечно. Вы должны обращаться с ними, как с провинившимися детьми, которых нам предстоит перевоспитывать. То есть, никакие их просьбы, пожелания, советы — не принимаются. Вы делаете то, что должны. Если кто-то выкажет откровенное неповиновение — быстро и без всякой жалости повесить на видном месте для наглядной агитации и пропаганды наших гуманных идей и прогрессивного образа мыслей!

Барон Альфред Бриджстоун, в прошлом вассал герцога Хорнельдона, а ныне мой, спросил осторожно:

— А что с их автономией? Сохранится?

Я пожал плечами.

— На ваше усмотрение. Все земли будут розданы победителям. Если раздавать только королевства, можно награждать сто семьдесят достойных рыцарей нашего войска. Однако нам прежнее административное деление не указ. Участков для ваших будущих владений может быть меньше, может быть больше. Эти карликовые королевства расположены на ваших землях, а там уж сами решайте насчет их автономии.

Они зашумели, переговариваясь, а я, глядя на их лица, хорошо понимал, какая автономия ожидает некогда вольные города.

Телохранители стараются не сводить с меня взглядов. Это раздражает, никто меня совсем недавно вообще не опекал, хотя да, я тогда не был герцогом и маркграфом, тем более — вожаком и вдохновителем похода.

Вызвав сэра Макгайвера, первого заместителя сэра Норберта Дарабаса, я сказал значительно:

— Дорогой друг, я понимаю и разделяю вашу озабоченность. Дарабас прибьет, если со мной что-то случится! Но знаете ли, это с хорошими людьми всегда что-то случается, а меня, как уже говорили, в любой омут брось — вынырну со щукой в зубах.

Он хмуρο улыбнулся.

— Ваша светлость, весь поход — это вы.

— Не спорю, — ответил я кисло, — но если вдруг меня где-то упустите, то не поднимайте панику, ясно?.. Это я просто уединился, чтобы поразмыслить о суетности и бренности нашей жизни.

Он произнес с сомнением:

— Какое-то нерыцарское занятие...

— Я не только рыцарь, — напомнил я строго, — но и сюзерен. И должен своим умищем охватывать все сферы. В общем, я предупредил! Спасибо за понимание, сэр Дэвид!

Он ушел, а я почти следом за ним выскользнул незримником. Сердце колотится, у многих рыцарей высшего звена есть амулеты, что вскрывают незримность, все зависит, какой мощи сама незримность...

Никто не бросил на меня внимательный взгляд, никто не повернул головы, я выбрался за лагерь, отыскал впадину, где можно укрыться с головой, присел и начал сосредотачиваться.

Через несколько минут сильные крылья взметнули меня в воздух. В лагере хоть и заметили, это не так уж и далеко, но дракон на большой скорости уходит, так что пусть, ничего интересного.

Воздух кажется плотным, это для дракона его как бы вообще нет, но все равно чувствую себя стрелой, выпущенной из мощного лука. Могучие крылья с легкостью отсекают пласты воздушной массы и подминают под себя мощными взмахами. При отталкивании я чувствую себя тушканчиком в прыжке, земля как бы проваливается еще ниже.

Места знакомые, моя память все держит, как сто гобсеков, вон знакомая верхушка горы, только в прошлый раз страшно и величаво сверкала в пламени заката над черной, как грех, землей, а сейчас солнце в зените, гора выглядит дружелюбно, а долина внизу вообще искрится изумрудной зеленью.

И все-таки сердце стучит тревожно, как всегда, когда приближаюсь к тому, кто намного сильнее меня и на чье дружелюбие особенно рассчитывать не стоит.

Каменный уступ пошел навстречу, я понемногу убирал крылья, планируя и одновременно снижаясь. Черный зев пещеры показался зловеще распахнутым ртом, а уступ перед ним — приглашающе выдвинутой нижней губой: сядь, как дурной колобок к лисе...

Я вытянул лапы и опустил так ровно и нежно, что не расплескал бы и чашу с водой, установи ее на моей горбатой спине птеродактиля. В прошлый раз страшился и скосить глаза в сторону, там бездна, а сейчас даже тупой инстинкт успокаивающе похлопывает по плечу: мол, успеешь распахнуть крылья, ты же теперь это самое...

Но если тогда я всего лишь трусил, то сейчас меня просто трясет: именно Сьюманс для прошлого вторжения варваров в Сен-Мари помог им привлечь огров. Все они, к счастью, были не готовы к бою с закованными в стальные доспехи рыцарями и полегли под ударом наших рыцарских копий в первой же битве за столицу.

Правда, Сьюманс с той же легкостью подсказал мне, где найти огров в Гандерстейме, так что он ни на чьей стороне, на это и надо нажимать в таком деликатном разговоре...

Темный вход озарился светом, я понял как приглашение и, превратившись в человека, торопливо пошел вперед. Темный воздух жилья, знакомый запах химикалий, аромат озона и горной смолы... все почти как и в прошлый раз, только положение мое куда двусмысленнее.

Проход вывел в огромный, почти исполинский зал. Дыхание сперло и в этот раз, хотя тогда зал был весь в зо-

лотом свете, стены украшены богатым и весьма причудливым барельефом на мифологические темы, а сейчас нечто готическое: черные стены пополам со зловеще красными полосами.

Музыкальная плавность изогнутых очертаний сменилась подчеркнуто резкими углами и прямыми стенами. Никаких золотых листьев, плавно падающих из-под свода, все стерильно, аскетично, словно здесь не маг живет, а отшельник Антоний.

Стол с тиглями, ретортами, колбами и прочим-прочим — в глубине зала, а тот стал еще огромнее, как-то Сьюманс умеет раздвигать пространство, ну не может такая пещера поместиться в пике горы...

Я сказал громко:

— Приветствую великого Сьюманса! И страстно жажду в очередной раз прильнуть к истокам вашей мудрости...

На всякий случай перешел на все виды зрения, какие получаются, чуть не сблеванул, но увидел, как в глубине зала появилась и пошла в мою сторону невысокая фигура, похожая на пылающий факел, где держак едва теплый, а головка горит неистовым огнем.

Я держал его взглядом и, когда он приблизился, сказал почтительно:

— Приветствую, великий Сьюмас! Вы очень много работаете, у вас заболит голова...

Со стороны пылающего факела прозвучало:

— Уже болит...

Он проступил видимый и для обычного зрения, все такой же невысокий с неестественно вытянутым лицом, абсолютно голым черепом, бледный и абсолютно безбровый. Длинный халат, его я не заметил в тепловом зрении, касается полами стерильно чистых плит пола.

— Вы окрепли, — заметил он. — Я применил высшую защиту невидимости!

— Просто случайность, — сказал я торопливо. — В любом случае, это можно назвать везением, а не могуществом.

Он бледно усмехнулся.

— Да? Другой бы изо всех сил доказывал, что заметил благодаря своей мощи. Видимо, она у вас в самом деле растет, сэръ Ричард.

Его рука небрежным жестом указала на кресла, мгновение назад их не было. Я выждал, когда сядет хозяин и старший по возрасту, опустил на мягкое сиденье без опаски, что исчезнет. У Сьюманса, как у всех много проживших чародеев, чувство юмора с годами выветрилось до последней капли.

— Могу я попробовать убрать вашу боль? — поинтересовался я почтительно.

Он отмахнулся.

— Не получится. Я слишком долго пытался решить одну проблему... Когда не получилось, выпил настой тайтинга. А это палка о двух концах...

Я осторожно протянул к нему руку.

— Все-таки попробовать не мешает. Мне не стыдно показать слабость и неумение, я ведь и не говорю, что могу?

Он поморщился, но позволил моим пальцам коснуться его тела. Я потрогал худое костлявое плечо, передвинулся на такую же худую дряблую шею, и тут боль неожиданно потекла в меня тяжелым потоком, словно река горячей ртути. Я сцепил зубы и старался не показывать, что готов все бросить, продолжал вбирать в себя чужую боль, это впервые со мной такое, а лицо Сьюманса прояснилось, в тусклых глазах появился блеск.

— Достаточно, — произнес он. — Вы побледнели, юноша. Но боль в самом деле ушла почти вся! Что вы применили? Какое заклинание?

Я помотал головой. Очень медленно тяжелая боль покидает и меня, побеждаемая моим иммунитетом и услужливой регенерацией. Однако Сьюманс нечто, сколько же в нем живучести...

— Я не знаю заклинаний, — ответил я честно.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Вижу. Но что-то в вас есть очень сильное... И, что звучит как вызов, незнакомое.

Я сказал торопливо:

— Великий Сьюманс, я прибыл по очень срочному и очень важному делу! Как я уже говорил при нашей последней встрече, мы начали из Сен-Мари вторжение в эту непросвещенную и дикую страну варваров, чтобы принести сюда культуру, просвещение, дух гуманности, терпимости и очищающую мощь христианских костров.

Он в недоумении вздернул кожу на том месте, где у людей брови.

— Костров?

Я отмахнулся.

— Да это ритуальное такое, не обращайтесь внимание на мелочи. Очень надеюсь, что наши мелкие и суетные заботы не отвлекут великих магов от грандиозных и величественных задач Познания Древних Тайн!..

— На что не отвлекут?

— Ну-у, — протянул я, — не будете вмешиваться, как в старину олимпийские боги встревали в войны людишек, даже иногда сражались на той или другой стороне, если верить Гомеру, Гесиоду и прочим непроверенным источникам.

Он пренебрежительно искривил губы.

— Милый юноша! Если бы ты хоть в какой-то мере догадывался, как это просто, глупо и неинтересно для магов... Это то же самое, что начинать помогать красным муравьям в их войне против черных. Или наоборот.

— Но маги, — сказал я робко, — по тем же непроверенным данным, все же захватывают власть в королевствах.

Он покачал головой.

— Никогда. Разве что какие-то деревенские колдуны, способные на пару трюков? Мы не вмешиваемся в жизнь людей вовсе не из-за каких-то запретов или особого благородства, Ричард. Посмотри, что ты видишь?

Он повел дланью, дальняя стена исчезла, за ней от-

крылся гигантский склад, где справа и слева уходят вдаль стеллажи с древними вещами непонятного назначения, а на полу разложены крупные фрагменты и обломки чего-то причудливого, странного, по спине бежит холодок почтительного трепета.

С потолка падает свет, не слишком яркий, не слишком тусклый, а как раз, чтобы не раздражать глаза, и в то же время высвечивает каждый уголок и каждую вещь.

— Тут на сто лет копать, — пробормотал я ошалело. Он скривил губы.

— Сто лет? Я занимаюсь эти триста пятьдесят, но не разобрал и десятой части...

— Ого, — вырвалось у меня.

Он спросил с невольной насмешкой:

— Ну как, стало яснее?

Я пробормотал:

— Великий Сьюманс... теперь верю. Басни про защищающих Гандерстейм волшебников придумали разбитые степняками сен-маринцы! Надо же как-то объяснить свое поражение, чтобы перед женами не так стыдно...

Он кивнул, бледное лицо спокойно, однако глаза нехорошо поблескивают, я ощутил, как под ложечкой тревожно квакнуло.

— По долине, что под нами, — произнес он ровным голосом, чересчур ровным, — часто проходили армии. В ту или другую сторону. Однако ни разу среди них не было достаточно могучего мага. Сейчас особый случай...

Под ложечкой тревожно засосало, словно там открылась пустота. Пахнуло холодом, Сьюмас смотрит с холодной усмешкой, но в его фигуре чувствуется напряжение. Я тоже напрягся, не зная, чего ожидать, всматривался в его непроницаемое лицо, очень спокоен, однако уголки губ чуть дрогнули...

Странная невероятная мысль пронзила череп: да он же меня боится! Или хотя бы побаивается, чего раньше никогда не было! То ли мое умение снять боль тому виной, то ли еще что, но скорее всего — черная корона властели-

на Темного Мира в мешке. Возможно, дает какую-то защиту или же напавшего на меня ждет мучительная гибель? Сьюмас что-то чувствует, хотя вряд ли понимает, что во мне так сильно изменилось со времени прошлой встречи.

— Ничего особенного, — ответил я как можно более беспечно, словно ничего не заметил и не понял, — я точно такой же воин, каким был всегда!

Он обронил негромко:

— Так ли?

— Так, — подтвердил я. — Вера и убеждения запрещают мне пользоваться магией. Я прибегал к ней по самому минимуму и только тогда, когда мне грозит явная гибель.

— А это не противоречит?

— Ничуть, — заверил я. — Аллах говорит, что всякий, кто ради соблюдения заветов повредил своему организму болезнью или даже смертью, будет проклят и не попадет в рай! Жизнь — священна, ради ее спасения можно нарушить любые заветы и запреты... Правда, потом необходимо покаяться и очиститься... И вообще, я — воин и вожак людей! Мы строим понятный всем мир, а магия простому человеку непонятна.

— Сэр Ричард, — произнес он равнодушно и даже пренебрежительно, — вы можете захватывать эти земли целиком и полностью. Можете истребить все народы здесь, а можете строить некие невероятные королевства... нам все равно.

Я пробормотал:

— Спасибо.

В его негромком голосе чувствовалась некая недоговоренность, я все сильнее чувствовал неприятный холодок во всем теле,

— Только одно, — проговорил он, — я чувствую, ваше вторжение несет угрозу нам. Магам.

— Как это? — спросил я глупо, потому что спросить что-то надо, — мы же воюем с варварами...

— Варвары ни при чем, — сказал он. — Прежние войска сен-маринцев такой угрозы не несли. А вот твое войско — да.

Он смотрел остро и прицельно. Я в растерянности развел руками.

— Хорошо, я вернусь в лагерь и тщательно все продумаю. Великий Сьюманс, я же понимаю, что с магами невозможно ссориться! Вы не оставите от всего нашего войска даже пепла!

Он кивнул, да, все верно, в их власти все испепелить, холодок в моем теле стал таять, я ощутил некоторое облегчение, но расслабляться нельзя, он наблюдает за мной бесстрастно и спокойно, как кот за мышью, чей вход в норку закрыт мышеловкой.

Глава 2

Я поклонился и начал отступать к выходу, но переломил свой страх, остановился и спросил:

— Великий Сьюманс, можно пустяковый вопрос?

Он буркнул:

— Если в самом деле пустяковый. Мне претит отвечать на вопросы, ответы на которые понятны даже червяку.

Я проигнорировал оскорбление, спросил быстро:

— Почему Великие маги только в Гандерсгейме?

Он посмотрел несколько искоса.

— В каком смысле?

— В остальной части Сен-Мари, — сказал я, — ни одного. Так, мелочь, колдуны деревенские, да всякие любители... Нет в Ундерлендах, в Брабанте. Нет по ту сторону Великого Хребта...

Он вздохнул.

— Завидую, вы и по ту сторону побывали.

— Это я здесь побывал, — уточнил я, — а вообще-то я весь отсюда. Но вы, пожалуйста, снизойдите до ответа! Чем вызвано, что в Гандерсгейме с десятков великих магов, в

то время как в других землях, где земли богаче, а народ интереснее и цивилизованнее, ни одного?

Он посмотрел с интересом.

— А вы как думаете?

— Вариантов много, — ответил я. — В Гандерсгейме мог появиться очень хороший учитель, что сумел передать свой опыт и воспитать целую плеяду талантливых последователей. Могла в этих землях существовать философия, что надо стать именно магом, это выше, дескать, война и даже короля... хотя это, конечно, не для Гандерсгейма.... Еще могла быть какая-то радиация... ну, это такие мелкие комары, что кусают насмерть, но если кто выживает, то преобразается либо в чудовище, либо в гения...

Я осекся, Сьюманс тоже молчал, только посматривал на меня с интересом. Я потер лоб ладонью, подумал, посмотрел на него с вопросом в глазах.

Он усмехнулся.

— Начинаете догадываться?

— Не совсем, — пробормотал я, — но если пользоваться бритвой Оккама... в общем, самое вероятное, здесь образовалось место с особыми свойствами. Если отталкиваться от этой дикой мысли, можно даже определить его местоположение.

Он сказал с изумлением:

— Ого! Соображаете быстро!

— Я помню, — ответил я тихо, — где башни магов. Я их нанес на карту еще в прошлый раз, когда беспечно драконил в этих землях. Только сейчас понимаю, что они вообще-то образуют... круг!.. Да-да, почти правильный круг.

Он сказал больше с беспокойством, чем с одобрением:

— Соображаете быстро, юноша. О чем это говорит?

Я быстро думал, сопоставлял, создавал версии и тут же отбрасывал, Сьюманс следил за мной с застывшей улыбкой.

— Нечто важное, — сказал я после паузы, — к чему привязаны все Великие Маги, должно находиться в сере-

дине круга. А то, что никто не построил башню дальше... говорит, что вы все продолжаете получать мощь из того источника!

Он смотрел уже с изумлением.

— Вы уверены, — сказал он совсем другим голосом, — что вы не маг? Умеющий мыслить быстро и точно?.. Это очень важно для разгадки великих тайн древности... и составления заклятий на их основе.

Я напряг бицепсы и раздвинул плечи, вздувая мускулы.

— Посмотрите на меня!

Он посмотрел, кисло улыбнулся.

— Да, вижу, вы не маг. Но почему-то... гм... соображаете быстро и точно. Некоторым нашим магам на зависть, а они оттачивали строгость мышления сотни лет!.. Да, вы правы, Великий Источник в центре круга, который образовали башни.

Я порылся в памяти, прогоняя перед мысленным взором карту Гандерсгейма, ничего подозрительного в том месте нет, затем постарался вспомнить все, что видел, когда пролетал в том месте на большой высоте...

Сьюманс поглядывал на меня с улыбкой, а когда я разочарованно помотал головой, сказал с сочувствием:

— И не пытайтесь.

— Защита невидимости? — спросил я.

— Высшая, — подтвердил он. — Намного более высшая, что была на мне, когда вы вошли в пещеру. Даже Великие Маги ее не видят.

— Но мои войска, — сказал я, — если будут двигаться там широким фронтом... наткнутся на нечто?

Он покачал головой.

— Нет.

— Ни на стену, — повторил я настойчиво, — ни на пропасть... ни на болото?..

— Ни на что не наткнутся, — сказал он. — Вы же не первый человек, что ходит в тех краях! Там целые стада и табуны перегоняют каждый год. И ничего.

— Но там же... реально?

— Высшая незримость, — подтвердил он. — Мало того, что незримо, это просто, но люди и звери огибают Укрытие, полагая, что идут по прямой. А затем снова выходят на прежний путь. И никто за все тысячи лет не спросил себя: почему там милю проходят за два часа, а не за час, как обычно.

Я кивнул.

— А если кто и спросил, то ему сказали с раздражением: тебе что, больше не о чем думать? У тебя сбруя прохудилась, подошва на сапоге болтается, дров еще не собирал на костер... Да, это я понимаю, высшая защита!.. Спасибо, великий Сьюманс! Я пойду и сообщу своим военачальникам, что отныне надо серьезно подумать, вторгаться ли в глубь Гандерстейма?

Можно бы вернуться в свой шатер так же по-шакальи, как и ускользнул, но сейчас зачем, дело сделано, я спокойно вышел к внешним караулам, сделав вид, что самолично обхожу позиции своей армии на отдыхе.

Караульные всполошились, но я успокоил, заверив, что выходил с другой стороны, после чего они все-таки послали двоих проводить меня до шатра.

Макгайвер встретил меня, бледный от ярости, но я бросил на него строгий взгляд.

— Сэр Дэвид, держите себя в руках.

— Но, ваша светлость!

— Я знаю лучше, — сказал я еще строже. — И закончим с этим. Лучше подготовьте-ка небольшой, но представительный отряд.

Он прорычал:

— Для какой цели, ваша светлость?

— Хочу навестить герцога Ульриха, — пояснил я. — Сопровождающие должны быть достаточно высокого звания и соответствующих титулов, чтобы не оскорбить его светлость.

Он кивнул.

— Как скажете, сэр Ричард.

Через полчаса мне доложили, что мой конь оседлан и ждет, я вышел и увидел ровный ряд богато одетых в роскошнейшие платья всадников. Все до единого из знатнейших родов Сен-Мари, двое даже из Вестготии.

— Не отставайте, — сказал я весело. — Надеюсь, герцог Ульрих не погонит нас в шею.

Собственно, с того места, где стоит шатер герцога, наверняка видели, как собирается наш отряд, и когда мы подъехали, нас встречали богато одетые в лучшие одежды рыцари и знатные люди герцогства, а сам Ульрих вышел из шатра с широкой улыбкой и распахнутыми руками.

Мы обнялись на виду у всех, он сказал громко:

— Очень сожалею, что не сумел прийти на последнее совещание, однако посмотрите вон в ту сторону...

Пыль клубится по всему горизонту, я всмотрелся и рассмотрел мелкие искорки, так на солнце блестит обнаженный металл. Определить, сколько там людей, трудно, пыль густая...

Герцог внимательно наблюдал за моим лицом.

— Покидать не решил, — признался он. — А вдруг варвары собрали войско и готовятся ударить с этой стороны?

— Вероятность есть, — признался я.

— Но могут и просто перегонять конские табуны, — сказал он сердито. — То ли на новые кочевья, то ли нас хотят поволновать, вынудить на какие-то действия... Пойдемте в шатер, сэра Ричард!

Одетые, как принцы, пажы держат полог, я шагнул вовнутрь и опять поразился роскоши: герцог и в походе устраивается так, будто возит с собой весь дворец.

Пажи придвинули мне легкое, однако отделанное позолотой кресло, я опустил с опаской, не раздавлю ли, герцог сел напротив и с живейшим любопытством всматривался в мое лицо.

— Безумно снова рад за вас, сэра Ричард, — сказал он. — Когда я увидел вас, то, скажу честно, не думал, что у вас что-то получится.

— Один человек, — скромно сказал я, — если прав, в конце концов становится большинством.

Он засмеялся:

— Хорошо сказано! Особенно меня радует, что вы сумели привлечь на священную войну с неверными еще и рыцарство Вестготии! Это прекрасный дополнительный источник...

Я кивнул.

— Почему нет? Все рыцари — братья.

— Даже все люди, — напомнил он, — братья, как сказано в Святом Писании. Я как-то спросил отца, а почему молчат о женщинах? И знаете, что ответил отец?

— Даже не берусь угадывать...

— Он сказал, речь же о людях....

Мы посмеялись, самая безопасная и удобная тема для шуток — женщины, пока что женщины вообще, без разделения на брюнеток и блондинок.

Три пажа, одетые как райские птицы, вошли молча и важно, двое поставили на стол золотые кубки и такие же золотые блюда, что значит жутко тяжелые и неудобные, третий налил из кувшина вина и замер под стеной, готовый доливать по первому же знаку.

Я отпил с удовольствием, вино кислое и слабое, но хорошо гасит жажду, перевел дух и сказал с подъемом:

— Герцог, я прибыл, честно говоря, не по делу, а просто так, мне безумно приятно находиться в вашем обществе!.. Я помню ваш блистательный двор в Ундерлендах и скучаю по нему, помню вашу очаровательную супругу Илю Ундерлендскую, а также блистательное совершенство вашей дочери Жозефины, этот бриллиант редкостной чистоты и красоты... Однако долг напоминает мне, что нужно еще раз передать восторги наших рыцарей за армию, которую вы привели так быстро! У ваших людей прекрасное вооружение, великолепные доспехи, а выучка просто поражает!

Он откинулся на спинку кресла, улыбался, доволь-

ный, кубок в руке держит красиво, чуть на отлете, но не проливает ни капли.

— Конечно, — сказал он, — спасибо за теплые слова, но войско прошло, как я уже говорил, опасные земли без потерь только благодаря вашему вмешательству, сэръ Ричард. Не знаю, как уж ухитрились так быстро обезопасить проход из нашего уединенного региона, но стрелки, которых вы послали на уничтожение гарпий, рассказывали просто удивительные вещи!

Я сказал жизнерадостно:

— Да-да, простой люд обожает чудеса! Всегда такое напридумывает...

Он медленно и со вкусом отпил вина, в глазах веселое выражение, опустил кубок на стол, но не выпустил из руки.

— Да, конечно, — произнес он легко. — Правда, все говорят одно и то же, как будто сговорились даже в мелочах. Ну, это все в прошлом. Главное, мы здесь и, помимо участия в Шварцвельдском сражении, постоянно опробуем себя и в мелких схватках, которым просто нет числа.

— И как впечатления?

— Любопытные, — ответил он. — С таким противником не сталкивались. Они мобильнее нас, отважны, дерутся отчаянно. У них есть кодекс чести, хотя и отличается от нашего в деталях, но общего много. Мои рыцари в восторге! Здесь не игра, не турнир, а все по-настоящему.

Пажи принесли на подносах изысканные блюда, я с трудом узнавал простую баранину или телятину, зажаренную в неведомых соусах и укутанную в душистые листья, а в довершение внесли жареного вепря.

Я напомнил осторожно:

— У вас там междоусобных стычек хватало...

Он вытащил нож, деловито отхватил себе левую ляжку кабана.

— Здесь не стычки, — сказал он счастливо. — Здесь настоящая полномасштабная война, слава Господу!.. Рыцарям есть, где показать удачу, добиться славы, блеснуть

отвагой и удалью. Да и многие безземельные, чего греха таить, кое на что надеются.

— Как у вас с герцогом Готфридом?

Он ел быстро, с удовольствием, на меня взглянул с некоторой мудростью взрослого человека.

— Хотите взглянуть на отца глазами постороннего? Похвально желание объективности. Но я не буду объективен, так как всегда восхищался как благородством и рыцарственностью герцога Брабантского, так и его мудростью и умением управлять герцогством.

— Спасибо, — сказал я. — Вы просто не представляете, как я рад такое слышать...

Он взглянул с интересом, как я ем, поинтересовался:

— Боюсь ошибиться, но мне кажется, в вас говорят не только родственные чувства, сэръ Ричард?

— Не только, — согласился я.

Он посмотрел на меня с вопросом в серьезных глазах, но я смолчал, старательно жевал мясо, в самом деле очень сочное и мягкое.

— Старый лев еще полон силы, — заметил он.

— Счастлив это слышать!

— Мы уже говорили с ним, — сказал он многозначительно, — насчет возрождения ордена Марешаля.

— И как он?

— Горит энтузиазмом, — ответил герцог счастливо. — Несколько столетий само существование ордена хранили в строжайшей тайне! Герцог Готфрид готов приложить все силы... Или вам это неинтересно?

Я бросил обглоданную кость на стол, один из пажей тут же ухватил ее на отскоке, как вышколенный пес, и унес из шатра.

Герцог жестом подозвал двух остальных и указал на блюдо с разрезанным кабаном.

— Отнесите стражам у костра.

Пажи исчезли с кабаном, на столе остались только кубки и кувшин. Я потер ладонью лоб.

— Очень интересно, уверяю вас. Просто устал, как

собака. Вопрос возрождения ордена — вопрос решенный, нужно всего лишь воплотить в жизнь. Вы это сделаете, не сомневаюсь. А вот мои задачи куда менее прозрачные даже для меня... Они там, за горизонтом, а приходится решать сегодняшние. Скажу откровенно, сэр Ульрих, я хотел прояснить ситуацию насчет личных взаимоотношений...

Он в удивлении вскинул красиво изломанные брови.

— Между нами?

— Между вами и графом Ришаром, — ответил я честно. — Не слишком ли задевает вашу честь находиться под его командованием?

Он помрачнел, кивнул.

— Задевает. Если честно, задевает сильно. Как вы уже заметили, я стараюсь не ходить на совещания, которые он собирает, иначе будет урон моей чести. Однако его решения разумны, я его распоряжения выполняю... в целом. Для этого мне пришлось, правда, не то чтобы смирить себя, этого от меня никто не дожидается, однако напоминаю себе, командуете вторжением вы, сэр Ричард, а не какой-то граф Ришар или кто-то еще!.. Ваше настоящее происхождение для нас все еще тайна. Возможно, вы сын императора? Потому никому не зазорно выполнять ваши приказы и повеления. А граф Ришар... он лучший из ваших полководцев. Я велел даже записать рассказы о его блистательных победах при Олбени, Гастирксе, у Черной Речки, Проливе и прочих войнах, где он отличился где с малым отрядом, где с большими массами войск. И перечитываю в редкие минуты досуга. Он хорош. Однако на пирах буду претендовать на более высокое место по праву титула!

Я сказал поспешно:

— Да, сэр Ульрих, да, конечно. Это я и хотел выяснить. Мне, как вы понимаете, главное — единство и сплоченность нашего крестоносного войска. Чтоб никаких заметных трений и раздоров.

Он хмуρο улыбнулся.

— Мудрые говорят, что не бывает согласия между

полководцами, пока не найдут себе общего врага. У нас он есть, сэр Ричард.

Я поднялся.

— Дорогой герцог, скажу и вам то, что уже говорил другим: продвигайтесь вперед осторожно! Заводите себе сколько угодно врагов спереди, но не оставляйте сзади. Это значит, в каждом городе оставляйте крепкие гарнизоны! Конечно, предварительно построив ворота, укрепив стены... На этом благодарю за гостеприимство, я поражен роскошью и богатством вашего походного шатра. Не всякий король может поставить такой даже у себя в саду!..

Он довольно улыбался, вышел проводить меня до Зайчика и в знак особого дружеского расположения поддержал стремя, когда я взбирался на арбогастра.

Мои всадники довольно улыбались, на признаки почтения или непочтения здесь обращают внимание очень ревниво.

Я вскинул руку в прощании:

— Еще раз спасибо за прием, дорогой сэр Ульрих!

Глава 3

На обратной дороге ко мне бросались с просьбами и требованиями, я всех отправил к Ришару, сам ввалился в шатер и рухнул в кресло. С герцогом Ульрихом все в порядке, можно было и не ездить. Похоже, это я сам себе ищущу работу полегче, чтобы не думать о тягостном и опасном.

Маги Гандерсгейма! Вот о чем надо ломать голову в первую очередь. Именно они уничтожали предыдущие армии полководцев Сен-Мари, чтобы там сейчас ни говорил успокаивающе Сьюманс. Да так уничтожали, что те перестали сюда соваться, ограничившись только вялой обороной своих земель.

И что же, отступить?.. Предать идеалы этих чистых, благородных людей, что вогнали меня в краску, когда один за другим отказывались от земель и титулов, ибо пришли

сюда ради торжества церкви и справедливости, а не хапанья...

Это вообще пока что мир высоких идей. За мной пошли потому, что жаждут сделать мир лучше, а я пообещал, что это возможно. Сейчас как раз и есть самая высокая точка рыцарства! За высокие идеалы всеобщей справедливости рыцари и простые люди готовы сражаться и умереть.

Но человеку присуще все обгадить, снизить, опустить ниже для собственного комфорта. Когда произойдет этот отход от великих целей, когда человек предпочтет цели помельче, попроще, он начнет говорить, что великие идеалы — это да, конечно, здорово, но надежнее бороться за свою Родину, за Отечество. О других странах пусть заботятся те, кто живет там. Сейчас не до всеобщего блага, пусть каждый возделывает свой участок. А я буду, дескать, сражаться только за Отечество.

Третье великое падение нравственности произойдет, когда и Отечество отойдет на второй план, а драться начнут — мужчина не может не драться! — за улыбки дам. За оброненный платочек. А менестрели начнут воспевать уже не поиски Грааля для всеобщего счастья всего человечества, а ланиты и перси, а еще как тискают мозолистые груди светских львиц в тени грота и альтанок.

Но будет и еще одно, окончательнейшее падение, когда перестанут драться даже из-за женщин. Но тогда и мужчины уже будут называться иначе...

Я стиснул челюсти и прошипел люто:

— Не-е-е-ет!.. Костью лягу, но не дам.

Полог отлетел в сторону, вошел сухой и твердый сэръ Норберт, весь продубленный ветрами и зноем, суровый и с недоверчивым взглядом.

— Сэръ Ричард, — произнес он безапелляционно, — я уже отобрал отряд сопровождения.

Я изумился:

— А что, я куда-то еду?

Он кивнул, под глазами темные тяжелые мешки за

этот поход заметно рассосались, выглядит, как ни странно, моложе и жестче.

— Едете, ваша светлость, едете.

— Куда? — осведомился я.

Он ответил бесстрастно:

— Еще не знаю. Но я замечаю, когда собираетесь исчезнуть из лагеря. Вид у вас такой.

— Какой?

Он покрутил ладонью в воздухе, словно удерживал скользкий арбуз.

— Ну, эдакий... Граф Ришар великодушно снабдил весь отряд своими быстрыми конями, так что в тягость не будут. Взгляните сами.

Он откинул полог, я неохотно выглянул. Десяток прекрасно вооруженных легких всадников кружат неподалеку на легких поджарых конях, что легко обойдут в скачке любых степняцких лошадок.

— Посмотрим, — пробормотал я.

Несколько человек сразу же отпрыгнули от костров, едва я высунул голову, и тоже ринулись к коням. Я поморщился, многовато народу, но слишком уж настаивать на самостоятельности нельзя, я не странствующий рыцарь, те старые добрые времена прошли. Разве что снова тайком...

Один из разведчиков спросил бодро:

— Ваша светлость, припасы брать на день или... больше?

Я осведомился:

— Хочешь знать, хватит вас десятерых или звать еще столько же?

Он ответил смущенно:

— Да, это тоже... хотелось бы точнее.

— Съездим тут недалеко, — сообщил я, — но в самом деле не откажусь от пополнения. Я вообще-то человек запасливый и осторожный.

За спиной хрюкнуло, граф Ришар одобрительно, сэр Норберт — иронически.

Разведчик исчез, словно превратился в пар, осталь-

ные уже все на конях и смотрят на меня, не выпуская из рук поводья.

Норберт сказал с тоской:

— Мне нужно срочно в долину Былых Теней. Там граница между племенами урунгальцами и тенгрилами, мне донесли, что идет война. Если успею, попробую подбросить во славу Господа дровишек в костер войны.

Я кивнул с одобрением:

— Действуйте, сэр Норберт! К вящей славе Господа!

Он поклонился, но, прежде чем исчезнуть, предупредил:

— Я поручил отряд сэру Макдугалу и сэру Монтярду, я их хорошо знаю по Армландии. Можете доверять им, как мне.

— Спасибо, сэр Норберт.

— Ваша светлость...

Он исчез с легким полупоклоном, я наконец отпустил полог шатра и вышел на яркий солнечный свет. Сэр Макдугал и сэр Монтярд, оба немногословные, такие же поджарые, сухие, настороженные, как и сам сэр Норберт, встретили меня почтительными поклонами.

— Ну что ж, — сказал я со вздохом, — если народ требует... Увиливать уже совсем нельзя!

— Ваша светлость? — произнес Макдугал с вопросительной интонацией.

— Надо ехать, — пояснил я. — Выполнять долг. Который так хочется выполнить, так хочется!

Они подтянулись, смотрят орлами. Я вскочил в седло, Пес носится кругами и всем видом показывает, что оставить его не получится, это будет смертельное оскорбление.

По взмаху руки Макдугала возле меня поставили коней двое рослых наездников с широкими щитами, ага, будут закрывать сюзерена, а чуть впереди двое с арбалетами, я давно обратил внимание на их просто великолепные боевые устройства. Никогда не видел, чтобы их стальную тетиву натягивали воротом или руками, но стреляют они втрое чаще, чем обычные. Нужно только успевать вкла-

дывать в желобок новую стрелу и нажимать на спусковую скобу.

Кроме этих стрелков с необычными арбалетами еще одна особенность объединяет весь отряд: коней для разведчиков дал граф Ришар, все уже знают, что они на полной скорости могут проскакать по реке, едва замочив копыта, там где на обычной лошади всадник скроется в пучине с головой.

— Выступаем, — сказал я невесело. — Запевай!

Сразу же за лагерем, едва спустились в долину, на встречу подул непривычно холодный ветер, но солнце прогревает голову и плечи, я чувствовал его тепло через белую материю сюрко и металл доспехов. Тот же ветерок донес запах кизяка, я насторожился, но один из разведчиков успокаивающе кивнул, дескать, это уже не противники.

За холмом открылся вид на обширное стойбище. Множество юрт из грубо выделанных шкур, два десятка верблюдов на привязи, настороженно посматривающие издали полутолые люди.

У колодца народ усердно наполняет бурдюки, словно вот-вот снимутся с места, но еще больше тех, кто таскает воду простыми деревянными ведрами.

— Как называется племя? — спросил я разведчика.

— Иголерсы, ваша светлость.

Я кивнул.

— Понятно. Из противников временно вычеркиваем. А там посмотрим.

— Думаете, — осторожно обронил сэр Макдугал, — могут перемениться?

— Все в мире изменчиво, — ответил я философски. — А что не меняется, то меняем мы.

Кони взлетели на холм, оттуда синь неба и простор, внизу город, плотно заставленный домами с красными черепичными крышами. В центре самые высокие, добротные, дворцы, а не дома, что и понятно: столица королевства Янгеберга.

Слева под стеной пестрая неразбериха обоза, похоже-

го на цыганский табор, он все еще подтягивается, потому так неупорядочено, хотя большая часть уже здесь, телеги стоят ровными рядами, кое-где натянуты шатры, коней выпрягли и увели на выпас.

Все королевство за этими стенами, их сейчас спешно укрепляют и заделывают дыры, за исключением двух деревенок, откуда город сам снабжает себя зеленью, так как мясо поставляют варвары.

Я придержал коня, стараясь определить местоположение Дреслера. Всадники сопровождения чуть проскочили вперед и круто остановились, напряженные, как гончие, готовые в любой момент сорваться с поводка.

Бобик посмотрел на меня с вопросом в глазах, тряхнул головой так, что уши застучали по макушке, сделал прыжок и пошел огромными скачками в сторону обоза.

— За ним, — сказал я. — Похоже, этот жрун что-то понял.

Охрана обоза предупредительно выехала навстречу, выставив копыта, но признала Адского Пса и почтительно расступилась, а нам отсалютовала поднятым оружием.

Телеги составлены плотно, да еще и скреплены цепями, настоящий гуситский лагерь, никакая конница не прорвет такую оборону. Пришлось ехать по узкому проходу, потом свернуть и долго ехать в обратном направлении.

Так повторилось несколько раз, прежде чем я увидел простую деревенскую телегу, перед нею сидит Бобик с высунутым языком, а Дреслер все в том же старом потертом халате расположился в телеге на пучке соломы и с огромным удовольствием пожирает мед в сотах, чавкает, облизывает пальцы.

На голове широкая потрепанная шляпа, защищающая от солнца, спина согнута до горбатости, даже через халат проступают острые позвонки, весь он сосредоточился на своем занятии так, что даже не заметил, как сверху упала тень.

Мои всадники смотрели на него с недоумением, а сэра Макдугала проворчал:

— Такой великий мудрец... и наслаждается весьма низменным?

Дреслер покосился в его сторону с веселым недоумением.

— Благородный лорд, — сказал он подчеркнуто смиренно, — в самом деле уверен, что пчелы строят свои соты только для дураков?

Сэр Макдугал недовольно хрюкнул, выпрямился и грозно посмотрел по сторонам, но рыцари отворачивались, пряча улыбки.

— Ладно, — проворчал он, — но чавкать зачем?

— Для усиления вкуса, — объяснил Дреслер мирно. — Вы не замечали, когда чавкаешь, еда вкуснее?

Рыцари заинтересовались, но сэр Макдугал выпрямился еще больше, в голосе его прозвучало не просто достоинство, а величие:

— Мужчина не должен наслаждаться едой! Это грех, близкий к чревоугодию.

— Я простолудин, — ответил Дреслер кротко. — У меня почти нет других радостей. Я ж не скачу на взмыленном коне и не рублю людёв насмерть...

— Это видно, — буркнул сэр Макдугал с непередаваемым презрением. — Ваша светлость, вы хотите это существо взять с нами?

Я посмотрел весело на Дреслера, подмигнул.

— А что, Дреслер, рассказать ему, сколько сотен нежити ты истребил за одни сутки, сколько вурдалаков и оборотней превратил в пепел? Как одним движением длани рассеивал толпы загораживающих дорогу огров? А как вбивал в землю горных великанов?

Дреслер пробормотал с укором:

— Ваша светлость... как можно? У меня не так много осталось радостей. Пусть ваш благородный рыцарь покинется полным и полнейшим превосходством над стариком.

Макдугал нахмурился, но чуть подал коня назад, все-таки устыдился, а Дреслер смотрел на него и вообще на мир спокойно и с отцовской любовью.

— А может быть, — спросил я с интересом, — пожирание меда в сотах тоже магия?.. вернее, запасание магии? Хотя я думал, что для колдовства нужно что-то... по-массивнее.

Он поднял голову, всмотрелся в меня затуманенными глазами. На губах проступила бледная улыбка.

— Вам виднее, молодой герой...

— Спасибо, — ответил я.

— За что? — спросил он.

— За героя, — напомнил я.

Он сказал медленно:

— Герои бывают на разных сторонах Добра и Зла. Вы на какой?

Я буркнул недовольно:

— А ты какого ответа ждал?

Он криво ухмыльнулся.

— Да вдруг кто-то честно скажет, что вот он на той стороне?

— Пора бы уже знать, — сказал я назидательно, — всякий уверен, что именно он на этой стороне, что белая или светлая, а также сторона добра, справедливости и еще чего-то, а противники — на той, где все в коричневом.

— Спасибо за пояснение, — сказал он так кротко, что я не уловил язвительности, хотя наверняка где-то кроется. — Вы прям такой мудрый, ваша светлость! Ничему не учились, а уже всех учите...

Теперь насмешка была ощутимее, я буркнул недовольно:

— Откуда ты знаешь, чему я учился, а чему нет?.. Другой сто лет учится, а дурак дураком.

Он посмотрел на меня снизу вверх с интересом.

— Мудро молвите, ваша светлость.

Я отмахнулся.

— Ладно-ладно, не язви. Как вижу, сэра Вильярд дорожит тобой и прячет в середине обоза.

Он сдвинул плечами.

— Как и принцессу Алонсию. Даже Боудеррию. Он считает себя ответственным за нас.

— Ну, Боудеррии на месте не сидится, уже ввязывается в разные приключения...

— Я не Боудеррия, — заметил он, — если вы улавливаете разницу.

— Не язви, — сказал я добродушно. — Разве ты не говорил Вильярду, что сам готовился к тому походу за Камнем Яшмовой Молнии уже давно?

Он спокойно кивнул.

— Конечно.

— А он?

— Резонно ответил, что я так мог готовиться еще тысячу лет, если бы не явился он и не вовлек в ту авантюру. А раз так, то он и отвечает за нас всех.

Я подумал, кивнул.

— Постараюсь, чтобы ваше с Алонсией неустройство закончилось как можно быстрее. Мы уже прошли земли десятков крупных племен и сотни мелких. Места прекрасные, близко от Брабанта. Я уже предлагал земли сэру Вильярду во владение. Это не подарок, он сражался очень хорошо и... заслужил. Все видели, как он прорубился в центре и захватил знамя полевого вождя варваров. Если уговорите его принять, то сможешь играть с магией в более... благоприятном месте, чем обоз.

Он усмехнулся.

— А уж как рада будет леди Алонсия... Но вы прибыли не за тем, чтобы сообщить такие приятные новости?

Я покачал головой.

— Нет, но если есть возможность сказать хорошее, надо говорить это сразу. Сперва. А так я хотел проконсультроваться с тобой. Как с боевым магом.

Он отшатнулся.

— Я? Боевой маг? Не шутите так... Я как раз самый мирный на свете исследователь старинных заклинаний.

— А кто прорубил дорогу через орды нечисти на пути к Камню Яшмовой Молнии?

Сэр Макдугал и вся команда моментально насторожились, а Дреслер пожал плечами.

— Печальная необходимость, ваша светлость. Я без

необходимости и мухи не обижу. Можно было бы пройти без этого, мы бы прошли как можно тише. У вас и по сильнее меня есть маги.

Я с досадой отмахнулся.

— Насчет по сильнее не знаю. Но никто из них не смог бы сделать то, что проделал для Вильярда ты. Так что своей майордомьей властью велю тебе оставить пока свои медовые соты. Или возьми с собой, я не против. По-едешь со мной.

Он со вздохом отложил миску.

— И что я должен делать?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Думаешь, я готов? Опасность подкралась с той стороны, откуда не ожидали. Я даже не решаюсь говорить о ней военачальникам. Даже самые отважные часто отступают перед колдовством.

Он посмотрел на меня с хмурым интересом.

— А мне, значит, сказать можно? Я не запаникую?

— У интеллигенции, — пояснил я, — мужества час-тенько бывает побольше, чем у прирожденных мастеров меча и топора.

— Гм...

— Почему-то на тебя надеюсь, — сказал я.

Он покачал головой.

— Зря. Я исследователь, а не боевой маг. Я очень долго готовлюсь. Всегда. И ко всему. В любом бою, где все быстро меняется, я бесполезен.

— У меня выбора нет, — ответил я. — Ты можешь только в повозке или поедешь верхом?

Он подумал, встал во весь рост, огляделся.

— Если лошадка будет смиренная...

Глава 4

По дороге я объяснил, куда едем и что нас может ждать, Дреслер заметно напрягся, побледнел, начал суетливо рыться в мешках по обе стороны седла.

Навстречу подул ветер, кучерявые барашки облаков

незаметно превратились в тяжелые темные тучи, надвигаются медленно, но неотвратимо грозно, толстые, как небесные горы. В недрах слабо посверкивает, но можно представить, какой это нещадный блеск, если вне туч...

Сэр Макдугал сказал с неудовольствием:

— Опять дождь...

Сэр Монтъярд изумился:

— Опять? Да это первый дождь, что я вижу за последние два месяца!

— Меньше пить надо, — сказал Макдугал наставительно. — И мир распахнется...

Вдали поднялась серо-желтая стена пыли, страшно перегородила мир и быстро понеслась, словно ее толкают сзади, в нашу сторону. Ветер заставил пригнуться мелкий кустарник и высокую траву. Стена пыли ударила в нас и понеслась дальше, а мы на несколько мгновений остались в странном пространстве, где нет ветра, но тут же в нашу сторону по земле понеслась частая дробь, будто скачут невидимые подкованные зайцы.

Пыль подпрыгивает под ударами крупных капель, через мгновение их стало так много, что слились в толстые веревки воды, протянутые с небес. Шум заглушал голоса, мы пытались общаться, но вдруг без всякого предупреждения над головами страшно блеснуло, и сухо треснул сам небосвод, так нам показалось.

Мы ослепли и оглохли на какое-то время, я слышал испуганные голоса всадников, что пытаются утихомирить испуганных коней, ледяная вода обрушивалась сплошными потоками, промочила моментально не только до белья, но до костей.

Небесная твердь раскалывалась одновременно с нещадным блеском, выжигающим глаза, что значит — гроза прямо над нами. Никаких раскатов, только блеск, сотрясающие землю удары, и ветвистые столбы небесного огня, похожие на огненное пламя, пустившее в землю корни.

Я с беспокойством поглядывал на небо. Всадники начали останавливать коней и в ожидании смотрели на меня.

— В ту рошу!.. — крикнул я. — Быстро!

Взметнулись брызги, всадники проломились сквозь стену падающей воды, могучий шум ливня заглушает стук копыт и голоса.

Я старался держаться сзади, присматривая, чтобы все успели под защиту деревьев. Когда были всего в десятке шагов, над головами страшно треснуло. Изломанная молния ударила в верхушку дерева на опушке, там зашумело, крупная ветвь пошла падать вниз, обламывая мелочь.

Мы остановились под ближайшими деревьями, я сказал с великим облегчением:

— Успели...

Сэр Макдугал прокричал, перекрывая шум падающей воды:

— Разве? Все равно промокли!

— Успели уйти от молний, — объяснил я. — Они бьют по самому высокому...

Он умолк, запоздало соображая, что в чистом ровном поле мы как раз и были теми кочками, в которых бы ударила молния.

Я выждал, когда стена воды между небом и землей истончилась, воздух становится предельно чистым, будто его и нет вовсе, сказал с нетерпением:

— Пора. Мы все равно мокрые, как верно и очень прозорливо сказал сэр Макдугал, что подмечает даже такие мелочи.

Ливень отодвинулся, дальше в степи еще вскипает земля под ударами крупных капель, но все это отдаляется, а здесь начинают приподниматься и в испуге оглядываться стебли травы: еще кто-то уцелел?

Огромная черная туча, тяжело громыхая, уходит на север, только теперь слышны могучие раскаты, от которых вздрагивает мир, а молния сверкает уже не так страшно. Небо открывается синее, чистое, вымытое ливнем так, что просто хочется сказать что-то прекрасное или хотя бы крепко и с чувством выругаться.

Кони бодро несутся вслед грозе, будто она тоже в на-

шем отряде, земля не успела размокнуть, копыта разве что выбрасывают при галопе комя грязи,

В сторонке поднялись горбы Каменной Вдовы, с другой стороны — странно голубые холмы Межгорья, но под нами продолжает безостановочно струиться прижавшаяся к земле зеленая трава, вроде бы робкая, но сумевшая вскарабкаться на скалы, угнездиться в трещинах, даже в выемках валунов, куда ветер нанес земли, и куда иногда попадают капли дождя.

Один из разведчиков, высланных вперед с дозором, примчался обратно с криком:

— Там впереди храм!

— Где? — спросил я.

— Прямо на развилке дорог!

— Языческий? — спросил я.

Он помотал головой.

— Нет, клянусь. Я осторожно заглянул... даже распятие увидел!

Сэр Макдугал посматривал с тревогой, хмурился, кусал губы.

— Ваша светлость, — сказал он встревоженно, — может быть, пообедем?

Я спросил в удивлении:

— С чего бы?

Он пробормотал:

— Да как-то не по себе. С чего он тут при дороге?.. Их и в городах не осталось. А там один храм? Даже постоялого двора нет?

Разведчик помотал головой.

— Только храм.

Я сказал нетерпеливо:

— В чем дело? Нам же все равно в ту сторону!.. Идем. Но будьте готовы ко всему.

Пробитая сотнями тысяч копыт дорога вдали пересекается с такой же, там в сторонке растут с десяток роскошных олив, под их кронами и расположен вытянутый

высь домик, словно стремится к небу, к Богу, к тому, к чему мы все стремимся, признаемся в этом или нет.

Чем ближе я подъезжал, тем яснее видел, что это не храм, а часовня, в которой проезжающие мимо могут преклонить колени и поговорить наедине с Господом, пока кони переводят дыхание в тени роскошных крон.

Макдугал пробормотал, что нам бы ехать дальше, я молча соскочил с Зайчика и подошел к двери. Открылась легко, странное ощущение свежести, словно все построено недавно, буквально перед нашим приездом.

Небольшое строгое помещение, на стене напротив старинное распятие, но я засмотрелся на изображение Святой Девы, что искусно составлено из мелких цветных стекол, умело вставленных в свинец, и уже больше ничего не видел. Когда на него упали лучи утреннего солнца, сердце мое затрепыхалось от счастья и сладкой боли: это же Иллариана, вылитая Иллариана!

Такая же неземная, чистая, светлая, сотканная из другой материи, чем все мы, сейчас даже воспоминание о нашей близости ушло, воспринимаю ее как нечто волшебное, воздушное, как ангела-покровителя, а не как женщину, засыпавшую в моих объятиях.

— Благодарю, — произнес я, — если бы не ты...

Сэр Макдугал вошел следом, торопливо перекрестился, на меня покосился диким глазом.

— Ваша светлость, — произнес он одними губами.

— Да?

Он прошептал:

— Она вам являлась?

— Да, — ответил я невесело, — спасала, возвращала меня в людское обличье. И не раз... Даже стыдно.

— Почему, ваша светлость?

— Мужчина, сэр Дэвид, должен решать свои проблемы сам, а не прятаться за женской спиной. Иначе совсем обнаглеет.

Он вздохнул.

— Да, у нас это хорошо получается. И быстро! Чем больше наглость, тем шире двери.

Я перекрестился, бросил прощальный взгляд на изображение Пресвятой Девы и пошел обратно. Сэр Монтъярд прислушался от двери, сказал гордо:

— А я вот не наглый, я волевой!

— Это хорошо, — согласился я. — Это важно, не так ли, сэр Макдугал?

Он пожал плечами.

— Часто одной только смелости мало, нужна еще наглость.

— М-да, — сказал я со вздохом, — я уж думал, что как-то можно прожить и без наглости...

— Прожить можно, — возразил Макдугал, — да только успеха не достигнете ни в одном деле. Вот вы как?

Вопрос был задан в лоб, я вздохнул, развел руками.

— Увы, моя врожденная культура очень уж мешает мне, не давая в нужный момент и в полной мере проявиться моей бесприммерной природной наглости. А так бы да, я бы ого-го!

Мы взобрались на коней, что едва успели сорвать несколько листьев с низких ветвей, а Монтъярд, не слушая умные речи, пустил коня галопом вперед, там прекрасное озеро вблизи дороги, чистое, хорошо видно на дне белый песок и мелкие камешки на дне.

Всадники, выставив охрану, хотя видно на десятки миль, никто не подкрадется, торопливо расседывали коней, давая отдых, сбрасывали доспехи, пропотевшие рубахи и торопливо вбегали в воду, тут же начинали орать и подпрыгивать, словно подводные чудища отъедают ноги.

Пес прыгнул в воду одним из первых, поплавал чуть и, выбравшись на берег, отряхнулся так энергично, что водяные брызги разлетелись по всему Гандерстейму.

Вода в озере холоднющая, я шагнул, охнул и торопливо отступил на берег. Сэр Макдугал, насмешливо улыбаясь, мужественно бросился в воду, за ним прыгнул Монтъярд и сразу окунулся с головой.

Сэр Макдугал подплыл обратно к берегу и спросил громко:

— Сэр Ричард, не боитесь, что назовут трусом?

— Боюсь, — ответил я честно.

— Тогда сцепите зубы и — вперед, в ледяную воду!

— Это я должен сделать ради Отечества? — поинтересовался я. — Или ради спасения мира?

Они задумались над слишком сложным ответом, только сэр Монтъярд сдержанно улыбнулся, первым понял, а я начал заходить осторожно, брызгая ногой на другую ногу, затем нагнулся и, зачерпнув ладонями, бросил горсть на грудь.

Вода просто ледяная, из каких только глубин и поднимается такая, из вечной мерзлоты, что ли, я наконец окунулся с головой, проплыл под водой, погружаясь все глубже, но на дне все те же округлые голыши, только в одном месте со дна поднимаются пузырьки.

Я сунул туда ладонь, пальцы обожгло холодом, еще ощутил легкое давление водяного потока.

На берегу собрались мои сопровождающие, даже маг Дреслер там, а четверо уже ныряют в том месте, где я ушел под воду.

Макдугал, бледный, как покойник, заорал:

— Ваша светлость!.. Лучше бы вы сидели на берегу!

— Разве не вы меня заманивали в эту мокрую жуть? — спросил я. — Хотя да, сейчас здесь уже прекрасно...

Он закричал:

— Лучше бы мне родиться немым!.. У меня чуть сердце не выскочило! Вы что там так долго делали?

Я повернулся, посмотрел на солнце.

— Разве долго? Солнце все еще там же... Впрочем, нам не до раскупываний. Покормите коней, да выступаем дальше. Все нужно постараться сделать как можно быстрее.

Солнце начало склоняться на западную часть неба, тени зашли с другой стороны и пытаются сбить с курса. Я оглядел следующих за мной всадников орлиным взором, все время приходится напоминать себе и другим, что

орел — это я, а то подомнут быстро, станешь королевой, что правит, но не управляет.

— А вот теперь, — сказал я властно, — привал уже настоящий. Вон там, в тени олив... Это же оливы?

— Гиксаганские, — подтвердил сэр Макдугал.

— Полезная порода? — спросил я.

Он взглянул с недоумением.

— Они все полезные...

— Горит хорошо, — подсказал сэр Монтъярд. — Даже в листьях много масла...

Гиксаганские оливы вблизи оказались еще громаднее предыдущих, что у часовни, ветви величественно распростерты от ствола на полсотни шагов, листья шелестят мирно и успокаивающе, а на земле темные круги выжженной земли от прошлых костров.

— Устраивайтесь, — велел я. — Я вернусь очень скоро.

Сэр Макдугал, что уже соскочил было на землю, повернулся, как ужаленный, побледнел.

— Ваша светлость!

— Молчать, — оборвал я. — Сюзерен знает, что делает. Когда вернусь... это будет скоро, продолжим путь. Дайте коням перевести дух. Им не утнаться за моей лошадкой...

Дреслер укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Ему помогли слезть с коня, он отстранил руки и повернулся ко мне.

— Точно, — спросил он, — мы будем бесполезны... абсолютно?

— Точно, — ответил я честно. — Не обижайтесь.

Он вздохнул.

— Я-то понимаю.

— И они поймут, — пообещал я. — А не поймут... важно ли? Главное, наша цель. А она велика и чиста, как...

Зайчик рванулся с места сразу в галоп, Пес ринулся на обгон, но я не позволял арбогастру набрать высокую скорость, пока не скроемся из глаз, но все равно пусть видят, что нас не догнать, так пронеслись по долине и перевалили через невысокую гряду.

Я оглянулся, из-за нагромождения камней не видно даже вершин гиксаганских олив, соскочил на землю и забросил повод на седло.

— Ждите меня здесь, — велел я отечески, но строго. — Оба! Я все делаю быстро, знаете?.. даже то, что вообще-то надо бы долго... С другой стороны, если можно быстро, а потом заняться другим делом, еще поинтереснее, то... зачем?

Они провожали меня озабоченными взглядами серьезных мудрых глаз. Арбогастр покачал головой, а Бобик горестно вздохнул.

Я отошел подальше, чтобы у них из-под ног не обрушивалась земля, припал всем телом к почве, так экономлю секунды, а то и минуты, и закрыл глаза...

Глава 5

Плотные кожистые веки начали подниматься медленно и тяжело. Я тупо смотрел на далекую землю, потом сообразил, что это я сам на таких длинных лапах, опустился задом на прогретую солнцем мокрую землю.

— Давай, трус, — прорычал мой голос, — не увиливай... И не фантазируй.

Неприятное и пугающее чувство, когда внутри сильнейший зуд переходит в неистовое жжение, словно в желудок залили расплавленное олово, затем боль, щелканье костей, заныли суставы...

Земля приблизилась, я смотрел уже на растопыренные толстые когти с острыми когтями. Лапы теперь как стволы деревьев, нет, как пни, я же их укоротил, а тело снизу покрыто плотной чешуей, сверху чувствую тяжесть костяной брони.

Крылья настолько великолепные, что вытянул их на всю длину и несколько минут любовался совершенством линий. Это же сколько миллионов лет природа оттачивала каждый изгиб, вылизывала каждый сустав и укрепляла

каждое сухожилие... да что там миллионы, эпоха динозавров захватила сотни миллионов лет!

— Не уваливай, трус, — повторил я вслух. — Мне тоже страшно, но... куда денешься?

Я присел, с силой толкнулся и одновременно ударил крыльями по воздуху. Поднял тучу грязи, земля только начинает сохнуть после ливня, еще раз взмахнул, задевая землю, наконец пошел медленно подниматься, поджав лапы к пузу и старательно работая крыльями так, что скоро заныли плечевые суставы.

Земля отдалилась быстро, я растопырился весь и отдышал, чуть поворачивая плоскости, чтобы воздушные потоки несли туда, куда изволится мне, а не стихиям.

Как четко дал понять Сьюманс, к Укрытию по прямой не подступиться. Ни с какой стороны. Можно, конечно, попробовать снизу через тоннель, но это столько времени, сил и средств, а там защита может быть и покруче простой невидимости. Как и здесь, кстати.

Думаю, если даже как-то сумел бы отключить эту незримость высшей защиты, все равно упрусь бы лбом в стены алмазной прочности и толщиной с плиты Баальбекского храма. Возможно, сверху можно попытаться, но и там, думаю, есть какая-то защита от метеоритов. Как ни редко они падают, но все же падают, а раз в тысячу лет попадают достаточно крупные.

Череп разогрелся, мозги кипят, перебирая старые варианты и наворачивая все более дикие. Наконец я взял свое «я» за горло, христианин должен обладать внутренней дисциплиной, а паладин — особо, пусть даже он дракон, и сказал твердо, что сперва попытаюсь использовать единственно крупное преимущество, которым обладаю.

Еще с полчаса это крупное преимущество, растопырив крылья, скользило над облаками, просматривая землю. Не пришлось даже прибегать к тепловому или другим видам зрения, драконы легко видят сквозь самые плотные облака. Это для них, для нас, вроде прозрачной ки-

сеи. У нас другая слабость: не замечаем мелкие вещи, хотя это и понятно: такой громаде мыши ни к чему.

Но я вот увидел, как далеко впереди стая гусей свернула без видимой причины, долго шла по широкой дуге, затем вернулась на прежний курс и дальше пошла от меня по прежней прямой.

Сердце ликующе и тревожно ускорило туканье. Я не дракон и не птица: замечаю такие вещи. Защита Укрытия сработала: никакая птица, гарпия, химера или дракон даже не пролетит над ним. То ли физическое искривление пространства, то ли восприятие, что значительно дешевле и требует меньше ресурсов... сейчас проверю, если, конечно, сумею.

Я завис на большой высоте, держа взглядом точку, куда нужно опуститься. Снизу поднимаются токи, как говорят, теплого воздуха, даже человек замечает эти прозрачные струи, а все крылатые видят отчетливо и потому так легко парят, переходя от одного восходящего потока к другому.

Сконцентрировавшись, я слегка собрал крылья и начал медленно продавливаться сквозь слои теплого воздуха, опускаясь, словно палеонтолог, что проходит через пласты кайнозоя, мезозоя, триаса, кейперского периода.

Здесь тоже разная расцветка и состав, есть ароматы цветов и травы очень легкие, их поднимает чуть ли не в стратосферу, есть совсем тяжелые, что стелются над самой землей, но большинство располагается узкими слоями между ними...

Я иногда чуть раздвигал крылья, если снижение грозило превратиться в падение, время от времени даже останавливался на месте, растопыренный и настороженный, потом продолжал спуск.

Земля все приближается, мне становилось все тревожнее, потом медленно проснулось разочарование. Растопыренные в напряжении лапы мои еще не коснулись земли, но уже понимал, что обманут, как и все звери, люди, птицы, насекомые.

Я человек, прорычал я люто. Человек! В теле дракона. Даже не в теле дракона, а это мое тело, оно подчиняется мне, так что я — человек, изволивший принять чуточку другой облик. Но я человек, и ничто меня не обманет...

Земля снова приближалась, я со злостью и разочарованием видел, что обманут и на этот раз.

На третьей попытке я крылья не только сложил, но и помог ими набрать ускорение. Воздух засвистел в ушах, я прокричал яростно вслух, стараясь, чтобы эта мысль была четкой и подавила во мне все остальные: я не из этого мира! Местная магия не для меня!.. Запреты меня не учитывают!.. Я вне правил...

Я продолжал это выкрикивать, как считал, на самом деле просто глухо ревел, но мысль держал в мозгу четкой и ослепительно яркой, не отпускал, заставив все остальное скукожиться и расплющиться.

Сердце стучит так, что едва не разрывает грудь, ветер ревет в ушах... лапы ударились о твердое, в следующее мгновение острая боль пронзила тело, раздался лязг, скрежет, разрывающий уши визг. Твердое и острое впивалось в тело, я стремительно падал сквозь переплетение металлических балок, осколков камней, блеск лучей, снизу прогремел могучий рев...

Я отчаянно старался превратиться в нечто мелкое, как можно более мелкое, муравья сбрось хоть с высокой горы — не убьется, чернота небытия промелькнула ментально, я распластал уже птеродактильи крылья и старался удержаться на месте, а внизу рушилось, гремело, грохотало, крупные и мелкие глыбы образовали холм, из которого торчат исполинские балки, столбы из незнамого металла.

Дрожащий, как лист на ветру, я опустился на вершину холма. Песок просыпался в широкие щели, здесь только крупные глыбы да металл. Снизу тянет теплом и странно знакомыми запахами...

Я заглядывал во все щели, вздрогнул, когда там далеко внизу слышались слабые голоса. У птеродактилей

хороший слух, и, если он не обманывает, двое карабкаются вверх по глыбам.

Прижавшись к камням, я поспешно превратился в человека. Тело отчаянно зачесалось, так всегда, когда превращаешься часто или слишком быстро, но не успел с наслаждением поработать ногтями, как один из камней шелохнулся, в узкой щели показалась голова человека. Он был ко мне затылком, я успел рассмотреть светлые, коротко обрезанные волосы, тонкую шею.

Опустив голову, он крикнул вниз:

— Я выбрался!.. Оцениваю разрушения...

С натугой упершись руками в край глыбы, он вылез весь, невысокий, тонкокостный, тщедушный даже, но я-то знаю, что даже в этом мире не все зависит от массы тела и мускулистых рук, потому я заранее счастливо улыбнулся и сказал ликующе:

— Как хорошо, что тут люди!

Он резко обернулся, побледнел, глаза в испуге расширились. Я продолжал улыбаться, как идиот, неподвижный, с растопыренными в сторону руками.

После паузы он спросил дрожащим голосом:

— Вы... кто?

— Инспектор, — ответил я. — Прислан конклавом Великих Магов с Юга. Есть данные, что у вас тут много нарушений Кодекса и прочих непотребств, вплоть до трайбализма.

Он вскрикнул:

— О чем вы говорите?.. Какие нарушения?.. Какой Кодекс?..

— Не знаете? — спросил я строже. — Так вы не Хранители, а мелкие слуги?.. А где Хранители?

Он смотрел на меня выпученными глазами.

— Я не понимаю... о чем вы...

Я сказал повелительным голосом:

— Хорошо. Проводите меня к старшему. Не с моим рангом Верховного Инспектора долго общаться со слугами.

Он смерил меня недоверчивым взглядом, но поклонился и сказал осторожно:

— Прошу вас следовать за мной... уважаемый.

Я выждал, когда он пролез в щель, спустился следом. Глыбы шатались и грозили обрушиться еще ниже, но, к счастью, металлические конструкции верхнего этажа задержали крупные обломки рухнувшего свода.

Мой проводник опасливо просунулся ниже, я не отставал, но рука моя инстинктивно дернулась к рукояти меча, когда прямо перед нами вырос еще один, выше ростом, с крупным лицом, мешки под глазами, глаза недоверчивые.

Он испугался меня больше, чем я удивился ему, я все-таки слышал, как первый докладывал, когда вылез наверх.

— Это... кто? — вскрикнул он тонким голосом.

Я высокомерно смолчал, а первый сказал быстро:

— Пойдем к Юрташту, там все выясним.

Второй молча пропустил нас вперед и пошел следом. Мне такое не нравилось, но смолчал и как бы не заметил, слишком велика честь видеть такое, урон достоинству Верховного Инспектора.

Акробатика кончилась, наши ноги коснулись пола, хоть и заваленного глыбами камня и засыпанного песком пустыни, а главное — в стене отчетливо видна дверь.

Первый подошел к ней, она исчезла, я следом за ним спустился на широкую площадку из цветного камня. Следом зашел второй. Через пару мгновений загрохотало, справа появились и, мерно постукивая, вниз пошли раскладываться ступеньки из крупного серого гранита.

Я поморщился.

— Какой примитив... А как насчет лифта?

Первый спросил настороженно:

— А что это?

— У нас на Юге в башнях магов, — сообщил я, — площадка сама поднимает слуг на те этажи, куда им надо.

Второй угрюмо буркнул за моей спиной:

— Мы не слуги.

— А хозяева, — обронил я, — просто перемещаются.

— Летают?

Я наморщил нос.

— Летают? Фи, это медленно и примитивно...

Спускались мы все в том же порядке: щедушный впереди, я следом, крупнолицый замыкает шествие, держась от меня на пять-шесть ступенек. Я морщил нос, однако в самом деле чувствовал и разочарование: рядом идет непроницаемая стена из непонятого материала, а ступеньки простые, гранитные, с потертыми краями, явно просто камень из близкорасположенных горных массивов.

Ступени идут по спирали ниже и ниже, словно спускаемся с простой дозорной башни. Слева тянется внешняя стена, поднимаясь рывками при каждом шаге, матовая, похожая на аквариум с мутной водой, где идет аэрация. Крупные и мелкие пузырьки поднимаются медленно, с трудом продавливают то, что мне кажется водой, струи двигаются так же неспешно, сворачиваются в странно знакомые спирали по две-три широкие ленты...

Ступеньки настолько широкие, что справа цилиндр впятеро уже внешнего, стены такие же светлые, но никаких пупырышков, все литое и солидное, я спинным мозгом прочувствовал прочность этой структуры. Мои сопровождавшие заметно утомились, я с удивлением слышал учащенное дыхание как спереди, так и сзади.

Наконец ступени вывели к широкой площадке. В стене непропорционально широкая дверь, явно рассчитанная на тележки или платформы с грузом.

Первый провожатый подошел вплотную, я смотрел, как он приложил к поверхности обе ладони. Они засветились зеленым огнем, дверь подпрыгнула и пропала в щели.

— Идите за мной, — сказал первый.

Голос его теперь звучал увереннее, даже узкие плечики раздвинул, но порог переступил все же слишком быстро, словно побаивается удара в спину.

Я шагнул следом и сразу сказал приготовленное еще на ступеньках:

— Как здесь все запущено... как все отстало...

Дверь за нами опустилась с легким, но достаточно зловещим стуком, как удар гильотины. Я старался держать лицо спокойным и чуть разочарованным, дескать, видел и похуже конюшни, не расстраивайтесь, сильно бить не буду, но внутри нарастает почтительный трепет.

Зал, окруженный цилиндрической стеной, огромен и кажется пустым: всего два небольших агрегата в центре, один над другим: черный камень, размером с бычью голову, висит на цепи над белой глыбой. Расстояние между ними не больше двух локтей. Молния толщиной с руку соединяет оба, я услышал злобное шипение электрического разряда, воздух наполнен бодрящим ароматом озона.

Первый провожатый произнес с гордостью:

— Вот... Все в порядке, как нам и оставили.

Я молчал, раздираемый противоречивыми чувствами. Зал и все в нем, нечто величественное, огромное и стильное... в то же время обилие пышного варварства в украшениях. Смешно смотрятся старинные пушки, облепленные со всех сторон барельефами единорогов, вздыбленных львов, геральдических кабанов, сценами из мифологии, но куда нелепее, если такими же украсить скоростной танк или высотный ракетносец.

Новое поколение, вышедшее из пещер, разместило эти наивные барельефы, горельефы, накладки — всюду, чему считали важным поклониться и попросить быть милостивыми к ним.

В стене появилась дверь, оттуда быстро вышел приземистый человек, толстый, рыхлый, с лицом старца, перепробовавшего все радости жизни. Глаза его под набрякшими красными веками метнули в меня злой взгляд.

— Кто вы?

— Инспектор, — сказал я милостиво, — прибыл с Юга. Конклав Великих Магов решил провести перепись

неких объектов, оставшихся от древних времен и сохранивших работоспособность... А кто вы?

Он вперил в меня пристальный взгляд.

— Смотритель первого ранга Юрташту. А это мои помощники, Гейбл и Ундиал. Почему нас никто не предупредил?

— Разве? — спросил я. — К вам обращались много раз. Но либо у вас что-то сломалось, либо здесь слишком древняя система приема... Вы разве не перешли по указу Конклава на синхроскэйп?

Он покачал головой.

— Впервые слышим.

— О синхроскэйпе?

Он ответил резко:

— И о Конклаве.

— Это не отменяет, — сказал я строго, — факта, что связь между Избранными перешла на качественно высокий уровень.

— Избранными? — переспросил он.

Я кивнул.

— Так отныне именуются члены бригад по обслуживанию таких объектов. Мне кажется, это больше соответствует истинному положению, чем старое прозвище... как его...

— Смотрящие, — подсказал Юрташту.

Я кивнул.

— Да-да, Смотрящие. Но смотрящими можно назвать и пастухов, что гоняют там на поверхность стада. А Избранные... звучит!

Судя по лицам Гейбла и Ундиала, новое название им понравилось больше. Однако Юрташту продолжал смотреть с недоверием и угрюмой угрозой.

— Почему вы разломали купол?

Я отмахнулся.

— Пустяки. Восстановить нетрудно. Вы же не отвечали на позывные, а мне нужно было покинуть багер.

Все трое уперлись в меня непонимающими глазами.

— Кого?

— Багер, — повторил я снисходительно. — Все развивается, друзья мои. Раньше багеры ходили только над Южным материком, или и об этом не слыхали? Ну что за дикие места... В общем, наши маги на высоте! Теперь вот впервые прибыли и в земли по эту сторону океана. Пришлось прыгать с высоты двадцать миль! Вот палец зашиб... Ага, уже зажило.

Глава 6

Они переглянулись, в глазах Гейбла и Ундиала восторг, но Юрташту смотрит с растущим недоверием и подозрительностью.

— Говорите, — проговорил он угрюмо, — все эти жуткие разрушения исправить легко?

— Да, — ответил я, — но сперва познакомьте меня с принципом работы этого допотопного двигателя. Что-то знакомое, но у нас более компактные конструкции. И все оформлено более изящно. Не удивлюсь, если окажется, что и работают на совсем других принципах...

Юрташту все еще смотрел на меня с угрюмой злобой, но Гейбл сказал быстро:

— Гениальность в простоте, а здесь все просто. Черный Камень и Белый — из разных миров. Когда они спят, то ничем не отличаются от простых камней. Но стоит их приблизить один к другому, сразу просыпаются и начинают злиться. А от этой злости высвобождается огромная сила... ее не замечают простые люди и простые маги, но самые великие могут использовать как особо великую мощь...

Я кивнул.

— Да, весьма просто. Жаль, большая часть энергии в этом случае рассеивается впустую, как вы можете догадаться и сами. Или и об этом не догадываетесь? Ничего, мы подумаем над тем, чтобы увеличить кэпэдэ. Что пре-

дусмотрено, дабы не придвинулись слишком близко? Вы представляете, что будет, если соприкоснутся?

Юрташту опять ничего не сказал, но Гейбл выпалил гордо:

— Кроме той цепи, видите, между ними еще и плита... Она совсем прозрачная, ее можно только наощупь, так что если бы Черный Камень почему-то упал бы... чего никогда не случится, он все равно не сможет прикоснуться к Белому!

— Гм, — сказал я строго, — двойная перестраховка — хорошо. Но я бы порекомендовал подстраховаться еще чем-то. Все-таки такая дикая мощь в таком примитивном... гм... Вы здесь постоянно или вас периодически сменяют?

Юрташту отступил на шаг, продолжая сверлить меня злым взглядом, а Гейбл сказал гордо:

— Мы все трое здесь восемьсот лет!..

— Восемьсот, — повторил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, а как же, что тут особенного, всего-то восемьсот лет, не восемь же тысяч, — и как отдых? После восьмичасового рабочего дня как развлекаетесь?.. Санитарные нормы предусматривают еще и отпуск не меньше двух недель... трижды в год...

Гейбл, все больше проникаясь ко мне доверием, сказал искательно:

— Пойдемте, покажу!

— Да, — сказал я солидно, — покажите. Надо все проверить и доложить.

Юрташту сказал нам в спины:

— Нет! Сперва нужно вернуть все разрушенное на место!

Я обернулся, он смотрел на меня с подозрением и злобой.

— Да-да, — ответил я с небрежностью, — но сделаем это все разом... В смысле посмотрим, что нужно еще... Думаю, у вас многое надо будет привести в соответствие с современными нормами. Одним взмахом все и поправим.

Чтобы не стыдно показаться и Югу. А то знаете ли, провинциалов почему-то не жалуют. Над ними... улыбаются.

Гейбл сказал жарко:

— Вот сюда! Заходите. Здесь мы проводим все свободное время. Когда не следим за Камнями.

Я перешагнул порог, поинтересовался с небрежностью Великого Инспектора:

— Не скучно ли в тесной комнатке...

И умолк на полуслове. За порогом распахнулся зеленый простор с лугами, лесами, реками и горами, какого не может быть на этой планете, где горизонт всегда близок. Здесь край отдален на десятки тысяч миль, если не миллионы, но из-за чистоты воздуха или еще из-за чего все видно с необычайной четкостью.

На переднем плане роскошный дом, перед ним озеро с берегом из чистого песка, плещутся обнаженные девушки, сочные, спелые, налитые жизнью и негой.

Гейбл сказал гордо:

— Это мой мир. Там дальше дома тоже принадлежат мне. Здесь я простой пастух, мне так интересно... А вон там за рекой... я могу туда перелететь, я уже король!.. И власть моя велика...

Я с трудом проглотил ком в горле.

— Да, — произнес я величаво, — хороший набор для здорового отдыха. Полноценный. И женщины... да... необходимы для цвета лица. А что предпочитает ваш друг Ундиал?

Гейбл отступил на шаг, мы вышли в общий зал, наполненный ровным светом враждующих Камней.

Ундиал сказал с торопливой застенчивостью:

— У меня все проще. Взгляните, пожалуйста...

Дверь его комнаты для отдыха распахнулась с готовностью, я был готов ко всему, но вздрогнул и напрягся. Навстречу ощутимо дует ветер, пахнуло гарью, вдали над степью движется черная туча, а под нею мчится лава из тысяч воинов на мелких лохматых конях. Блестят клин-

ки, остря пик, различаю оскаленные лица, а за их спинами горят дома...

Я кивнул, стараясь держаться спокойно, оглянулся на Юрташту, что молча следовал за нами и не сводил с меня злобного и недоверчивого взгляда.

— А каковы развлечения вашего старшего?

Он произнес сквозь зубы:

— Это никого не касается. Главное — работа. Я делаю ее точно и добросовестно.

— Почти уверен, — ответил я, — но психика работников иногда дает сбой... Время... гм... такая вещь, что превращает в песок даже горы. Добросовестный человек может стать недостаточно усердным... и даже опасным! Задача инспекторов — увидеть это до того, как такое случится.

Юрташту сказал раздраженно:

— Я не вижу причин, чтобы пускать кого-то в мой мир.

— Отказ от сотрудничества, — предостерег я, — может быть сигналом, что с вами нечто не в порядке. Скажите, как вы спите: на боку или на спине?.. На каком боку?.. Вы сворачиваетесь в клубочек, вытягиваетесь во сне или принимаете какую-то позу?

Гейбл и Ундиал смотрят и слушают с почтением, я спрашиваю деловито, явно, это часть ритуала, сейчас Юрташту выложит все, признается в жутких преступлениях...

Он посмотрел на меня волком.

— Вы должны исправить повреждения, — произнес он раздельно.

— Опасности нет, — отрезал я уже строго. — А эти мелочи исправить просто... Но вы так и не ответили. Вы признаетесь в работе на шпионов императора Генриха Третьего?

Он вздрогнул, глаза стали дикими.

— Какого императора? Мы ничего не знаем ни о каких императорах! Мы служим Смотрящими...

— Мир меняется, — сказал я ласково, — вон уже и багеры над нами летают, железная дорога строится, рыбы

вышли на сушу и полезли на деревья, обезьяны в массовом порядке превращаются в людей... Кто стоит на месте, тот катится взад. Боюсь, если не будете сотрудничать в полной мере, я вынужден буду вас заменить на более лояльного Избранного...

Юрташту отскочил, схватился за пояс. В его руке оказалась штука, похожая на отвертку с толстой рукоятью.

— Вы сами, — крикнул он затравленно, — еще ничем не доказали, что вас послали Великие Маги Юга!..

Ундиал посмотрел на него, на меня, произнес нерешительно:

— А разве маги Гандерсгейма подчинены магам Юга?

Гейбл растерянно поглядывал то на них, то на меня. Я усмехнулся высокомерно.

— Югу подчинены все маги. Но вы правы, это знают только на самом высоком уровне. Мелкие колдуны и маги о таком даже не слыхали. Это понятно, их кругозор ограничен своей деревней. Но вы-то знаете, что помимо земель Гандерсгейма есть и другие королевства? И есть даже империи? Возможно, мне такое не стоило вам говорить... но я, как демократ, всегда снисхожу до простого, как вы, народа. Зря, наверное...

Юрташту стиснул челюсти, желваки заиграли под бледной, не видевшей солнца кожей. Я старался не смотреть на штуковину в его руке. Благодаря обилию магии здесь все защищено ею же, замечательно, я ее прохожу легче, чем слон паутину, но эта штука больно похожа на стреляющее чем-то материальным: гарпунами, пулями, стрелами, болтами...

Даже камешком, если выстрелит с большой мощью, продырявит насквозь.

— Вы сейчас же, — процедил он сквозь зубы, — восстановите купол! Если не сделаете немедленно, вы самозванец!

Гейбл вскрикнул шокированно:

— Юрташту, он же сумел пройти к нам! А это могут только Особо Допущенные...

Юрташту сказал резко:

— Возможно, кто-то из Великих Магов захотел захватить власть единолично. Нас о таком предупреждали.

— Но он же... — вскрикнул Гейбл и осекся, — он же...

Здесь вся защита, понял я по мельком брошенному им взгляду, построена на магическом барьере. Никакой Великий Маг не сможет ступить и шагу, а я разгуливаю свободно, так что у меня явно полный допускё, а это значит — я тот, за кого себя выдаю.

Юрташту сказал угрюмо:

— Я обращаюсь к Великим Магам Гандерсгейма. Пусть они сами решают.

— Это разумно, — согласился я, — а сейчас убери эту штуку.

Он отступил на шаг.

— Нет!

— Я не позволю угрожать мне, — заявил я резко, — это наносит ущерб моему достоинству. Верни на место сейчас же!

Он нацелил мне в грудь.

— Сперва я переговорю с Великими...

— Убери! — велел я и сделал к нему быстрый шаг.

Он стиснул рукоять, я уловил это движение за секунду по напрягшимся пальцам, схватил за плечи Гейбла и прикрылся им. Короткая вспышка, Гейбл дернулся в моих руках, запахло горелой плотью. Я уклонился в сторону от второго выстрела, прыгнул, пригибаясь, и взмахнул мечом.

Над головой пронеслось горячее, опалило волосы, а лезвие меча со сладострастным треском вспороло живот Юрташту. Он закричал и выронил свое оружие.

Я оглянулся на Ундиала, тот с расширенными от ужаса глазами замедленно снимал с пояса такое же оружие.

— Стоять! — закричал я страшным голосом.

Он вздрогнул и, направив на меня острие отвертки, сжал рукоять. Я скакнул в сторону, до него далеко, быстро швырнул в него меч. Он понесся, вращаясь страшно и блистая остро заточенным лезвием.

Ундиал в ужасе бросился бежать, но меч с силой ударил его плашмя в спину. Ундиал упал, подхватился и побежал быстрее. Он был уже у спасительной двери, за которой его виртуальный мир, даже не представляю, где его там искать, я судорожно подхватил выпавшую из руки Юрташту отвертку, прицелился и сдвинул рукоять.

Острый луч перерезал его надвое и продолжал сжигать обе половинки тела, пока я не спохватился и не прекратил давить на рукоять. Гейбл лежит на спине, раскинув руки, в груди широкая сквозная дыра, куда пролезет кулак.

Юрташту катался на полу, поджав колени и держась за живот. Когда я вернулся к нему, он посмотрел на меня полными боли глазами.

— Кто... ты?

— Прогресс, — ответил я и, направив острие лазерной отвертки ему в лоб, сдвинул рукоять. — Иди с миром, исполнитель.

Я не знаю, что это за Белый и Черный Камни, может быть, материя и антиматерия, время и антивремя, бытие и антибытие, я не теоретик, хотя и ужасно умный, увы, многим из нас, особо умным, приходится заниматься самой черной работой, даже признаться знакомым бывает стыдно...

Кряхтя, как грузчик, я сдвинул Камень в сторону, сверху в него вбит металлический крюк, так что это не совсем камень. Цепь, на которой все это подвешено, блестит золотом. Нет, золотая уже порвалась бы, золото слишком непрочный и тягучий металл, здесь явно позолота на ином металле, которому доверяют больше.

Пришлось поломать голову, пока додумался металлическую цепь заменить прочной веревкой, ту через блок вверху протянул наискось к стене, а там зажег свечу, прикинул размеры, укоротил на треть, посмотрел, как горит, и срезал еще четверть.

Наконец вытащил прозрачное толстое стекло, что дополнительно предохраняет Черный и Белый Камни от со-

прикосновения, отступил на пару шагов. Грубо, примитивно, но здесь весь мир такой, так что буду надеяться, что все работает.

Теперь счет пошел, нужно торопиться. Великие Маги могут ощутить неладное, хотя вообще-то магическую мощь получают в том же объеме, однако лучше не рисковать.

Наверх ведет та бесконечная лестница, по которой мы спускались так долго, что устали. Я взвыл, это же сколько займет времени обратный путь, упал на пол и взмолился о мгновенном превращении в легкокрылого птеродактиля. Мгновенное не получилось, но, когда я оттолкнулся голенастыми лапами и пошел быстро-быстро месить воздух крыльями, ступени замелькали под моим пузом с такой скоростью, что слились в серую полосу.

Я долетел снизу до завала из рухнувшей крыши, упал на пол и снова превратился в человека. Не переводя дыхание, надо спешить, поспешил протиснуться, как голодная крыса, между глыбами и поскрипывающими от перегрузки балками.

Однажды застрял так, зацепившись сзади, что вертелся так и эдак, а перед глазами стоит горящая свеча, холод ледяными сосульками стучит в мозг: а правильно рассчитал? А не пережигает ли пламя веревку как раз в этот момент?..

Отцепиться так и не удалось, зато затрещала одежда, не выдержав. Я освободился, однако каменные глыбы пришли в движение, начали проседать, закрывая щели. Я отпрыгивал в ужасе, избегая быть раздавленным, пытался пролезть в щели, но их закрывало раньше, чем успевал сунуться.

Наконец каменные глыбы отыскивали новое положение неустойчивого равновесия, я торопливо начал карабкаться снова, дважды срывался, а когда выбрался наверх, весь взмок от страшного предчувствия, что вот именно в этот момент перегоревшая веревка лопается, и Черный Камень рушится на Белый...

Но сил нет, я не прыгнул, а просто свалился с края полуразрушенного Укрытия, распластал измученные

крылья. С минуту падал, а потом планировал, стараясь уйти как можно дальше.

Внезапно впереди все страшно стало снежно-белым. Я охнул, собрался в ком, прижал колени к груди и обхватил себя крыльями. Сзади с силой ударил тугой кулак воздуха. Небо и земля замелькали, как в калейдоскопе, я торопливо закрыл глаза и считал: один, два, три...

На счете «десять» открыл глаза и одновременно растопырил крылья. Внизу быстро проносятся поваленные деревья, меня несет над ошестинившимися острыми скалами, кустарники полегли, как скошенная трава, но дальше лес цел, только крайние деревья потеряли ветки...

Я опускался все ниже, рискнул оглянуться, по телу сыпануло морозом. Огромный котлован с обугленными краями на том месте, где высилось незримое Укрытие. Красная лава стекает по стенам, воздух поднимается такой накаленный, что струится, как горячая вода..

— Да здравствует солнце, — прошептал я, — да скроется тьма. Дорогу мирному атому! А люди-икс не такое уж и зло...

Глава 7

Зайчик призывно заржал, едва я вынырнул из низких облаков. Бобик поднял голову и радостно помахал хвостом. Я сложил крылья и некоторое время шел в крутом пике, затем растопырился, уперся грудью в плотную агрессивную подушку воздуха, кости затрещали.

Я сцепил зубы, у самой земли вывернулся и попытался сесть красиво, но лапы подогнулись, и так больно ткнулся клювом в землю, что навернулись слезы.

Бобик тут же насел сверху и с ликованием скакал по спине, голове и крыльям, приглашая играть, ему все равно, в каком я виде, вот чем собаки лучше женщин. Бобику не только неважно, чисто я выбрит или зарос щетиной, но и как вообще выгляжу.

И вообще собака будет любить меня даже в нищете и болезнях, чего трудно ждать от женщины.

— Я тоже тебя люблю, — ответил я задуманным голосом, — только слезь с меня... И тебя, Зайчик, люблю!

Уже не клюв — нижняя челюсть ноет, во рту солоно, а плечо начинает распухать. Я сосредоточился, через пару мгновений боль везде затихла, оставив в теле вялую слабость.

Я вскочил в седло, Зайчик не стал спрашивать «куда?», бодро ударил в землю копытами и пошел выбрасывать за спиной тяжелые комья, но Бобик, как водится, хвастливо вырвался вперед, время от времени со злорадством оглядывался и показывал длинный красный язык.

После дождя внизу все изумрудно-зелено, но искорка костра блещет, как оброненный с неба осколок зеркала. Я принял беспечный вид, от костра вскочили, но даже не добежали до коней, как я остановил Зайчика и соскочил на землю.

— Все в порядке, — сказал я жизнерадостно, — нужно было проверить, туда ли прем. У меня хоть и память, но вдруг изменит с каким-то красавцем? Хуже того, предаст?

Сэр Макдугал, злой, как сто тысяч кобр, сжал кулаки, передохнул, глотая ругательство, процедил медленно сквозь сжатые зубы и не сводя с меня внимательного взгляда.

— Но что-то вы похудели, ваша светлость...

— Жара, — пожаловался я. — Обезвоживание! Чего-то попить бы... Супчика с мясом или похлебки с бараниной.

Он предположил:

— Может быть, сразу начать с оленины? Наши хлопцы подстрелили двух молодых красавцев...

— Только рожки начали отрастать, — добавил сэр Монтъярд.

Я потянул носом,

— Не подгорит?... А то по запаху уже вроде давно надо есть, а то и жрать...

Кто-то из разведчиков прокричал жизнерадостно:

— Каркун, Ухоглаз!.. Оленину его светлости!..

Дреслер посматривал на меня осторожно, но помалкивал, хотя я видел, как в нем всплывают всякие разные вопросы, а он их заталкивает обратно. Похоже, обостренным чутьем мага улавливает какие-то необычные запахи, нечто неместное, словно я перепачкался при разрушении Укрытия всеми тамошними реактивами.

Я ел с жадностью, мой организм пока не умеет восстанавливать силы иначе, как сожрать что-то покалорийнее, а уж в аминокислоты и протеины трансформирует уже сам.

Сэр Макдугал посматривал на меня несколько странно. За время моего недолгого отсутствия сложно проголодаться настолько, чтобы потерять десяток фунтов. Если же у лорда получилось, то что-то же его заставило?

Закончив пожирать жареное мясо, я вытер пальцы о траву и посмотрел на ожидающего Зайчика. Сэр Монтъярд наклонился к моему уху, я услышал негромкий шепот:

— Хотите закончить чашечкой крепкого кофе?

Я пробормотал:

— Это нелегитимно.

— Да все уже знают, — ответил он тем же шепотом. — У многих есть что-то свое. Вон Каркун, на что уж простой деревенский дурень, а умеет подзывать жуков.

— Жуков?

Он кивнул.

— Да. Просто пошепчет, они к нему со всех сторон слетаются. Правда, только майские.

— А зачем? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Не всем же везет, как вам. Вы хоть придумали это вот самое ваше кофе пить. А что с жуками делать... Наверное, что-то можно? Но пока не придумали.

Я вздохнул.

— На всякий случай обойдусь. А то придется всем кофе разносить, как официанту. Мы же здесь все на равных, хотя я, конечно, равнее. Велите седлать коней, сэр Макдугал. Надеюсь, все уже накушались и отдохнуть успели.

Он посмотрел с сочувствием.

— А вы, сэра Ричард?

— Герои отдыхают в седле, — ответил я гордо, — разве мы не отряд героев, которыми хоть забор подпирай?

Все поднимались и шли к коням, все привычно, как вдруг небо полыхнуло багровым огнем, вспыхнуло ярко и жутко, тут же сменилось безмятежной синевой.

Мы не успели покрутить головами, как без перехода заменилось на оранжевое от края и до края, а затем медленно вернулось к прежней голубизне. Кудрявые облачка превратились в растрепанные перистые, их погнало высотным ветром в сторону далекого горизонта.

Макдугал охнул:

— Что это было?

Я пробормотал:

— Понятия не имею. Но хотелось бы узнать, природное это... или же дело чьих-то рук.

Монтъярд сказал твердо:

— Здесь все дело чьих-то рук!

— И мы знаем, — добавил Макдугал с утрюмостью в голосе, — чьих.

— Чьих? — спросил Каркун наивно.

Макдугал посмотрел на него, как волк на ягненка.

— Какой-то колдун разозлился.

Ухоглаз сказал злобно:

— Пальчик прищемил!

Сэр Макдугал бросил на меня быстрый взгляд.

— Или ему прищемили... Тихо всем!

Рыцари замерли, чересчур резкий и командный голос, добро бы перед боем, а то на отдыхе, я тоже поперхнулся словами, повернулся и проследил за его взглядом. Далеко на очистившемся небе быстро растет темное облачко, словно предвестник бури.

Сэр Монтъярд тоже посмотрел в ту сторону и спросил в недоумении:

— И чего...

Сэр Макдугал прервал:

— Двигается в нашу сторону. Может быть опасным.
Монтъярд фыркнул.

— Сэр Макдугал, вы же с малым отрядом противостояли двум могучим племенам! Что с вашей отвагой?

— С нами сэр Ричард, — отрезал Макдугал. — Его надо уберечь! А это — не птицы, сэр Монтъярд. Предлагаю всем покинуть седла и укрыть коней под этими деревьями.

Монтъярд сказал с негодованием:

— Не птицы, так летучие мыши! Когда это рыцари страшились летучих мышей?

Я первым соскочил на землю.

— Сэр Макдугал прав. Нужно опасаться летучих мышей, что мчатся такой стаей при свете дня.

Рыцари и разведчики морщились, нарочито замедленно покидали седла, показывая, что делают это только по приказу, а сэр Монтъярд вообще не стал слезать, а так и въехал горделиво верхом под раскидистое дерево.

Темное облако снизилось и, распластавшись в тонкую лепешку, несется над верхушками леса. Донесся пронзительный писк, что становился все резче и отвратительнее. Я видел, как сэр Монтъярд первым сморщился, закрыл ладонями уши.

Визг становился все громче и невыносимее, заржали испуганные кони. Писк едва не заставил вскипеть мозг, но так же быстро начал удаляться.

Каркун, который подавал мне оленину, смотрит с диким ужасом, из ноздрей показались красные капли, Монтъярд все еще зажимает уши, только Макдугал провожает улетающих мелких тварей немигающим взглядом холодных глаз, лицо его осталось бесстрастным.

Я зло стиснул челюсти, впервые мой лук Арианта бесполезен при стрельбе по летящей цели. Летящих тварей не меньше сотни, а по размерам даже мельче мышей с крыльями.

Я кивнул Макдугалу, он поднялся и сказал громко:

— Разведка противника ушла. Двигаемся дальше.

Потрясенные всадники разбирали коней, сэр Монтъярд сказал дрожащим голосом:

— Какая гадость... У меня в ушах до сих пор звенит. Что это было?

Я сказал резко:

— Сэр Макдугал уже объяснил.

Ухоглаз пробормотал:

— Вообще-то сэр Монтъярд, наверное, завидует, что сам так не может...

Макдугал улыбнулся краем губ, рыцари чуть приободрились. Можно острить, делать вид, что совсем даже не встревожились, только Каркун пробормотал в задумчивости:

— Злой колдун посылает на разведку стаи этих мышей, а добрый гоняет белых голубей и ласточек...

Ухоглаз перебил:

— Ласточек тоже белых?

Каркун отмахнулся.

— Да какая разница? Я хочу сказать, что один принуждает мышей, а другой птичек. Разве не так, ваша светлость?

Я сказал громко:

— Быть тебе великим человеком, Каркун! Ты заглянул в самую суть и понял ее правильно. Нет доброй или злой магии, она вся злая и недобрая. В христианском мире ей не будет места. Так что пришпорим коней, воины истинной веры!

Зайчик красиво поднялся на дыбы, заржал гневно, молотя передними копытами по воздуху, а когда опустился, им как выстрелили из гигантского лука, но я придерживал, давая остальным нагнать в бешеном галопе.

Мы неслись, как стая огромных хищных птиц. Всадники пригнулись к конским шеям, зарываясь лицами в пышные гривы. Встречный ветер ревет в ушах и дергает за волосы. Степь впереди распахнулась ровная, как выскобленная ножами столешница, копыта сухо и звонко стучат по твердой земле. Трава редкая и жесткая, похожая на кабанью щетину, в небе ни облачка, голая сияющая

синева, даже не по себе, словно никого, кроме нас, нет в бегущем навстречу мире.

Ощущение опасности коснулось предостерегающим холодком, я сразу же перевел арбогастра на рысь, вскинул руку. Сэр Макдугал прокричал тут же, чтобы не высовывались, блюли осторожность.

Далеко впереди пустыня зашевелилась, пошла волнами, оранжевый песок заискрился, словно в нем появились раскаленные добела частички. Я напрягся, готовый то ли драться, то ли удирать, зыркал по сторонам, но там пока ничего, только впереди это волнение, песок поднимается в трех... пяти... в семи местах, но дальше за этими странными живыми холмами тоже движение...

Выросшие холмы передо мной начали обретать форму. Песок ссыпается, явив блестящих, как молодой камень, огромных зверей размером с двухэтажные дома. У всех распахнутые пасти, остроконечные гребни вдоль спин и толстые лапы с алмазно-блестящими когтями.

За их спинами вырастают новые холмы, песок струится вниз, обнажая оживший камень и горящие жутким огнем глаза.

Скалы поднимались выше и выше, теперь все мы с ужасом видели могучие фигуры каменных монстров, что не двигаются, но горящие багровым огнем глаза сразу же уставились в нас с такой силой, что я ощутил давление на грудь.

— Господи, — сказал Макдугал потрясенным голосом, — сохрани своих рыцарей... Что это?

— Демоны, — сказал Монтъярд.

— Каменные, — уточнил Каркун. — Они нас попросту раздавят! А мы их даже не поцарапаем.

Сэр Штаренберг, виконт из Фезензака, вытащил нагрудный крест и, зажав в ладони, истово творил молитву, закатывая глаза к равнодушному небу.

Монстры начали медленно шевелиться, песок с них ссыпался полностью, под солнцем ярко сверкнули блестящие бока из гранита. Ближайший к нам сдвинулся с

места, у меня сердце замерло: инстинктивно ждал угловатых движений, а этот как из тугой резины, что за камень такой, что за гибкость...

Демон сделал первый шаг, посмотрел на ноги, затем его голова поднялась, пылающие огнем глаза отыскивали нас, и больше он уже не отводил взгляд.

Все монстры двинулись вместе с ним тяжелой поступью, неуверенные движения с каждым шагом становятся четче и быстрее. Одно такое чудовище, мелькнула у меня мысль, способно разгромить и уничтожить рыцарское войско, но что же делать, это же будет и мой разгром...

Я сам стиснул в ладони крест на груди, пустил Зайчика вперед. Он тревожно фыркнул, сделал один шаг и остановился. Адский Пес рычит, шерсть дыбом, но держится рядом, смотрит на приближающихся чудовищ, лишь раз быстро вскинул голову и посмотрел на меня с надеждой.

Я прокричал:

— Именем святой церкви повелеваю вам остановиться!..

Они двигались в мою сторону, движения все увереннее, я чувствовал, что сейчас перейдут на бег.

— Именем Господа! — прокричал я.

Они продолжали двигаться ко мне все быстрее. Я даже не пытался хвататься за меч, пусть я не всегда до конца умный, но не всегда же полный дурак, попятился с Зайчиком, Пес тоже отступает задом, а монстры в самом деле перешли на бег, земля затряслась и застонала под прыжками их горообразных тел.

И вдруг, когда уже совсем рядом, начали замедлять движения, а те, что бежали издали, догнали и обошли с боков, но у них тоже некая растерянность, я оказался в полукруге и тут ощутил резкий холод за спиной. Пальцы нащупали седельный мешок, в нем потяжелело, словно везу глыбу льда.

Я взялся сквозь тонкую кожу мешка за корону, в кончики пальцев ударил незримый разряд, я ощутил в теле звериную силу и радость.

Каменные монстры застыли на миг, а затем разом отступили. Всего на шаг, но сердце мое застучало в бешеной надежде. Руки сами по себе подгрести мешок ближе, и тут же по руке начала струиться к плечу странная и сладостная мощь, стала заполнять грудь, я ощутил уже наслаждение от близости безмерной власти...

Я выпрямился, чувствуя, что стал выше и шире, оглядел каменное войско громадных чудовищ уже властным взглядом.

— Кто такие?

Я не ждал ответа, но ближайший ко мне монстр с трудом шевельнул нижней челюстью и полупрорычал-полупроскрежетал:

— Демоны Пустыни...

— Кто послал вас? — прогремел мой голос.

— Великий Хозяин.

Я сказал еще громче и приказывающим тоном:

— Что остановило вас?

— Мы выполним любое повеление Великого Хозяина, — прогрохотал он. — Но мы не смеем идти против владеющего короной Повелителя Темного Мира.

Руки мои вздрагивают от переполняющей их мощи, тело уже словно слиток высокопрочной стали, как у Батардаза, кричит от жажды ощутить корону на голове и обрести ту невероятную мощь, что доступна только Повелителю Темного Мира.

Сердце стучит так, что вот-вот выпрыгнет, я вдохнул глубоко, чувствую, как много могу ухватить воздуха, сказал громко и четко, сам восторгаясь силой и властностью голоса:

— Тогда я вас посылаю обратно! И велю уничтожить пославшего вас! А вам великодушно даю свободу. Я вообще-то Освободитель, вроде Александра Третьего.

Из монстров ни один не шелохнулся, а передний проскрежетал:

— Этого мы не можем...

— Почему?

— Велеть нам пойти против Хозяина, чьей воле мы подчинены могучим связующим закланием, может только Повелитель Темного Мира...

Я прижал мешок с короной к груди, сладостное чувство переполняет сердце, я сказал громко:

— Но Повелитель — я!

Монстр прогрохотал бесстрастно:

— Ты только... Хранитель...

Я поспешно вытащил корону из мешка, пальцы задрожали от счастья. Черные зубчики страшно засверкали черным пламенем, а ободок мгновенно оказался окружен темным поясом, что быстро пошел во все стороны.

Глава 8

Линия чудовищных демонов Пустыни колыхнулась, мне даже почудилось, что хотят опуститься на колени. Мои пальцы жгло холодом, я начал поднимать руки к голове, борясь с жаждой поскорее водрузить корону на лоб. Она была на уровне моих глаз, когда как молния сверкнуло воспоминание, каким царственным чудовищем я стал в том мире, как был счастлив и не хотел даже оглядываться на прошлое, тогда лишь невероятным усилием воли заставил себя вернуться всего на миг, да, всего на миг, потому что перед глазами всплыло лицо Илларианы, и мне восхотелось вспомнить, кому оно принадлежит...

Руки мои замерли, в теле блаженное ощущение звариной мощи, я всемогущ, я чудовищно силен, никто и никогда не сможет мне противостоять...

Я держал корону на уровне лица, а монстры смотрели на нее неотрывно и загипнотизированно. Но в прошлый раз у меня вообще не было короны даже в мешке, однако чуть-чуть не остался навсегда там, зачарованный могуществом зла и возможностью творить все, что мне будет угодно...

Я с трудом заставил руки опуститься. Корона как буд-

то сама тянет прилипшие к ней ладони вверх, стремясь занять свое место на голове. Я задержал дыхание, будто перед прыжком в прорубь, сладострастное чувство всемогущества и вседозволенности, когда я не буду считаться с какими-то законами, никто меня не остановит и не посмеет перечить, что захочу, то и сделаю...

Я прохрипел:

— Корона... должна быть... на мне?..

Монстр проскрежетал:

— И мы выполним любое твое повеление. Ты из Хранителей станешь Повелителем.

— А без короны, — спросил я, — вы... хотя да... понятно... Я отпускаю вас, возвращайтесь в свой песок, в свой мир, раз уж вам не дано повредить тому, у кого корона. Идите!

Они отступили, я судорожно вздохнул и перевел дыхание. Монстры в самом деле начали погружаться в песок, страшные и неподвижные, все время не сводя с меня устрасающих глаз. Песок поднимался, как воды моря, поглощал их, а они все смотрели на меня, словно ждали, что вот-вот одумаюсь и водружу черную корону себе на голову, а они будут служить мне верно, преданно и счастливо.

Сердце мое едва не выпрыгивает, неужели обошлось, их головы медленно опускаются, наконец песок засыпал и горящие глаза, а ветерок сорвал с верхушек барханов

Непомерная мощь ушла сразу, едва сунул корону в мешок. Я ощутил себя опустошенным, жалким, слабым и несчастным. Зайчик все еще вздрагивает, я повернул его обратно, а Пес ринулся впереди нас, оглядывался с нетерпеливым ожиданием в глазах: давайте быстрее, там страшно.

На вершине холма на нервно приплясывающих конях Макдугал, Монтъярд, виконт Штаренберг, Каркун, Ухоглаз...

Сэр Макдугал вскрикнул:

— Ваша светлость!.. Что это было?

Я перевел дыхание, сглотнул, чтобы голос не дрожал, ответил с некоторым удивлением:

— Где?

На меня смотрели с таким же ужасом, словно я сам один из каменных демонов. Сэр Макдугал пролепетал:

— Там... впереди. Огромные, как дома, из блестящего камня!

Я поморщился.

— Ах, это... Мираж.

Он охнул:

— Ми.. раж?

— Да, — подтвердил я. — В жарких местах такое бывает часто. Однажды я такой город видел! Даже зашел, малость поразвлекся с местными... ну, вы понимаете... понимаете, да? Ага, заблестели глазки... В общем, когда все сгнуло, мои карманы оттягивало золото, что я там набрал. Так что мираж, только мираж!

Он суетливо перекрестился.

— Господи, чем только дьявол не смущает наши чистые души.

— Праведные, — добавил сэр Монтьярд с некоторой ехидцей.

— Праведные, — согласился сэр Макдугал строго и торжественно. — А золота набрали много?

— Гораздо больше осталось, — сказал я небрежно. — Это же Гандерсгейм! Богатая страна, щедрые земли, что ждут не дождутся наших праведных загребущих лап.

Они терпеливо ждали, пока я сверялся с картой, наконец я сказал со вздохом:

— Увы, дорогие друзья, снова вынужден оставить вас на весьма некоторое время.

Сэр Макдугал сказал твердо:

— Ваша светлость! Это невозможно!

— В последний раз, — заверил я. — Я моментально. Вы же знаете, на моем коне меня никто не поймает, если сам сдуру не. Но, надеюсь, что не. А потом ринемся вместе и сметем гнусного противника, посмевшего! Кем бы он ни был.

Они что-то еще возражали, я толкнул Зайчика, и мы

за несколько секунд оказались за сотни ярдов. Пес несся впереди бодрый и настороженный, на выпархивающих из-под лап птиц не обращает внимания, язык дурашливо свесил на сторону, но в прыжках чувствуется готовность в любой момент сразиться с противником.

Башня, отмеченная на карте, только начала подниматься из-за леса, как я остановил Зайчика и заставил топтаться, пока нас полностью не скрыли зеленые ветки.

— Ждите здесь, — велел я. — Можете поиграть.

Они с неудовольствием смотрели, как я отошел подальше, опустился на четвереньки, а потом вообще лег. Адский Пес, который сейчас просто Бобик, порывался ринуться ко мне, но арбогастр предостерегающе пофыркивал, а я уже ощутил, как всем телом начинаю вбирать песок и камни, что уже совсем не песок и камни...

Расчет мой был прост до примитивности: Великий Маг пустыни, живущий вон в той башне, вызвал из ада или откуда-то еще Демонов Пустыни, тем самым истощив часть магических сил, и послал их на меня, поистратившись еще больше. Сейчас занят либо восстановлением, либо другими делами, так что могу рискнуть застать врасплох. Но даже если успеет понять, что я не погиб, то снова призовет демонов. Этих или других. Но вряд ли и те решатся напасть на того, кто носит при себе черную корону...

Сознание помутилось, я еще чувствовал, как трещат мои кости и жарким огнем полыхает плоть, затем наступило долгое беспамятство, но последней мыслью было, что воздух при крайней нужде тоже может оказаться подходящим материалом...

Беспамятство длилось, как мне почудилось, бесконечно долго. А потом я долго поднимался, как живая гора, медленно и трудно, чувствуя боль во всем теле, чудовищную нагрузку на кости и сухожилия, острую боль в черепе, все как и в прошлый раз...

Держаться, велел я себе и повторил несколько раз. Я — Ричард, я должен вернуться, как только... что я должен... что-то же должен...

Глаза поймали на перекрестье прицела сверкающий столб толщиной с мою лапу и высотой в два моих роста. Я ощутил прилив ярости, ничто не должно загораживать мне дорогу, хотел взрывать, но что-то подсказало, что надо идти тихо...

Первый же мой шаг едва не прогнул землю. По ней прокатился гул, под лапами затрещало, как молодой лед. Я устремился вперед, почему-то важно подойти к этому сверкающему столбу как можно быстрее...

Он приближается с каждым шагом, но двигаюсь медленно, очень медленно, затем на верху башни появилась крохотная человеческая фигурка. Я страшно взревел, уже можно, одежда и волосы мага затрепетали, как под порывом сильнейшего ветра.

Его отодвинуло, я сделал еще шаг, а маг вскинул руки и потряс сжатыми кулаками. Его окружило серебристое сияние, а от сжатых кулаков в мою сторону ударили прямые, как лучи, белые молнии.

— Покорись! — донесся тонкий писк. — Кто бы ты ни был, велю тебе силами Камней Мощи — застынь!

Я сделал еще шаг, до башни совсем близко, взревел громче, молнии тщетно бьют в мою толстую шкуру, укрытую толстыми каменными плитами. Острый запах озона ударил в ноздри.

— Остановись! — послышался вскрик.

От его рук отделилось зеленое облако и понеслось мне навстречу. Я на всякий случай задержал дыхание, в глазах на миг позеленело, затем все ушло, а я сделал еще длинный шаг, до башни всего два-три моих шага...

— Именем камня Драконов, — прокричал маг то-неньком голоском. — Остановись и повинуйся мне!

Я проревел громяющим голосом:

— Именем повелителя мира... повинуйся Ричарду...

Он взмахивал руками, в мою сторону летели огненные шары, ледяные скалы, желтые стрелы размером с деревья.

Я сделал последние два шага и с торжествующим ревом ухватил башню в объятия. Маг исчез внутри, а я тряс

и ломал этот каменный столб с пустотами, в лапах крошится, трещит, рассыпается, наконец башня стала мне до пояса, я обиженно взревел, сбил ее на землю, она сразу развалилась на части, а я с наслаждением потоптался по ней, слушая хруст размалываемых в песок камней.

Труднее всего было заставить себя развернуться и пойти обратно, страстно жаждалось идти дальше и ломать, крушить, вбивать в землю, топтать, чувствовать свою мощь и наслаждаться сознанием неуязвимости, силы...

Холмы показались мелкими кочками, я перешагнул через пару, в черепе настойчиво стучит мысль, что надо лечь, но я воспротивился и пошел дальше, и хотя что-то мне напоминало, что надо лечь, обязательно лечь, но я шел, пока толстые лапы смогли держать тело, а затем все-таки лег...

В птеродактиля, стучало в крохотном мозгу. Немедленно. Сейчас. Обязательно. Только на одну минутку. Туда и обратно. Это очень важно...

Беспамятство длилось очень долго, могучий инстинкт чудовища успешно боролся, стараясь сохранить себя, такого красавца, но хитрый разум где-то нашел лазейку, хоть и с трудом, судя по времени, я ощутил себя в совсем крохотном теле в сравнении с предыдущим, и сразу подумал, что спасла именно уловка насчет туда и обратно. Любой организм старается остаться собой, но если желание мелкого птеродактиля я отбрасываю легко, дракона уже с усилием, то гигантский монстр уже второй раз едва не переломил хрупкую волю человека....

Хоть и Великий Маг, мелькнуло в просыпающемся мозгу, но дурак. Слишком долго соображал, но так и не понял, что нашлось существо, которому его магия, что Великому Хребту мелкий дождик. Сдуру решил, что не подействовало именно это заклятие, поспешно перебирал, не в силах поверить, что нашелся монстр настолько тупой, что вообще невосприимчив к магии.

Но если бы догадался направить магию не на меня, а, скажем, на землю под моими лапами...

Я содрогнулся, представив мгновенно появившуюся огненную бездну, куда я мог бы провалиться. Как хорошо, что маги уже тысячи лет идут проторенными путями...

Лапы подо мной голенастые, с крупными когтями, я пихнулся ими и легко взлетел в воздух. Когда оглянулся, сердце болезненно екнуло.

На месте разрушенного сверкающего столба, где только что была ровная утопанная моими лапами и проглаженная тяжелым пузом площадь, грозно поднялась... новая башня!

На миг показалась даже крупнее предыдущей, потом я вспомнил о своих нынешних размерах, всмотрелся внимательнее. Башня впятеро ниже, и теперь не из мрамора или гранита, а из простого песчаника. А у подножья два шатра из шкур...

Крылья несли меня быстро, еще быстрее снуют лихорадочные мысли. Маг не погиб, но силы совсем истощил. Эта башня — показатель. И еще говорит отчетливо о том, что пользуется остатками своих сил, а черпать Звездную Мощь из Укрытия уже не может.

А юрты для того, чтобы...

Глава 9

Мои лучшие из лучших, как их определил сэр Норберт, даже не слезали с коней, как мне показалось. Когда мы втроем, считая меня, арбогастра и Бобика, выметнулись из-за холмов и ринулись к ним, сэр Макдугал не выдержал и пустился навстречу.

Я еще издали замахал рукой.

— Все-все!.. Я разузнал дорогу к цели. Теперь прем по прямой, как ворона летит!

Макдугал стиснул челюсти, не успел высказать то, что накопилось за мое отсутствие, а я бодро крикнул:

— Кто у нас запеваала?.. Через час все закончим!

Сэр Монтъярд приотстал, в таких случаях надо проверить готовность всех, а Дреслер с усилием догнал меня.

Один из моих телохранителей вежливо уступил ему место. Маг выглядел встревоженным, щеки побледнели.

— Ваша светлость...

— Да, слушаю.

— Могу я спросить, куда мы едем?

— Можешь, — ответил я благосклонно. — Спрашивай.

Он посмотрел вопросительно, с ожиданием, потом спохватился.

— Ах да, простите, вы предпочитаете прямые вопросы... Тогда и я спрошу сразу: мы едем к одному из больших магов?

Я спросил с интересом:

— Откуда такая догадка?

— Я в первую очередь, — объяснил он, — улавливаю скопления магии. Если природное, то есть возможность поправить мои дела... Но впереди чувствую огромную мощь, которой владеет один человек.

Я сказал подбадривающе:

— Знал бы ты, какой мощью он владел несколько часов назад!.. А это крохи. Да и те истратил на свое жилище... Посмотри, вот он...

Деревья разошлись в стороны, как занавес, в желто-оранжевой пустыне с редкой травой высится башня из песчаника, а вокруг нее уже четыре домика. Я напряг зрение и, преодолевая головокружение, рассмотрел двух человек с лопатами.

— Если там такой могучий маг, — сказал я, — зачем ему живые слуги?

Он посмотрел на меня с недоумением.

— А зачем тратить магию на то, что могут сделать люди?

— Высшие Маги, — напомнил я, — вообще обходятся без помощи людишек.

Он вздохнул.

— Так то высшие... У них магии накоплено столько, что... приходит больше, чем тратят. Они могут себе такое

позволить. Но даже если самый могучий маг истратит всю свою силу, то на первых порах ему нужно будет...

— Спасибо, — прервал я. — Макдугал, Монтъярд, как ваши кони и кони нашего отряда?..

Монтъярд ответил браво:

— До этой башни доскачут! Вы это задумали?

— Рысью?

— Галопом. А то и карьером.

Я перевел дыхание, сказал громко:

— Тогда рискнем!.. Рубите всех, промедление, умно говоря, недопустимо. Если все получится, у вас будет повод бахвалиться всю оставшуюся жизнь.

— Ого, — сказал Монтъярд с испуганным восторгом, — я всю жизнь мечтал... чтобы р-р-раз!... а потом всю жизнь хвастаться.

— Это тот случай, — сказал я. — В карьер!

Некоторое время мы неслись слитной массой, как огромный камень, потом начали рассредотачиваться, а то вдруг маг метнет что-то такое, что сметет, как гигантской метлой, десяток всадников.

Я набрал скорость и пронесся мимо домиков. Зайчик перемахнул через заборчики, я натянул повод, едва оказались возле широкого входа в башню, за спиной крики и лязг металла.

Бобик унесся смотреть, что там такое, я соскочил на землю, а из башни выбежал мужчина с очень молодым лицом, хотя и седыми волосами.

Он ахнул:

— Кто посмел?

Я сказал быстро:

— Смирись, я оставлю тебе жизнь!

Он закричал страшным голосом:

— Вы?.. Посмели?.. Ничтожные твари?.. Скоты!.. Я превращу вас всех... да, в скотов!.. Отныне и навеки вы... свиньи!

Пронизывающий холод пронесся сквозь мое тело. За

спиной раздались испуганные крики, затем рев страха и боли, шум от падений крупных тел на землю...

Я быстро оглянулся, кровь застыла в жилах. Воины падали на землю, корчились, а когда поднимались, дрожащие и трепещущие, то уже на четвереньках.

Неподалеку от меня сэр Макдугал приподнялся на передних конечностях, лицо еще почти человеческое, за исключением торчащих клыков, что-то прокричал мне, но я услышал только пронзительный визг.

Дреслера трясет, дергает, лицо перекосилось в одну сторону, потом в другую, он что-то шептал, сбивался, повторял странно звучащие слова снова и снова.

Крестик в моей ладони стал нагреваться. Я выставил его вперед, остро жалея, что он так мал.

— Остановись!.. И тебя помилуют!

Колдун круто развернулся, величественный, красивым жестом вытянул в мою сторону руку с длинными пальцами, где на кончиках вспыхивают злые искры.

— Несчастный!.. Да кто бы ты ни был...

— Во имя Господа, — сказал я громко и вдруг ощутил, что в самом деле говорю искренне, а не как обычно, когда работаем на публику. — Во имя церкви!..

Маг прошипел:

— А ты... просто умри!

Искры превратились в шаровые молнии. Я смотрел оцепенело, как мышь на кобру. Светящиеся большие капли сорвались с пальцев и метнулись в мою сторону, словно прыгнули.

Я ощутил вспышку, глаза проморгались, колдун смотрит ошалело, во мне всколыхнулось ликование.

— Если враг не сдастся, — ответил я четко, — его уничтожают! Господи, помоги, ты же понимаешь, на чьей я стороне...

Колдун вскрикнул и снова резким жестом выбросил руку в мою сторону. Я метнулся вперед раньше, чем в ладони мага вспыхнул огонь, свирепо всадил меч в живот и рванул в сторону.

Послышался треск распарываемой плоти. Маг инстинктивно подхватил обеими руками вываливающиеся внутренности.

Я крикнул бешено:

— Дреслер! Не спи!

Сверкнула толстая ветвистая молния, бешено искрящиеся отростки плазменного огня уперлись сразу в десятки мест в землю, будто с небес опустил щупальца огромный осьминог. Следом грянул гром такой мощи, что даже все выдавшие камни съезжились.

Маг провел ладонями по животу, кишки втянуло обратно, рана закрылась, исчезла даже кровь на одежде. Я зарорал, начал рубить, как деревянную колоду, и меч погружался едва ли на палец, однако сразу же рана затягивалась.

Гром прогрехотал над головами с такой мощью, что небо прогнулось, там полыхнул белый огонь разлома.

— Смирись! — прокричал я магу страшным голосом. — Это знак мощи Господа!

Он засмеялся издевательски:

— Это знак моей мощи!!

Молния ударила в него, как в дерево. Мага охватило призрачным голубым сиянием, я увидел вытарашенные безумные глаза. Его тело скрутила судорога, руки и ноги затряслись, он закричал диким голосом и рухнул на пол.

Я думал, что он уже мертв, молния такой мощи должна обулбить тело, однако он зашевелился и начал приподниматься.

— Отправляйся в ад! — закричал я.

Он, привстав на колени, ударил в меня струей жидкого льда, затем струей пламени, я трепетал от одной мысли, что этот напыщенный индюк может прибегнуть к простому огню или холоду, но чародей слишком верит в чистую мощь магии...

Я подбежал, преодолевая сопротивление призрачных камней, и с силой ударил его по лицу.

— Еще не понял?

Кровь брызнула изо его широкого жабьего рта. Глу-

бокое изумление отразилось в выпуклых, как у рептилии, глазах.

— Ты... умрешь...

— Говори, — ответил я злобно, — говори...

И с силой ударил еще и еще, а потом еще. Горячая кровь брызнула из разбитого носа, нижняя челюсть отвисла, роняя выбитые и сломанные зубы.

В глазах мага впервые отразился страх.

— Ты, — прошептал он, — не... посмеешь...

— А я что делаю? — прорычал я и с наслаждением всадил меч теперь уже в его грудь, повернул и выдернул, нажимая книзу, чтобы рана стала шире. — Я ж говорю, топай в ад...

Он пытался зарастить рану, она затянулась наполовину, но я развернулся и ударил справа налево. Голова слетела с плеч, я на всякий случай схватил обеими руками огромный валун, с трудом поднял и с силой опустил на раскрывшийся в беззвучном вопле или заклинании рот.

Хлопнуло, во все стороны с такой силой брызнуло красным, что залило пол от стены до стены, будто лопнул огромный бурдюк с горячей кровью.

Я остановился, тяжело дыша. Глаза мои начали раскрываться шире, когда искромсанное тело начало восстанавливаться, сплюснутая голова обрела форму, подкатилась к туловищу и приросла к шее.

Маг зашевелился и начал приподниматься. Дикая ярость начала туманить мозг, я попытался противиться, нельзя давать Повелителю Темного Мира брать над собой верх, потом вспомнил, что корона осталась в мешке на седле, не дотянуться, и с облегчением выпустил черную злость на мага и на эту башню...

Дреслер закричал и начал отступать. Лицо его было перекошено ужасом, а безумные глаза вылезали из орбит. Я ухватил мага за горло, изумляясь его хрупкости, сжал, с размаха швырнул на пол. Мне показалось, что бросил с большой высоты, а голова моя вроде бы упирается в потолок.

Колдун ударился с силой, хлопнуло, словно ударили веслом по воде. Из тела кровь брызнула во все стороны, но колдун был еще жив, он закричал так страшно, что воздух превратился в стекло, зазвенел и разом рассыпался на мелкие осколки.

Валуны с треском лопались и превращались в песок. Маг продолжал кричать, как не кричит ни один зверь, Я упал на колени и зажал обеими руками уши, но все равно ужасающий крик разламывал череп и леденил мозг.

Откуда-то возникали призрачные монстры, чудовища, но все это войско, так и не обретя плоть, лопалось, разлеталось на мелкие брызги, словно их расшвыривало неведомым взрывом,

Тело колдуна задергалось, я дрожащей рукой выставил перед собой меч. Чернота, похожая на вязкие чернила, продолжала истекать из мага и уходить в каменный пол. Дреслер отступил, черное шло за ним по пятам, но он взобрался на плиту, и тьма, не достав, продолжила уходить вниз.

Я стоял с мечом в дрожащей руке, уже не чувствуя в себе ни странной недоброй мощи, ни своей огромности. Тело мага распласталось на камнях, как остатки высохшей на солнце медузы, руки и ноги стали совсем плоскими.

Голос мой вздрагивал, когда я отыскал его и заставил звучать приподнято бодро:

— Маг и его приспешники повергнуты. Дреслер, можешь забрать все, что отыщешь... Это приз за отвагу и горячее желание служить такому замечательному сюзерену.

— Ваша светлость, — пролепетал он.

— Да, — ответил я, — перед тобой она самая светлость. Ты не слишком устал?

Он смотрел на меня все с тем же выражением ужаса, только что не вздрагивал и не хватался за амулеты на груди.

— Ваша светлость, — проговорил он, запинаясь, — вы какой магией... пользовались?

Я посмотрел на него с изумлением:

— Я?.. Ты рехнулся? Я не могу пользоваться магией! Я паладин! Воин всемилостивейшей церкви!

Он покачал головой.

— Тогда что это... было?

— А что было? — спросил я. — Ничего не помню... лишнего.

Он почти выкрикнул:

— Вы превратились в нечто... ужасное! Вы оставались таким, каким были, и в то же время второй вы, призрачный и чудовищного облика, ухватили того мага и задушили!.. А вы прежний только стояли с раскрытым ртом...

Я нахмурился.

— Правда?

— Клянусь!

Я отмахнулся.

— Ну, магам соврать, что моргнуть. Что, я очень плохо выглядел?

Он прошептал:

— Ну... вообще-то...

— Тогда никому не говори, — велел я. — Сюзерен всегда должен смотреться красиво и решительно. Забудь. Взамен разрешаю забрать себе все, что сумеешь унести в руках.

— Хорошо, — сказал он с неуверенностью, — только у меня в руках будет большой мешок. Хотя могу вообще-то волоком... к коню.

— Не надорвись, — посоветовал я. — Ты уверен, что тот второй, который и задушил мага, был чудовищем... крупным чудовищем?

Он посмотрел на меня хмуро, вид колеблющийся, наконец буркнул:

— Крупным, могучим и даже величественным... можно сказать. Под стать вашей светлости, только... темным.

— Хорошо, — сказал я милостиво. — Главное, величественным.

— Даже царственным, — подтвердил он.

Он обшаривал руины, люди Норберта старательно помогали, хотя, как я заметил, некоторые блистающие золотом вещишки украдкой совали в карманы, зато все

рукописи, свитки и непонятные амулеты складывали в мешок Дреслера.

Я же старался понять, что это за мое второе «я» вылезло в виде призрачного великана, обло, озорно и чудовищно. Я всегда считал, что если я выгляжу, как положено для выживания, то хотя бы в глубине я мягкий и чистый, даже прекрасный, так что вылезло из меня либо не мое, либо я ошибался, и это я внутри совсем не прекрасный и благородный, как хотелось бы.

Хотя, может быть, это сумел в минуту сильнейшего гнева прорваться наружу Темный Бог. Тогда в момент сильнейшего катарсиса я сумел захватить этот энергетический вихрь, поглотить и полностью подчинить себе так, что он вообще как бы исчез... Но я всегда чувствовал на уровне инстинкта, что он не исчез, иначе откуда во мне иногда пытается прорваться наверх некая дикая и плохо управляемая мощь, откуда во мне столько злости и нетерпимости, я же сама доброта как бы...

Но если раньше это было даже уместно, хотя иногда неожиданно, то сейчас уже страшновато и опасно. Если Темный Бог начинает собираться с силами и пытается выбраться, а то и подчинить меня себе, это моя гибель...

И не только моя.

— Лаудетор Езус Кростос, — сказал я. — Да пребудет со мной Божья Сила! Да буду я стоек ко всем искушениям без исключения, а не только к бабам.

Сэр Макдугал доложил, что вокруг башни все разрушили и все сожгли, а в самой башне остались только голые стены. Вид у него был сумрачный, я заметил, что он и некоторые разведчики смущенно отводят взгляды в стороны.

Я сказал бодро:

— Как он все-таки страшился вас, сэр Макдугал!.. Превратил не в какую-то черепашку, а в могучего свирепого вепря!.. И ваши люди были не лесными милыми кроликами, а такими кабанярами... что попадись им на дороге или в лесу...

Монтъярд сказал быстро:

— Вепрь — родовой герб сэра Макдугала!

— Похож? — спросил я.

Монтъярд подтвердил:

— Как две капли!

Сэр Макдугал отмахнулся, хотя вид у него польщенный, сказал уже другим тоном:

— Ладно-ладно вам. Начало схватки мы проиграли, но потом отыгрались...

— Что-нибудь себе нашли? — спросил я.

Он вздохнул и развел руками.

— Несколько золотых безделушек. Так, на память. Чтобы мог показать внукам, когда буду рассказывать. Мой Ульзана, это лучший разведчик, у него еще и чутье, говорит, что все ценности похоронены не под этими руинами, а под намного более древними. Только он говорит странные вещи...

— Какие?

— Что предыдущая башня, огромная и богатая, была низвергнута... вчера.

Он смотрел на меня испытующе, я замялся, засопел, развел руками, будто хотел обнять мир.

— Сэр Норберт, — сказал я, — подбирает в свой отряд очень неглупых и очень проникательных людей. Я это вижу. И ваш Ульзана просто чудо. Такое определить, думаю, непросто...

Один из разведчиков смущенно потупился, потом вскинул голову и посмотрел на меня преданными глазами.

Глава 10

Они снова седлали коней, проверяли подпруги, я поглядывал на небо, над горизонтом темная тучка... вдруг мир застыл, звуки оборвались, а в мертвой тишине я услышал за спиной ровные шаги.

Высокий и очень изящный, даже слишком, в модном

костюме с иголочки, он приближался с широкой белозубой улыбкой на беззаботном лице.

— Сэр Ричард! Я уже соскучился...

— Хотите сказать, — буркнул я, — что это я вас позвал?

Он картинно вскинул бровь.

— А когда было иначе? Или поставим вопрос по-другому: разве иные варианты возможны?

Я скривился.

— Ну да, вы без зова не являетесь, джентльмен... Что-то вы всегда франтом. Хоть раз для оригинальности вырядились бы в одежду странствующего нищего или пилигрима в потрепанном и запыленном плаще...

Он хохотнул.

— Вы сказали очень точно: вырядился бы! Одеться в лохмотья — это спесь. Показная, лживая, глупая. Мое чувство вкуса не позволит опуститься так низко. Вы вряд ли замечаете такие мелочи, но я всегда выгляжу в полном соответствии... ну, вы понимаете.

Я пожал плечами, смерил его внимательным взглядом.

— И много времени на это тратите? Или женщины все же больше?.. А как насчет маникюра? Духами пользуетесь?.. Вообще-то мужчина, который всегда выглядит в соответствии, уже и не мужчина, а черт-те что... Ох, простите, я не подумал...

Он хмуро улыбнулся.

— Все верно, не нужно извиняться. Я не мужчина и не считаю это недостатком. Наоборот, это достоинство, потому что я не всего лишь мужчина, во мне есть и женщина. Я уже вижу, как в ваших глазах вспыхнул вопрос, почему бесполое ангелы всегда появляются в облике мужчин, верно?

Я покачал головой.

— Это не вопрос.

— Есть ответ?

— Даже однозначный, — заверил я.

— Поделитесь, — сказал он любезно.

— Мужчины рулят миром, — пояснил я. — Однако, когда нужно кого-то соблазнить, вы появляетесь в женском обличье!

Он хохотнул.

— Для гарантии успеха стараемся направить к объектам соблазнения настоящих женщин. Справляются лучше любых демонов... Вы могли заметить, что в вашем случае я никогда не прибегал к таким пошлым и примитивным методам.

— Спасибо, — ответил я настороженно. — Наверное, вы уже догадываетесь, что меня беспокоит...

Он посмотрел мне в лицо, белки глаз стали темными, даже угольно-черными, по моей коже прокатилась дрожь, затем там вспыхнули нечеловеческие красные зрачки.

— Да, — ответил он, — это очевидно. Вы же государственный! Вам не бабы нужны, не деньги, не слава...

Я поморщился.

— Я не напрашивался на комплименты.

— Это не комплименты, — пояснил он, — это соблазнение, но этого еще не поймете... сейчас.

— Ну да, — буркнул я, — а теперь скажите «поживи с мое», «доживи до моих лет»...

Он сдержанно улыбнулся, мне почудилась в его сдержанном голосе некоторая неловкость:

— Сэр Ричард, что касается вашего вопроса... гм, я должен сообщить вам одну вещь... гм... вы о ней вообще-то должны знать, но как-то не принимаете во внимание, упрощая все происходящее...

— Слушаю вас со всем вниманием.

— Когда ваши священники говорят, что все в руке Божьей, даже они понимают, что это только слова. Далекое не все в его руке...

— По его воле, — напомнил я. — Он сам так захотел!

Он кивнул, в голосе прозвучало неудовольствие:

— Вам так нравится тыкать меня в очевидное?.. Так вот, как не все в руке Господа, так и не все здесь в моей руке... я имею в виду, не все противники Господа подчи-

нены мне в этом земном мире так уж слепо, как вы почему-то думаете. Большинство вообще не подчинены! Просто у нас одна цель и один противник. Однако действуют все по-своему и, конечно, без согласования друг с другом.

— Как муравьи, — сказал я, — когда каждый тащит добычу сам по себе, но все равно она оказывается в муравейнике?

— Точно, — подтвердил он. — Слагаемость векторов движения. Каждый сам по себе, но все — в сторону муравейника.

Я сказал медленно:

— Ладно, вы меня убедили, что тот Темный Мир, те вторжения жутких тварей в наш мир — не ваших рук дело. А что насчет этих магов Гандерсгейма?

Он поморщился.

— Сэр Ричард! Вы еще скажите, что отвечаю за скисшее молоко у какой-то нерадивой хозяйки!.. Даже если в самом деле скисло не по ее вине, а из-за проказ мелкого бесенка, то все-таки винить меня в таких мелких деяниях... просто оскорбительно. Смее напомнить, я был правой рукой самого Господа, которому вы поклоняетесь!

— Простите, — сказал я торопливо, — я, правда, так не думал. Простите, что так люди думают. Им так сказали, а кто будет доискиваться, насколько это верно? У всех более неотложных дел хватает.

Он кивнул, лицо брезгливо-недовольное.

— Вот так и создается репутация, — посетовал он.

— Нет в мире справедливости, — согласился я. — Но мы ее выстроим снизу доверху, как вертикаль власти. Просто я человек осторожный, вот и хотел узнать. Помню, как вас взбесило мое путешествие в Темный Мир с битьем посуды и вольностями в безобразиях.

Он покачал головой.

— Тогда вы вмешались в мой эксперимент... пусть и неудачный, признаю, а в данном случае все иначе. Маги никакого отношения ко мне не имеют. Хоть мелкие, хоть крупные, хоть самые великие. Защищать их не собираюсь,

вы это уже понимаете. Не мой масштаб. А вот вы мне куда интереснее... Я могу себя поздравить, сэр Ричард.

Я скривился, будто надкусил на больной зуб.

— Вам все еще кажется, что манипулируете мною?

— Я всегда просчитываю на много ходов, — сказал он скромно. — А с вами я занимаюсь лично, сэр Ричард! Без всяких бабс, без посулов мешков с золотом... Очень серьезно. Как великий игрок с великим игроком.

— Спасибо, — ответил я. — Только я не игрок.

Все задвигались одновременно, в мой мир ворвались звуки, я ощутил дуновение ветерка, невольно позавидовал: вот бы мне так уметь! Но с Сатаной, видимо, вообще другой принцип: все происходит в моем сознании, а в таком случае может укладываться в сотую долю секунды.

С другой стороны, возможно, не все так просто: как-то, помню, Сатана отодвинул кресло ближе к окну, а когда исчез, кресло там и осталось наяву.

Может быть, материальным делаем мы сами нашей верой в него? Не знаю, но в одном уверен твердо: он существует. И как противник — он самый сильный. Вечно живущий, бессмертный и неуязвимый.

Сейчас он уверен, что все еще успешно руководит мною, и на первый взгляд это абсолютно так. Он делает ставку на прогресс, что в конечном итоге избавит мир даже от Господа, я тоже стремлюсь к прогрессу и ускоряю его всеми фибрами.

Но один пустячок Сатана не принимает во внимание... Да, сейчас церковь подобно пылающему факелу освещает тьму невежества и ведет народы по пути цивилизации, но я знаю, и он знает, как с развитием прогресса она превратится в санитарный обоз, что тащится позади и подбирает искалеченных, раненых, престарелых, разочарованных, упавших духом...

Как я понимаю, если так вот все пойдет по естественному пути, со временем от церквей останутся только руины напоподобие утонувших в лесах пирамид ацтеков и майя.

А саму веру будут вспоминать как нечто смешное, нелепое и допотопное...

Сатана морщится, когда напоминаю о Великих Войнах Магов. Он все еще уверен, что никакого просчета в его выкладках нет, просто почему-то все вдруг рухнуло. Но расчеты не виноваты, он знает, что должно быть не так...

В этот раз я попытаюсь на развилке свернуть в нужную сторону. Хотя на какой развилке? Развилок нет, как и дороги. Я в любой момент могу поворачивать хоть вправо, хоть влево. Историю нельзя повернуть вспять, но вкрявь и вкось — сколько угодно!

В отличие от Сатаны я понимаю, что именно сильная церковь и не дала бы грянуть Великим Войнам Магов. Церковь вообще всегда против войн, но у нее недостаточно сил, чтобы не дать возгореться пожару, их достаточно только минимизировать ущерб...

Но если будет сильной, если я смогу ее удерживать сильной и злой...

Сэр Макдугал придержал коня, я поравнялся с ним, он сказал жизнерадостно:

— Мудрецы говорят, что надо либо уметь побеждать, либо... уметь дружить с победителем! Но побеждать все-таки лучше, не так ли?

Я пробормотал:

— Конечно, в борьбе со здравым смыслом победа будет за нами. Сатана не пройдет.

Он замолчал ошарашенный, а другие, видя, что мы беседуем и я еще не убил сэра Макдугала, нарушившего ход моих майордомых мыслей, начали подъезжать, лица и взгляды у всех заинтересованные донельзя. Почти у всех топорщатся седельные сумки, у многих пояса отвисают от добавочной тяжести.

— Ваша светлость, — спросил он робко, — если мы победили этого... то придется драться и с другими?

— Маги, — сказал я, — существа заносчивые, нас за людей не считают. Но, в отличие от нас, осторожничают и свои жизни берегут. Этот тоже не думал, что получит

отпор! Думаю, присмирят, видя судьбу их товарища. Всякий, кто сдуру рискнет останавливать наше крестовое воинство, проиграет.

Второй спросил быстро:

— Маги тоже признают вашу власть?

— Об этом я не думал, — ответил я честно. — Мне достаточно, если останутся в сторонке. Меня не трогают, и я не трону. Нейтралитет меня устроит.

В небе в сказочной пышности расцветают исполинские алые и багровые розы, нежнейшие, воздушные, сердце замирает от трепета и благоговения вселенской красотой, чувствуешь величие и сопричастие с актом творения мира, зрелище поистине библейское, мифическое...

Все это громоздится пурпуром воздушных гор, там целые хребты, вулканы, огненные бездны с кипящей лавой, пропасти.

Я то и дело поднимал голову, багровый закат постепенно охватил всю западную часть неба, облака перестали двигаться, застыли, красные снизу и угольно-черные сверху. По земле пролегли длинные тени, слились воедино, и наступило благословенное время летучих мышей, когда им разрешено вылетать из нор и носиться призрачными тенями на грани дня и ночи.

В лагере наш отряд окружили, разведчиков растащили по группам, всем надо знать, куда ездили с майордомом так срочно. Я передал Зайчика в руки оруженосцев и отправился в свой шатер.

Начальник охраны спросил торопливо:

— Какие будут указания?

— Пригласи членов Верховного Совета Военных Лордов, — велел я со всей властью верховного лорда.

— А... это кто?

Я отмахнулся.

— Мои полководцы. Сам догадайся.

Слабое вино, что и не вино вовсе, а обеззараживающий всякие кишечные бактерии напиток, едва-едва успе-

ло промочить горло и медленно просачивалось в желудок, когда в шатер начали заходить мои члены Военного Совета, еще не подозревая, что они и есть эти самые.

Я взмахом руки отправлял всех за стол, лавок много, поместятся, оруженосцы привычно начали втаскивать в шатер жареную птицу, мясо, а вина вкатили целый бочонок.

Граф Ришар едва дождался, когда я со вздохом сожаления оторвусь от великанской чаши с вином.

— Что нового, — спросил он в нетерпении, — разведали, сэр Ричард?.. Из того, что еще не знали до вторжения?

— Немного, — ответил я. — Но главное уяснил. И вам сообщаю. Здесь больше, чем где-либо, приходится считаться с магами. Вон в Армландии вообще такой проблемы не было! Нет-нет, дорогие друзья, не надо вскакивать и выбегать с дикими криками ужаса. Думаю, и это решим.

Альвар Зольмс ответил уязвленно:

— Да мы вроде и не выскакиваем, ваша светлость.

— Ну вот и хорошо, — одобрил я. — Раз уж мы здесь, здесь и останемся!.. Кроме того, у меня нехорошее ощущение, что император не случайно даровал мне это маркграфство. Что-то с этими землями связано. У кого-нибудь есть какие-то соображения?.. Нет? Жаль... Во всяком случае, император о Гандерсгейме знает больше, чем мы даже после тщательной разведки. Однако знание — одно, реальная власть — другое.

Граф Ришар обронил осторожно:

— Я бы сказал, император не сумел здесь закрепиться.

— Согласен, — ответил я. — Эскадры сюда отправлять — слишком дорого и рискованно, да и зачем? Королевства здесь по меркам Юга совсем нищие.

Он напомнил:

— А Тоннель?

— Тоннель, — повторил я, — когда королевства были в изоляции, кто о них думал всерьез?.. А вот теперь, когда отсюда есть выход в просторы северных королевств... Потому, видимо, в Сен-Мари, как и в Вестготии, так мало взяли от

Юга, что горстка южан здесь быстро растворилась... Подумаешь, вилки!.. Как мы догадываемся, маги Юга здесь почти не имеют мощи... или не имеют совсем. Демоны Юга сюда попасть тоже не могут, тут своя нечисть.

— А военные силы? — подсказал он.

— Для империи было бы нетрудно, — сказал я, — держать здесь могучие гарнизоны. Но такого не наблюдаем... Почему?

Ришар понял, что вопрос к нему, как к самому глубокомыслящему, развел руками.

— Не представляю.

— Видимо, — сказал я раздумчиво, — дело в самой империи. Собственно, что мы знаем о ней или о них, их же там несколько!.. Возможно, им просто не до нас. То ли раздражают внутренние войны, то ли там обнищали и не могут послать могучий флот, то ли... не видели смысла делать свою власть здесь прочной и незыблемой.

Он сказал предостерегающе:

— Вот-вот. Не видели. Пока не знали о Тоннеле.

— Уже знают, — сказал я невесело.

— Откуда?

— Императоры держат здесь своих шпионов, — сообщил я. — Это дешевле, чем посылать войска.

Он встревоженно посмотрел по сторонам.

— Дьявол их побери!.. Зачем?

Арчибальд Вьеннуанский предположил:

— Может быть, все-таки предполагают нас со временем завоевать?

Альвар сказал с негодованием:

— Это абсурд!

Я посмотрел на одного, на другого, развел руками.

— А что в нашей жизни не абсурд?.. Она вся сплошной абсурд. Смысл в нее привносим мы сами... иногда. Я вот, как правитель, намерен своими мудрыми законами уменьшить процент абсурдности хотя бы до девяноста процентов, а то и до восьмидесяти пяти. Если, конечно, не будет засухи, саранчи и новой моды на женские шляпки.

Глава II

Оранжевый полумесяц выбрался из темного, как грех, облака, печально повис над землей. Я попытался вспомнить, старый это или молодой, в детстве учили, что надо слева приставлять вертикальную палочку: если поручится буква «р», то это растущий, молодой, а если рожками в другую сторону, то получается буква «с», это значит — старый...

С палочкой что-то не получалось, полумесяц висит так наклонно, словно собирается совершить самоубийство, прыгнув в эту черную бездну земной ночи.

Я попытался переступить через Бобика, однако тот моментально вскочил и, даже не зевнув, с готовностью помахал хвостом: куда идем?

— Спи, — велел я строгим голосом майордома. — Ты слышал?

Он посмотрел с изумлением, какой ты майордом, говорил его честный взгляд, разве ты не мой родной отец, брат, дед и вообще повелитель, которого я обожаю и за которого отдаю жизнь?

— Ценю, — сказал я шепотом. — Я тебя тоже очень люблю.

Он смотрел с ожиданием. Я расцеловал его в морду, поласкал, потормошил, потискал, затем велел шепотом ждать, так как от этого, конечно же, зависит существование человеческого рода, что ему, конечно же, все равно, однако и мне будет несладко, если возьму его с собой.

Я прислушался, за стенкой шатра тихо, только издали доносится приглушенный шум большого военного лагеря, похожий на мерный рокот сурового северного моря.

Стараясь ступать бесшумно, я откинул полог шатра. Но едва высунул голову, справа и слева в темноте послышались тихие голоса:

— Ваша светлость?

— Ваша светлость?

Крепкие воины в доспехах и с оголенными мечами уставились в меня преданными очами.

Я сказал досадливо:

— Хорошо бдите, хвалю. Оставайтесь на местах, я изволю пройтись по лагерю.

— Нам велено вас сопровождать везде, ваша светлость!

Я произнес строже:

— У кого это власти больше, чем у майордома?..

Они остановились неохотно, я видел, как в нерешительности зыркают глазами в поисках того, кто велел от меня не отходить ни на шаг, пусть он со мной и спорит, а я быстро пошел вдоль костров, одних хлопал по плечам, других по спине, пусть телохранители видят, что сюзерен вышел всего лишь пообщаться с солдатами.

Багровые блики пламени костра выхватили из тьмы лица двух солдат, оба ветераны, но один суровый и чисто выбритый, а другой с лихо закрученными усами. Чисто выбритый передал усачу бурдюк с вином, спросил мирно:

— А за что ты избил Жакана?

Усач проворчал злобно:

— Он назвал мою мать старой шлюхой!

Тот подумал, пожал плечами.

— А что он сказал не так?

Усач зыркнул недовольно из-под тяжелых век.

— Не такая уж она, — прорычал он, — и старая.

Я подошел, они сразу умолкли и вскочили, я спросил усача:

— Тебя как зовут?

— Войтех Быстроногий, ваша светлость!

— Быстроногий? — переспросил я. — Это хорошо...

Мне тут мысль пришла. В общем, обойди весь лагерь и передай священникам, что завтра утром потребуются их общая месса. Или литургия. Не хочу тревожить гонцов, они весь лагерь переполошат, такие гордые своей работой... Если выполнишь мое поручение, получишь в награду большой удел земли и войдешь в сословие благородных людей.

Он вытянулся, гаркнул преданно:

— Какое счастье служить вам, ваша светлость!

— Все запомнил?

— Да.

— Все выполнишь?

— Клянусь своей матушкой!

Я оглядел его с подозрением.

— Знаешь, я предпочел бы услышать более весомую... в общем, поклянись тем, что если не выполнишь, то никогда не получишь земли и не войдешь в сословие благородных!

Он выпрямился, с виду бы сразу протрезвел.

— Клянусь!

Я пошел дальше, а там, улучшив момент, влез в шкуру исчезника, на цыпочках остороженько отодвинулся в темноту. Можно бы попытаться так прямо из шатра, но сэр Норберт, что бдит за безопасностью и лагеря, снабдил самых доверенных нужными амулетами, мимо них не проскочишь...

Луна скрылась за тучку, настала темнота, как говорят, хоть глаз выколи, и хотя для меня практически ничего не изменилось, но пользоваться умею: на цыпочках миновал затаившиеся дозоры, долго бежал, пригибаясь, чтобы луна, если выглянет, не осветила спину, и, уже забравшись подальше, чтобы не поднять тревогу, превратился в легкого и быстрокрылого птеродактиля.

Никто не заметил, как я взметнулся в небо, из-за тучи выдвинулась бледная и заспанная луна, вся в пятнах и коррозии, тут же нырнула в другое темное облако.

Земля покрыта тьмой, даже чернотой, словно ее и нет вовсе, а лечу в космосе за пределами вселенной, где и звезд нет вовсе. Затем в двух-трех местах увидел яркие точки, всмотрелся, ну да, как же иначе, пожары, что еще.

Но наших там еще нет, это местные дерутся друг с другом, как будто в их земли и не вторглись чужаки. Это и понятно, сосед куда ненавистнее чужака, с чужаком и договориться можно, а соседа можно только тихо ненави-

деть, пока собираешь силы, чтобы напасть под покровом ночи и убить всех-всех...

Ко мне поднимаются запахи гари, а вместе с ними ароматы оливкового масла, рыбы, будто там вскипели целые реки или озера...

Потом чернота сменилась серым туманом, словно лачу над Млечным Путем или подобной туманностью, над мной поредели тучи, в одной смутно наметилось светлое пятно луны.

Наконец внизу серый туман сменился серебряным блеском, а из тучи выскользнул чистый, как очищенное круто сваренное яйцо, месяц, торопливо начал отодвигаться от тяжелых громад, где едва не затерялся, и в его свете выступила знакомая гора с пещерой Сьюманса.

Я бережно опустил на знакомый край, выждал. Каменная плита, закрывающая вход, исчезла так бесшумно, что в следующий раз надо будет пощупать на предмет реальности.

Придав себе безмятежный вид, я медленно пошел по знакомому ходу.

— Великий Сьюманс! — вскричал я громко и радостно. — Я не сильно побеспокоил вас?

В пещере ничего за время моего отсутствия не изменилось, разве что она показалась намного ближе. Сьюманс сидел на корточках возле объемистого сундука и рассматривал в лупу большой всячий замок. В мою сторону не оглянулся, но я ощутил, что мое присутствие заметил.

— Великий Сьюманс, — сказал я торопливо, — вы как-то обронили, что сумели избавиться от сна, так что я, надеюсь, не потревожил вас... сильно в это весьма ночное время?

Свет настолько ярко блестит на его абсолютно голом черепе, что я все никак не мог рассмотреть выражение его лица, но мне показалось, что великий маг изможден, резко постарел, руки болтаются, как плети, а кожа стала сухой и морщинистой, как пролежавший века на солнце пергамент.

Он со вздохом разогнулся, буркнул:

— Уже сто пятьдесят лет пытаюсь разгадать тайну этого замка!.. А потом окажется, что в сундуке ничего интересного нет... Да, Ричард, я никогда не сплю, но это не значит, что времени мне девать некуда.

Я поклонился с великим почтением.

— Я знаю, что минута жизни мудреца дороже ста тысяч лет королей!

— Ну, тогда...

Он говорил медленно, всматривался в меня так, словно увидел если не впервые, то через лет двадцать после первой встречи.

— Великий Сьюманс...

Он прервал меня, даже не замечая, что какая-то человеческая букашка что-то вякает:

— В вас что-то изменилось после нашего последнего разговора или мне почему-то кажется?...

Я ответил беспечно:

— Конечно! Несколько дней профыркнуло, как испуганные воробьи! А мир меняется ежесекундно.

— Не так уж он и меняется, — ответил он с некоторым сомнением. — Что-то перетекает из года в год, из века в век... Что в вас изменилось, сэр Ричард?

— Неужели изменилось? — спросил я. — Ничего! Даже сапоги те же.

— Изменилось, — подтвердил он. — Сейчас от вас несет мощью, как жаром от раскаленного горна. В прошлый раз у вас не было столько силы и уверенности. Неужели мир там внизу начал меняться так быстро и непонятно?

— Гм, — сказал я, — после нашего разговора я ни о чем больше не думал, как о ваших мудрых, конечно же, словах. Думал зело, думал бардзо, обло и даже озорно. И надумал, что маги в Гандерстейме напоминают олимпийских богов Эллады. Заняты своими делами, но нет-нет да и спустятся на землю пошалить... Так вот, уважаемый Сьюманс, мне говорить такое неприятно, я ж человек деликатный, но святая справедливость говорит, что на де-

ликатных воду возят, а я из тех, кто возит ее сам... на других, понятно.

Он посмотрел в сторону, из пространства появилась тонкая женская рука и подала ему изящную серебряную чашу. Я уловил приятный пряный запах.

Сьюманс медленно отхлебнул, прислушался к ощущениям. Я терпеливо ждал, наконец он пробормотал ослабленно:

— Я бы не сказал, что они чем-то вредят... людям.

— Спасибо, — сказал я, — что не назвали червяками.

Он скупо улыбнулся.

— Зачем же. Они просто люди. Хотя, конечно...

Я сказал с мягким нажимом:

— После нашего разговора о магах и простых людях мне много думалось, что есть странно, я ведь человек с мечом в руке, а не думатель какой-то! И вот что я надумал... Гандерсгейм — отныне моя земля. Я сюзерен, что значит — судья, обвинитель, защитник и палач в одном лице. Костями лягу, но не могу позволить никому вторгаться со стороны или сверху!.. Это касается моей чести сюзерена, а что такое честь, уже видели хотя бы по нашему рыцарскому войску.

Он смотрел на меня без неприязни, с прежним интересом, снова сделал продолжительный глоток, острый кадык дважды дернулся.

— Видел, — ответил он мирно. — В целом, представляю. Весьма интересная константа. Со своей стороны могу заверить, что я не спускаюсь на землю... вообще. Моя цель наверху, а не внизу.

— Багеры? — спросил я.

Он посмотрел с удивлением.

— Что?

— Так называют те небесные корабли, — пояснил я, — что плавают высоко в небе по волнам воздушного моря. Даже океана. Здесь, правда, багеров нет, это на Юге, как мошкары, но здесь есть, как предполагаю, супербаге-

ры, что двигаются гораздо выше. На стационарной орбите, потому их и не видно.

Он смотрел на меня без привычного превосходства небожителя над переползающим дорогу червяком. Глаза расширились, я впервые видел на его лице выражение откровенного изумления.

— Но вы... — проговорил он потрясенно, — откуда знаете?

Рука из воздуха нежно взяла из его пальцев чашу и пропала. Я даже не повел в ее сторону взглядом, мелочь какая, у меня полно слуг с руками и ногами, а не такие вот инвалиды.

— Как откуда? — ответил я с небрежностью. — Когда полетаешь на них, так что тошнит от одного вида, поневоле запомнишь.

— Вы... бывали на них?

— Я ж говорю!

— Где?

— На Юге, — ответил я скромно. — Я там с армией демонов разгромил дворец одного Великого Мага... в самом деле великого, дорогой Сьюманс!.. И его самого превратил в пыль. Да, там могучая магия, а не то, что здесь...

Он смотрел неотрывно в мои глаза, я чувствовал, как старается определить, насколько я вру, и к своему ужасу понимает, что говорю правду и только правду.

— Но... как?

— Была необходимость, — сказал я кратко. — Сейчас у меня необходимость обустроить Гандерсгейм.

Он вздохнул, в двух шагах сгустилось облачко, оттуда выкатилось роскошное кресло, я посмотрел со всей внимательностью, вдруг что-то особое, но, увы, всего лишь богато украшенное и с подушечками снизу и по бокам.

Сьюманс осторожно опустился на сиденье, веки прикрыли выпуклые глаза. Он откинулся на спинку, та с готовностью опустилась. Он полулежал почти минуту, наконец я услышал суховатый голос:

— Вам надо его еще завоевать.

— Вы в этом сомневаетесь? — спросил я.

Не открывая глаз, он покачал головой.

— Нет-нет. Особенно после того, что услышал.

— Спасибо, — сказал я. — Сейчас мне предстоит обустроить Гандерсгейм. Потом вернусь в Сен-Мари, буду заниматься экономикой и повышением валового продукта. Еще у меня смутные планы насчет Юга... Словом, вы поняли, я не собираюсь мешать добираться до супербагеров, но и маги должны отныне забыть про земли Гандерсгейма.

Веки у него красные и набрякшие, в прошлый раз Сьюманс выглядел бодрее. У меня шевельнулось чувство вины, он мог получать подпитку напрямую из Укрытия Звездной Мощи.

Голос его прозвучал суховато:

— Юноша, вы говорите слишком уверенно. Слишком. Я старался не обращать на это внимание, но вообще-то вы перешли грань...

Я сказал быстро:

— Простите, что прерываю, но лучше, если не скажете то, что у вас крутится на языке. Вы же умный человек, должны понимать, что если я почему-то сменил тон с подхалимского на нынешний, то для этого есть основания.

Он насторожился.

— Объяснитесь.

— С удовольствием, — сказал я и ощутил, что в самом деле объясню с огромным удовольствием. — Вы не могли не ощутить, как та исполинская звездная мощь, что текла в ваши башни... исчезла.

Он побледнел, застыл, затем произнес неуверенно:

— Была большая гроза, могли быть какие-то помехи... Но странно, что это ощутили и вы.

— Ощутил, — ответил я со злорадным торжеством.

— Как?

— Неважно, — сказал я. — А еще чувствую, местным магам теперь придется рассчитывать только на свои силы. Как простым деревенским колдунам. Вот такое у меня простое примитивное чувство.

Он ахнул.

— Ричард! Я боюсь даже подумать... Вы полагаете, что перебой в звездной мощи продлится... долго?

Лицо его стало желтым и совсем усталым, обе руки бессильно повисли по обе стороны кресла, но глаза неотрывно следили за моим лицом.

— Примите новую реальность, — сказал я почти с жалостью. — Если кому-то из магов что-то понадобится внизу, на грешной земле, пусть обращается ко мне. В самом деле обращайтесь, обещаю пойти навстречу. Думаю, это будет дешевле, чем затеять войну. Если вы знаете, что такое рыцарская честь, то понимаете, здесь либо — либо. Или погибну, или вычеркну из списка живых магов любого, вздумавшего вмешиваться в мои дела. Этого требует мое попранное достоинство. А сейчас расстановка сил весьма и зело изменилась. В то же время мир остался таким же... неласковым к проигравшим, вы сами знаете лучше меня.

Он медленно кивнул, лицо еще больше пожелтело, словно и такое усилие отняло силы. Мне показалось, глаза Сьюманса теряют обычный блеск, даже втягиваются в норы, как испуганные зверьки.

— Я не думаю, — прошептал он, — что это продлится долго.... Звездная мощь вот-вот снова хлынет к нам...

— И все-таки, — посоветовал я, — разумнее вести себя так, словно она не вернется.

— Это будет ужасно, — проговорил он. — Это будет конец всему.

— У всех у вас есть запасы магии, — напомнил я. — И у всех есть какие-то навыки. Приспособитесь. Хотя прежней роскоши уже не будет. Возможно, опуститесь на уровень деревенских колдунов.

Его лицо болезненно исказилось, а мешки под глазами заметно разбухли и потемнели.

— Вы говорите ужасные вещи... Я вам не верю.

— Искушение, — ответил я, — самый строгий экзаменатор нравственности. Ваши маги этот экзамен не выдержали.

— Но они так много открыли тайн Древних!

— Для себя или для людей?

— Да что люди могут понять...

— Кто двигается вперед в науках, — сказал я и сам ощутил, как это звучит высокопарно, — но отстает в нравственности, тот более идет назад, чем вперед. Хуже того, и других тащит!

Он сказал с напряжением в голосе:

— Боюсь, маги вас не послушают.

— Тогда я их просто убью, — сказал я и пояснил с достоинством: — Жизнь людей, кем бы они ни были, преданных только наслаждению без рассудка и без нравственности, вообще-то не имеет никакой цены. И ценности. Весьма нравственно будет их изъять, дабы породу не портили. Церковь — санитар человечества.

Он покачал головой, глаза его были серьезными и трагическими.

— Не могу поверить, что вы говорите серьезно.

— Сам не могу поверить, — признался я. — Еще вчера я до свинячьего писка страшился вас рассердить!.. А это нехорошо, когда стараешься приноровиться к чьим-то капризам. И сам унижен, и вас начинаешь тихо ненавидеть, как слуги боятся и ненавидят хозяина. Сейчас я говорю с вами с прежним уважением, как с человеком высокой науки, но без дрожи в коленках. Говорю серьезно, хотя для душевного равновесия вам проще не верить человеку неизвестному, я вас понимаю.

Он проговорил со слабой улыбкой:

— Вы уже давно известный мне человек, Ричард. Вы очень интересный...

— ...экземпляр, — подсказал я.

— Не обижайтесь. У магов свой взгляд на мир внизу.

Я сказал мирно:

— А на земле свой взгляд на магов. Если маги людишек презирают, то людишки магов ненавидят. Если соотношение сил поменяется кардинально, выживут ли маги? Деревенские колдуны выживут, они сумели стать нужными.

— Да-да, — сказал он, — вы слишком опасный противник. Я просто не понимаю, как в вас странно и причудливо уживаются эти удивительные рыцарские идеалы, абсолютно нежизнеспособные, и здоровый прагматизм.

— Очень здоровый, — подтвердил я. — С вот такими кулаками.

Он не сводил с меня взгляда из-под приспущенных век.

— Я уже знаю о вашем умении превращаться в нечто... особенное. Даже не в дракона, а... очень большого дракона.

— Это еще не все мои умения, — сказал я скромно. — Темный Бог, погибая, передал мне все силы и все умения.

— Это я ощутил, — произнес он, — хотя и долго не мог в такое поверить. Однако вы... разве пользуетесь его ресурсами? Это очень опасно! Я бы, например, не рискнул, несмотря на соблазн.

— Нет, — заверил я. — Не пользуюсь. Как и короной Повелителя Темного Мира, которую я пока еще... не давал.

Он вздрогнул так сильно, что лицо неуловимо быстро сместилось пару раз с места на место.

— Что? О чем вы говорите?

Я ответил так же небрежно:

— О короне.

— Вы уверены... что мы говорим о...

Он недоговорил, лишь нервно сглотнул пару раз. Кадры судорожно дергался, в глазах разрастался страх.

Я пожал плечами.

— Я не думаю, что есть еще одна.

Ощущение огромности возникло в зале, мне почудилось, что свод исчез и к нам заглянула вселенная.

Он прошептал:

— Я не верил...

— Во что?

— Что она все-таки существует...

Я сказал как можно тверже:

— Существует. Я сумел ее взять, и теперь она защи-

щает меня, как хозяина. И мне все время хочется возложить ее на свою голову.

Его тряхнуло, он вцепился в подлокотники, попытался привстать и со стоном снова откинулся на пологую спинку.

— Не-е-ет, — прошептал он срывающимся голосом. — Тогда наш мир рухнет!

Я успокаивающе опустил ладонь на его руку. Под дряблой кожей пальцы ощутили тонкую кость и хлипкие сухожилия.

— Вам что-то известно об этой короне?

Он с усилием кивнул, глаза устало закрылись.

— Даже Великие Маги, — прошептал он, — что могут видеть прошлое... очень далекое прошлое... сумели уловить только обрывки древних легенд... Темный Мир был создан, как говорят одни, после какой-то из Великих Войн Магов... другие говорят, что не создан, а возник в одной из отколовшейся от нашего мира области... но часть магов верит, что был создан даже раньше нашего...

— Может быть, — согласился я. — Слишком там было много дряни. У меня руки опускались всех лупить...

Он вздрогнул, напрягся.

— Вы... там были?

— А как бы я забрал корону? — удивился я.

— Есть легенда, — прошептал он, — что когда-то в нашем мире появится человек, которому ее оттуда принесут... и он станет Повелителем двух Миров...

— Уже не станет, — сказал я.

— Почему?

— Тот человек появился, — сообщил я. — Я его, грубо говоря, изъял из бытия. Удалил. Или, говоря высокопарно, убил. В нашем мире. А потом сходил в Темный и забрал там корону. Я люблю собирать всякое, не могу удержаться. И хоть не пользуюсь по криворукости и нежеланию изучать, как это работает, но все равно собираю.

Он снова вздрогнул, бледное лицо стало желтым, как у мертвеца.

— Она... у вас?

— А как же? Я ж ее хозяин.

Он прошептал с отчаянной мольбой в голосе.

— Только не возлагайте корону на чело! Это будет конец нашему миру.

Я подумал, сказал со вздохом:

— Как вы понимаете, я могу оказаться прижатым к стене, если ваши вечно дерущиеся между собой маги объединятся и объявят мне войну. Лучше уж надеть корону и стать Властелином Двух Миров, чем позволить нагнуть себя.

Он содрогнулся.

— Нет! Никто из магов даже в их полной силе не подумает вам противиться. Никто не рискнет... Когда корона при вас в мешке, она защищает вас, но если наденете...

— То что?

— Сможете повелевать всеми демонами Тьмы, — прошептал он. — И вообще... Но Темный Мир сразу же поглотит наш... Вы уже не сможете снять корону, не сможете противиться сладкому зову абсолютной власти...

Я спросил:

— А как же маги?

— Что маги?... Ах да... Над нами всегда это довлеет... увы. Ну, не совсем это, а подобное, вы понимаете. Сэр Ричард, именно потому мы все внимательно следим друг за другом. И если кто-то один вдруг... то все остальные...

— Понимаю, — закончил я, — свернете ему шею.

Он развел руками.

— Так уже бывало. Но вас, сэр Ричард, остановить будет некому.

— Я не надену, — пообещал я и, взглянув на него, уточнил: — Если меня не принудят. Иногда, знаете ли, гори оно все пропадом, да пусть рухнет мир, если мне какая-то свинья оттопчет ногу.

— Спасибо, — произнес он слабо, — будьте осторожны... Еще мне кажется, вы слишком большое значение придаете... э-э... нравственности. По отношению к искаателям истины оно слишком приземленно.

Я развел руками.

— А что такое нравственность? Наука о соглашениях, придуманных людьми для того, чтобы совместно жить самым счастливым образом. Подлинная цель нравственности — счастье наибольшего числа людей. Магам на остальных людей наплевать, не так ли? Потому я наплюю на магов, на их интересы и даже на жизни... Если, конечно, будут упорствовать. Вообще-то надеюсь на вашу помощь.

— В чем?

— Очень хочу встретиться с ними, — объяснил я. — Объяснить новое положение дел. На самом деле в реформах нет ничего трагического, зато есть огромные возможности.

Он поморщился, губы искривились в недобрую усмешку. Я подумал, что такое ему, наверное, уже говорили лет сто или двести назад, всегда отыскивается какой-нибудь пылкий король-реформатор, но таких закапывают раньше, чем он успевает огласить первый закон.

Я отступил на шаг, поклонился.

— Отдыхайте, великий маг Сьюманс! Со всем уважением к вам и вашей мудрости откланиваюсь и покидаю вас...

Он не шелохнулся, а я быстрыми шагами покинул зал. Впереди заблестал солнечный свет, я спрыгнул с уступа и, падая навстречу быстро ринувшейся ко мне каменной земле, велел себе моментально стать птеродактилем. Моментально не стал, но затмение длилось не больше секунды, я растопырился крыльями и пронесся над землей, как огромный стриж, а затем мощными взмахами послал сильное тело ввысь.

Это хорошо, что показал Сьюмансу уважение. Победителю это ничего не стоит, а я точно победитель, хотя иногда встряхивает при одной мысли, насколько же он был силен, а я просто муравей какой-то под его ногами. Он и сейчас сохранил остатки колдовской мощи, но хотя бы потерял уверенность...

Победа слишком огромная, я не ожидал такой, если честно.

Глава 12

Я нарочито не выходил из незримости, скрытно прокрался мимо дозора, вышел в зону, освещенную кострами, и только когда миновал две линии стражи, один из воинов быстро вскочил и крикнул страшным голосом:

— Стой! Замри!

Он замахнулся дротиком, я поспешно перетек в зримость, сказал примирительно:

— Хвалю, хорош!.. У тебя амулет или сам чувствуешь?

Он все еще держал в занесенной над головой руке дротик, багровые блики подсвечивают снизу зловеще и пугающе, довольно пугающая фигура из огня на фоне черного неба. Я не двигался, он некоторое время всматривался в меня с подозрением, затем опустил оружие и ответил гордо:

— Талисман, ваша светлость. Ничто не скроется!

— Хорош, — повторил я. — Как тебя зовут?

— Выгчегд, ваша светлость!

— Если хочешь, — сказал я, — можешь перейти в отряд сэра Норберта. Он подбирает самых лучших для особо трудных дел. Подчиняются только мне и ему.

Он сказал прерывающимся от волнения голосом:

— Ваша светлость!.. Почту за счастье... Костями лягу!.. да я...

Я кивнул и с милостивой улыбкой, не убирая ее с лица, шел до самого шатра и, только когда оруженосцы распахнули передо мной полог, смахнул ее за ненадобностью.

В шатре... в центре огромный королевский стол, с инкрустированной драгоценными породами дерева столешницей, резными ножками, много золота, исчезли также и простые лавки, теперь вокруг стола и под стенами множество кресел, вычурных и дорогих, даже не хочу знать, откуда их притащили.

Я поморщился, кивком подозвал замершего оруженосца.

— Понимаю, заботитесь о своем хозяине. Однако

простота обстановки иной раз еще больше подчеркивает его величие, его блеск, его достоинства. Это я о себе, если еще не понял! Это все оставь, ладно, но больше не усердствуй. Все, иди.

Ложиться поздно, небо на востоке уже светлеет, вот-вот высунется солнце, снова день, полный забот, вышел, зевнул, словно после долгого сна, крикнул начальнику охраны:

— Священники собираются?

Он почтительно поклонился.

— Ваша светлость?

Я напомнил:

— К утру должны собраться все священники на совместную мессу. Здесь сильна нечестивая магия... нужно что-то ей противопоставить. Я присылал гонца.

Он потряс головой.

— Никто с таким приказом не приезжал!

Я сказал зло и разочарованно:

— Ну да, человеческий фактор... Черт бы его побрал! Но не могу же я везде успеть сам? А как было здорово, когда успевал... Но тогда мой огород был поменьше.

— Ваша светлость?

— Ну?

— У вас был огород?

Я отмахнулся.

— Все мы огородники в этом мире. Эх, как понимаю магов...

Он снова спросил в недоумении:

— Ваша светлость?

Я сказал с неохотой.

— Они на человеческий фактор не полагаются. Видимо, обожглись. Либо сами все, либо посылают демонов, что вопросов, как вот ты, не задают, а все делают, как скажешь.

Он перекрестился.

— Ваша светлость! Я служу вам преданно, и хотя демоны могут служить лучше, но ведь церковь...

Я прервал:

— Пошли гонцов, пусть священники бросают все дела и собираются. Теперь уже срочно.

С дробным стуком копыт, словно рассыпая горох по твердой земле, через лагерь примчался всадник на тонконогом нервном коне.

— Сэр Ричард! — прокричал он, запыхавшись. — От города Бекас вышло войско варваров!.. Сейчас с ним соединяется еще одно...

— Чье?

— Племя кабиров!

— Хорошие воины, — определил я. — Хотя у варваров слабых почти нет... С той стороны сэр Будакер?

— Да, ваша светлость!

— Сумеет принять удар?

— Он вовремя развернул боевые порядки, — прокричал гонец, — и уже успешно отразил первый удар. Однако может не выдержать, варваров вдесятеро больше, да еще к ним идет помощь...

Я прокричал громко:

— Все по коням!..

Вокруг меня забегали, сразу запахло мужским потом, будто уже отчаянно дерутся. По лагерю прокатился звон металла, это расхватывают оружие. Коноводы прибежали рысью, держа в поводу коней. Рыцари поспешно поднимались в седла, я видел везде суровые и горящие жадной боя лица.

— Вперед! — крикнул я. — Надо помочь Будакеру... и Митчеллу!

Рядом со мной несся сэр Альвар, прокричал:

— Митчелл тоже там?

— Он всегда прикрывает левый фланг Будакера! — крикнул я. — Они соседи. Митчелл и в Армландии прикрывал его слева от набегов расшалившихся соседей...

Он что-то говорил, но слова его унесло назад ветром, Зайчик набирает скорость, ветер ревет в ушах, отряд отстался далеко позади. Я пригнулся к гриве и всматривался вдаль, где разбегаются по сторонам холмы.

Дорога испуганно бросалась из стороны в сторону, потом впереди начало проявляться обширное поле, сплошь затянутое облаком желтой пыли.

Сердце колотится, я еще ничего не увидел, но чутье подсказывает, что отряд Будакера должен быть ко мне спиной, а слева дерутся люди Митчелла...

Зайчик начал сбрасывать скорость. Ветер старательно собирает и уносит пыль, я рассмотрел закованные в блестящую сталь фигуры на конях и пеших, что сомкнули ряды и стойко отбиваются от полуголых варваров.

От закаленной стали панцирей отскакивают, как град от каменных гор, палицы варваров, сабли, пики, дротики, а мрачные рыцари на закованных в стальную броню огромных конях стоят, как утесы среди разбушевавшихся волн, и все еще стойко выдерживают натиск.

Я заорал громко, стараясь, чтобы меня увидели и услышали:

— Помощь идет!.. Граф Ришар ведет войско!.. Держитесь...

Зайчик, повинуясь команде, проскочил между двумя группами рыцарей и пеших воинов, вставших в большой круг, с наслаждением врезался в плотный строй степных воинов.

Меч в моей руке блистал страшно. Земля тряслась и подпрыгивала, как испуганный конь перед стаей волков, грохот под ногами заглушал крики и звон оружия,

Варвары дрались отчаянно, однако их передовые отряды, где всегда идут лучшие, полегли еще в схватке с людьми Будакера, а когда ударила тяжелая конница Альвара Зольмса, уже никакое мужество не могло спасти их от гибели. Рослые и могучие варвары на карликовых, по сравнению с могучими рыцарскими конями, лошадках безуспешно стучали по щитам и панцирям рыцарей саблями, короткими мечами, палицами, тонкими пиками, что разлетаются в щепки при ударе о щит или доспех, зато каждый удар рыцаря опрокидывал противника нередко вместе с конем.

Рядом со мной Бернард, теперь уже сэра Бернард, двигается на крупном коне сквозь ряды варваров, как тур через кустарник. Его исполинская секира мерно взлетает над головой и тут же обрушивается, как молния, и поднимается в новой крови и с прилипшими к лезвию волосами. С другой стороны Морган Гриммельсдэн быстро и страшно рубит мечом во все стороны, рассекая варваров, как переспелые дыни. Страшный конь под ним тупо прет вперед, злобно зыряка из-под стального налобника и опрокидывает вражеских лошадей, как большой пес щенков.

И все-таки варвары не только держались с мужеством отчаяния, но и постоянно переходили в контратаку, хотя тут же прорвавшиеся вперед отряды растворялись, как сахар в горячей воде. Прибывшие с сэром Альваром рыцари начали заходить с флангов, сражение быстро превращалось в кровавое избиение, копыта скользили по вывалившимся внутренностям, земля размокла, стала красной от крови.

Воодушевленный вовремя подоспевшей помощью, Будакер поднял коня на дыбы и вломился с занесенной над головой секирой в самый центр, где все еще гордо реет знамя с черепом на вершине древка и лисьими хвостами на полотнище. За ним тут же ринулись в пролом его рыцари.

Я крикнул встревоженно:

— Сэр Альвар, срочно за ним!.. Он обезумел!

— Будакер? — перепросил Зольмс изумленно. — Скорее рыбы начнут летать...

Однако поскакал на помощь, на ходу крикнул своей отборной сотне следовать за ним. Их удары стали чудовищными, словно вот сейчас нужно выложиться, а потом и умереть, варвары наконец дрогнули и начали отступать.

Мои лорды усилили натиск, сейчас важно, чтобы отступление перешло в бегство, самая важная часть сражения, когда можно гнаться за убегающими и безнаказанно тысячами убивать в спины.

Лорд Морган заорал первым:

— Бегут!.. Бегут!

И пришпорил коня, стараясь догнать хотя бы несколько человек, а дальше пусть преследуют легкие всадники сэра Норберта, устилая землю трупами.

Варвары бежали до самого города, а это несколько миль, которые покрыты их трупами, а затем, я не поверил глазам, начали втягиваться в широкий пролом в стене и в зияющую дыру на том месте, где когда-то находились главные городские ворота. Наши конники их убивали в спины, особенно усердствовали в этом нужном деле легкие конники сэра Норберта, у них лошади самые быстрые в Гандерсгейме, но едва приблизились к стенам, сверху полетели камни и стрелы.

Изумленный Норберт велел остановиться и отступить, я все видел и прокричал люто:

— Сэр Норберт!.. У вас самые свежие отряды!.. Не медленно ворваться в город!.. Варваров не щадить!..

Он спросил торопливо:

— Но если запросят пощады?

— Никакой пощады! — отрубил я. — Они грубо нарушили сразу два закона. Первый, не должны вводить войска в города, это у них записано по договору с городами уже сто лет, а второе... эти сволочи затруднили нам работу!.. Кому понравится выковыривать их из домов?

Барон Жерар де Брюс выдвинул коня вперед и сказал жестким голосом:

— Моим людям, сэр Ричард. У меня самый бедный отряд, а рыцарей всего трое.

— Ага, — сказал я, — понятно. Поручаю это вам.

Он просиял.

— Благодарю за честь! А с жителями, что нарушили нейтралитет...

— Вы точно видели, — спросил я, — что это они бросали камни?

Он перекрестился.

— Спросите сэра Норберта! Он сам ахнул. Варвары еще не успели вскочить в город, а жители начали стрелять по нас из луков и бросать камни!

— Займитесь, — ответил я. — Их жизни и все их имущество в ваших руках.

Он вспыхнул, как солнце, выскользнувшее из-за темной тучи, исчез, только прогремел стук копыт его рослого коня.

Я посмотрел на отчаянную схватку, что вспыхнула у обоих входов, варвары дерутся отчаянно, последний шанс остановить чужаков, но рыцари тоже понимают, что, если прорваться здесь, весь город в их власти, и сражаются люто, озверело, как могут только осатаневшие во имя святой цели благородные и благочестивые люди с именем Господа и Святой Девы Марии.

— Вперед, — сказал я Зайчику. — Вспомним, что я еще и рыцарь, а не только тот, кто ими руководит.

Копыта загрели, мы вломились в ряды атакующих, раздвинули. В нашу сторону оглядывались, давали дорогу, хотя мои отставшие телохранители отчаянно орали, чтобы сэра Ричарда вперед не пускали.

Варвары, спешившись, встали живой стеной вдоль пролома и, укрывшись за огромными щитами, отчаянно отбивали атаки. На место упавших тут же вставали другие, ошетиленные пиками, мечами, топорами, принимали удар так же стойко, как и погибшие товарищи.

Рыцари давно потеряли копья, все дерутся мечами, я заорал, на меня оглянулись и поспешно дали дорогу. Я закричал еще громче, Зайчик сделал громадный прыжок и по высокой дуге метнулся прямо на головы воинов переднего ряда.

Под нами трещали кости, я рубил и ломился вперед, за мной в пролом ворвались десятки рыцарей, за ними уже непрерывным потоком устремились наши панцирные воины. Сеча вспыхнула с новой силой и разлилась по всей площади, а затем перекинулась в улочки.

Я успел увидеть, как разозленные ратники ринулись по ступенькам на стену, а мы с Зайчиком промчались в центр, там красивый сквер, за ним королевский дворец.

Стражи нерешительно сунулись мне навстречу, я крикнул страшно:

— На колени!..

Они бездумно рухнули на колени, не выпуская оружия. Я направил Зайчика в сад, пронеслись по аллее и тем же галопом ворвались по широким парадным ступенькам во дворец.

В холле пусто, с улицы и площади доносится шум сражения, слуги благоразумно попрятались.

Я соскочил с Зайчика, он посмотрел с немим укором.

— Тут ступеньки крутые, — крикнул я. — Благородным коням здесь делать нечего, это для жалких потомков обезьян!

Он негодуяще фыркнул мне вслед, а я взбежал наверх, в коридоре показался человек, но сразу же метнулся в сторону. Прикидывая, где тут личные покои короля, я взбежал еще на этаж, тут самая пышная обстановка, даже стены в золоте, заглянул в одну комнату, в другую, третья оказалась проходным залом.

Я вошел с мечом в руке и двинулся вдоль стены, прислушиваясь к каждому шороху и стараясь улавливать все запахи.

Из этого зала ведут две двери, тяжелые и роскошные с королевскими гербами. Я приоткрыл одну, уже догадываясь по запахам, что там пусто, а когда подошел к другой, сердце стукнуло с немим предостережением.

Чуть-чуть приоткрыл, не скрипнуло, в щель видно, как в глубине комнаты молодая женщина рывком сбросила с головы высокий головной убор с длинной вуалью до пояса, затем рывком стянула через голову расшитую золотом тунику и так же быстро отшвырнула в сторону.

Перед нею на столе в беспорядке мужская одежда, но я отметил это лишь краем сознания, засмотревшись на ее обнаженное до пояса тело, полные, красиво очерченные груди, молодец, настоящая женщина, сильная и целеустремленная...

Я резко толкнул дверь и вбежал в комнату.

— Не двигаться!

Она вскрикнула в испуге, все-таки застали ее врас-

плох, отскочила к стене и дрожащей рукой сорвала с крюка меч. Глаза ее, широко распахнутые и прекрасные, прикованы к моему лицу, пухлый рот приоткрылся в испуге, даже дыхание учащенное, только вот меч держит нарочито неуклюже, однако ступни ног в той позиции умелого бойца, когда держишь равновесие при любом замахе или обманном движении, сам не проваливаешься и врага готов при его первой же оплошности насадить на острие.

— Кто ты?

Голос ее тонкий и чересчур испуганный, глаза смотрят в ужасе, даже забыла про обнаженную грудь, что так и целится в меня красными кончиками стрел.

— Ричард, — ответил я. — Хозяин Гандерсгейма. А ты, если не ошибаюсь, принцесса Констанция Брегонская?

Она отрезала:

— У Гандерсгейма нет хозяина!

— Уже есть, — отрубил я.

— Мы свободные люди!

— Уже нет, — отрезал я. — Бросай меч.

Она вскрикнула:

— Я не дамся!.. Если ты так храбр, приди и отними!

Но голос дрожит, ресницы беспомощно хлопают, вид затравленный, ага, щас и кинусь в нетерпении отнимать у нее меч, тут-то и насадит на длинное острие, как жука на булавку.

— Бросай, — повторил я мирно.

— Отними! — потребовала она истерическим голосом женщины, совсем потерявшей голову от ужаса. — Или боишься?

Глава 13

Я сделал вид, что бросаюсь безрассудно, как она и ждет, ее меч поднялся вроде бы нерешительно, но я едва избежал выпада, дурак, сам заигрываюсь, удвоил осторожность, второй ее удар просвистел над головой, некоторое время она дралась вроде бы в отчаянии и неумело,

но не давала себя обезоружить, но я дрался всерьез, стараясь выбить меч из ее руки.

Ее лицо побледнело и застыло, руке больно удерживать меч, по которому постоянно бьют, дыхание стало хриплым уже не понарошку, наконец она стала тем, кем и являлась: женщиной, что очень умело обращается с достаточно легким мечом.

Стальные клинки скрещивались с леденящим звуком, наконец я с такой силой ударил почти у самой рукояти, едва не задев ее пальцы, что меч вылетел из ослабевшей ладони, взлетел под свод и на мгновение исчез.

Я протянул меч, почти коснувшись острием обнаженной груди, левую вскинул и вовремя поймал за рукоять ее меч. Глаза красавицы расширились уже в удивлении и не-притворном страхе.

— Ты хороша, — сказал я с объективностью спортивного судьи. — Правда. Но теперь оденься. Я не сопливый паж или оруженосец, меня голые сиськи не обезоружат. Даже если их показывает принцесса Констанция Брегонская.

Она торопливо схватила тунику, быстро влезла, как ящерица в песок. Щеки теперь стали пунцовыми от жгучего стыда, одно дело показаться врагу голой и тут же его убить, а другое — вот так смотреть в глаза того, кто не только видел во всей наготе... почти во всей, но и прекрасно понимает эту женскую хитрость.

— И что теперь?

Голос ее в самом деле прозвучал беспомощно.

— А ничего, — ответил я хладнокровно. — Для тебя ничего нового. Все так же выйдешь замуж, будешь рожать детей. Но у тебя сильный характер, потому из уважения даю тебе шанс самой выбрать мужа среди моих рыцарей.

Она сказала сердито:

— А если не хочу?

— Выбор у тебя невелик, — пояснил я. — Либо выйдешь замуж по вашим законам, когда тебя выдают неизвестно за кого, либо выйдешь по нашим, когда у тебя бу-

дет хотя бы небольшая свобода выбора. Что предпочитаете?

Она посмотрела на меня с ненавистью.

— Я бы хотела побольше свободы выбора!

— Думаешь, — спросил я, — я не хотел бы ее для себя?

В соседнем зале раздался шум, треск, топот. Дверь с шумом распахнулась, в комнату влетели с десятков моих телохранителей, все запыхавшиеся и с обнаженными мечами.

Я сказал первым:

— Зря беспокоились! Я в драки не влезаю. Сразу, как видите, к прекрасной женщине. А с нею тут же о высокой поэзии... а вы о чем подумали, свиньи?

Сэр Морган сказал сварливо:

— А кто грудью прорвал оборону в воротах? На вас всю одежду посекали!.. И панцирь придется менять, такой и не исправишь...

— Это был единичный случай, — заверил я. — Прочешите весь дворец. Если отыщете короля, его семью или ближайших сановников — тащите ко мне.

Он осведомился угрюмо:

— А вас где искать?

Я огляделся по сторонам. Комната уютна, совсем нет приторного запаха женских притираний, воздух свежий, обстановка милая, без сопливой женскости.

— Здесь, — ответил я.

Он кивнул и направился к двери, а Констанция сказала с вызовом:

— А если я не желаю, чтобы вы находились в моих личных покоях?

Сэр Морган остановился у двери и с вопросом в глазах оглянулся на меня.

— Придется это желание засунуть себе, — ответил я. — Поглубже. Чтоб никто не догадался. Вы еще не поняли, что вы отныне здесь не хозяйка, а пленница?

Морган Гриммельсен усмехнулся довольно и пропал за дверью, а за ним быстро выскочили и остальные. Судя

по топоту, двое все-таки остались по ту сторону двери, иначе какие из них телохранители.

— Я пленница? — спросила она гневно.

— Самая что ни есть, — ответил я резко. — Ваш город не только дал приют варварам... понимаю, трудно его не дать, когда ворота отсутствуют, но горожане стреляли по нас со стен и бросали камни!.. Потому ваше королевство упраздняется. Совсем. Эти земли получит кто-то из моих рыцарей. Вам нужно только молиться, чтобы он оказался добр к вам. Где остальные?

Она вскинула на меня взгляд испуганных глаз, видно, как волнуется ее высокая грудь, хотя может быть и некая нарочитость, я теперь уже никому не верю, губы беспомощно приоткрылись, полные, налитые свежим соком...

— Вы... о ком?

— Не прикидывайтесь дурочкой, — посоветовал я. — Уверю вас, красивыми могут быть не только дуры, а прекрасными — полные дуры. Я как-то предпочитаю даже умных, такой у меня выверт. Где твои родители, Констанция?

Она вскинула голову, взгляд надменный, носик задрала вверх.

— Они в безопасности, — ответила кратко. — Отец, мать и два брата.

— А почему попалась ты?

Она ответила мрачно:

— Не ожидала, что захватите город так быстро.

— А отец ожидал?

— Ему нужно было вести слабую жену и сыновей, что пока еще малы... Я бы их догнала.

— Тебе повезло больше, — сказал я. — Их все равно схватят. Даже если сейчас сумеют уйти какими-то подземными дорогами. Могут и вообще убить впопыхах или в неразберихе.

Она прямо посмотрела на меня.

— Мне повезло?

Я кивнул.

— Конечно, по праву победителей тебя должны бы

изнасиловать победители, как это водится... но, учитывая, что тебя захватил я, то и насиловать придется мне.

Она сказала мрачно:

— Что-то мне совсем не кажется, что так уж повезло.

Я пожал плечами.

— Смотря чего ждать. Но вообще-то я могу уступить эту честь другим. Что-то устал для этих насилий. Мне бы пожрать сейчас... Ладно, будь здесь и никуда не выходи. Обрадуем солдат!

Она промолчала, я отвернулся и направился к выходу. Когда уже взялся за дверную ручку, услышал ее голос:

— Сэр Ричард...

Я оглянулся, принцесса стоит на том же месте, бледность лица сменилась жарким румянцем.

— Да?

Она проговорила едва слышно:

— Я бы предпочла, чтобы насильовали меня только вы...

Я поморщился, поколебался, но правитель должен быть чутким к просьбам подданных, и я сказал со вздохом:

— Хорошо, я склонен удовлетворить ваше прошение.

Дверь приоткрылась, телохранитель сказал виновато:

— Граф Ришар ранен, командование принял сэр Альвар Зольмс.

— Он же рубака, — вырвалось у меня, — а не стратег!.. Эх...

— Кони ждут вас прямо в холле, ваша светлость!

Я обернулся к принцессе, она смотрит большими честными глазами и нервно теревит в руках платочек.

— Если кто-то придет, — сказал я ей строго, — и заявит о своих правах, так ему и скажите, кто не успел, тот опоздал... опоздал, в смысле. Дескать, вы — моя добыча.

Она опустила голову, я выбежал, телохранители рысью помчались за мной, как стадо туров в стальной броне. Некоторые съехали по перилам или прыгали вниз, так обогнали меня и первыми вскочили в седла.

Мы выметнулись гремющей и топчущей лавиной. По суете среди наших воинов и некоторой растерянности я

сразу сам определил, куда отнесли Ришара, повернул туда Зайчика.

Дом городского совета, ладно, он чист, в том смысле, что ни одного местного, кроме наших, что спуют по холлу и коридорам с окровавленными тряпками, там же лекари и бледные священники с истовыми лицами и судорожно зажатые в руках крестами. Я заметил даже пару магов, которых священники старательно не признают за магов.

Я ворвался в комнату, как буря, распахивая народ. Ришар с непокрытой головой лежит на ложе на боку, подогнув ноги, потом я понял причину такой странной позы: из спины торчит металлическое оперение стрелы... а зазубренное острие на ладонь высунулось из груди!

Дыхание вырывается с хрипами, кровь течет изо рта тонкой слабеющей струйкой, лицо смертельно бледное от потери крови.

Я упал на колени и торопливо опустил ладони на голову и на грудь. Легкий холодок в пальцах, признак, что граф уже умирает, я сосредоточился, сказал в пространство:

— Стрелу... вытащить!

За моей спиной охнули, кто-то сказал торопливо:

— Наконечник... все порвет унутри...

— Так он тоже умрет, — возразил я. — Делайте!

Молодой священник возразил:

— За кузнецом уже послали. Он срежет острие.

Остальные молчали, но чувствовалось, что на стороне осмелившегося возразить священника.

Я заколебался, но тут послышались возбужденные голоса, в шатер ввалился огромный кузнец, сразу же ринулся к нам с огромными клещами, захватил острыми стальными зубцами шейку стрелы у самой груди.

— Не перекусить, — сказал я с сожалением. — Пить надо.

Он даже не удостоил меня взглядом, кивнул ближайшему знатному рыцарю:

— Держи клещи!

Тот послушно схватил, а кузнец вытащил из сумки

две трубы, надел их на ручки, увеличивая длину рычага, и сказал лорду, как своему подмастерью:

— Все, теперь дави!

Я видел, как напряглись могучие мышцы вельможи, все затаили дыхание. В полной тишине раздался сухой треск, из груди Ришара остался торчать блестящий срез стального прута.

Кузнец вынул из пасти клещей острое стрелы и покачал головой.

— Закаленная сталь... такую не попилишь... И размер... гм... это не на человека готовили...

Священник, не дожидаясь команды, осторожно потащил стальную стрелу за оперение. Все снова задержали дыхание, когда из раны начало появляться залитое кровью орудие убийства, и разом с облегчением вздохнули, едва блеснул свежий срез на месте откусанной клещами головки зазубренной стрелы.

Я прижимал ладони к голове и груди, лицо Ришара чуть порозовело. Второй священник надо мной сказал громко:

— Все, будет жить.

— Этого мало, — ответил я так же тихо. — Мне нужно, чтобы он уже сегодня был на ногах.

— Сегодня не будет, — ответил священник, — но завтра... да. Даже в седло поднимется, обещаем.

Я посмотрел в его бледное изможденное лицо.

— Точно?

— Мы тоже умеем возвращать силы, — ответил он, — верой и молитвой. И уже многим вернули.

— Себя не загубите, — предостерег я. — Главные битвы еще впереди!

В городе резня переместилась с улиц в дома, там слышны крики, как испуганные, так и торжествующие, нам с сэром Норбертом навстречу неся мальчишка лет пяти и лихо размахивал деревянным мечом.

Когда он задел сэра Норберта по коленке, тот придержал его за плечо, развернул и указал на меня.

— Будь любезен с людьми, — произнес он наставительно, — пока не станешь майордомом или хотя бы гроссграфом. А потом уже люди будут любезны с тобой.

Я спросил недовольно:

— Что, слишком задираю нос?.. Сопли видно?

— Нет, — ответил он с его суровой объективностью, — не видно.

Я сказал хмуро:

— Тогда можно. Даже нужно. Это знак величия и благородной породы.

Он отпустил озадаченного ребенка, тот понесся вдоль улицы с воинственным кликом, меч в поднятой руке.

— Циник вы, сэр Норберт, — сказал я с упреком. — А еще говорят, что вы никогда не молитесь!

— Ну, — ответил он после затяжной паузы, — делаю это, скажем, редко.

— Почему?

— Предположение, — сказал он, — будто Господь отвлечется от дел мироздания, чтобы подарить мне для коня расшитую гербами попону красивше, чем у коня соседа, настолько неправдоподобно, что я не принимаю его всерьез.

В городе за ночь наши строительные бригады, уже поднаторев на однообразной работе, быстро заложили брешь в стене и навесили ворота. Мне в качестве гарнизона пришлось оставить с полсотни пеших ратников.

Наутро конная армия снялась, как один человек, и двинулась, пренебрегая извилистыми дорогами, по прямой в глубь Гандерсгейма, ибо победу нужно ковать по горячим следам.

У стен королевства Брегония остался только обоз под охраной стрелков и меченосцев, да с полсотни шатров, в одном из них спит целебным сном старый лев граф Ричард, получивший очередную рану, едва не ставшую последней.

Я свистнул Зайчика, он примчался, привычно волоча конюхов, что вымученно и старательно делают вид, что все под контролем, вот привели, ваша светлость, все в порядке, вот ваш конь...

— Бобик, — позвал я, — ты где, жрун?

Адский Пес примчался, плотный и одновременно поджарый, хотя вообще-то должен бы волочить пузо по земле, настолько нажирается у костров, устанавливая дружбу с рядовыми воинами.

— Вперед, — сказал я. — И вперед! Пока весь Гандергейм не станет нашим.

Мы пошли лихим наметом, постепенно нагоняли и обгоняли растянувшуюся колонну. В одном месте я заметил скачущего на великолепном коне всадника в полных рыцарских доспехах, белый плащ с большим красным крестом красиво стелется за спиной по ветру, на искусно сделанном шлеме трепещет пышный султан, в первой же схватке будет сбит противником и растоптан множеством копыт, но это как букет цветов, его красота не бывает долгой.

За рыцарем еще с десятков воинов, все вооружены прекрасно, герб вообще не сен-маринский, я замахал рукой, крикнул:

— Граф!.. Сэр Генрих! Что-то наши дороги не пересекаются!

Всадник придержал коня и повернул в нашу сторону. Через поднятое забрало я увидел знакомое хмурое лицо Гатера с перебитым носом, шрам на левой брови, но глаза заулыбались, и прокричал, приближаясь, уже веселым голосом:

— Ваша светлость, у нас вы были беспечным гулякой, а здесь у вас работы выше головы! Да и мы все не придем в себя от возможностей...

— Езжайте рядом, граф, — велел я. — Расскажите, как встраиваетесь в жизнь и уклад крестоносцев. Все-таки вестготцы попали в новый для них мир...

Телохранители отодвинулись, граф пустил коня ря-

дом, высокий, поджарый, весь в металле с головы до ног, счастливый, глаза блестят молодым огнем.

— Как будто и родились здесь! — сказал он. — Не поверите, но почти всем нам кажется, что мы как раз и рождены, чтобы влиться в это войско и нести справедливость в дикие, невежественные земли.

Я напомнил:

— Многим из вас придется принять уделы земли с уже существующим населением, их укладом, обычаями, ремеслами. Потому присматривайтесь сразу... Как вам вот это?

В стороне проплывают стены одного из мелких городов, на обочине дороги через равные промежутки висят виселицы. Иногда с повешенными, а в одном месте петель не хватило, и пять трупов свисает с веток крепкого дуба.

— Крупные желуди в этом году, — заметил он.

Я довольно кивнул.

— Радостно смотреть, как быстро проходит ожесточение войны!

Он бросил на повешенных беглый взгляд.

— Может быть, слишком рано?

— Чем раньше, — сказал я мудро, — тем лучше. Повешение — это признак мирной и спокойной жизни. Признаком наступления законности и юриспруденции, доминирования суда. Учитывайте это при своем управлении.

Он подумал, кивнул.

— Да, но... хотя да, я же помню, вы повторяли не раз, при захвате городов нужно успевать вырезать всех несогласных и похожих на них в первый же день, когда прилично... При взятии города это, как вы говорите...

Он запнулся, вспоминая сложное определение, посмотрел на меня за помощью.

— Неизбежные сопутствующие потери, — подсказал я. — Они учтены в калькуляции. А вот на другой день после взятия города уже нельзя убивать только за то, что горожанин не понравился.

— Жаль, — сказал он с огорчением.

— Полностью с вами согласен, — сказал я. — Нужен суд, прения сторон, а потом вот это скучное и нудное повешение.

Он кивнул, лицо просветлело, в глазах появилось понимание.

— Спасибо, сэра Ричард, теперь все ясно. В мирной жизни длинная и тягостная процедура, которая приходит на смену простому удару меча прямо на месте! Я понял, нужно успевать все вопросы решать в первый день.

— По возможности, — сказал я благожелательно. — Все равно потом еще хватит работы судьям и палачу. Но нужно стараться, чтобы ее было как можно меньше. Во-первых, это будет говорить о вашей гуманности, во-вторых, на каждую виселицу требуется много хорошего дерева, уже срубленного, отесанного, нужно оплачивать работу плотников, судьи, палача... А воины в день захвата города работают на чистом энтузиазме.

Он сказал просветленно:

— Век живи, век учись!.. В Вестготии таких вопросов не возникало, там города никто не захватывает, а здесь это в массовом порядке, нужна правильная система, так?

— Верно, — сказал я. — Вы граф, а не простой бесщитовой рыцарь. Вам нужно многое продумывать наперед, чтобы потом не исправлять горы ошибок. В общем, учитесь! Я рассчитываю на вас, как на будущего умелого управленца благородного звания. Благородные меньше воюют.

Он не успел ответить, Зайчик по моей команде ринулся вперед, а следом прогрехотал отряд телохранителей.

Двигаясь в сторонку от колонны, я быстро обгонял, отряд сопровождения вынужденно отстал, я подставлял лицо ветру, слушал бодрящий стук копыт.

Как же я люблю этот мир, в котором никогда не услышу осточертевшее «Встречаемся в полночь на кладбище, а то твоя подружка умрет», ну совсем нет у людей фантазии, там всегда одно и то же со всеми и на всех уровнях,

но здесь нет даже этого, понятие заложников отсутствует, мир жесток, свиреп, но честен.

Хотя, конечно, и здесь дайте человеку шанс — и он сделает все, чтобы погубить себя и посмеяться над собственной глупостью. Потому я, как мудрый правитель, ему этих шансов не дам.

Глава 14

В голове колонны двигаются только легкие всадники, копейщики и лучники. Правда, те и другие вынуждены спешиваться, чтобы осыпать врага стрелами или выстраивать плотную защиту из копий, но все равно кому-то пришла хорошая идея посадить на коней. Нужно найти инициатора, поощрить, наградить и возвысить, что важнее награды.

Один отряд, где священник особо ревностно относится к своим обязанностям, спешился на обочине дороги и, преклонив колени, творит общую молитву. Я, активный сторонник усиления церкви, но, когда вижу ее усиление, что-то бунтует, явно отрывка прошлых времен.

Остановив Зайчика, я дождался завершения, перекрестился и, сказав громко «Аминь», поинтересовался:

— Дождя просите?

Священник ответил почтительно:

— Победы в бою, ваша светлость.

Я сказал строго:

— Нельзя просить у Господа победы в кавалерийском сражении тому, кто не умеет ездить верхом!

Он ответил с недоумением:

— Да все умеют...

— Самое важное, — сказал я, — уметь отличать важное от срочного. Сперва упражнения в стрельбе, потом — молитва. Господь предпочитает именно такой порядок!

Я видел скрытую улыбку на губах одного ветерана, понимает мой намек, я подмигнул ему, дескать, мы оба одного поля ягоды, и послал Зайчика в галоп, обратив

еще одного в моего горячего сторонника среди простого народа с оружием.

Мысли мои, как обычно, далеко обогнали меня и ту повседневность, в которой живу, сперва думал о системе договоров, которые скрепили бы королевства, потом решил, что любые мирные договоры бессмысленны, они не прекращают, а лишь откладывают войны. Наверное, единственный правильный выход, который интуитивно находили великие правители — превращать группы враждующих королевств в одну большую империю. И в самом деле, на время существования тех империй, в них прекращались всякие войны.

Нужно только продумать механизм, чтобы удержать такие империи от распада, как случилось, увы, абсолютно со всеми. Впрочем, это навязанное мнение. Так считает глупое большинство, как вот я, которому сумели внушить эту мысль, вообще-то в корне неверную.

На самом деле те империи, которые сумели сплотить в своих границах разные народы, просто стали именоваться иначе. К примеру, Германия захватывала обширные славянские земли и огерманивала населяющие их народы настолько успешно, что земля славянского племени пруссов стали ядром германской нации. И вообще Германия образовалась из четырехсот королевств, где народы говорили на столь разных диалектах германского языка, что восточные уже не понимали западных, а южные северных — разве не империя? Франция из множества таких разных народов, что гасконцы и бургундцы, к примеру, говорили на более разных языках, чем скандинавы и эфиопы, образовала могучее и в будущем вполне монолитное государство. Как и Германия, Италия, Россия, Испания.

И если Россия чуть-чуть не распалась, то остальная Европа только объединяется. У меня же есть шанс сделать все это намного раньше...

Во главе передового отряда, далеко оторвавшегося от колонны, сам Норберт Дарабос, хищный, как полевой орел, жилистый и подтянутый, ни капли жира, весь из су-

хих мускулов, даже лицо костистое, настороженное, глаза сразу стали сердитыми.

— Ваша светлость!

— Сэр Норберт? — ответил я вежливо.

— А где отряд сопровождения?

— С ним все в порядке, — заверил я. — Они в безопасности.

В его глазах свернул гнев, но на сюзерена не покричишь, сказал с нажимом:

— Это вас они должны держать в безопасности!

— Они держат, — заверил я. — А чего это с вами сэр Альвар, разве его конница не на две мили позади?

Альвар Зольмс чуть выдвинулся вперед, лицо смущенное, пробормотал в неловкости:

— Сэр Ричард, я здесь в безопасности с сэром Норбертом. Заодно присматриваю заранее позиции, буде придется развертывать войска. Или места для отдыха...

— Это дело разведчиков, — заметил я, — но вообще-то хорошо, что так ревностно заботитесь о своей коннице. У вас два полка?

— Три, — ответил он. — Было много желающих из местных... я не стал отказывать, ваша светлость. Сперва только доукомплектовывал, оставив раненых и заболевших, а потом разделил на три полка.

— То есть, — уточнил я, — не стали создавать новый полк?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Простите, ваша светлость, но я решил... что лучше пусть народ перемешивается. Ведь рыцарское братство не знает границ?

Я ответил таким же прямым взглядом.

— Мудрое решение, сэр Альвар!

Ни я не сказал, ни он, что отдельно сформированный полк может и взбунтоваться при случае, внезапно перейти на сторону, скажем, Кейдана. Я уверен, что все важнейшие посты этот молодой еще военачальник поручает только проверенным людям.

Сэр Норберт вскрикнул предостерегающе:

— Варвары!

Далеко впереди из клуба пыли вынырнули и понеслись в нашу сторону пятеро конных. Впереди мчится, чуть пригнувшись к конской шее, крупный воин в чешуйчатой кольчуге, большая редкость для варваров, у них особый шик сражаться обнаженными до пояса, длинный меч в ножнах болтается справа у седла, что значит левша, учтем, хотя это может быть и отвлекающим приемом.

Я приготовил меч, всмотрелся: у всадника за плечами трепещет плащ голубого цвета, на голове покатый шлем...

Я крикнул:

— Всем оставаться на местах! Это Растенгерк!

Зайчик пошел навстречу бодрой рысью, Растенгерк поднял голову и улыбается во весь рот, хотя в глазах дикое изумление. Конь под ним настоящий огонь, даже грива, как рыжие языки костра, из ноздрей пламя, уши торчком, как у волка.

Я рассматривал их обоих с интересом, Растенгерк приложил руку к груди.

— Мой лорд... — произнес он прочувственно, — счастлив вас видеть снова... уже как властелина Гандерсгейма, кем вы, без сомнения, скоро будете! Я как услышал о вашем вторжении, сразу же собрал дружину и поспешил навстречу.

Я кивнул, хотя, на мой взгляд, не так уж Растенгерк и спешил, однако надо учитывать, что он не просто вождь ассиров, но теперь и муж Мириам Сероглазой, принцессы королевства Меркель, а это значит, быстро учится хитрить и лавировать, как все горожане.

— Великолепно, — сказал я с удовольствием. — Рад тебя видеть, дорогой друг!.. Я помню, что ассиры — это не племя, а объединение племен, и войско они способны выставить большое.

Он ответил с некоторой запинкой:

— Да, мой лорд... Я уже разослал приказ явиться всем

взрослым воинам с оружием и двумя конями. Мы готовы выступить вместе с твоим войском.

— Великолепно, — повторил я. — Так и сделаем. Кстати, я уже распорядился, что королевство Меркель обладает полным иммунитетом и наши войска в него даже не войдут.

Он воскликнул:

— О, Мириам будет счастлива... Простите, мой лорд!

— Ничего, — ответил я. — Каждый думает прежде всего о своем огороде. Лорд Альвар!.. Идите сюда. Покажите моему другу, вождю ассиров Растенгерку, где встанут его отряды в битве и где будут идти в походе. А ты, Растергерк, можешь расспросить молодого лорда о северных королевствах по ту сторону Великого Хребта, а то все тут такие дикие, что не верят, будто на той стороне есть что-то кроме мировой пустоты...

Альвар кивнул, ухитрившись в простой жест вложить и дружеское расположение, и напоминание о дистанции между лордом и простым воином, будь он хоть трижды вождь или король в этих землях, что уже не страна, а именно земли.

Растенгерк вскинул руку в приветствии.

— Я видел тебя, — сказал он Альвару. — Ты сам ведешь конницу в атаку, мы таких уважаем.

— Я умею не только это, — ответил сэра Альвар с достоинством, но я видел, что он все же польщен. — Пойдем, не будем отвлекать сэра Ричарда.

По Растенгерку заметно, что очень хотелось бы остаться и пообщаться со мной, но я нарочито вперил взгляд вдаль и пустил коня вперед. Одно дело куролесить в облике дракона, время от времени превращаясь в человека, другое — быть при всех регалиях, как вот сейчас, а это предписывает сохранять дистанцию.

Велев телохранителям дать отдых коням, я развернул Зайчика и понесся к старому лагерю уже напрямик. Все здешние дороги раздражают бессмысленными виляниями

из стороны в сторону, но мало кто из местных замечает эти добавленные многие лишние мили.

Обоз и шатры все еще на месте, хотя полевые кузницы уже сворачивают работу, а наковальни, мехи и молоты грузят на телеги. Священники большей частью в лагере возле раненых, но часть уже выступила вдогонку за войском: кто в телегах, кто верхом на мулах, так как особы духовного звания не должны садиться на коней, как и брать в руки рубящее или колющее оружие.

Я крикнул с седла одному из монахов:

— Отца Филибера из Нуармутье ко мне!

Монах поморщился, но поклонился, ответил с достоинством:

— Передам ваше пожелание, ваша светлость.

Моих телохранителей здесь нет, однако ближайшие воины моментально приняли на себя их роль, даже полож передо мной успели отодвинуть, словно сам не сумею.

В ожидании отца Филибера я признался с досадой, что на самом деле о Гандерсгейме самого важного не знаю, разве что хорошо уяснил расположение городов, рек, озер, гор и мостов. Но треть Гандерсгейма уже захвачена, а я не готов приступить к основной фазе, где главное слово должны сказать монахи...

Дураки уверены, что монахи сидели в монастырях и молились. И усе. А если я хочу прибегнуть к их помощи, то, понятно, чтобы проповедовали или крестили, в общем, несли слово Христа в массы.

Да, конечно, но я — правитель, и для меня намного важнее, что, к примеру, больше всего угля добывают монахи, как в Сен-Мари, так и во всех королевствах, где ступала моя нога или копыто моего коня. К примеру, аббатство Калрес владеет сто семьюдесятью судами для экспорта угля, они же добывают торф, мрамор, свинец, сланцы, гипс, квасцы, серебро, золото и железо, в то время как простой народ копается на огородах и больше ничего знать не желает.

В Бредской долине и в других местах монахи приду-

мали подземные штольни с деревянной крепью, революционное изобретение, и успешно добывают железо, В Сентонже, в Честере, Бартоне, Биркенхеде, а также во многих других местах именно они разрабатывают соляные копи. В Штейермарке аббатства объединились друг с другом для использования соляных копей Магдебурга, Марлоу и Люнгенга.

В Без созданы настоящие промышленные центры: дубильное, кожевенное и суконное производства, маслобойни, мельницы, черепичные заводы. Милые моему сердцу цистерианцы буквально монополизировали производство стекла, витражей, эмалей, очень успешно занимаются ювелирным делом, топят воск. Они же изготавливают кирпичи больших размеров с несколькими отверстиями для облегчения обжига и последующего использования, что в народе известны как «кирпичи св. Бернара».

Отец Филибер, протеже отца Дитриха, явился быстро, даже запыхался, с порога смиренно поклонился и тут же спросил деловито:

— Ваша милость?

Я запнулся с ответом, рассматривая его умное волевое лицо, высокий лоб и широко расставленные глаза мыслителя. Отец Дитрих характеризовал этого аббата как очень знающего, преданного делу церкви, умеющего принимать быстрые и верные решения, пусть даже непопулярные среди монахов или светских людей.

— Отец Филибер, — сказал я, — признаюсь, как на духу, в дурости и поспешности. Будучи отягощен неверным воспитанием, я постоянно забываю о великой роли монастырей... хотя вообще-то знаю, знаю. Сейчас со стыдом и раскаянием сообщаю, что не успел даже наметить места, которые больше всего подошли бы для постройки монастырей.

Он произнес осторожно:

— Вы делаете важное и нужное дело, повергая эти земли с позабывшим Господа народами под копыта христианского воинства...

Я прервал:

— Вы знаете, я пообещал раздать земли Гандерсгейма наиболее отличившимся лордам и воинам.

— Да, все об этом только и говорят...

— Отец Филибер, — сказал я, — вот вам карта. Очень подробная. Но, к стыду своему, я не могу сказать, где залежи золота, серебра или хотя бы меди, где железная руда...

Он покачал головой.

— Никто этого не может сказать, сын мой, вот так глядя на карту.

— Вообще-то можно бы, — сказал я с тоской, — если бы я был не такой дурак. Если бы не по бабам бы, а больше читал умные книги... Даже по растущей траве можно знать, что под нею: золото, серебро, железо или нефть!.. Мне даже как-то говорили, что над залежами нефти всегда растет... гм... что же над нею растет?.. Дурак, даже не услышал, а то бы вспомнил! Вот такой я, отец Филибер!

Он смотрел с глубоким уважением.

— Сын мой, твои знания превосходят все, что я знаю... Можно мне взглянуть на карту?

— Да-да, святой отец. Она в полном вашем распоряжении. Можете взять с собой. Думайте, советуйтесь с другими. Я хочу, чтобы первыми земли получили монастыри. В нужных для вас местах. Промышленную революцию жду от них, как всегда бывало...

— Когда нужен ответ? — спросил он с поклоном.

Я отмахнулся.

— Главное, чтоб до того, как начну раздавать Гандерсгейм. Я не хочу, чтобы вам достались остатки. Вы — моя надежда! Вы и должны получить лучшее. Я бы с удовольствием отдал вам весь Гандерсгейм, но только где наберете столько монахов?

Он аккуратно свернул карту, поклонился с достоинством, мы как бы из одного незримого монастыря, и отбыл.

Я хмуро посмотрел вслед. Если отец Филибер и подумал, что верховный лорд изволит шутить, он ошибается. Одних монастырей в самом деле было бы достаточно для

развития экономики Гандерстейма. И даже для его защиты, если не забывать о воинствующих монашеских орденах, какими были, например, братства госпитальеров, премонстранцев, крестоносцев, в том числе особо яростных крестоносцев Красной Звезды, и множество других военных орденов рыцарей-монахов.

Сами же монастыри в моем срединном, как муравейные кучи, усеивали всю землю, а монахи всех видов и уставов неустанно трудились, облагораживая мир. К примеру, все виноградники принадлежали монастырям, потому что ни у кого больше недостает терпения так тщательно ухаживать за капризной виноградной лозой.

Именно церковь возродила это дело, исчезнувшее после нашествия варваров и падения Рима, именно в монастырях провели новую селекцию и превратили виноделие в изысканное искусство.

Любезные моему сердцу цистерцианцы создали вина вужо, тар, бонмар, шабли, клонийцы — бон- и вон-романе, каноники кафедрального собора в Отёне — алокс, поммар, вольнэ, мерсо и шассань; строгие бенедиктинцы конгрегации Сен-Ван — шампанское. Именно там монах Дон Периньон, проводивший основные работы по его купировке, поплатился глазом, когда одна из бутылок мощно выстрелила пробкой, но его труд еще как не пропал втуне...

Другие монахи создали ша-то-шалон Юрских гор, вина Божоле и Анжу, Они и Сентонжа, пессак из Борделе, гальяк, сен-пурсен, шатонёф-дю-пап...

Да, конечно, вина нужны церкви для совершения литургии, а как же, причащают ведь обязательно вином. Но до чего же много замечательных вин создали, только литургией не отмажешься!

Да и вообще... если вино для литургии, то зачем святой Патрик изобрел виски, почему все ликеры, водку, кальвадос, граппу, джин, шнапс, голдвассер и прочее-прочее — создали монахи? Почему самый крепкий из ликеров «Шартрез» создали монахи монастыря Шартрез?

Полог откинулся, появилась голова солдата.

— Ваша светлость, — доложил он. — К вам граф Ришар...

— Проси, — велел я.

Он исчез. А я успел додумать, что именно из церкви и монастырей пришли в употребление придуманные там слова, из которых я не всем доверяю: «выборы», «компромисс», «голос», «баллотировка», «обнародование», «сверка», «считка», «донос», «галерея», «прострация» и даже «толерантность» в значении «терпимость»...

Полог снова откинулся, вошел Ришар, бледный и осунувшийся, улыбнулся с некоторой неловкостью.

— Задал я вам хлопот?

Я поспешно указал на кресло.

— Садитесь, граф! Думаю, вы сильны духом, так как лечила церковь, но слабоваты телом...

Он медленно и с осторожностью сел, движения пока неторопливые, рана заживает, но сросшиеся мышцы все еще тянут, сковывают.

— Да и тело, тьфу-тьфу, уже в порядке...

— Как получилось? — спросил я недовольно. — Вы же полководец, стратег! Кто все время долбил мне в темя, аки черный ворон, что военачальник должен гордо и красиво смотреть издали с высокого холма? А самому ни-ни?

Он покачал головой.

— Я и не лез. Наши вломились в город, бои пошли по улицам, только тогда я и въехал через пролом. Там уже никого не было, кроме трупов. И когда уже совсем миновал стену, кто-то шарахнул в спину!.. От такого, сэръ Ришард, уберечься трудно.

— Горожане, — сказал я люто. — Варвары до такой подлости не додумаются.

— Горожане, — согласился он. — Арбалет чересчур мощный, такие изготовить сложно и трудно даже в городе. Наши знатоки говорят, эти стрелы не для человека.

— Найдем арбалет, — пообещал я, — и арбалетчика!

— Арбалет нашли сразу, — сообщил он, — его там и бросили, откуда стреляли. А вот с арбалетчиком будет не-

просто. Возможно, он прикрывался незримостью. А нужные амулеты есть не у всех даже рыцарей. Да и кто в пылу боя всматривается?

— Это так, — согласился я со вздохом. — Ничего, придет время, выкорчем все колдовство и магию!

— Ох, сэс Ричард...

— А что? — сказал я зло. — Все мерзости от нее, проклятой. Но, кажется, у меня сейчас проклевывается идея...

Он сказал встревоженно:

— Сэс Ричард! Подумайте о чем-то другом!

— О чем?

— О женщинах, к примеру...

Я удивился:

— С чего вдруг?

Он пожал плечами.

— Ну, не знаю... Я давно не юноша, но то и дело о них думаю. Знаете ли, даже старый конь молодую траву ищет!

Я кивнул.

— Да, понимаю. Но я хватил всей пастью слишком горькой травы, все нутро обжег. Пока что займусь какой-нибудь ерундой попроще.

— Делами государства?

Я подумал, покачал головой.

— Это потом. В Гандерсгейме осталась еще гильдия Великих Магов. Или сообщество. Хочу переговорить сразу со всеми. Это мои земли или маговы?

Глава 15

Отправив всех охраняющих шатер по разным придуманным делам, я скользнул в незримника и торопливо двинулся на цыпочках прочь из лагеря. Никто не заметил, то ли я так уж хорош в маскировке, то ли все с нужными амулетами уже в новом лагере, где устанавливают шатер и для меня.

Невзрачный птеродактиль выметнулся из оврага, ментально взвинтился по вертикали, чтоб никто не подстрелил, если вдруг окажется близко. Можно бы попытаться в крупного орла, надо же разнообразить, но орлов иногда стреляют ради перьев, а птеродактиль кому нужен, просто большая худая ящерица с растопыренными крыльями...

Воздух свистит в ушах и сминается послушно под ударами могучих крыльев с усиленными маховыми жилами. Ветер бьет в морду, но мои глаза прикрыты прозрачной пленкой, всматриваюсь, прицеливаюсь, и, когда появилась знакомая гора, я пошел прямо, не заморачиваясь кругами.

Небольшой выступ перед входом в пещеру, мои когтистые лапы едва скрипнули когтями по камню, как загромождающая вход каменная плита с грохотом поползла в сторону.

Сердце мое радостно трепыхнулось, в прошлый раз плита просто исчезала, на что, понятно, уходит энергии в тысячи раз больше.

Я сразу же пошел вперед, хотя и страшновато, Сьюманс знал о моем прибытии и сразу же открыл вход...

— Великий Сьюманс! — крикнул я. — Я так люблю припадать к вашему источнику мудрости, что где пообедать, туда и ужинать просто бегу!

Простой ход в камне вывел в зал впятеро меньших размеров, теперь выглядит захламленным, заставленным мебелью, стеллажи налезают друг на друга, ко многим просто не подойти в тесноте.

Сьюманс вышел из темноты, пугающе безбровый и лысый настолько, что похож на очищенное круто сваренное яйцо. Бледное лицо выглядит измученным, в глазах тревога и что-то близкое к отчаянию.

— Здравствуйте, — заговорил я донельзя почтительно. — Великий Сьюманс, я преклоняюсь перед вашей великой и беспримерной мудростью... но сейчас у меня к вам чисто деловая просьба.

Он нехотя кивнул.

— Что вы хотите?

Я сказал радостно:

— Пришло время нам всем собраться и поговорить!

Мы же мыслящие люди, должны общаться чаще!

Он поморщился.

— Вы так думаете?.. Далеко не все хотят встречаться лично.

— А если необходимость? — возразил я. — Наступило новое время. Новые реалии. Новые требования... зато и новые возможности!

Он еще не морщился, а скривился, словно переживал приступ зубной боли.

— Какие новые возможности? Тысячи лет одно и то же... Или вы связываете их со своим появлением?

Я расправил плечи и сказал как можно веселее:

— Совершенно верно. Я принес эти самые новые возможности. И потому прошу вас, глубокоуважаемый Великий маг Сьюманс, помочь мне принести вашим соперникам-соратникам Гвандерстейма щасте, процветание в работе и личной, как говорится, жизни!

Он буркнул:

— А поконкретнее?

— Я могу решить некоторые из ваших задач, — пообещал я. — Еще не знаю какие, но... чутье у меня, чутье. В то же время обещаю, что смогу подбросить вашим магам некоторые разгадки, которым они будут рады! А прошу вас лишь помочь собрать их всех вместе. Где-нибудь. Лучше вот у вас! Во-первых, я вам доверяю, вы такой умный, мудрый, возвышенный, одухотворенный, величественный, глубокомыслящий... во-вторых, мне все здесь знакомо, ловушек могу не опасаться, если уж шутить так шутить, а в чужих местах я по своей застенчивости и стеснительности могу вообще рот не открыть от присущей мне робости...

Сьюманс слушал доводы, хмурился, вздыхал, наконец проговорил с некоторым усилием:

— Сэр Ричард, я уже признал вашу власть над Гандергеймом. Но другие маги вас не знают...

— Так познакомимся!

— А если не захотят? — спросил он. — Это я вижу и потрясен вашим стремительным и опасным прогрессом, вашей безумной скоростью, от которой, вижу, вам самому не по себе... и которая завершится так страшно...

Он умолк, спохватившись, но я уже насторожился, быстро спросил:

— Что меня ждет? Что вы увидели?

Он закрыл глаза, с минуту то ли отдыхал, то ли придумывал, что и как сказать мне, тупому, но сильному.

— Ничего конкретного, — ответил он наконец. — Меня только краешком коснулось ощущение исполинского краха... И даже мелькнуло странное видение из ваших мифов насчет... какого-то сверхчеловека, что явится и увлечет за собой народы ложным учением, но будет отвержен в результате страшной битвы всех народов...

Я вздрогнул, смертельный холод пронизал меня от макушки до пят. Губы застыли, как на лютом морозе, я прошептал с трудом:

— Пришествие Антихриста...

Сьюманс помолчал, а когда заговорил, голос звучал устало и совсем разбито:

— Что вы хотите сказать Великим Магам?

— Предложить сотрудничество, — ответил я, все еще во власти тягостных дум о своем неминуемом поражении. — Они великие умы, я признаю. Сокрушить меня у них теперь не получится, а обмен ударами просто глуп для умных и взрослых людей.

Он лежал с закрытыми глазами, голос прозвучал совсем тихо:

— Сокрушить вас не получится... а совсем недавно вы даже тени их боялись, сэр Ричард. Вы набираете мощь быстро, очень быстро. Даже слишком!.. Я всегда относился к вам с симпатией, но сейчас, скажу честно, я даже рад вашему будущему и неминуемому падению... Вы — опасны.

Я помолчал, во мне и так дерутся страх и упрямство, наконец я заставил себя проговорить холодно и отстраненно:

— Давайте вернемся к встрече.

Он шепнул:

— Я знаю магов.

— Что они скажут?

— Откажутся, — ответил он. — С пренебрежением.

Но когда я начну настаивать и рассказывать о вашей неимоверно возросшей за последнее время силе... они заинтересуются.

— Тогда...

Он покачал головой.

— Нет. Не настолько, чтобы лететь сюда. Но я могу их уговорить прийти в башню Селенга или Фобоса. Они самые любопытные и достаточно гостеприимные.

Я поморщился, но сказал с усилием:

— Хорошо. Если там не будет каких-то ловушек, капканов и прочей ерунды...

Он укоризненно покачал головой.

— Сэр Ричард, это Великие Маги!

— Хорошо-хорошо, — сказал я. — Если не унизятся до ловушек, то и я приду с чистым сердцем и чистыми дланями. Длани — это то же самое, что у простых людей руки. Когда вы сможете их собрать?

— Уговорить, — поправил он.

— Уговорить, — согласился я. — Кнутом, пряником, хитростью, лестью, обманом... это все неважно. Главное, чтобы собрались.

Запахи большого скопления людей ощутил даже раньше, чем с высоты увидел лагерь, у птиц не только зрение получше, но и обоняние, во всяком случае, у птеродактилей.

Я долго кружил в высоте, все старался свистнуть, наконец издал некий сиплый звук, как насквозь ржавая труба, потом еще и еще, все ближе и ближе к моему свисту,

наконец увидел далеко внизу, до предела обостряя зрение, как заинтересованно вскинул голову черный пес и начал нечто высматривать в небе.

Чуть позже от коновязи рванулся черный конь, отбрыкнулся от попытавшихся схватить за повод. Я торопливо начал снижаться, выбрав ложину слева от лагеря, ничем не примечательную, да еще и отгороженную невысокой каменной грядой.

Когда я снизился, они оба уже были там, угадав место приземления. Зайчик прынул ушами, но даже не вздрогнул, когда рядом приземлился крупный птеродактиль. Бобик, напротив, напрыгнул и, больно прижав крыло лапами к земле, настойчиво уговаривал поиграть, побегать, поскакать.

Я перетек в личину человека, вроде бы получается еще быстрее, чем раньше, хотя минута беспамятства все еще есть, а может, уже секунда.

— Заждались, морды? Или без меня в карты играли?

Зайчик подставил бок, а Бобик тут же ринулся вперед, уже угадывая, что вернемся к войску. Арбогастр набрал скорость, стараясь нагнать, ветер заревел в ушах, начал драть за волосы, но сразу же все закончилось, мы оказались на окраине лагеря.

Стража бросилась навстречу, готовая выполнить любое приказание, я помахал рукой и сказал победно:

— Гандерсгейм наш!.. Разведка докладывает, что еще земли четырех племен можно занять без особого сопротивления со стороны местных жителей.

На это ответили обрадованным «ура», нас окружили толпой и бежали так, счастливые, ибо воевать хорошо, но грабить завоеванное еще лучше. И как-то приятнее даже, слава тебе, Господи, что мы на стороне кто, а не кого.

У шатра я оставил Зайчика, Бобик напоследок лизнул мне руку и, виляя хвостом, попросил разрешения сбегать к кухне и проверить, не пережарилось ли там мясо.

— Беги, — разрешил я. — Что без твоего надзора бы делали!

Он унесся счастливый, Зайчика увели, оруженосцы предупредительно держат передо мной полог шатра распахнутым. Я вошел, чувствуя себя смертельно усталым, разговор со Сьюмансом вымотает кого угодно. Сколько бы у него ни оставалось магии, но меня стереть с лица земли все-таки можно, если бы догадались, как это сделать.

Оруженосец, все еще держа полог приоткрытым, спросил со всей почтительностью:

— Велеть подать вина?

Я отмахнулся.

— Вино всегда мстит.

— Ваша светлость...

Я оглянулся на растерянное и сконфуженное лицо.

— Запомни, когда я один — вина никогда не подавать. Один не пью! Да и в компании не пил бы, если бы можно было. Будем считать это ритуалом, что не скоро исчезнет... Пригласи графа Ришара с картой. Еще велю отыскать сэра Альвара Зольмса и Арчибальда Вьеннуанского и, если еще не отбыл, графа Генриха Гатера.

Он сказал торопливо:

— Тогда что-то подать к трапезе?

Я отмахнулся.

— Не нужно.

По ту сторону тонкой стенки шатра слышалось сдержанное шевеление, это телохранители занимают позиции, слышится приглушенный звон доспехов.

Я прошел к столу, плюхнулся в легкое кресло. До прихода моих военачальников нужно хотя бы начерно прикинуть, что и как скажу Великому Магам, чтобы если не перевербовать, что было бы здорово, то хотя бы нейтрализовать...

За шелковой стеной послышались голоса, мне показалось, что оруженосец чем-то смущен и пытается чему-то воспрепятствовать, но женский голос звучит уверенно и властно.

Полог откинулся, в шатер вошла принцесса Констанция Брегонская. На ее легких сапожках из тонкой кожи

желтая дорожная пыль, платье компактно, а пышные волосы туго стянуты желтой, как солнце, лентой в невысокую башню.

Я в изумлении поднялся, а она бестрепетно встретила мой взгляд. На аристократически бледных щеках проступил слабый румянец, слегка выдвинутый вперед подбородок гордо приподнят.

— Принцесса, — произнес я вопросительно и учтиво поклонился.

Наши взгляды сомкнулись, она сказала ровным голосом:

— Я держу слово, сэра Ричард.

Я потер ладонью лоб.

— Да-да, прекрасно. Это хорошо, когда держат слово... напомните-ка, а то меня сегодня слишком сильно ударили по голове, вы же знаете нашу веселую мужскую жизнь? Все вылетело...

Ее щеки слегка порозовели, она опустила голову и произнесла едва слышно:

— О вашем праве...

— Какое? — спросил я и тут же, сообразив, воскликнул с энтузиазмом: — Ах да, ну да, а как же!.. С этой проклятой войной какие только важные дела не упускаешь из виду!

Она прошелестела:

— Я так и поняла. Потому явилась сама, чтобы не было подозрения, что нарушаю слово... Мы, династия Керлингов, всегда были примером чести и соблюдения слова. И я готова к осуществлению вашего права победителя, сэра Ричард.

Я снова потер ладонью лоб.

— Э-э... давайте сперва перекусим, только что явился, весь из себя голодный, как волк.

Она осторожно и в недоумении опустилась в кресло. Я быстро создал сочную буженину, несколько кусочков карбоната, сыр в тончайших ломтиках, взглядом указал принцессе и сам жадно принялся за трапезу.

Желудок обрадованно подпрыгивал за каждым куском и ловил его на лету. Я слышал, как жадно жрет, и догадывался, с какой надеждой посматривает на темное жерло глотки.

— Очень... вкусно, — проговорила она в сомнении, — а это что?

— Мороженое, — сообщил я. — А я, с вашего позволения, сделаю себе кофе. Он черный и противный.

Она осторожно и деликатно ела сыр, но еще больше в недоумении рассматривала его абсолютно ровные тонкие ломтики, морщила лобик, поглядывал поверх его на меня. Я быстро насыщался, чувствовал, как силы возвращаются в мое потрепанное тело.

Опорожнил так же жадно вторую чашку кофе, краем уха услышал за шатром знакомые торопливые шаги. Полог шатра откинулся, осторожно, вполглаза, сунулся оруженосец.

— Ваша светлость...

— Да?

Он посмотрел на принцессу и промямлил в нерешительности:

— Там пришли граф Ришар, сэр Арчибальд, сэр Альвар Зольмс, граф Генрих Гатер... Гнать?

Я сказал с угрозой:

— Я вам погоню за такие шуточки!.. Зовите со всем уважением!

Граф Ришар вошел первым, его брови взлетели при виде принцессы, но тут же светски поклонился ей и с вопросом в глазах посмотрел на меня.

— Садитесь, граф, — сказал я. — Присаживайтесь, сэр Арчибальд, и вы, сэр Альвар. Ну, а граф Генрих, думаю, себе место отыщете сам... Нам нужно прикинуть, как нам пройти обширную долину Белых Камней, учитывая, что там неожиданно объединились два могучих племени стирров и ягеналлов, а королевства Кордела и Мюнцерланд обратились за помощью к варварам!

Граф Ришар сел напротив меня и рядом с принцессой, я взял из его рук карту и расстелил на столе, в не-

брежной манере феодала и вообще мужчины смахнув посуду на пол.

— Их реакцию следовало ожидать, — проговорил сэришар задумчиво. — Я вообще-то опасался, что таких городов будет больше... Сэр Ричард, мы не очень мешаем леди?...

— Леди Констанция Брегонская, — подсказал я. — Она принцесса королевства Брегония, ведет род от Керлингов... Ну, тех самых, знаете... да. Очень храбрая и весьма преисполнена чувства долга, что привычно для нас, но как-то не совсем обычно для жителей городов Гандерсгейма. Она здесь во имя его исполнения, почитая святой обязанностью... Однако, принцесса, как видите, мы сейчас страну спасаем, а исполнение вашего долга придется отложить на потом.

Она красиво и церемонно поднялась, чуть наклонила голову.

— Как скажете, мой лорд.

Телохранитель распахнул перед нею полог, она удалилась, граф Ришар поинтересовался отстраненно:

— Долг? У нее какой-то долг?

Я отмахнулся.

— Да так, пустячок. Местные предрассудки.

Сэр Арчибальд блудливо бросил взгляд на сэра Альвара.

— А вот сэр Альвар говорил что-то насчет ее долга, но всегда так уснащает свои речи непристойными красотами, прямо поэт какой, что я заслушался и не все понял...

Я в нетерпении сказал:

— Все внимание на карту!

Они торопливо сдвинулись к столу, звякая железом и толкаясь, как бронированные носороги.

Сэр Альвар заговорил первым:

— Не выходит из головы этот воинственный вождь объединения племен ассирийцев... как его...

— Растенгерк, — подсказал я нетерпеливо.

— Да-да, простите, Растенгерк. У него достаточно

большое войско, пришла пора проверить его преданность или хотя бы лояльность.

Граф Ришар сразу ухватил мысль, начал развивать, наворачивать варианты:

— Пустить его впереди?.. Это на время озадачит противника, а нам позволит нанести упреждающий удар с фланга, рассечь воинские порядки и зайти с тыла... Это, в свою очередь, позволит бегом продвинуться вперед стрелкам, под защитой копыеносцев они смогут нанести большой урон...

Я слушал, в большинстве соглашался, все верно, граф все подмечает точно, да любой лучше меня знает, сколько миль в состоянии пройти в сутки легкий всадник и сколько тяжелый, чтобы оставались силы для схватки...

Граф Ришар бросил на меня испытующий взгляд.

— Как вам это, сэр Ричард?

— Полагаю, — ответил я, — долина Белых Камней завтра будет захвачена, а сгруппировавшиеся королевства Кордела и Мюнцерланд подвергнутся справедливому и гуманному разграблению!

Они все заулыбались, начали выпрямляться, гордые и уже уверившиеся в близкой победе, что на самом деле не так уж и однозначна, а граф Ришар взял карту и начал скатывать в трубочку.

— Полагаю, — сказал он, — мелочи решим на марше. Завтра мы должны нагнать головную колонну и принять командование.

Они покидали шатер, когда я сказал:

— А вы, граф, задержитесь.

Он остановился, сразу насторожившийся.

— Что-то случилось?

— Да, — ответил я. — Простой раз вас ранили, забыли?.. Я не хочу, чтобы вас даже поцарапали!.. Вы сейчас такую телегу тянете в одиночку, а если вас прибьют, то тянуть мне?

Он улыбнулся.

— Обещаю быть предельно осторожным. Вы не замечаете, как быстро взрослеете?

— Взрослею? — переспросил я в удивлении. — Мне кажется, я становлюсь чересчур серьезным. Самому противно. И занудным, просто мама не горюй! Но ничего не могу поделать, положение, как я полагаю, обязывает и велит.

Он вздохнул.

— Ох, сэр Ричард... Только не становитесь королем. Тогда совсем пропадете.

— Типун вам на язык, дорогой граф.

Он вздохнул, но взгляд оставался острым и прощупывающим. Я подумал, с чего бы, некая недоговоренность чувствуется, потом сознание зацепилось за проскользнувшее словцо... Да, он сказал насчет короля. Шутливо. Ага, знаем эти шуточки. Уже слышал разговоры даже среди простых воинов, что королевству Сен-Мари нужен настоящий король, раз уж Кейдан не решается высунуть нос из Ундерлендов. И всякий раз поговаривают, что неплохо бы на трон сесть их доблестному Ричарду. Его крутой нрав, жестокость и быстрота обуздают любые поползновения...

Быстрота — согласен, но крутой нрав и жестокость? Я вообще-то считал, что я тряпка, чересчур мягок. Нет, на трон ни в коем случае. Я еще хочу повидать мир, а король должен сидеть на троне и править, править, править, что вообще-то повседневная работа без выходных и отпусков, а кто из нас любит работать?.

Хотя насчет того, что трон не должен пустовать — согласен. Военное положение нельзя держать бесконечно долго, а когда придет пора отмены, в королевском дворце должен быть хозяин, и все колеса власти должны вертеться без сучка и задоринки.

Глава 16

Жаль, даже с таким могучим магом, как Сьюманс, нет иной связи, как пролететь несколько миль, громко покричать у двери, а когда впустят, торопливо спросить: «Ну как?»

— Договорился, — ответил он с некоторым удивлением. — На послезавтра. Честно говоря, я не ожидал, что так скоро... Видимо, у всех сейчас пауза из-за перебоя Звездной Мощи.

— Прекрасно, — сказал я. — Здесь?

Он покачал головой.

— Нет, в башне мага Силанга, как я и предполагал.

— Координаты?

Он повернулся и указал на северо-северо-восток.

— Там увидите характерную такую башню с зубчатой короной. Других таких нет.

— Меня впустят?

Он коротко улыбнулся осторожному вопросу.

— Защита будет снята.

— Спасибо, — сказал я, — не забуду, спасибо.

Он вздохнул.

— Этого я и побаиваюсь.

Вернулся я, не чуя под собой крыльев, всякий раз жизнь подносит что-то новое, конклав магов я пока еще не собирал, перехитрить их вряд ли удастся, они безошибочно чувствуют, когда им врешь, напугать тоже нечем, за мной нет такой силы, чтобы их могла смутить, это все индивидуалисты, абсолютно равнодушные к людям, их идеям, стремлениям, потому аморальные и бесчеловечные...

Чем их взять?

Следующие два дня армия крестоносцев, разделившись на три колонны, вторглась в долину Белых Камней с трех сторон, сокрушила стирров и ягеналлов, а конница под началом Растенгерка преследовала их до самой ночи, устилая дорогу трупами.

Королевства Кордела и Мюнцерланд попытались сделать вид, что помогали варварам под страхом разрушений, но разъяренное крестоносное воинство ворвалось сквозь проломы в стенах и учинило показательный разгром, залил улицы и площади кровью местных жителей,

наглядно показывая населению остальных ста с лишним королевств, что ждет коллаборационистов.

Короля Кордела захватили во дворце, он оказал сопротивление, его связали и, перекинув через седло, привезли в лагерь. Я не желал его видеть, таких карликовых королей на рупь кучка, но он орал, требовал, ссылаясь на свои права, наконец его поставили перед моим шатром.

Я вышел, мне объяснили, в чем дело, я спросил холодно, что он может сказать в свое оправдание.

Он сплюнул мне под ноги.

— А что можешь сказать ты?.. — голос его прозвучал визгливо, но с оттенками непререкаемой власти. — Подумаешь, крестоносное войско! Высокие идеалы, благородные цели... Вранье все! Не бывает никаких идеалов. Человек — скот, скотом и пребудет. И как бы вы ни рядились в белые плащи с красными крестами, грабителями были, ими же и останетесь...

Сэр Макс, участвовавший во взятии штурмом дворца и захвате этого короля, вскрикнул в тревоге:

— Что вы говорите? Ради бога, как вы можете такое... произносить?

Король жестоко ухмыльнулся.

— Ради... кого? Ваш бог давно оставил вас, а вы все еще не забыли о нем? Зря... Но мне кажется, что вы совершенно не читали Ветхий Завет. О том, как древние иудеи истребляли целые народы, клали на землю женщин и детей, разбивали им головы молотами... бросали под молотилки?

Все молчали, потрясенные. Я ощутил, что в самом деле разве кто из них читал Ветхий Завет, не всякий монах и даже священник умеет читать, а для рыцаря грамотность вообще как позорное пятно, так что слова этого пакостного королька всех поразили в самое сердце.

Наконец он повернулся ко мне.

— А вы что на это скажете, сэр Захватчик?

В его голосе звучало полное превосходство и откровенная издевка победителя над побежденным.

Я пожал плечами.

— Ничего. Что я должен говорить об этой ерунде?

Сэр Макс спросил с торопливой надеждой:

— Он солгал? Он соврал, да?.. Я так и думал!

— И я так подумал, — сказал граф Генрих с облегчением. — Такое не может быть правдой.

Король ухмыльнулся.

— Не-е-е-ет, пусть вожак разбойников скажет! Правда это или неправда? Уж он точно читал Ветхий Завет, по глазам вижу.

Я ответил так же спокойно и равнодушно:

— Я читал очень внимательно. Могу добавить и о других бесчеловечных жестокостях, описанных там. Братоубийство, отцеубийство, кровосмешение, жестокие пытки ради забавы... Ну и что?.. Это только показывает, из каких скотов удалось вылепить людей, ныне гуманных и справедливых, благородных и готовых пожертвовать жизнью ради торжества истины!.. Другое дело, если бы в Ветхом Завете было сказано, какие тогда люди были хорошие, замечательные, справедливые, мудрые, добрые... Мы бы решили, что церковь за все века существования ничего так и не сделала. Однако люди ее усилиями стали лучше! Вы все сейчас ужаснулись тому, что сказало это существо с короной на голове. А оно сказало правду, свидетельствую. Люди были такими, что самые лютые звери перед ними — ягнята. Тем выше слава вере в Господа и церкви, что вывели нас из той тьмы и привели в мир чести и благородства, гуманного отношения к павшим!

Граф Генрих первым завопил:

— Слава Господу!.. Слава церкви!

А сэр Макс спросил обеспокоенно:

— Сэр Ричард, но если мы гуманны... то как с населением? Как отличить, кто помогал варварам, а кто нет?

Я отмахнулся.

— Руби всех, а Господь сам отличит наших от ненаших. Главное, мы действуем не по злобе, а со всем смирением в сердце и непреклонностью к противнику. И не ра-

ди грабежа уничтожаем население, а как знак, что Божьей Деснице противиться грешно и опасно!

Он кивнул, исчез, а граф Генрих сделал неопределенный жест рукой в сторону короля.

— А с ним что?

— А чем он лучше своих подданных? — спросил я. — Мы ведь демократы, когда надо? Равные права и равные возможности! Но мы гуманисты, потому никакого изнасилования, мирно и спокойно лишить его жизни, вот и все. Пусть отправляется в ад, там его выслушают внимательнее, чем мы, и там пусть ждет Страшного суда!

Король побледнел, глаза расширились.

— Вы не посмеете!

Я спросил с интересом:

— Почему?

— Я... король!

— Кому больше дано, — сказал я, — с того больше и спросится. Не-е-т, думаю, просто зарубить — нехорошо.

— Повесить? — спросил граф.

— Именно, — подтвердил я. — На городских воротах. Как знак прихода демократии, отсутствия привилегий и равенства возможностей.

Рано утром в обоих королевствах еще кое-где дымятся развалины, хотя я строго-настрого запретил поджоги, слышатся победные песни наших воинов, уже пресытившихся убийствами неверных, а я, мерно работая крыльями, шел на большой высоте и высматривал башню в виде воткнутого в землю копья, как ее охарактеризовал Сьюманс, да еще с зубчатой короной наверху.

Пока летел, все выбирал, в каком облике явиться, потом решил, что маги фанаберию засекут сразу, они ж Великие, что значит — не совсем дураки. Лучше держаться естественно, по мелочам не хитрить, попадаются как раз на них.

Внизу желтая пустыня сменилась зеленой долиной, дальше пошел густой лес, я чуть снизился и начал всматриваться в каждое высокое дерево, а мозг работает в авто-

номном режиме: Черная корона Повелителя Темного Мира при мне, но воспользоваться, похоже, уже не придется. Только в сказках все, что нашел волшебное, идет в дело и спасает в последний момент, но в реальности чаще всего проходим мимо множества возможностей.

В одних случаях это повредит тому, что уже есть, в других — вступают в силу моральные запреты. Даже самый простой человек может отказаться вот прямо сегодня стать королем, если для этого надо всего лишь зарезать жену и ребенка.

Я не простой, я еще та цаца, уже разбалован и понимаю, что соблюдение принципов — это клево, круто, это куда выше, чем бунтарство совсем сопливых, что назло маме и миру ходят с невымытыми ушами, гордо заявляют, что бога нет, и придумывают себе какие-нибудь нашивки на куртках, чтобы считать себя Особыми, Избранными, Самыми Крутыми.

Так что черная корона пусть будет при мне для того, чтобы никто другой не воспользовался. Хотя и говорят, что раз ее хозяин я, никто другой не сможет взять в руки, но все-таки береженого бог бережет.

В воздухе передо мной прямо из пустоты возник огромный прозрачный пузырь, похожий на мыльный. Я инстинктивно повернул крылья и попытался затормозить, но не успел: пузырь сам прыгнул ко мне, пахнуло бодрящим холодом, и я понял, что уже внутри.

Лапы уперлись в упругое, словно толстый слой резины, распахнутые крылья коснулись изогнутых стен. Я не успел понять, собирается ли сдавить меня в объятиях этот шар, как за прозрачными стенками все смазалось в матовое.

Через мгновение стены исчезли, я ударился лапами о твердый каменный пол и едва удержал равновесие. Только что летел над зеленым лесом, а сейчас в недрах пещеры Аладдина, исполинской каверны, стены из золота и драгоценных камней, блещут вызывающе ярко, невысказанно крупные...

Слева под стеной великанский очаг, сухой жар идет

от крупных раскаленных углей, огромных, как рубины размером с кулак. Над россыпью углей раскачивается большой котел, оттуда доносится негромкое бульканье.

За спиной раздался веселый голос:

— Сейчас размышляете, а не превратиться ли, пока есть возможность, во что-то посерьезнее?

Я оглянулся, по невысокой лесенке спускается улыбающийся во весь рот человек, лицо молодое, загорелое, черноволосый и с задорно блестящими живыми глазами.

Молча я опустил к полу, через пару мгновений разогнулся уже человеком в легкой одежде, с мечом за плечом, луком Арианта и заплечным мешком странника.

Маг одобрительно кивнул.

— Вот так лучше, вы правы.

— С какой целью вы меня сюда затащили? — спросил я. — Как я понимаю, передо мной один из Великих Магов?

Он заулыбался еще шире, зубы белые, блестящие, ровные, как нитка крупного жемчуга.

— Вы сразу быка за рога, — сказал он одобрительно. — Это хорошо. Никакой паники, угроз, попыток сопротивляться, убежать... и прочего, что так характерно для людей. Только маленькая поправка, не перед вами один из Великих Магов, а перед Великим Магом — вы.

Сердце мое колотится так, что слышу эхо в пещере, я сглотнул ком в горле и сказал как можно спокойнее:

— Зачем?

Он вскинул брови, на лице отразилось сильнейшее удивление.

— Сьюманс что-то говорил о важной встрече, но я его не понял. Как может быть встреча с простым человеком быть важной? Кем бы он ни был?.. К тому же у меня идет интересный эксперимент, не могу отлучаться. Потому я и решил...

— Чтобы я рассказал вам отдельно?

Он поморщился.

— Что бы вы ни рассказали, это неинтересно. Решил

посмотреть, что это за существо, раз уж оно заинтересовало Сьюманса. Как я понял, вы вожак отважных ребятишек, что вторглись в эти края из соседнего королевства?

Я учтиво поклонился.

— Я — Ричард Длинные Руки, маркграф Гандерсгейма.

Он отмахнулся.

— Это неважно, как вас там называют. Главное, здесь вас просто сметут, как муравьев. Как только углубитесь в эти земли, так и сметут.

— Вы? — поинтересовался я.

Он кивнул.

— Я или кто-то другой, неважно. Мое имя — Дейянис Быстрый. Вам это, как и остальным человечкам, ничего не говорит...

Я спросил медленно:

— А силы хватит смести все войско?.. Я слышал, поток звездной мощи иссяк.

Он отмахнулся.

— Это ненадолго. Все исправят. Такое уже однажды было... Лет семьдесят тому. А пока у каждого из нас есть некий запас магической мощи... Переждать хватит!

Сзади под колени боднуло, я потерял равновесие и плюхнулся в кресло. Сиденье мягко спружинило, а руки сами собой упали на широкие и удобно вырезанные подлокотники.

Прямо из воздуха появился стол, а на нем начали возникать массивные блюда. Тусклый блеск золота и серебра сразу исчез под горами жареного мяса, печеной рыбы, сыра, фруктов.

Я стиснул зубы, сосредоточился, и на моей стороне появились изысканно приготовленные яства, что я когда-то смаковал в ресторане, а теперь моя память услужливо вспоминает вкус и все ингредиенты.

Маг замер, на лице недоумение сменилось азартом исследователя, я злорадно выложил тончайшие ломтики разных сортов сыра, мой козырь, добавил буженину, кар-

бонат, ветчину, а закончил все горками мороженого с шоколадными шариками.

Он спросил живо:

— Почти все незнакомо... Как вы это сделали?

Я указал на стол.

— Сперва попробуйте.

Он хватал мясо, сыр, быстро жевал, останавливался лишь на миг, анализируя, от мороженого пришел в неопикуемый восторг, а когда я сделал кофе, вообще распахнул в изумлении рот.

— А это что?

Я спокойно отхлебнул, приподнял чашку.

— Сделать и вам?

— Нет, я сам!

Я в напряжении ждал, он тужился, багровел, шептал заклинания, поводил руками, сжимал кулаки, глаза выкатывались и наливались кровью. Над столом то и дело возникали серые клочья тумана, однако быстро рассеивались.

Наконец он откинулся на спинку кресла.

— Так, — сказал рассерженно, — выкладывайте секрет заклинания.

— Да никакого секрета нет, — сообщил я настороженно.

— Но как?

— Просто представляю, — сказал я честно, — и желаю, чтобы именно это появилось. Только и всего.

Он нахмурился.

— Только и всего? Стихийная магия?.. Я слышал, что такое иногда пробуждается у простолюдинов. Еще называют дикой магией. Но от нее обычно больше вреда... Тогда мне придется вас оставить здесь, пока не сумею все подобное делать сам. И даже лучше, все-таки я Великий Маг, а не деревенский колдун.

Страх стиснул мое тело, я проговорил почти просительно:

— Меня ждуг маги со Сьюмансом...

Он отмахнулся.

— Я им все объясню.

— Но мне в самом деле нужно.

Он сказал резко:

— Здесь учитывается только то, что нужно мне! Ты понял?

— Понял, — ответил я послушно. — Абсолютная власть это здорово, да? Даже голова не кружится?

Он фыркнул.

— У меня ничего не кружится. Но тебе покружиться придется, пока вытрясу из тебя все секреты. А Сьюмансу передам твою пустую шкуру и перемолотые косточки.

Я с ужасом смотрел в его спокойное лицо, он даже не сердится, не злится. Я нечто вроде подопытной мыши, даже мухи-дрозофилы, а все наше крестоносное войско что колонна наступающих муравьев на другой муравейник...

Он даже не повел глазом, когда я закинул руку за спину и взялся за мешок. Но лицо мгновенно напряглось, когда мои пальцы коснулись сквозь мешковину зубчиков черной короны.

Я видел, как он что-то быстро-быстро прошептал, затем сделал движение пальцами в мою сторону, словно стряхивает с них нечто налипшее, а я быстро распустил узкое горлышка мешка и вытащил обжигающую кожу черную корону.

Он отшатнулся, лицо побледнело, а глаза полезли из орбит.

— Это...

Я поднялся из кресла, быстро подошел к нему, держа корону перед собой.

— Похоже, ты знаешь, что это...

Он пролепетал:

— Этого не может быть...

Я вытащил меч из ножен.

— Что ты собираешься сделать со мной?

Он прошептал:

— Пощади...

— Зачем? — ответил я.

Он вздрогнул и застыл, когда лезвие меча вошло ему в живот по самую рукоять. Я вспорол живот, маг опустил голову и рухнул на колени.

Я выдернул меч и, подхватив обвисшее тело, отволоч к горну и бросил на горящие угли. Злобно зашипело, зашкварчало, поднялся дым, но вскоре рассеялся, а я утрюмо смотрел, как обугливается тело, затем горят кости.

Моя рука медленно поднимала корону. Я выронил меч и, ухватив ее обеими руками, зарычал, пытаюсь побороть, однако руки, не повинаясь мне, продолжали поднимать корону.

Когда это черное и ледящее душу оказалось над головой, я захрипел отчаянно:

— Господи, помоги!.. Я твой паладин, я слаб, но я не подл!.. Во имя Святой Девы, которую ты любил... Господи! Не дай тьме во мне загасить свет, что тоже где-то же есть во мне...

Руки замерли, я чувствовал в них сильнейшее напряжение, жилы чуть не лопаются, затем я кое-как заставил их опуститься, а потом уже с облегченным вздохом засунул эту чудовищную глыбу довселенского льда и мрака в мешок и потуже затянул ремешок.

На багровых углях ярко польхают огоньки, это быстро догорают кости. Как я понимаю, даже Великого Мага в таких случаях не спасет никакая регенерация.

Правильнее всего сейчас мчаться со всех ног или всю мочь крыльев к тому месту, где назначена встреча Великих Магов, но правильные побеждают не всегда.

Я хотел было превратиться в птеродактиля, крылья послушно снесут вниз, но шальная мысль мелькнула, как молния: а зачем делать двойную работу? Можно превратиться в могучего дракона прямо здесь... Материалом станет вся эта башня или хотя бы верхняя половина...

— Дурак, — сказал я вслух, — а если свалишься в беспомощности?

Пришлось слететь вниз, там я превратился в огром-

ного, как гора, сразу же поднялся на задние лапы и принялся крушить башню. Камни оказались простым песчаником, разлетаются вдребезги легко, я свалил колонну, плита грохнулась рядом, я ухватил ее обеими лапами и, с усилием подняв над головой, дважды ударил по обломкам.

Плита разлетелась на мелкие кусочки. Я довольно взревел и очень хотел пойти дальше, но сумел вызвать перед глазами светлый лик Илларианы, что дивным образом сливается с Девой Марией, а это заставило вспомнить, что мне нужно вернуться в тело человека...

Память то возвращалась, то размывалась медленно и страшно. В минуты просветления я сжимался в ком и твердил себе, что пора завязывать как с черной короной, так и с превращением в слишком уж крупное, крохотный интеллект уступает мощи первобытного инстинкта, огромного и всеокрушимого...

Очнулся, весь дрожащий, в поту, с окровавленными ладонями, куда загнал ногти, стискивая кулаки.

— Держись, — прошептал я искусанными губами. — Доплыл почти до берега... и вдруг утоп? Не-е-е-ет... Не дамся...

Прошло еще с четверть часа, показавшиеся бесконечной борьбой за выживание, пока наконец заживил все раны, заставил себя превратиться в легкого и безопасного для превращений туда-обратно птеродактиля, подпрыгнул и пошел с осторожностью резать воздух, а потом так же осторожно и непривычно для себя постепенно наращивал скорость.

Когда уже несся со всей скоростью, что сумел развить, странным образом ощутил нетерпение Сьюманса и прокричал ему вслух, вдруг да услышит как-то, что уже лечу, уже близко, задержало меня нечто важное для всех...

Часть третья

Глава 1

В синем небе странное облачко, часто-часто поблещивает, словно в нем парят во взвешенном состоянии крохотные зеркала. Я чуть изменил курс, облачко тут же мигать перестало. Через несколько минут в зелени внизу проступила неопрятная башня, древняя, полуразрушенная, похожая на обычную скалу, но на вершине слишком ровная площадка, такие сами собой не появляются.

Сперва я даже не поверил, что это не игра природы. Уже встречал подобное, вот так высится среди пустыни каменный столб, а на нем целая плита, как шляпка гриба, непонятно, как туда попала и как держится.

Столб мрачно блестит на солнце свежими сколами камня, весь составлен из глыб, что непонятно, как не рассыпаются, а его всей тяжестью пытаются вогнать в землю массивная плита наверху размером с двухэтажный дом.

Ну, а зубчики, уж и не знаю, то ли служат антеннами, принимающими или отводящими, то ли просто для красоты, как память о великом и утерянном прошлом...

Я пошел по крутой дуге на снижение, на ходу рассматривая шестерых человек, расположившихся в удобных креслах на площадке. Окружена небольшим каменным парапетом, примерно до пояса, над башней тень, несмотря на чистое небо.

Я посмотрел вверх и рассмотрел крохотное и очень плотное облачко, что зависло, понятно, не случайно и не само по себе. Я выставил лапы, когти слегка скрипнули по камню. Маги благосклонно смотрели, как я быстро превратился в человека, все-таки уже я как бы не простой рубака, а что-то умею и помимо.

— Простите за опоздание, — сказал я с ходу. — Здравствуйте, Великие! Меня по дороге перехватил ваш коллега... Птицелов, видите ли. Силой, чего я очень не люблю. И не отпускал. Все упреки — ему.

Они переглянулись, Сьюманс спросил быстро:

— Дейянис Быстрый?

Я кивнул.

— Да. Только не такой уж он и быстрый.

— Что с ним? — спросил он встревоженно. — Он не придет, это знаем, но с ним почему-то нет и связи.

Я сказал с угрюмой гордостью:

— Он точно не придет.

— Почему?

— Отбыл в другое место, — объяснил я, — откуда не возвращаются даже очень великие!

В мертвом молчании, когда никто даже не шелохнулся, ошеломленный страшной и невероятной для них вестью, Сьюманс проговорил потрясенно:

— Он... погиб?

Я пожал плечами.

— Не погиб, а убит. Возможно, я в самом деле посланник зла... Сам уже начинаю так думать местами. Убиваю всех, кого мог бы, наверное, переубедить. И, что неприятно, не чувствую ужаса и угрызения, как должно бы быть... наверное. Не побеждаю, а просто убиваю... что и самому не кажется победой. Кстати, ваш Великий Маг не только не быстрый, но и не такой уж и великий. Так мне показалось...

Сьюманс, побледнев, как смерть, спросил с испугом:

— Он... убит вами?

— Да, — ответил я и оглядел потрясенные лица ос-

тальных магов угрюмым и предостерегающим взглядом. — Мне очень не хотелось такого исхода. Увы! Но он не оставил мне выбора. Если вы его знаете, то поймете, почему я вынужден был именно так.

Судя по их лицам, все Дейяниса знали, но все равно на меня смотрели с негодованием и откровенным неприятием.

— Как это случилось? — спросил Сьюманс.

— Я майордом Гандерсгейма, — произнес я и снова окинул их лица внимательным и прицельным взглядом, кто да поморщится или фыркнет. — Как всякий рыцарь, я преисполнен чувства достоинства! Да, меня можно оскорбить, можно унизить... Но нельзя рассчитывать, что пройдет безнаказанно. Либо умру в попытке спасти свою честь и смыть кровью обиду, либо все-таки убью унижившего меня. Получилось последнее.

Сьюманс сказал торопливо:

— Сэр Ричард, мы это поняли.

— Похоже, — сказал я, — вы хорошо знали и Дейяниса? И понимаете, что у него нет уважения даже к коллегам. А когда стал оскорбительно обращаться со мной, как с подопытной мышью... возможно, и для вас мы все, как мыши?.. Хотел бы вас предостеречь и не забывать, что внизу под вашими башнями живут тоже люди. И у них есть достоинство. Мало кто может ответить вам на обиды, силы пока не те, но безнаказанность чревата даже для вас. Злость и обиды, они, знаете ли, имеют свойство копиться.

Один из магов спросил осторожно:

— Как он погиб?

Нечто нехорошее я уловил в его лице и вкрадчивых движениях, насторожился и ответил с нарочитой небрежностью

— Как жалкая и никчемная тварь. Мы здесь все интеллигентные люди, а тот говнюк вел себя... В общем, я и башню его сровнял с землей. Там все равно ничего не росло.

Маг дернулся, лицо его застыло. В глубоко спрятанных глазах я наконец-то уловил страх.

Сьюманс быстро зыркнул на магов и сказал подчеркнуто вежливо:

— Сэр Ричард, прошу вас присесть. Заверяю вас, мы относимся к вам со всей уважительностью.

Садясь, я снова мазнул взглядом по лицам, по ним не видно никакой уважительности. Смотрят, как на сильного и опасного зверя, какая уж там уважительность.

— Благодарю, — ответил я и, взглянув на магов, сказал милостиво: — Вы тоже можете... не вставать.

Передернуло всех, даже Сьюманса, он оказался в роли слуги, что придвинул господину кресло, из которого я и отдал полуприказ-полуповеление.

— Великий маг Герберт Страстный, — сказал он и указал на плотного седого и довольно неопрятно одетого человека, — Великий Маг Тиграт Вдумчивый... великий Маг Тиларет Стойкий...

Они рассматривали меня, я их, как всегда бывает перед важным разговором, где решится очень многое. Я сканировал их лица, стараясь как можно быстрее выработать линию поведения в отношении каждого и понять, насколько клички коррелируют с характерами.

Великий Маг Герберт Страстный меньше всего похож на страстного человека. Даже в кресле развалился, как медуза, выброшенная волной на каменистый берег в жаркий день, только что слюни не текут из полуоткрытого рта.

Тиграт Вдумчивый похож на внимательного человека и сидит, чуть подавшись вперед, и лицо заинтересованное, и слушает внимательно, в глазах живейший интерес, словно видит разговаривающего барсука, а вот Тиларет Стойкий смотрит с явным отвращением, на лице скука и явное желание все бросить и вернуться в свою башню.

Остальные двое незнакомых мне магов по настроению ближе к Тиларету. Недоверием и откровенным неприятием веет так сильно, что начинает покалывать кожу.

— Маги Безмолвия, — представил их Сьюманс. —

Точно так, как маг Герберт рассчитывает познать мир с помощью математической гармонии, так они ищут откровения в молчании.

Я поклонился.

— Молчание — золото, ага.

Сьюманс, на правах собравшего всех, величественно повел дланью, и на столе появились изысканные чаши, кубки, золотые блюда, ножи с рукоятями сплошь из драгоценных камней.

Я торопливо сосредоточился и начал заполнять стол коньяками, виски, шампанским, кагором, остро пожалел, что не довелось попробовать вин, что подаются в самых роскошных ресторанах, но и то, что у меня получается, на порядок лучше самых изысканных, что здесь пьют короли или высшие маги.

Все семеро сидят неподвижно, только взгляды перебегают от одного незнакомого блюда к другому. Повисло напряженное ожидание, напоследок я создал широкую, как тазик, хрустальную вазу и доверху наполнил ее мороженым.

Магов сперва, судя по их виду, заинтересовала сама ваза, секрет изготовления хрусталя здесь пока не знают, потом один осторожно потыкал белоснежную массу острием ножа, облизал кончик и надолго задумался, даже глаза закрыл.

— Простите, — сказал я почтительно, — что поспешил, но... я хочу показать, что у нас с вами намного больше общего, чем думаете. И мой уровень вполне можете оценить... отведайте этого мяса! Уверен, никто ничего подобного не встречал. А этот сыр?.. Если нежнее кто-то сотворит, я тут же признаю его превосходство!

Сразу несколько рук потянулись к ломтикам. Я с немалым напряжением смотрел, как быстро, а затем все медленнее жуют, вслушиваются, анализируют, смакуют, стараются выявить все ингредиенты, не слишком ли рискнул, вдру да сумеют...

Один за другим в разочаровании качали головами, кто-то вздыхал, кто-то морщился, а Сьюманс сказал:

— Я тоже пытался... раньше. Но у сэра Ричарда, похоже, какой-то иной источник.

Тиларет Стойкий произнес упрямо:

— Других нет.

— Нет, — согласился Сьюманс, — но для сэра Ричарда почему-то есть. Так что давайте его послушаем. Рассматривайте, как мою личную просьбу.

Я подумал, собираясь с разбежавшимися словами, всегда в последний момент прыскают в стороны, как испуганные тараканы.

— Я долго соображал, — заговорил я, — размышлял и мыслил... как бы вам поднести то, что случилось... а потом решил, что вы — самые мудрые и знающие люди на свете, должны знать правду и только правду, и ничего кроме правды, хоть и не всю. Потом подумал еще и решил, а почему не всю? Вы же не короли какие-нибудь зачуханные или императоры! Тем в самом деле, ввиду их скудомыслия, нельзя знать всю правду о мире...

Они важно кивали, соглашась, а как же, это же понятно, они выше всяких там королей и земных владык.

— Как вы уже видите, — продолжил я, — я один из вас. Хоть и с виду и не маг, а какой-то дурак с мечом, как не стыдно! Но все-таки я маг, хотя и несколько иной, так как пью из других источников. Сейчас они вам неинтересны, понимаю. Но если вдруг даровая звездная мощь все-таки не восстановится... ладно-ладно, не будем о таком... трагичном. Вы маги, занимающиеся заоблачными и зазвездными вычислениями, абсолютно непонятными простому народу. К простому я отношу, как я уже сказал, и всю знать с их королями, императорами, ханами. Но я одновременно и правитель этого простого народа!.. И потому я вынужден заботиться о нем!

Тиграт Вдумчивый сказал с ленивым пренебрежением:

— А нужно ли?

— В свое время, — вставил Сьюманс, — такой вопрос вставал перед каждым из нас.

— К чему мы пришли, — закончил Тиграт Вдумчивый, — сами видите.

— Но были и те, — добавил Тиларет Стойкий, — кто все-таки жаждал служить магией народу... Наивные... Кто знает, где ветер замел их ранние могилы?

Я слушал, поворачивая голову то к одному, то к другому, выказывал уважение, всем нравится, когда в это время смотрят в глаза, а не мимо в окно. Наконец я, дождавшись конца восхвалений, какие они умные, сказал вежливо:

— Я тоже слаб и тоже в ваших условиях предпочел бы жить только для себя... Но мне удалось отыскать путь, на котором даже простолюдины станут магами! На их общем фоне мы поднимемся еще выше! Я имею в виду — все население поднимется до магических высот. А мы, соответственно, сохраним с ними ту же дистанцию, что и сейчас. Что значит, будем уметь гораздо больше.

На их лицах я видел полнейшее недоверие, а Тиграт Вдумчивый спросил в лоб:

— Это как?

— Правитель, — пояснил я, — должен учитывать уровень тех, кем правит. Потому я взялся усиленно развивать простую магию, понятную народу... Я говорю о механике, она всем понятна.

На их лицах, преисполненных благородного негодования, впервые промелькнул интерес. Герберт Страстный даже подался чуть вперед, начиная вслушиваться в мои слова.

— Потому, — сказал я, — как правитель Гандерсгейма и фактически правитель Сен-Мари и даже немалой части королевства по ту сторону Хребта... да-да, я там гроссграф Армландии, богатейшей провинции, где немало чудес и руин древних городов... надо ли говорить, что они стоят нераскопанные?... так вот я, верховный и не очень шепетильный сюзерен, предлагаю вам сотрудничество.

Они начали с явной насмешкой на лицах переглядыва-

ваться. Тиларет Стойкий, судя по выражению его лица, явно хотел послать меня в далекое путешествие, а самому отбыть в свою башню, но посмотрел на грустного Сьюманса, вздохнул и поинтересовался подчеркнуто вежливо:

— Это весьма любопытно... Между магами и воинами всегда шла война... Всегда! Что изменилось?

— Со временем меняется все, — ответил я. — Вы это знаете лучше меня. Как рыцарь, я должен говорить о славе и подвигах, но я правитель и как правитель говорю, что даже плохой мир лучше хорошей войны. Это странно звучит от человека, который привел сюда огромную армию, знаю...

Герберт Страстный, что за все время не промолвил ни слова, все так же лежит, полуразвалившись в кресле, расслабленный и сонный, в руке желтый лист бумаги, там возникают, передвигаются, исчезают какие-то смутно знакомые значки. Я продолжал речь, но сфокусировал зрение, стараясь понять, что же там такое, узнал римские цифры, попытался понять, что же маг делает...

— Все силы общества, — продолжил я, — должны быть нацелены на созидание. Мои условия договора просты: вы все никогда и ни в какой области не станете больше вмешиваться в жизнь простых людей. Даже в мелочах! Говорю так уверенно потому, что уже знаю: все вы в состоянии обеспечить себя всем, что требуется для жизни и работы. Потому я работаю, в общем, на вас, намереваясь всячески препятствовать вам спускаться на грешную землю и развлекаться со служанками, устраивать пожары и дебоши во вред вашим занятиям чистым искусством магии!

Все поморщились, только Герберт Страстный ничем не проявил свое отношение, слишком углубившись в вычисления, ну еще Сьюманс пару раз кивнул, не отрывая от меня пронизывающего взора.

В мозгу щелкнуло, там наконец сообразило, чем занимается великий Герберт, я ощутил, как с плеч рухнула гора и рассыпалась в песок.

— Простите, — прервал я сам себя, — но не могу не

восхититься огромными возможностями великого мага Герберта Страстного! Он просто гений в математике!.. Я не представляю, как это он ухитряется работать с римской нумерацией. Это ж какую голову нужно иметь, какой мозг, какие закрученные извилины!

Герберт Страстный поморщился, но на лесть сказал гордо:

— Пока что мне одному удаются умножения и деления.

— Это невероятно, — сказал я быстро. — Хотя, если использовать другую систему, я охотно с вами потягаюсь.

Он посмотрел вверх листка на меня с изумлением.

— Вы? Вы лично?

— Называйте число, — предложил я.

Он засмеялся.

— Не бойтесь опозориться? Ладно, в вашем возрасте это не будет стыдно, но уроком будет. Хорошо, две тысячи помножить на три тысячи.

— Шесть миллионов, — ответил я.

Он вскинул брови.

— Что?

— Можете проверить, — предложил я. — Если я не прав, готов положить свою голову на плаху.

Он всмотрелся в меня, покачал головой.

— Не-е-ет, тогда давайте что-нибудь посложнее. Семь тысяч помножить на три тысячи!

— Двадцать один миллион, — ответил я.

Он вскинул брови.

— Верно... Но я вчера достиг этого результата после семи часов непрерывных вычислений!

Я сдвинул плечами.

— Сочувствую.

Маги переводили взгляды с него на меня и обратно, но хранили озадаченное молчание.

Герберт Страстный сказал азартно:

— Тогда попробуем вас в делении! Разделите сто тысяч на пять тысяч!

— Двадцать, — ответил я. — Такое считается в уме,

но, конечно, не тому, кто пользуется римскими цифрами. Может быть, давайте обучу вас более прогрессивному счету? Это будет мой как бы вклад...

Он непреклонно покачал головой.

— Сто двадцать шесть умножить на тридцать семь! Готовы?

Глава 2

Я написал обе цифры одна под другой и начал умножать в столбик. Герберт Страстный долго и старательно выписывал свои римские цифры, получилось «СХХVI умножить на ХХХVII», так как этих знаков в римской нумерологии не существовало. Так же, как, к примеру, нуля.

Сьюманс и остальные с интересом следили за моими непонятными закорючками.

— Это... — произнес Сьюманс шепотом, словно они могли разбежаться в испуге от громкого голоса, — что за руны?

— Цифры, — сообщил я. — Арабские, хотя, конечно, не арабские, но дело не в названии, верно?... Та-ак, сюда еще четверочку, скидываем, одну в уме... Четыре тысячи шестьсот шестьдесят два!

Герберт Страстный поднял голову.

— Что четыре тысячи.... Вы о чем?

— Результат, — сказал я.

На меня смотрели с недоумением, Сьюманс проговорил медленно:

— Уважаемый маг Герберт только приступил к вычислениям... а вы уже закончили?

— Все дело в новой системе, — сказал я. — Могу объяснить, если хотите. Это очень просто, кстати. Но я хотел показать ту великую магию, которая... совершенно не требует магии! А это значит, что могут пользоваться все-все!..

Сьюманс сказал в нетерпении:

— Сперва объясните эти трюки с вычислениями!

— Да-да, — произнес Тиларет Стойкий с угрозой в голосе, — мы уж постараемся понять этот фокус.

— Никакого фокуса нет, — начал я. — Смотрите...

Судя по их лицам и загоревшимся глазам, понять все не просто хотели, а жаждали. Я взялся объяснять, пока еще не особенно веря в успех, все-таки пожилые люди, а у них мышление заостенелое, однако эти люди вовсе не становились с возрастом пожилыми, схватывают быстро, запоминают, какая закорючка что значит.

Тиграт Вдумчивый просто написал их рядом с римскими и то и дело водит головой, проверяя память.

Сперва они пробовали умножать однозначные, а потом расхрабрились и перешли к двузначным. Быстрее всех разобрался Сьюманс. Он умножил сто двадцать шесть на тридцать семь и получил те же четыре тысячи шестьсот шестьдесят два, раскрыл рот, ошалелый от неожиданного успеха, как раздался торжествующий голос Герберта Страстного:

— Ну вот, я закончил... Теперь посмотрим, что получилось у вас, самонадеянный юноша...

Маги молча смотрели на его расчеты

CXXVI умножить на X равняется M CC LX

CXXVI умножить на X равняется M CC LX

CXXVI умножить на X равняется M CC LX

CXXVI умножить на V равняется DCXXX

CXXVI умножить на I равняется C XXVI

CXXVI умножить на I равняется C XXVI

Получено

MMM D CCCC'CCCCLLXXXXX'XXXXXVII равняется MMMMDCLXII

и на мои:

$$\begin{array}{r}
 126 \\
 \times 37 \\
 \hline
 + 882 \\
 + 387 \\
 \hline
 4662
 \end{array}$$

Лицо величайшего из математиков медленно и страшно мрачнело, зато Сьюманс расцвел как майская роза, едва не пустился в пляс, даже хихикнул как-то несолидно.

Герберт Страстный со злостью скомкал лист бумаги и отшвырнул. Все остальные смотрели на него с напряженными лицами. Я понял, что как бы держат его за руки, не давая вспылить, выйти из себя, вызвать грозу или землетрясение.

Тиграт Вдумчивый сказал сдержанно:

— Да, вы уже доказали, что человек вы необычный... Да и предлагаете странные и очень необычные вещи, о которых никто и не заикался... Мы уже принимали как аксиому, что между воинами и магами всегда должна быть война. Это в нашем мышлении...

Я вскинул руку, он поморщился, но умолк, я сказал быстро:

— Вы абсолютно правы, почтенный и великий Тиграт Вдумчивый!.. Я осмелился прервать вашу замечательную речь, исполненную глубочайшего смысла, только потому, что хочу напомнить... я, как вы уже знаете, тоже маг. Но я еще и правитель королевства, как уже сказал... а это, как вы понимаете, накладывает обязанности заботиться и о простом народе.

Он произнес с неподражаемым чувством полнейшего превосходства:

— Если вы и по духу маг... а не только по удаче... то почему вам не бросить всю эту суету? Почему не посвятить себя поискам еще более высокой магической мощи?.. Вы же можете, уже доказали.

Все умолкли, смотрели с интересом. Я перевел дыхание, первую часть выполнил, заставив их не только слышать, но и слушать, собрался с духом, заговорил медленно, стараясь, чтобы в моем голосе звучала некая умудренность:

— Я молод, но старые книги читал... И заметил, что все Великие Маги либо умирали со всеми их знаниями, либо добивались бессмертия и куда-то исчезали. Бес-

смертие — это наша мечта, но это мечта умирающего от жажды в пустыне, который ни о чем больше не мечтает, как о глотке воды. Но когда наконец доберется до родника и напьется, он замечает, что вокруг все та же осточертевшая пустыня... И так из года в год, из века в век... Для гения всю жизнь находиться среди дураков — мука. И знать, что так будет всегда.

Тиграт Вдумчивый сказал недовольно:

— Но всегда есть высокая башня, где можно размышлять о высоком! И продолжать разгадывать великие тайны.

— Да, — ответил я, — однако есть и другой путь.

— Какой?

Я перевел дыхание и, собравшись с духом, начал говорить то, что самому кажется скучным и крайне неинтересным:

— Начинать учить магии простой народ! Это будет медленный, но качественный подъем. Начнем, как я уже говорил, с простой механики, понятной любому кузнецу. Увеличим количество ветряных и водяных мельниц, чтобы покрывали все наши потребности, будем развивать новые методы добычи металла, мне его понадобится много, но вовсе не для войны, я знаю дешевые и простые методы, как любой человек может подняться высоко в воздух...

Они слушали скептически, наконец Герберт Страстный прервал недовольным голосом:

— Простите, но это будет уже магия! А вы сказали любой простой человек...

Я любезно улыбнулся.

— Не стесняйтесь, дорогой Герберт, вы великий человек! Скажу честно, не только я, но вообще во всем мире едва ли найдется хотя бы полдюжины человек, которые вообще могут оперировать римскими цифрами на таком уровне! Вы — гений, говорю без всякой лести. Мне нравится, что вы спорите... по существу. Пожалуй, вам неизвестно... ну... чтоб такое попроще... Известен ли вам принцип работы воздушного шара? Даже такого простого, как монгольфье?

Все молчали настороженно, Сьюманс помотал головой.

— Впервые слышим. Объясните?

— С удовольствием, — ответил я. — Любой простой человек знает, что горячий воздух поднимается вверх, а холодный опускается к полу. Это заметно и по дыму над костром, и по тому, что на чердаке всегда теплее, чем внизу... Но никому не приходит в голову, что если схватить этот горячий воздух в нечто плотное и легкое, например, мешок, то он поднимет и его...

Тиларет Стойкий сказал, не сдержавшись:

— Вздор!

Я продолжал улыбаться, вот он, козырь, сказал мирно:

— А вы проверьте... Создайте воздухо непроницаемую ткань, это легко, только побольше, так нагляднее, сделайте из нее мешок...

Тиларет Стойкий сказал с вызовом:

— Это будет нетрудно!

— Сделайте, — предложил я.

Он поднялся и вышел ко мне. Лицо его было сердитым.

— Говорите, — потребовал он, — что делать.

Остальные остались на местах, следят очень внимательно. Тиларет сперва создал удивительно тонкий и красивый шелк, я показал, как порезать на полосы и сшить, нам нужен шар с круглым отверстием внизу, затем там прикрепим веревки...

По моему указанию массу шелка положили на высоте в половину человеческого роста на длинной решетке, тут же созданной одним из магов, я даже не заметил кем. Тиларет перехватил мой взгляд, я кивнул небрежно и, явно рисуясь, пошевелил кистью. На полу возникла широкая медная чаша, больше похожая на круглое корытце, с множеством затейливых фигурок по бокам.

— Так? — спросил он.

— Отлично, — сказал я. — Только бы не сказали, что с помощью магии.

Он заверил:

— Мы умеем отличать, что происходит с помощью магии, а что нет.

— Тогда все в порядке.

— А не помешает, что я расположил изображения из эпохи до Пятой Войны магов?

Он снова рисовался, я сделал вид, что совсем не потрясен, как и было, отмахнулся.

— Это не играет роли.

— Правда?

— Увидите.

Я ни к чему не прикасался, Тиларет лично привязал к веревкам, закрепленным внизу у жерла, большую корзину из ивовых прутьев.

— Теперь совсем пустяк, — сказал я. — Нужно разжечь угли прямо под этим отверстием... смотрите, чтоб не слишком близко, нам пожар ни к чему. Я все-таки попросил бы несколько человек для того, чтобы держать за веревки...

Тиларет спросил быстро:

— Зачем?

— Чтобы шелк с корзиной не улетели раньше времени, — объяснил я.

Он расхохотался, остальные выражали презрение ко мне менее демонстративно, но я все равно чувствовал себя униженным и лихорадочно просматривал все, чтобы не опозориться.

Все-таки все шестеро поднялись и взялись за веревки. Тиларет повел дланью, медный тазик на полу заполнился крупными горящими угольями. Некоторое время ничего не происходило, наконец скомканная масса ткани зашевелилась, начала приподниматься. Маги переглянулись, но на лицах оставалось все то же выражение веселого презрения.

Когда шар начал обретать форму, в глазах появилась заинтересованность. Я выждал, когда наполнился и стал круглым, кивнул Тиларету.

— Залезайте в корзину, достопочтенный Великий и Мудрый Маг. А вы, просветленные, держите веревки крепче!

Он фыркнул.

— Что за глупость?

— Взлетите, — объяснил я. — Без всякой магии. В этой корзине.

Он помотал головой.

— Я не стану мишенью для насмешек!

Я обвел магов беспомощным взглядом, неожиданно из кресла поднялся Тиграт Вдумчивый, спокойный и почти сонный, с недовольной миной лица.

— Я проверю, — буркнул он.

Тиларет сказал с презрением:

— Ты совсем одурел? Поверил ему?

Тиграт Вдумчивый с трудом перебрался через край корзины, а веревки медленно начали натягиваться. Сьюманс удивленно поглядывал то вверх, через широкое отверстие все та же пустота и раздутый купол, то на магов, они теперь в самом деле с трудом удерживают рвущийся в небо шар.

Первым проговорил Герберт сквозь зубы:

— Тянет все сильнее...

— Держите, — велел я. — Нужно, чтобы мудрый и отважный Тиграт Вдумчивый не просто приподнялся, а взлетел хотя бы на уровень парящих орлов.

Сьюманс проговорил с вытаращенными глазами:

— Считаете, это возможно?

— Держите крепче, — сказал я. — Дорогой Тиграт, я безумно уважаю ваше мужество, но лучше присядьте и держитесь за веревки. Будет небольшая болтанка.

— Да, но...

— Сядьте, — велел я. — А то ваши коллеги вот-вот отпустят шар.

Он послушно сел и ухватился за веревки. Лица магов становились все напряженнее, я видел, с каким усилием держат победно рвущийся в небо шар.

— Слушайте внимательно, — сказал я. — Отпускать никому одному нельзя, иначе корзина перевернется. Отпускаем все одновременно по команде «три». Итак, слушайте... Один... два... три!

Я выкрикнул последнее слово, все разом разжали пальцы. Шар не просто поднялся, а прыгнул в небо. Я неотрывно смотрел вслед, а со всех сторон раздаются изумленные ахи и охи, восклицания восторга, удивления, изумления, недоверия и даже раздражения.

Шар уносит в небо стремительно, Тиграта не видно, потом над краем появилась его голова. Я успел увидеть, как в изумлении расширились его глаза, а брови взлетели вверх. Корзину качнуло, голова исчезла, а шар, блистая в солнечных лучах благородным шелком, продолжал подниматься ввысь.

Я опустил голову, все вокруг меня все еще смотрят вверх, на лицах восторг и недоумение разом.

— Дistinguished, — сказал я с беспокойством, — хотя шар создавался с помощью магии... но все-таки... сам принцип вы усвоили?

Сьюманс ответил потусторонним голосом, не отрывая взгляда от блестящего шарика в небе:

— Я же сказал... мы все можем отличить... магия или не магия...

Я сказал быстро:

— Как видите, даже самые простые люди смогут подниматься в воздух и преодолевать огромные расстояния! Перелетать через леса, горы, непроходимые реки и болота!.. Разве это не замечательно?

Глухое молчание нарушил тоскливый голос Герберта Страстного:

— Но как же... все оказывается просто! Ну почему, почему..

— Поняли? — спросил я с надеждой.

Он отмахнулся, продолжая смотреть в небо:

— Да все поняли, не дураки же... Признать трудно. Да и обидно до слез, не замечали такой простой данности.

Я сказал быстро:

— Подобных чудес вокруг полно, нужно только замечать мир, в котором живем, и пользоваться его возможностями. Моя главная деятельность именно в этом. Понимаете, если народ научить это делать... я только к примеру!.. то следующее поколение уже учить не надо, научатся от своих отцов. Это как ветряные и водяные мельницы, их строят и строят, уже не оглядываясь на тех, кто придумал и построил первые образцы.

Тиларет Стойкий наконец оторвал взгляд от яркого шарика в небе, повернулся и посмотрел на меня в упор.

— Вы говорите, таких возможностей в мире много?

— Да, — ответил я.

Он подумал, лицо стало отрешенным, брови то поднимаются чуть ли не на середину лба, то опускаются так, что смыкаются над переносицей и сдвигаются в одну линию.

— Мне хотелось бы... да... хотелось бы на них посмотреть... или хотя бы услышать...

Я развел руками.

— Время государственного человека дорого. Я и так пробыл с вами столько, что ряд важных дел придется перенести на завтра-послезавтра. А простым упоминанием не отделаться, придется что-то демонстрировать...

— Я понимаю, — сказал он. — Но кто-то же у вас этим занимается? Не только вы лично?

— Занимаются, — согласился я. — Однако там другие условия. Никакой магии! Хотя работают колдуны, волшебники, чародеи, алхимики, даже некроманты были. Но все без магии. С этим строго. Понимаете почему?

Он поморщился.

— Вы это уже сказали раньше, я понял. Чтобы и простой народ, незнакомый с магией, мог научиться.

— А вот вам туда нельзя, — сказал я с сожалением. — Вы человек нетерпеливый... К тому же, кто испробовал отравленной сладости владения магией, уже не сможет заставить себя учиться с нуля основам совсем другой науки.

Он вздохнул, тряхнул головой. Голос его потерял напор. В нем ощутилась усталость.

— Да, вы правы...

Все еще смотрели на крохотную точку в небе, Сьюманс проговорил медленно:

— То ли мне чудится... то ли шар снижается?

— Так и должно быть, — объяснил я.

Он сказал быстро:

— Я понимаю, воздух там остыл.

— Верно...

— Он будет снижаться все быстрее, — закончил он. — Не погибнет ли от удара о землю? Я не имею в виду Тиграта Вдумчивого, он просто взлетит сам, но если там будут простые люди...

— Для этой цели, — сказал я, — предусматривают балласт. Скажем, мешки с песком. Догадываетесь зачем.

Сразу несколько голосов воскликнули:

— Если сбросить мешок, шар остановится!

— Перестанет снижаться!

— Снова пойдет вверх!

Я сказал громко:

— Все зависит от веса балласта. Можно песок просто высыпать медленно, присматриваясь к скорости снижения. Регулировать. Но мы пока этого не предусмотрели, так как Тиграт Вдумчивый — маг, ему падение не опасно, верно?

Сьюманс проворчал:

— Он сумасшедший, может и пойти до конца...

— ...восхочет проверить, — договорил Сьюманс. — Он самый упорный.

Глава 3

На каменном заборчике напротив солнца возникла фигура, потому я не сразу рассмотрел на лице Тиграта Вдумчивого кровавую ссадину, растрепанные седые волосы и что одежда порвана на плече.

Он бодро спрыгнул на пол, глаза блестят задором, движения нервно-суетливые, словно старается побыстрее запыхнуть в карманы горку золотых монет.

Поклонившись мне с тем уважением, которое никогда не демонстрировал, он сказал прочувственно:

— Сэр Ричард... я потрясен!

— Вы смелый человек, — сказал я.

Он отмахнулся.

— Да опасности не было...

— Я не про опасность, — сказал я. — Ваши соратники в случае неудачи смеялись бы и над вами.

Он криво улыбнулся.

— Это да, как-то не подумал. Но теперь и триумф у меня!.. Ох, простите...

— Триумф в самом деле только ваш, — сказал я торжественно. — Я ведь все это знал! Простите, в нашем королевстве это игра для детишек. Так всегда с открытыми источниками. Будет время посвободнее, я научу вас вещам посложнее и поинтереснее.

Он охнул и чуть не задохнулся от обуявшей жадности все немедленно увидеть, попробовать, проверить и познать. У остальных глазки тоже загорелись.

И только Тиларет Стойкий почему-то потемнел лицом, отступил на пару шагов и смотрел исподлобья.

Я спросил любезно:

— А вас не впечатляет?

Он процедил сквозь зубы:

— Еще бы. Впечатляет. Та легкость, с которой вы обвели вокруг пальца этих... стареющих детей!

Я, все еще счастливый от успеха демонстрации, спросил почти беззаботно:

— Вы о чем, Великий?

Он проговорил почти злобно:

— Они даже не понимают! Как дети, в восторге от новых игрушек, что вы им подкинули, но не понимают... не понимают, что это начинать снова с пещерных времен!

Я стиснул челюсти, возразить нечего, остальные маги перестали улыбаться и смотрят очень внимательно.

Я наконец развел руками.

— Вы сгущаете краски.

Он крикнул:

— Тогда скажите вы сами! Честно скажите. Сколько пройдет времени от этого вашего монгольфье до багеров? Только правду!

Взгляд его пронизывал меня, как солнечный луч тонкий лист на дереве. Я помялся, проямлил:

— Конечно, долго. Однако...

— Как долго? — потребовал он.

Я ответил хмуро:

— Несколько столетий.

— А не тысячелетий?

Я ответил недовольно:

— Не думаю. Можно управиться раньше. Я полагаю, что...

Он прервал резким визгливым голосом:

— Меня не устраивают даже столетия!.. Даже десятилетия, вы понимаете? Я хочу все и сразу!.. А не это медленное вскарабкивание со ступеньки на ступеньку по лестнице, вершина которой в облаках!

Сьюманс заметно помрачнел, остальные маги тоже растеряли веселье. Похоже, в эйфории не сразу подумали о сроках. А Тиларет Стойкий как будто прочел мои мысли, лицо стало жестким.

— Одно дело, — отрубил он лязгающим голосом, — совершенствовать себя и свои знания, другое — тащить наверх к высоким знаниям все это стадо, именуемое человечеством!

— Но когда наверху человечество, — сказал я, — то вы можете подняться еще выше, чем сейчас! Намного выше.

Он вперил в меня бешеный взгляд.

— Вы что, прикидываетесь? Это будем уже не мы! Это будут другие маги!

Я вздохнул, развел руками.

— Но это единственно надежный путь.

— Я не боюсь рисковать! — крикнул он. — Но я хочу всего и сразу!.. Сегодня!.. А не через тысячу лет!

Я чувствовал на себя взгляды магов, вопрошающие и требовательные, но я только снова развел руками.

— Думаете, мне все и сразу не хочется?..

Он сказал саркастически:

— Похоже, вам хочется чего-то другого!

— Нет, — возразил я, — всего и сразу тоже хочу, но как раз это желание детей. Взрослые понимают, что так не бывает. Нужно много и упорно трудиться. К тому же у нас есть нехорошие прецеденты... Маги всегда хотели всего и сразу! И к чему это приводило?.. Снова начинали с пещер...

Они переглядывались, поколебленные, но Тиларет Стойкий с самым непреклонным видом покачал головой.

— Нет!.. Я — человек, а не муравей. Это он о себе не думает, а только о своем обществе, а я верю, что могу открыть великие тайны и получить неограниченную мощь...

— Для себя? — спросил я.

Он фыркнул.

— Для себя было бы слишком мало. Я сумел бы наделить и других.

Я чувствовал усталость, обвел взглядом остальных. Они вроде бы на моей стороне, понимают, взрослые все-таки, хотя им тоже не хочется расставаться с мыслью, что хорошо бы все и сразу.

— Обдумайте, — сказал я, — поговорите, обсудите... Мы ведь свободные люди? В дискуссиях выясняется истина. А я поспешу к своим, а то дел выше крыши.

Я подошел к краю площадки, улыбнулся еще, как маг магам, оттолкнулся и прыгнул. В птеродактиля я велел себе начать превращение за секунду до того, как ноги оторвались от каменной ограды.

Почти сразу распахнутые крылья подхватили и удержали, как туго надутый воздухом матрас. Я чуть поплани-

ровал, высматривая, в ту ли сторону, затем взмахнул пару раз, вроде бы крылья отрастил крепкие, вытянулся в струну и понесся быстро и мощно в сторону лагеря.

Перед сражением каждый план хорош, после сражения каждый план плох, но я после общения с магами чувствовал, что сделал даже больше, чем рассчитывал. И если кто-то может лучше, ради бога, но я выложился весь. Если они и сейчас отвернутся, то даже и не знаю, не хотелось бы войны с неясным исходом. Пусть звездной Мощи уже нет, однако их опыт, накопленные амулеты, талисманы, умение пользоваться заклятиями... Я вывернусь из-под удара, верю в это, но мои люди?

Граф Ришар собрал совещание, бегло посетовал, что нет не только герцога Ульриха, но и герцога Готфрида. Я ощутил неловкость, герцог Готфрид по рангу и воинскому весу должен бы обязательно присутствовать на подобных совещаниях, но дважды отказывался под различными предложениями, и я его понимал. Отношения отца и сына редко бывают притертыми, а здесь ситуация осложняется тем, что мы оба герцоги, а руководит вторжением сын, отец же вынужден выполнять его команды.

И если это как-то скрадывается на поле битвы, но замечается в раскованной атмосфере совещаний и обсуждений, что и как делать, кому и где.

Сэр Альвар бросил в мою сторону быстрый взгляд и сказал громко:

— Герцог Готфрид ведет брабандцев в сорока милях слева!.. Если он приедет на совещание, то может и не успеть на битву.

— В ближайшие три дня битвы не планируем, — ответил граф Ришар строго.

Сэр Альвар сказал учтиво:

— Да-да, граф, я полностью с вами согласен! Жаль только, что битвы не слушаются наших планов.

Граф Ришар нахмурился, кто-то сдержанно хихикнул, я промолчал. При всей его сдержанности герцог Гот-

фрид Валленштейн Брабантский успел, несмотря на недолгое пребывание в войске, снискать уважение как среди военачальников, так и простых воинов. Среди первых — как мудрый рассудительный полководец, умело расставляющий отряды, не забывающий прикрывать обоз, держать в засаде ударный полк. Воины с ликованием бросаются за ним, когда он с развевающимися седыми волосами мчится на огромном рыцарском коне на острие бронированного клина и лично проламывает оборону противника, щедро раздавая удары направо и налево.

Я слушал похвалы со сдержанным ликованием, стараясь не показывать виду, что ах как здорово, это же мой отец, вообще-то как же иначе, я же сам орел хоть куда и хоть кого...

Оставив графа Ришара с военачальниками уточнять мелкие детали уже утвержденного мною плана, я вышел на свежий воздух и велел подать коня.

Шатер герцога Ульриха расположен в десяти милях от основного лагеря, там стоят ундерлендцы, по пышности и великолепию он превосходит мой. Лорды уязвленно бурчали и настойчиво подталкивали меня к тому, чтобы разрешил поставить для себя еще величественнее. Самый-самый должен быть у верховного сюзерена, как же иначе, по шатру и уважение...

Я пронесся на Зайчике бодрым галопом через их лагерь, меня окликнули несколько раз, но не останавливаются, даже узнают издали по коню и громадному псу.

Богато одетые оруженосцы молча ухватили Зайчика под уздцы. Я спрыгнул на землю и услышал через стенку из тонкого шелка приятные звуки лютни. Красивый мужской голос пел о неразделенной любви, кто-то подпевал, невыносимо фальшивя.

Один из слуг со всех ног ринулся в шатер, другой поклонился и спросил почтительно:

— Вас проводить, сэръ Ричард?

Я нахмурился, даже для рыцарей я «ваша светлость», потом сообразил, что герцог тоже его светлость, слуга мо-

лодец, вовремя сориентировался и, хотя пошел на некоторое нарушение, но не поставил меня рядом с его хозяином, хотя мог бы, да...

Двое телохранителей у шатра откинули полосы ткани в обе стороны. Я шагнул через порог, оруженосец еще докладывает о моем прибытии, герцог в расслабленной позе полулежит в кресле, лениво наблюдая за танцующей женщиной, а красиво одетый юноша перебирает струны лютни и поет нежным, как у юной девушки, красивым голосом.

Завидев меня, герцог поднялся, величественный и внушающий, лицо осветилось сдержанно приветливой улыбкой.

— Сэр Ричард...

— Сэр Ульрих, — сказал я, — по всей занятости, я давно уже не заглядывал к вам в лагерь, о чем весьма сожалею.

Он прогудел трубным голосом:

— Еще бы!.. Мы продвигаемся столь успешно и быстро, что куда уж ходить друг к другу в гости!.. Позвольте угостить вас, сэр Ричард? Садитесь вот сюда, здесь удобнее...

Я отметил с благосклонностью, что кресло уступил свое, хотя они все одинаковые, но это знаковый жест. Музыкант и девушка молчаливо и понятливо исчезли.

Кресло оказалось мягкое и чрезвычайно удобное, герцог сел напротив.

— Хорошо здесь у вас, — заметил я.

Шатер внутри напоминает королевский дворец пышностью и великолепием. Стол из дорогих пород дерева, резные ножки в виде мифологических фигур упираются в роскошный ковер, кресла как будто украдены из летней резиденции императора, под стенами застыли в почтительной неподвижности пышно одетые в дорогие ткани прекрасные пажи.

Прекрасно вышколенные, они даже не повели глазом

в мою сторону, не то чтобы кланялись и говорили почти-тельные слова.

Герцог смотрел вопросительно, я отмахнулся.

— Разве что немного вина... Хотя нет, позвольте я угощу вас.

Герцог с одобрением смотрел, как появляются чаши с вином, взял свою, сделал глоток, улыбнулся.

— Прекрасно! Незаменимое умение для воина.

— Вообще для мужчины, — ответил я с понятным намеком.

Мы оба поржали, как два коня, если мужчины любой разговор не сворачивают на женщин, с ними что-то не так, нездоровые какие-то, у нас война и женщины — на первом месте.

Мы некоторое время смаковали холодное вино, в такую жару это просто дар небес, герцог посматривал на меня с благодушным покровительством, все-таки я младший по возрасту, хотя тоже герцог, но это как-то не совсем герцог, или же герцог низшего ранга, если бы среди герцогов существовали ранги. Одно дело — герцог из рода герцогов, где отец, дед и даже прадед были герцоги, другое — выскочка, только что произведенный в герцоги.

И хотя вроде бы стать герцогом за заслуги как бы достойнее, однако же в определенных кругах, где больше ценится порода и родовое воспитание, отдают предпочтение наследственному герцогу.

Я осушил кубок до дна, хотел было наполнить снова, но решил, что повод не совсем, как-нибудь в другой раз, поставил на столешницу и прямо посмотрел на герцога.

— Меня всегда восхищало ваше умение, — сказал я, — удерживать власть в Ундерлендах в своей длани, даже когда туда прибыл Его Величество король.

Он самодовольно улыбнулся.

— Все лорды мне верны. Многие просто обязаны, другие связаны клятвой чести, обетами, обязательствами. У Его Величества просто нет такой поддержки... в Ундерлендах.

— И в Брабанте, — сказал я. — Ему верны только в Сен-Мари, да и то в открытую за него выступать не решаются.

Он сказал одобрительно:

— У вас крепкая рука.

Я сказал с неохотой:

— Крепкая рука говорит о слабых мозгах.

Он вскинул бровь.

— Простите?

— Мудрый правитель не нуждается в силе, — пояснил я, — чтобы удерживать власть в королевстве. В своем королевстве! Я же чувствую, что мой трон из острых мечей.

Он усмехнулся.

— Ну, это не так уж и плохо, когда армия вас обожает.

Я спросил в упор:

— Вы в каких отношениях с герцогом Готфридом?

— Вашим отцом? — переспросил он с удивлением. —

Это в высшей степени достойнейший человек, правитель, воин. Его чтит и уважает весь Брабант, у него много сторонников в Сен-Мари, а в Ундерлендах он популярнее Его Величества!.. Кроме того, нас с ним связывает старая дружба...

— ...и орден Маршала, — добавил я в тон.

Он посмотрел на меня в упор.

— Теперь больше шансов на его возрождение, не так ли?

Я взял кубок, сосредоточился. В руке заметно потяжелело, темно-красное вино поднялось почти до краев. Герцог смотрел с интересом, я не стал притрагиваться к его кубку, только очень ярко представил, что там появляется добротный марочный коньяк, вкус помню хорошо, задержал дыхание и всеми силами потребовал, чтобы в кубке герцога появился именно он...

Ноздри уловили сдержанный аромат, я перевел дыхание и сказал герцогу почтительно:

— Пробуйте осторожно. Напиток королей!..

Он с самым заинтересованным видом взял кубок, а

пока принюхивался к незнакомому запаху, я сказал со всей искренностью:

— Герцог, я в состоянии удерживать власть в Сен-Мари железной рукой... но я сам сторонник легитимности и законности. Легитимность дает ощущение устойчивости, незыблемости, защищенности от всяких неожиданностей.

Он начал поднимать кубок и проговорил отстраненно, не отрывая взгляда от темно-коричневой поверхности:

— Сэр Ричард, я вас не узнаю.

— Почему?

— Вы всегда казались мне таким уверенным...

Он сделал легкий глоток и задохнулся. Лицо побагровело, глаза полезли из орбит. Я сделал вид, что ничего не замечаю, сказал с неловкостью:

— Я сам себе таким казался довольно долго. Уверенным, непоколебимым. Честно скажу, что-то я совсем запутался. Или пытаюсь поднять ношу не по силам. Пока я был простым рыцарем, мне все удавалось...

Он с трудом выдохнул, спросил ошалело:

— Чудесное вино! Но как достигли такой крепости? Меня продрало до селезенки!

Я отмахнулся.

— Да это просто...

Он покрутил головой, взгляд не отрывался от кубка.

— Разве сейчас вам хоть что-то не удается?

— Да вот ощущение, — признался я, — что вот-вот рухнет... Бросаюсь из стороны в сторону, как добро в проруби, но сам вижу, какое-то трепыхание, а не суровая мужская деятельность.

Он осторожно приблизил край кубка к губам, сделал совсем крохотный глоток, даже не глоток, а сперва покатал эти капли коньяка во рту.

— Вас еще не трепало, — проговорил он, — как баба лен...

— В каком смысле?

— Когда человек занимается ерундой, — произнес он и тут же поправил себя, — мелочами, хотел сказать, ему все легко. Так и жизнь можно прожить! Без напряжения. А вы сейчас живете в полную силу. Вон какое вино научились создавать!

Я покачал головой.

— Но все чаще кажется, что подхватила некая волна и несет так, что даже берега не успеваю рассмотреть. Все мелькает и сливается в серую полосу. Хочу выбраться на берег и чуточку перевести дух. И понять, куда меня занесло.

Глава 4

Он смотрел настороженно и внимательно. Оруженосец тихо-тихо внес легкий столик с блюдами, на главном в окружении мелких зажаренных птичек лежат культянками вверх печеные фазаны.

Герцог кивнул одобрительно, а оруженосец почти-тительно переложил по фазану и горке птичек нам на чистые тарелки и, отодвинувшись на пару шагов, застыл, словно вырезанный из дерева идол.

Герцог отставил кубок с коньяком и произнес осторожно:

— Однако здесь, в Гандерсгейме, нужна крепкая рука... да и в Сен-Мари. Вы сами понимаете, в королевстве некое двоевластие. Реальная власть у вас, но легитимная, как вы сами заметили верно, за Кейданом. Это не может длиться слишком долго. Когда война за Гандерсгейм закончится, придется что-то решать.

Я неспешно отпил вина из своего кубка, слабое и кисленькое, вчерашний виноградный сок, опустил на столешницу и посмотрел герцогу в глаза.

— А как видите будущее Сен-Мари вы, доблестный герцог?

Он уточнил:

— И Гандерсгейма?

Я покачал головой.

— Гандерсгейм — неотъемлемая часть королевства. Я сторонник целостности территорий. В сепаратизме нет ничего хорошего.

Он коротко усмехнулся.

— Хорошо, хорошо... Это либо мудрость, либо... хороший аппетит. Как я понимаю, возвращение Кейдана вас не устраивает?

— Как полноправного короля? — спросил я. — Нет. Другое дело, с сильно урезанными полномочиями, но, боюсь, эту идею не только не примут, а даже не поймут. Потому против Кейдана я лично ничего не имею, если он не будет настаивать на возвращении ему трона.

Он буркнул:

— Вы же знаете...

— Знаю, — вздохнул я. — Так что Кейдан отпадает.

— Тогда?

Он следил за моим лицом внимательно и не спросил «тогда вы?», понимая, что такой разговор я завел издалека неспроста.

— Я не зря спрашивал, — напомнил я, — в каких отношениях вы с герцогом Гитфридом.

Его лицо мгновенно изменилось, целая гамма чувств сменилась так быстро, что я не успел вычленить ни одной и классифицировать, затем он вскинул голову и произнес контролируемым голосом:

— Будут трудности, предупреждаю честно. С другой стороны...

— Да?

Он закончил честно:

— ...герцога Готфрида местная знать охотнее предпочтет вам. Вы — чужак, а герцог Готфрид — сен-маринец. Его предки верой и правдой служили королевству, отличились во многих битвах, занимали высокие должности, водили армии. А когда Брабант начал постепенно отстаивать свои привилегии, Готфрида тайком поддерживали даже при королевском дворе. Кто из неприятели к

Кейдану, кто в надежде, что потом сумеет и свои земли так же...

Я перевел дыхание.

— Герцог, я счастлив, что в вашем лице заполучил такого мудрого и понимающего наставника. Вы точнее оцениваете ситуацию и видите баланс сил, чего я, честно говоря, лишен за неимением опыта. Я рассчитываю, что вы и дальше будете помогать вашему другу на этом трудном пути.

Он проговорил многозначительно:

— Он мне больше, чем друг.

— И орден Маршала распространит влияние на все королевство, — сказал я. — И на Гандерсгейм.

— Но по слухам, — сказал он, — вы намерены земли Гандерсгейма раздать исключительно вашим рыцарям.

— Верно, — подтвердил я, — но мои — это и армландские герои, и брабантские, и ундерлендские, и даже вестготские. Уверен, благородные идеи ордена Маршала в их сердцах найдут гораздо больше отклика, чем в Геннегау!

Я поднялся, поклонился. Он тоже встал, красивый и величественный в каждом жесте, с поклоном проводил меня до выхода и даже подержал стремя моего коня, выказывая полную покорность и поддержку.

Герцог Ульрих вообще-то должен быть весьма заинтересован в возвышении Готфрида. При Кейдане больше не получишь, чем уже имеешь, но если Готфрид усядется на королевский трон, то Ульрих станет вторым человеком во всем королевстве.

Правда, с сепаратизмом Ундерлендов будет покончено, как и с отдельно взятой брабантностью, однако, думаю, большинство лордов только поприветствует объединение страны, что обещает усиление мощи, открытие новых рынков и торговых путей. И быть вторым в громадном королевстве все же лучше, несмотря на глупую фразу Цезаря, чем первым в крохотном анклав.

Промчавшись через лагерь, где со всех сторон крики

«слава Ричарду!», я спрыгнул у своего шатра... да, намного беднее ульриховского, откинул полог и шагнул вовнутрь.

И сразу же ощутил чье-то присутствие. Рука метнулась к рукояти меча, а из пустоты раздался усталый голос:

— Это я, Сьюманс...

Он проявился медленно, словно с трудом, незриемость не желала отпускать и тянула обратно, но он кое-как выбрался, тут же с тяжелым вздохом рухнул в глубокое кресло.

— Что-то уставать начал... А раньше мог... эх...

Я сказал заботливо:

— Вина? Фруктов? Чем-то могу помочь?

Он слабо покачал головой.

— Нет... это я... помочь...

Я насторожился, сел рядом и смотрел ему в глаза по-дружески, но требовательно.

— Вы совсем отошали, дорогой друг... И лицо желтое, словно больны... Позвольте вас полечить?

Он снова покачал головой.

— Ни в коем случае. Ваше лечение может оказаться для меня ядом. Сами сказали, пьем из разных источников. Я прибыл, сэр Ричард... предупредить вас...

— Слушаю, — произнес я настороженно. — Может быть, хотя бы немного вина?

— Да, пожалуй... Только своего.

— Конечно-конечно! Я счастлив, что оценили.

Он осушил большую чашу, откинулся на спинку кресла, несколько мгновений отдыхал, а когда заговорил, голос оставался расстроенным и невеселым:

— Сэр Ричард, маги согласились работать с... механикой. Хотя это и не магия, мы понимаем, однако у нас за много лет, даже десятилетий, нет никаких сдвигов, даже минимальных...

— Понимаю, — сказал я. — Вы люди творческие, вам нужны прорывы в знаниях. Вам недостаточно жить-поживать да добро наживать.

Он кивнул.

— Вот-вот, а ваши идеи как глоток чистого воздуха. Однако хочу предупредить, Тиларета Стойкого с нами нет. Он удалился, заявив, что будет заниматься своим старым делом. И что уже близок к победе.

— Он в своей башне? — спросил я.

Сьюманс вздохнул, бледное лицо стало совсем пергаментным.

— Нет...

— Я думал, маги всегда в башнях!

— Нам удобнее в башнях, — согласился Сьюманс, — к тому же именно туда получали энергию звезд. Остальные и сейчас в них, включая меня. Все еще ждем, когда все восстановится. Но Тиларет исчез, у него недавно появилось убежище в горах.

Я удивился.

— Зачем в горах?

Сьюманс посмотрел на меня несколько раздраженно.

— А вы как думаете?

Я в самом деле подумал, поинтересовался нерешительно:

— Что-то отыскал?

— Верно, — согласился Сьюманс. — Быстро соображаете. Из вас получился бы неплохой маг, но это я вам уже говорил. Да, у него там нечто есть, однако, как вы понимаете, все мы ревностно оберегаем свои находки. Пока звездная энергия поступала, он переносил какие-то вещи в башню, исследовал, пытался возродить к жизни, но сейчас Великий Источник затих, и Тиларет Стойкий ушел к своим находкам.

Я задумался, но чем больше старался понять, что же нас ждет, тем тревожнее становилось, а в конце концов по спине сыпануло настоящим морозом, словно на голую спину подул северный ветер и бросил горсть снежной крупы.

— Вы говорите, он близок... к чему-то?

— Это он так заявил, — поправил Сьюманс педантич-

но, — но не думаю, что врал. Мы не все говорим друг другу, но и врать не принято. Мы такое видим...

— Уместное уточнение, — пробормотал я. — А то уже подумал, что все такие честные... Спасибо, Великий Маг! Я подумаю, что нам делать.

Он невесело улыбнулся.

— Уже не Великий. Если Источник в самом деле истсяк, наша мощь постепенно исчезнет. А кому нужны голые знания?

— Знания всем нужны, — возразил я. — Если они знания.

Он ушел так же, как и появился: сперва стал матовым, потом полупрозрачным, затем исчез вовсе. Я на всякий случай смотрел и тепловым, и запаховым, и вообще всем, чем могу, однако Сьюманс просто исчез. Возможно, сейчас уже возник в своей башне.

Я перекинул через плечо перевязь с мечом, взял лук Арианта и полупустой мешок с черной короной, осмотрелся, вроде ничего не забыл, и решительным шагом пересек пространство между своим шатром и шатром графа Ришара.

Он сидел над картой, угрюмый и сосредоточенный, с ним сэр Альвар и Макс, тоже всматривались в карту так сосредоточенно, словно надеялись увидеть там себя.

Я сказал с порога жизнерадостно:

— Как дела, граф? Докладывайте, какие где сложности?

Он посмотрел на меня со странной усмешкой.

— Докладывать? Да мы вроде бы сегодня провели совещание... Вы присутствовали. Или за это время у вас столько всего стряслось, что для вас прошла неделя?

Я замахал руками.

— Что вы, что вы, граф! Это я шутю так оригинально.

Ришар переспросил:

— Это в самом деле шутка? Мы должны смеяться?

Альвар заявил:

— Я смеюсь.

Макс сказал поспешно:

— Я тоже. Очень громко. Там... глубоко внутри. Очень глубоко.

Паж принес вина и чаши, Ришар ответил невесело:

— У нас ничего нового. Стоим, как стояли. Вот закончим поднимать верх стены еще на два локтя, тогда и сдвинемся, но вряд ли далеко уйдем. До следующего королевства. А вот вы...

— Что я, — ответил я. — Тоже тихо и мирно. Я же миротворец!

— А почему доспехи в новых зарубках? — спросил он. Я в недоумении скосил глаза вниз.

— Да?... Ах, это через терновник сдуру напролом полез, к вам спешил!

Он усмехнулся.

— Вы за пару дней проживаете столько событий, сколько мы за пару лет. То-то так быстро прошли путь от графа до герцога!

Я сказал скромно:

— Вообще-то я и графом не родился, но это неважно. Сэр Норберт в разъездах?

— Здесь, — сообщил Ришар. — Он человек разумный, его удержать легче. Его разведка разрослась, надо смотреть, что делается со всех сторон войска, уже не успевает всюду. Получает сведения здесь... хотя нет-нет и улизнет, чтоб лично... Позвать?

— Да, если не трудно.

Он усмехнулся.

— Не трудно, сэр Ричард.

Оруженосец бесшумно выскользнул, даже полог не колыхнулся, донеслись приглушенные голоса, затем процокали, быстро удаляясь, копыта.

Второй паж внес на большом подносе еще кубки, кувшин, быстро расставил на столе и унесся, сообщив, что жареное мясо уже готово, сейчас принесет.

Альвар поднялся, толкнул локтем Макса.

— Ваша светлость, — произнес он церемонно, — у нас много дел... С вашего разрешения покинем...

Я кивнул.

— Без вас будет скучно, но... служба есть служба.

Они вышли, Ришарг взглянул на кубки, на меня. Я сосредоточился, вызвал в памяти вкус вина и все ощущения от него, направил внимание на кубок графа. Там булькнуло, вино поднялось снизу и сравнялось с краями. Точно так же я наполнил себе, откинулся на спинку кресла и подумал устало, что это слишком сложно, нужно упростить, не идти шаг за шагом, а привязать этот сорт вина к определенному слову. А другой — к другому...

Ришарг осторожно отпил, стараясь не расплескать, блаженно закрыл глаза и счастливо улыбнулся. Паж внес широкие блюда с жареным мясом, поставил перед нами и хотел было налить нам вина, но Ришарг отмахнулся.

— Отдыхай. Мы позаботились сами.

Он ушел, кося в нашу сторону непонимающими глазами, кувшин почему-то полон...

Граф неспешно смаковал вино, не притрагиваясь к мясу, а я ел быстро и с аппетитом, а когда очистил ее, как лесной пожар проходит по сухой траве в степи, Ришарг обронил с усмешкой:

— Чувствую, не лежали на спине, глядя в небо. Окажите мне честь, займитесь и вторым блюдом?

— Не возражаете? — спросил я живо. — Вот и хорошо! Фигуры надо беречь. А во мне все сгорает, никак живот не отращу, чтоб уважали...

Он внимательно наблюдал за мной поверх усеянного рубинами края кубка.

— Снова исчезнете?

— Совсем нет, — возразил я. — У всех свои четкие функции. Войско медленно и неуклонно наступает на земли варваров, всякий раз останавливаясь на время укрепления городов. Разведчики сэра Норберта носятся во-

круг нашей армии, как стрижи, но добытую информацию стаскивают к вам терпеливо и заботливо. Священники бдят, чтобы не угас энтузиазм масс, разжигают пламя веры, чернокнижники идут в первых рядах и выискивают магические ловушки, западни, капканы... Ну, а я, как паук, ношусь по этой паутине и все собираю воедино! Потому мне просто нельзя на одном месте.

Он поморщился.

— Не дело лорда собирать собственноручно... Эх, с другой стороны, нет у нас человека, который общался бы со священниками и чернокнижниками... и чтоб его те и другие не прокляли.

— Вот видите!

— Да, только это неправильно.

— Как и вся жизнь, — согласился я. — Увы, сейчас тоже придется исчезнуть. На некоторое время. Не дергайтесь, я приехал как раз за подмогой. Нужен небольшой, но очень мобильный отряд.

Он внимательно посмотрел мне в лицо.

— Что-то очень опасное?

Я развел руками.

— Граф, эти земли, кроме самих варваров, защищают и маги. Нам очень важно убрать этих противников.

— Как вы убрали троллей, — сказал он, — и огров?

— Да, — ответил я с некоторым замедлением, гуманное здесь время, еще не знают иного значения этого слова. — Да, именно так. А там, как получится. Кстати, пошлите еще человека за некой Боудеррией. Она была телохранителем у принцессы Алонсии.

Он кивнул.

— Знаю. Она все еще с нею. В смысле, возвращается к ней после участия в сражениях. И уже там изнывает от безделья. Вы нашли для нее занятие?

— Как раз такое, — сказал я, — какое любит.

За стенами шатра послышался конский топот, затем характерные звуки соскакивающих на землю рыцарей в

тяжелом снаряжении. Через минуту полог отлетел в сторону, вошел сэр Норберт, высокий, подтянутый, поджарый, без доспехов, лишь легкая кольчуга под застегнутым на груди плащом.

Глава 5

— Ваша светлость, — сказал он с поклоном.

— Барон, — ответил я с милостивым наклонением головы. — Дорогой сэр Норберт, вам задание... У нас нет отдельных отрядов для проведения особых операций, но, полагаю, вы к подобной деятельности ближе всех.

Он вскинул подбородок, взгляд прям и тверд.

— Я готов, ваша светлость!

— Сэр Ричард, — поправил я. — В особо продвинутых королевствах, дорогой сэр Норберт, наиболее опытные и умелые воины выделяются в отдельные отряды героев. Им получают самые трудные задания.

Ришар смотрел непонимающе, но помалкивал, Норберт спросил сразу:

— Например?

— В то время, — объяснил я, — когда два войска тупо рубятся друг с другом, стенка на стенку, кто кого заломит и оттеснит, такой отряд может прорвать оборону с фланга или с тыла, прорубиться быстро к вражескому знамени или на холм, откуда за битвой наблюдает чужой король и его советники с телохранителями...

Лицо Ришара выразило сомнение, дескать, а по-рыцарски ли подобное, однако сэр Норберт, которого соседи измучили внезапными нападениями, сразу все понял и, как я видел по его лицу, принял.

— Да, сэр Ричард! Я могу подобрать таких людей.

— Им будут поручаться самые опасные дела, — предупредил я, но обращался больше к Ришару. — Им предстоят самые искушенные противники! И если в сражении их надо долго искать, то в нашем случае будем сразу бить

по ним, не обращая внимания на мелюзгу вроде вчерашних крестьян, впервые взявших в руки пики.

Норберт вытянулся.

— Разрешите начать немедленно?

Я сказал с неловкостью:

— Если вас не затруднит... А то мы тут пьем и жрем, даже неловко...

— Спасибо, сэра Ричард!

Он исчез, Ришар глубоко вздохнул.

— Хорошего я вам человека отдал? Даже сам не ожидал, что его таланты раскроются так ярко.

— Вы подобрали его всем нам, — напомнил я. — Да и в вассалах у вас он остается!

Он усмехнулся, покачал головой.

— Сэр Ричард, что вы с нами делаете? Снова увлекли безумными идеями... Помните, меня выдвигали в гроссграфы Армландии, но я уже хотел уединения и спокойно разводил своих дивных коней... потому предложил вас. А потом вы сумели увести все наше рыцарство через тоннель и завоевать целое королевство, намного крупнее и богаче нашей бедной Армландии. Теперь вот Гандерсгейм...

Я в сильном смущении, которого на самом деле не испытывал, развел руками.

— Граф, обещаю, на этом остановимся.

— А пальцы за спиной скрестили? — спросил он.

— Что вы, граф, — запротестовал я. — В самом деле останемся в Сен-Мари. Надолго.

— До постройки флота? — поинтересовался он с иронией. — То-то все королевство ринулось строить! Все мастера там, все ремесленники, в городах не осталось плотников, все как с ума посходили...

— Королевству слишком долго был закрыт выход в море, — объяснил я. — Сейчас сдерживающая цепь лопнула... Вернее, мы сами рванули ее так, что звон все еще стоит над всеми землями. Так что быть Сен-Мари вели-

кой державой! Или вернем ей древнее грозное имя «Арнд»?

Он пробормотал:

— Я не могу так вот прыгать с одного на другое, как кузнечик какой-то... Корабли, Арнд, Гандерстейм, маги, варвары...

— Но приходится, — заметил я, — прыгаете же? Ну пусть важно, аки слон, переходите с проблемы на проблему...

За шатром послышался конский топот, голоса, лязг металла. Полог осторожно отодвинулся, оруженосец спросил почтительно:

— Прибыли сэр Норберт и... гм, леди... Боудеррия.

Граф взглянул на меня, сделал рукой разрешающий жест.

— Зови.

Сэр Норберт вошел нахмуренный, еще более жесткий, собранный, за ним вдвинулась Боудеррия: в настолько плотно облегающей тело кольчуге, словно надела на голое тело. Над обоими плечами высовываются рукояти мечей, перевязи все те же тонкие из прочнейшего шелка, украшенные золотыми нитями. На предплечьях скромно смотрятся стальные браслеты, простые и без украшений, но с царапинами и даже зарубками, словно уже перехватывала ими удары ножей или легких мечей степняков.

— Ваша светлость, — сказал сэр Норберт, — граф Ричард... Отряд уже собирается. Но у меня вопрос...

Он умолк, давая мне самому догадаться о сути вопроса. Граф сделал каменное лицо и начал смотреть в сторону.

Я посмотрел на него с досадой.

— Насчет Боудеррии? Кстати, она еще не убила того любезного рыцаря, посмевшего обозвать ее ледей?

— Не убила, — ответил сэр Норберт. — Но, сэр Ричард, я прошу вас объясниться! Почему вы берете с собой эту... женщину, а не своих верных рыцарей? Любой из нас может все то, что может она, и намного больше!

Я покачал головой.

— Сэр Норберт, я глубоко ценю ваш порыв... однако вы не сможете делать то, что эта женщина.

Он гордо выпрямился, задета его честь, нахмурился.

— Объяснитесь, ваша светлость!

Я сказал неохотно:

— Вы рыцари, а это значит, не ударите в спину и... вообще. Для вас существуют запрещенные приемы, недостойные методы... в то время как любая женщина на чисто лишена этих рыцарских... достоинств. Мы едем в место, где столкнемся с магами и помощниками магов. В отношении их правила войны не действуют! Их можно и нужно убивать, как диких зверей, без церемонного расшаркивания и правила выбора оружия. Эта женщина — сможет! А вы?

Боудеррия окинула меня холодным взглядом с головы до ног и обратно, однако смолчала.

Сэр Норберт переступил с ноги на ногу.

— Если, — проговорил он медленно и, как мне показалось, все же в сомнении, — как вы говорите, в отношении их правила войны не действуют, то рыцари тоже могут...

— Могут, — согласился я, — и не... смогут. Либо будут долго колебаться. А эта женщина ударит сразу. У женщин нет понятий рыцарской чести, сэр Норберт!.. Боудеррия, ты готова?

Глаза ее, светло-голубые, как вода с высокогорных ледников, снова окинули меня с головы до ног, но ответила с холодной почтительностью:

— Да, сэр.

— Ударишь сразу?

— Да, сэр.

— А если противник упадет на колени и запросит пощады?

— Пусть просит, — ответила она без выражения. — Я убью его и пойду дальше.

— Видите, — сказал я. — А ваш рыцарь не пойдет

дальше, а останется, теряя драгоценные секунды и даже минуты на неизбежные рыцарские церемонии! Потому для особо важных дел нужны именно такие люди. А священники отпустят им мелкие грехи несоблюдения каких-то неважных ритуалов.

Он поморщился, неважных в кодексе рыцарства нет, с другой стороны, да, я говорю хоть и неприятные вещи, даже оскорбительные для рыцарства, но в интересах общего дела иногда важнее через что-то переступить, чем соблюдать все формальности обряда.

— Как скажете, мой лорд, — произнес он и поклонился. — Только я хотел бы, чтобы такие слова произносили не вы.

— А кто?

Он произнес холодно:

— Люди менее благородного сословия. Палачи, к примеру.

— Политики, — ответил я нехотя, — еще те... гм... куда там палачам, что работают поштучно. У нас же статистика.

Он не понял, спросил с холодноватой учтивостью:

— Позвольте выстроить отряд?

— Действуйте, — сказал я. — Мы сейчас будем.

Он коротко поклонился и вышел, успев бросить на Боудеррию взгляд, полный отвращения.

Я повернулся к воинственной валькирии.

— Рвалась действовать? Теперь не заскучаешь. И мужским вниманием будешь окружена.

Она смотрела все так же холодно и ровно, но когда заговорила, в голосе звучала откровенная злость:

— Это я такая бессердечная убийца?.. Нет понятий о чести, ударю сразу, зарежу, заколю, затопчу, забодаю...

— Так надо, — ответил я мирно. — Иначе бы на меня здорово обиделись. И тебя взять бы не удалось.

Она сказала едко:

— Но вы говорили очень искренне!

— Я политик, — объяснил я, — могу и слезу пустить.

Граф Ришар чуть слышно хмыкнул, отвернулся и рассматривал кубок, задумчиво поворачивая его в руке с таким вниманием, будто впервые увидел.

— Пойдем, — сказал я. — Надеюсь, у тебя конь не слишком черепашистый. А то бросим на полдороге.

Она вышла следом, я слышал ее сердитый голос за спиной:

— Все равно, я уверена, вы так и думаете... Убьет без раздумий, ударит в спину... Хотя, если подумать, вы обо мне сказали верно, хоть и обидным тоном. Мы такие. Я женщина и не понимаю, почему, если выбью из руки врага оружие, должна остановиться, разрешить ему поднять или даже сама с поклоном подать ему, и только затем, возобновив бой, убить, если получится?.. А если сразу, то, по-вашему, это нечестно!

Сэр Норберт взмахом руки велел всадникам выстроиться в ряд, быстро вскочил на своего скакуна и занял место слева.

Я сказал ей тихо:

— Потому тебя и взял. А ты думала, из-за твоих выпуклостей?

Она фыркнула и пошла к своему коню. Зайчик подставил бок со стремянем, я вспрыгнул и орлом оглядел всадников. Сэр Норберт подбирает очень умело, не гонится за знатностью, что было бы понятно, каждому лестно, если в его подчинении есть родовитые лица. Отобранные им герои даже внешне похожи на него: собранные, поджарые, явно быстрые, жилистые, на меня сразу уставились в ожидании чего-то необычного, вот где у меня сидит моя репутация.

— Отныне вы ядро нового подразделения, — сказал я. — Вашим девизом должно стать что-то типа «Трудные задачи выполняем немедленно, невозможные — чуть погодя». Хотя мы и не кузнецы, но по наковальне настучать сможем каждому! Вы собраны для решения задач, которые не по плечу всему войску, ясно?

Их серьезные лица медленно вытягивались. Кое-кто

тихохонько переглядывался, стараясь не шевелить головой, только сэр Норберт, все еще хмурый и сосредоточенный, смотрел то на меня, то на Боудеррию..

Один из воинов сказал несмело:

— Ваше светлость... это значит, мы больше не разведчики?

— Нет, — ответил я, — вы ими остаетесь, только классом повыше. Почему набор был поручен именно сэру Норберту? Потому что в разведку брал только тех, кто способен сам принимать решения. Там нет рядом лордов, кроме того, вы можете не только сражаться в одиночку, но еще и до сражения трезво решить: стоит драться или лучше удрать? Удрать не стыдно, стыдно погибнуть и не привезти добытых сведений о враге!.. Вы — элита, я верю выбору сэра Норберта. И я надеюсь на вас, как на лучших. А теперь — в путь! Двигаться будем быстро. Промедление смерти подобно.

Я повернул Зайчика и направил его за пределы лагеря. Бобик весело помчался впереди, перепрыгивая через костры, повозки, обедающих воинов, пугая коней и время от времени оглядываясь: следуем тем же путем?

Боудеррия едет, как я рассмотрел, не поворачивая головы, вместе с отрядом и в то же время чуть в сторонке. Воины на нее поглядывают со смешанным выражением мужского интереса и трусости: тонкий стан и крупная грудь — хорошо, но широкая челюсть, к тому же вызывающе выдвинутая вперед, говорит о крутом и непокорном нраве, а кто из нас любит непокорных женщин? Только те, кто брешет, как попова собака.

Да и ростом Боудеррия с мужчину, а все мы предпочитаем нечто мелкое, чтобы наше тотальное превосходство чувствовалось сразу. Даже пышные волосы ухитрилась запихнуть под шлем, прямые широкие плечи открыты во всей красе, каждый невольно меряет взглядом и прикидывает смущенно, вдруг у самого поуже. Хоть не станешь с такой рядом...

Небо из голубого вдруг стало насыщенно красным. Я поглядывал с опаской, до заката далеко, солнце только вскарабкалось в зенит, как же не люблю, когда что-то идет не так, как задумал, а по моей задумке оно встает на востоке и заходит на западе, но не сразу, а после долгого трудового дня и обязательных неторопливых циклов: утро — день — вечер...

Дорога бодро бежит по равнине, земля сухая, последний дождь прошел две недели тому, и трава страдает от жажды. Я невольно подумал, что в тысячном году вся Европа была покрыта сплошными лесами, как ни трудно в такое поверить. На редких полянах среди непролазной чащи жили люди, и эти поляны располагались на таких огромных расстояниях друг от друга, что для живущих там это и был весь мир, окруженный вечным и никогда не кончаемым лесом. Открытие еще где-то людей всегда бывало потрясением.

Здесь ситуация иная, леса давно отступили под натиском расплодившихся людей, которым понадобились места для пашен. Сейчас уже естественными границами остаются отвесные горы, где не отыскать тропки, бурные реки, где не найти брода, бескрайние топи, зыбучие пески.

Если укреплю власть, первым делом займусь дорогами, не дураков же лечить? Хорошие дороги еще больше укрепят мое положение и не дадут расползаться местным феодалам по вотчинам. Если, конечно, меня не доконает что-нить непредвиденное, как вот маги, например.

— Ненавижу непредвиденное, — пробормотал я. — Теперь наконец-то понимаю тех осторожных дураков, что всегда суетливо бормочут насчет последствий, которые могут стать ах-ах непредвиденными...

Разведчик Выползень, сэр Норберт характеризовал его как ловкача, который и луну с неба достанет, если его как следует раззадорить, прислушался, подъехал ближе.

— Что-то изволили, ваша светлость?

Я отмахнулся.

— Всего лишь государственные мысли вслух. Вернее, мысли крупного государственного деятеля. Это я, понял? Крупные все стремятся предвидеть, как теперь понимаю.

Он беспечно хохотнул:

— А особо крупные так и вовсе строят то, что хотят увидеть!

Я посмотрел на него остро, парень едет веселый и франтоватый, сам не замечает, что изрек умную мысль, что может стать афоризмом, если сегодня же не забудется.

— Хорошо сказано, — обронил я.

Он заулыбался, польщенный.

— Ваша светлость, — спросил он живо, — а что с народом Гандерсгейма? Я слышал мудрые слова, что при завоеваниях недостаточно оставлять покоренному населению его законы! Надо еще оставить его нравы. Народ всегда больше защищает свои нравы, чем свои законы.

Я нахмурился.

— Так приходится действовать, если завоевывают из политических соображений. Или экономических. Тогда обычаи более важны, чем законы, ибо именно от обычаев все законы и зависят. Но мы не для того пришли сюда...

Я замолчал, он спросил осторожно:

— А для... чего?

— Спроси у священников, — ответил я.

Он умолк, раздумывая, что же такое особое знают священники, а я с тревогой вспомнил, что хотя священники по большей части не покидают обоз, за исключением умеющих врачевать, но половину мы уже оставили в захваченных городах, где они спешно открывают церкви. Пока в подходящих по размерам зданиях, но предусмотрено строительство церквей, а кое-где замахиваются даже на соборы.

Как обычно, при отправке все были уверены, что священников берем слишком много, у них и в Сен-Мари работы выше головы, но оказалось, что уже недостает, а две трети Гандерсгейма еще не слышали стука копыт наших коней.

Сэр Норберт приблизился, Выползень тут же тактично отстал и затерялся среди других таких же особо отважных.

— Уже можете сказать, — спросил он осторожно, — куда держим путь?

Я кивком указал в сторону гор.

— К счастью, близко.

— Огры?

— Хуже, — ответил я.

Он помолчал, но, видя, что я еду в задумчивости, заинтересовался:

— А что может быть хуже огров?

— Люди, — ответил я. — Куда ограм до нас!.. А худшие из людей — маги. Особенно те, которые называют себя Великими.

Он заметно побледнел, перекрестился, плюнул через левое плечо. Я обронил мудро:

— А если через левое плечо плюнуть трижды, то вероятность, что получите по голове сзади, повышается в три раза.

Он сказал смущенно:

— Да вы такие страшные вещи говорите...

— Вы уже бивали Великих Магов, — напомнил я.

Он зябко передернул плечами.

— Как вспомню, так вздрогну. Даже не представлял, что с такой мощью столкнусь лоб в лоб.

— Сейчас будет еще проще, — заверил я.

— Поверить не могу!

— Великий Маг потерял свою силу, — заверил я. — По крайней мере, большую часть! И потому не в башне сейчас, а отступил в горы, куда мы едем.

— Запасное логово?

— Вы сказали очень точно, — ободрил я. — Он волк, загнанный волк. А мы добьем врага в его собственной норе.

Он тяжело вздохнул, но посмотрел на меня, выпрямился, слегка опустившиеся кончики усов сами по себе приподнялись и усталились острыми шильцами в небо.

— Я рад, — сказал он четко, — что вы с нами, сэр Ричард.

— Почему?

— Вероятность того, — сказал он, — что вернемся живыми, утроилась.

Я покачал головой.

— Обижаете. Это враг не вернется. Мы — вернемся. С полной победой!

Глава 6

Сьюманс только и сказал, что убежище Тиларета Стойкого в горах, а про древние города я сам слышан, так что примерно догадываюсь, где нужно искать самостоятельного мага. Сьюманс не врал, когда сказал, что не знает, где Тиларет точно. Маги ревниво хранят секреты особенно друг от друга, каждый надеется когда-то достичь такой мощи, что всех остальных нагнет, как захочет.

Дорога начала сужаться, Боудеррия волей-неволей втиснулась с конем в середину отряда. Я покосился в ее сторону и подумал, что как хорошо, когда среди Великих Магов ни одной женщины. Не думаю, что маги придерживаются дискриминации, тут срабатывает, скорее всего, то же правило, что не позволяет им проходить, к примеру, в математики.

Но для меня хорошо, что можно действовать предельно быстро и решительно, а то когда в противниках женщина, то либо заколебался бы, либо захотел бы пофанфаронить перед ней. То и другое чревато боком...

Сэр Норберт поглядывал на меня с некоторой озабоченностью.

— Сэр Ричард, вы чем-то встревожены?

Я кивнул.

— Ну, вы же знаете... маги, маги...

Он покачал головой.

— Нет, это уже решенное, а чем-то еще. В чем вы не уверены...

Я посмотрел на него удивленно.

— Сэр Норберт, отдаю должное вашей пронизательности. Я в самом деле чувствую, что сделал что-то не то...

— И не можете понять?

Я кивнул.

— Да, ускользает.

Он улыбнулся, некоторое время ехал молча, потом кротко обронил:

— Если никто не знает, что именно вы делаете, никто не знает, что вы делаете это не так.

Дорога все еще идет вверх, я начал оглядываться на конный отряд с беспокойством. Лошади в мыле, с металлических мундштуков капает желтая пена, животы блестят от обильного пота. Всадникам приходится понукать животных, чтобы не останавливались.

Дорога пугливо обходит любые руины, по слухам, там везде таится зло. Но дважды я видел настоящие мертвые города, сердце сжималось от странной архитектуры, в висках стучит, чувствую, что вон вдоль того ряда домов летали автомобили, а вон там проходило... происходило... нет, это не выразить словами, но всеми фибрами чую ультрахайтек, и душа рвется туда все облазить и все посмотреть, вдруг да где в забытом гараже супервездеход, что сам себе добывает топливо, сам себя ремонтирует...

Однажды то ли дорога не попыталась обойти одно огромное здание, то ли его выстроили у дороги: массивный рыцарский замок со всеми атрибутами: высокие башенки, зубчатая стена, ворота с подъемным мостом через ров с водой... Да только и рва уже нет, засыпало ветрами, и мост истлел, а башни стоят без крыш, где между стропил я рассмотрел черных ворон... но слишком крупных для ворон, к тому же вместо блестящих перьев там такая же угольно черная шерсть...

Сэр Норберт кивнул и сказал с натужным смешком:

— Вон такие твари и не дают моим людям как следует пошарить в подобных замках...

— Опасны?

Он кивнул.

— Я не трус, но туда не полезу. Чтобы рисковать, нужно хотя бы один шанс.

— А так шансов нет?

Он кивнул снова.

— Никому еще не удавалось оттуда вернуться. Мы даже не знаем, что берет этих тварей: серебро, железо, святая вода или какая-то особая магия.

— Узнаем, — ответил я. — Человек, такая тварь... до всего докопается.

— Докопаемся, — подтвердил он, поняв мои слова буквально. — Там столько сокровищ... Говорят, кто-то вообще вытащил зверька, что выполняет все желания. Сперва таскал золото, алмазы, волшебные мечи, а потом хозяин сообразил, что вообще может стать королем...

— И стал?

Он пожал плечами.

— Говорят, стал. Не в наших землях, восхотелось по-больше территории, больше богатых городов... Но точно никто не знает. Каждый верит в то, чему хочет верить.

Он на минуту показался взрослым рассудительным человеком, но тут же вздохнул, глаза заблестели, начал вслух рассуждать, что бы он пожелал, если бы такого зверька отыскал сам.

Я слушал, слушал, все те же бабы и пьянка, хоть бабы не простые, а все принцессы да королевы, он еще не знает, что в постели нет разницы между дояркой и герцогиней, чудак, я знаю, а он все еще не понимает, хотя вдвое старше...

А что эти руины народ привычно обходит, так мы обходим точно так же ущелья или непролазные болота. Глупо пытаться идти напрямик, верная смерть, вот и проложены дороги по краю, все нормально. Это еще очень не скоро на такое вот непролазное болото придут люди и станут строить город, чтоб грозить надменному соседу. Для такого подвига готовы будут замостить болото своими костями.

— Как и везде, — ответил я вслух своим мыслям. — Еще не пришло время тотальной зачистки... А когда придет, нас уже не будут интересовать переломанные вещи древних. Разве что для музеев...

Норберт не понял, переспросил:

— Для чего-чего?

Я присмотрел ровную площадку под отвесной горой, солнце с той стороны, здесь блаженная тень, и даже ручеек журчит из расщелины.

— Привал, — сказал я. — В жизни всегда есть широкое поле для деятельности, но иногда не обойтись и без маленькой площадки для отдыха. Кто не согласен — соберите дров для костра. Кто согласен — выпотрошите и разделайте добычу, а то бедная собачка обидится, что зря старалась.

Сэр Норберт спросил с беспокойством:

— Да, но... а вы почему не покидаете седло?

— Мой конь устал меньше, — сказал я. — Отдыхайте. Я только загляну вон за тот гребень и тут же вернусь.

Он запротестовал:

— Нет! Мы должны охранять вас постоянно.

— Вы и будете, — заверил я. — Когда приедем на место. Сейчас я в полной безопасности... Боудеррия, слезай с коня!

Она насупилась.

— Это не дело, когда лорд отправляется лично в разведку, а его подчиненные отдыхают.

Сэр Норберт сказал быстро:

— Леди... права!

— В походе я не лорд, — ответил я громко, чтобы слышали все, — а один из вас. Словом, отдыхайте и ждите! Бобик, ты тоже жди!

Зайчик, едва дождавшись сигнала, стрелой сорвался с места. За спиной я не услышал топота: даже сэр Норберт и Боудеррия, так и не покинувшие седла, сразу поняли, что за мной гнаться бесполезно.

Зайчик несся, как стрела, довольный еще и тем, что вечного соперника оставили во временном лагере. Ветер треплет гриву, я зарылся в нее и некоторое время пережил встречный ветер, потом успокаивающе похлопал по шее.

— Все-все, достаточно.

Он остановился так быстро, что не будь я готов к таким шуточкам, перелетел бы через голову и долго кувыркался бы впереди. Я слез, сердце взволнованно барабанит в груди.

Я же чувствую, что моя мощь постепенно растет, а это значит, пора переходить на новый уровень. Пусть и не слишком высокий. Воздух — хороший строительный материал, я вообще-то инстинктивно умею им пользоваться. Из памяти не выпало, у меня ничто не теряется, но просто не обращал внимания, что однажды уже добавлял себе массу в дворцовом зале, но там уцелели даже расписные плитки пола. Как-то инстинктивно пожалел их красоту, что ли, но не затронул процессом, и когда снова вернулся в тело человека, опять бегал по мраморным плитам, поврежденным разве что зубчиками низко опущенных шпор.

— Ну же, — сказал я вслух, — давай...

Зайчик фыркнул и, посмотрев на меня очень внимательно, отступил на пару шагов. Я напрягся, пытаюсь удержать сознание, однако в ушах послышался звон, голова закружилась. Я поспешно сел на камень и сосредоточился на том, что становлюсь привычным птеродактилем, только крупным, а массу наращиваю из воздуха, только из воздуха, не трогаю даже этот валун...

Сознание померкло, но затмение длилось мгновение. Даже стремительно бегущий муравей с мелкой мошкой в жвалах убежал за это время всего на расстояние двух ладоней.

Зайчик фыркнул неодобрительно, в таком виде я в нем не нуждаюсь, нехорошо, энергично прынул ушами.

— Я скоро, — прокаркал я.

Он вздохнул и продолжал смотреть на меня с мягким укором. Глаза большие, карие, теплые, даже я забываю, какими они были, когда я впервые встретил его, тогда в седле был Всадник Ада.

Я не трус, я человек осторожный, потом после ряда неудачных попыток сумел сделать птеродактиля незримым, порадовался, хотя Зайчик по-прежнему наблюдает за мной снисходительно, еще не зная, что он должен меня не видеть.

То, что Тиларет Стойкий сейчас где-то в горах, хорошее предположение, но только предположение. Он может быть и в своей башне, все-таки там хранятся основные наработки за последние сотни лет.

Я выпрямился на лапах, гордо развел крылья, готовый к прыжку в небо.... Взгляд зацепился за блеснувшую в синеве искорку, и внезапный холод сжал сильной рукой сердце.

На огромной высоте что-то двигается над землей. Возможно, в стратосфере или даже в безвоздушном. Мелькнула паническая мысль, что самое разумное — превратиться в человека, позвать Зайчика и влезть в седло.

Десять минут бешеной скачки — и я буду хоть в основном лагере. Могу так домчаться и до башни Тиларета Стойкого. Хотя, конечно, если сделаю так, если поддамся страху, то так и останусь пришибленным, с так называемой психологической травмой...

— А вот хрена, — сказал я дрожащим голосом, — а вот не стану и не буду дергаться... Трус я глыбоко в душе или не трус, но не стану, вот и все дела.

Но все равно трясло, и когда превращался снова в безобидного птеродактиля, что охотится разве что на лягушек и ящериц, и когда решился оттолкнуться от земли и взмахнуть крыльями. Страх пронизывал тело самыми настоящими судорогами, я то и дело сбивался с ритма, нелепо проваливался, но сцепил зубы и заставлял себя подниматься выше и выше.

Не только для того, чтобы преодолеть смертельный

ужас и убедить себя, что некто с огромной и недоступной мне высоты бьет только по особо крупным и опасным целям, но и чтобы не стать целью для охотников на земле. И хотя такого птеродактиля никто есть не станет, но почему бы не всадить в него пару стрел просто ради забавы? Это так по-человечески. Точнее, по-мужски.

Когда из-за высоких барханов показалась высокая башня, я сразу понял, что она принадлежит Тиларету Стойкому, Сьюманс обрисовал точно.

Я поспешно снизился и благоразумно сел среди барханов, надеюсь, из башни если и засекли появление мелкого птеродактиля, то не обратят на него внимания.

Решив идти уже проверенным путем, с четверть часа я терпеливо наращивал массу, укреплял толстыми плитами брони, перестраивал их, делал прочнее и еще прочнее, искал и ликвидировал малейшие уязвимости, и только тогда начал медленно выбираться из гигантского котлована.

Башня показалась такой крохотной, что я даже не поверил сперва своим глазам, почти такая же по размерам и массе, как я сам. Ноги мои стонали от перегрузки, я заставлял их нести меня как можно быстрее, передние лапы изготовил к схватке загодя.

Я чувствовал себя странно, словно двигаюсь через плотную воду, каждое движение замедлено, единственный плюс в том, что я настолько громаден, что каждый шаг заметно приближает к башне.

Я приблизился вплотную, когда на вершине появилась крохотная человеческая фигурка в длинном халате. Не Тиларет. Наверное, кто-то из его учеников, младший маг. Она вскинула тонкие руки-спички, я почти услышал мышинный писк, из его рук по мне ударили слепящие молнии.

Мои лапы начали подниматься кверху, человек снова что-то пропищал. Я ощутил холод во всем теле, плиты на плечах и груди с треском лопались, посыпались мелкими пластинками сухого хитина. Мои лапы пошли

вниз, человечек с вздетыми руками прокричал что-то еще, но на этот раз я ничего не ощутил, а мои лапы обрушились на башню, как два падающих с небес тунгусских метеорита.

Я почти не ощутил боли, когда башня разлетелась на мельчайшие камешки, больше похожую на пыль. Мага расплескало по ним красными крапинками, камешки не успели рухнуть на землю, когда я увидел, кого вызвал последним заклятием лучший ученик Тиларета Стойкого, и почему он был уверен, что меня остановить успеют.

Вокруг башни поднялись живые скалы, а прямо надо мной угрожающе склонились ужасающие существа из смерча и молний, крупнее меня в десятки раз, головами достигающие облаков, могучие, непобедимые... но и они не решаются ухватить меня, чего этот маг не учел.

Я опустил на все четыре, велел себе стать человеком, как бы ни желалось остаться вот таким, огромным и всевластным, которого все страшатся... и тут же спасительно передумал: лучше стать большим и сильным драконом с крыльями!

Медленно перетекая из одной формы в другую, я успел подумать, что в человека хочется почему-то меньше всего... и тут чернота беспамятства накрыла с головой.

Очнулся от боли, судорога свирепо вывернула обе задние лапы, я мог только лежать и тихо всхлипать, стараясь хоть как-то расслабить напряженные конечности, сухожилия вот-вот порвутся.

Наконец-то отпустило, даже непонятно почему, возможно слишком часто нельзя прыгать из личины в личину. Наверное, зря трачу столько усилий на то, чтобы сохранить способность к перевоплощению в тайне, а нужно ли? У меня же такие верные друзья, их ничто и никогда не отпугнет...

Ага, не отпугнет. Молчу про церковь, и без нее все ополчатся, как на воплощение Антихриста: лорды, рыцари, простой народ, даже маги всех уровней... И не только ополчатся, могут объединить усилия. Это сейчас вроде бы

мне плевать, но если они все плюнут, утопят даже дракона.

Кряхтя, я поднялся на подрагивающие задние лапы. Острые и прочные как алмазы когти со скрипом врезались в гранит, кроша его, как комья песка. Немного дернуло левую лапу, а так вроде в порядке, разбежался и с силой оттолкнулся от земли.

Крылья рывком вскинули в воздух, земля понеслась внизу быстро, но по мере подъема двигалась все неторопливее. Впрочем, при моих размерах за один-два взмаха внизу может не проплыть, а проскочить целое королевство.

Я на лету свесил голову и во все глаза всматривался в проплывающие внизу горы. Они всегда казались мне одинаковыми, недаром же соплеменные, не отличаю старых от молодых, разве что первые должны быть ниже и потрепаннее, как все пожившее, однако эти все как из одного гнезда.

Ноздри дернулись, уловив странный запах. Ощущение такое, что внизу тлеет пожар, но горел не лес, а сама земля, плавился сам горный хребет.

Крылья послушно изменили угол и пошли работать чаще, откликнувшись на невысказанное желание снизиться и рассмотреть ближе. И почти сразу в драконьей груди стало холодно и тревожно.

Между горами распахнулся провал. Солнце светит почти прямо, видно, как долго вниз идут прямые стены, но тонут сперва в полумраке, а затем в кромешной тьме.

Я сделал короткий круг, это с большой высоты просто провал, а сейчас вижу, что в него можно сбросить одно из королевств Гандерсгейма, и будет оно падать долго-долго, не задевая стенки.

Солнце жжет спину, в отвесных стенах различимы все прожилки. Я перевел дыхание и начал медленно спускаться в провал, все так же планируя по кругу, а то и пугливо приподнимаясь, когда напоминал себе, что я дурак и рискую совсем не по уму.

И все-таки спускался все ниже и ниже, замороженный, ошалелый масштабами этого полуподземного непонятно чего, вон снизу из темноты поднимаются колонны, что ничего не поддерживают, проступают из сумрака странные каменные мосты на разных уровнях, из них только пара идет горизонтально, остальные все с наклоном, иногда просто чудовищным, по таким не спустишься, а скатишься кувырком...

Да и не мосты это, а, скорее, связующие артерии, вроде окаменевших труб, снабжавшие город водой... или не водой.

Из стен торчат толстые обломки... но, похоже, это остатки таких же мостов, разрушенных то ли людьми, то ли временем и землетрясениями.

Я смотрел жадно, в голове мысли бегают с криками восторга, каждая машет гениальной идее, как вдруг сзади толкнул раскаленный воздух, больно ожег все тело. В глазах покраснело, я провалился вниз на два-три десятка ярдов, а то и на пару фарлонгов. В панике оглянувшись, охнул и едва не опустился еще ниже, и там злорадно торчат острые пики молодых гор.

За мной идут, быстро настигая, два крупных дракона. Оба с белесыми брюхами, светлыми крыльями, похожие на медуз, но я вижу, как под ними покорно сминается упругий воздух, и страх схватил за горло.

Один распахнул пасть, я успел увидеть в красном жерле зарождение оранжевого огня, торопливо метнулся в сторону. Мимо с ревом пронеслась струя жаркого пламени. Страшно подумать, если бы задел, меня поджарило бы всерьез.

Я начал подниматься судорожными зигзагами. Драконы почти вдвое крупнее, но значит, и менее маневренные, я дождался очередного плевка огнем, с силой ударил крыльями по воздуху, словно по воде. Меня подбросило, огненная стрела сжатого воздуха пронеслась чуть ниже, опалив жаром поджатые к брюху лапы.

— Сволочи, — прохрипел я. — Двое на одного...

Они тоже поднимались за мной, тяжелые, как дред-ноуты, могучие. Я ввинчивался повыше, однако с ужасом ощутил, что оба чудовища снова нагоняют, поспешно перешел в горизонтальный полет, оглянулся, и сердце застыло.

Мощно работая крыльями, они приближаются медленно, но неотвратно. Если и уступают мне в маневренности, то никак не в скорости. Размеры есть размеры, за один взмах крыльев проходят больше, чем я за десять...

Стрелу огня один выпустил, когда было настолько близко, что я едва успел дернуться в сторону, хотя и был готов. Жар опалил костяные щитки, второй дракон просто распахнул пасть и ринулся на меня с выпученными глазами.

Жутко лязгнули зубы, я взвыл, ощутив, как из толстого хвоста вырвали кусок плоти вместе с защитной броней.

Я бросился прочь, но явно настигают, берут в клещи. Уже правый рванул из меня, словно забавляясь, клочок плоти. Острая боль ожгла все тело, я взвыл, в панике огляделся, но нет спасения в открытом небе, оба превосходят как в убойной силе, так и в скорости.

Я торопливо нырнул вниз, навстречу понеслась эта жуткая бездна с ее переплетением мостов, торчащими колоннами, на вершине которых можно расположить дворцы вместе с садами, шипами стен. Снизу несетя тьма, но я напряг зрение, цвета исчезли, черно-серый мир похож на тот, какой бывает при полном солнечном затмении, жуткий, нереальный, хотя все видишь почти отчетливо, только понимаешь, что с глазами что-то не так...

За спиной полыхнуло, я инстинктивно рванулся в сторону, мимо с ревом пронесся тугой сгусток огня. Зато я едва не врезался головой в торчащую со дна скалу, меня чиркнуло острым по боку, я сцепил зубы и снова в который раз торопливо залечивал на ходу, а за спиной снова раздраженный рев, грохот, треск.

Оглянувшись, я увидел такое, что кровь застыла в жи-

лах: дракон врезался в вершину скалы, что едва не убила меня, во все стороны разлетелись осколки, словно некий великан ударил кувалдой по льдине, а разгневанный дракон лишь прибавил скорости.

Я пошел еще ниже, судорожно избегая столкновения, лавировал, петлял, подныривал, оба дракона то отставали, то начинали нагонять, я отчаялся, когда вдруг услышал за спиной грохот и оглушительный рев, в котором слышались предсмертные хрипы.

Дракон падает, как я успел заметить, оглянувшись, его крылья бессильно раскинуты, а на него валятся исполинские глыбы каменного моста, под которым я пролетел.

Оставшийся дракон уже не плевался огнем, то ли кончился, то ли трудно попасть в мишень, что прыгает из стороны в сторону. Я стонал от усталости, а дракон как будто только выпорхнул из гнезда, летит стремительно и мощно, не отрывая от меня взгляда.

Я присмотрелся к пустотелым скалам и горам, поднимающимся со дна бездны, рискнул на лету влететь в одну из дыр, пронесся через нее насквозь и вылетел позади дракона, что раскинул крылья и плавно скользит по кругу, высматривая меня внизу.

Из последних сил я торопливо взлетел, большую высоту набирать не рискнул, ринулся вниз, набирая крыльями ускорение. Дракон только-только начал поворачивать голову, заподозрив неладное, как я ударил всем весом сверху.

Кости затрещали, это сокол-сапсан на лету убивает утку втрое больше себя, но я не сокол, дракон лишь провалился в полете, взревел оскорбленно, и тут же послышался треск, грохот. Я оттолкнулся от его спины и поспешно взлетел вверх.

Его еще немного пронесло по острым каменным вершинам, я поднимался ввысь из глубокого колодца и слышал внизу рев смертельно раненного зверя. Дракон явно

пытается подняться, но слишком уж распорол себе брюхо, а то и разорвал грудь...

Наверх я почти выполз, упал на самом краю, разбросав бессильно крылья, и часто и бурно дышал, заращивая порезы и поломанные кости.

Глава 7

Я выставил вперед под углом голенастые лапы с растопыренными когтями. Сухая каменистая земля набежала стремительно, я подпрыгнул пару раз, старательно упирая растопыренными крыльями в плотный, как тугая резина, воздух.

— Зайчик!..

Он примчался через считанные минуты.

Я пронесся на Зайчике на огромной скорости мимо всадника с распахнутым то ли в удивлении ртом, то ли для окрика, только тогда сообразил, что бдительный сэр Норберт все равно выслал вперед на всякий случай дозор, дабы никто не застал их врасплох на отдыхе..

Я вылетел из-за скалы внезапно, воины у костра только успели повернуть головы, а Боудеррия и сэр Норберт уже оказались на ногах и в боевых стойках, в руках обнаженные мечи, в глазах готовность драться насмерть с кем угодно.

— Спокойно, — сказал я и соскочил на землю, отпихиваясь от набежавшего, обиженного, что его оставили, Бобика, — свои.

Сэр Норберт замедленно вложил меч в ножны, я кивнул в сторону Боудеррии.

— Ну как она?

Он ответил неохотно:

— Да, у нее реакция вообще-то... да... Впереди все спокойно?

— Да, — ответил я. — Отдохнули?

Боудеррия вбросила мечи в ножны за спиной, отвер-

нулась, но я видел, как внимательно прислушивается к каждому слову.

— Да, — ответил сэр Норберт, — мы готовы.

— Заканчивайте обед, — сказал я благожелательно. — У вас на вертеле олень!.. Целиком.

— Двух уже съели, — признался сэр Норберт. — Ваша милая собачка натаскала. Вот и едим, чтоб ее не обидеть...

— Прекрасно, — сказал я. — Животные не люди, их обижать грешно. Дайте и мне перекусить, а то что-то под ложечкой квакает.

Я присел у костра, со всех сторон протянулись руки с насаженными на прутья, а то и просто на ножи хорошо прожаренными ломтями мяса.

Сэр Нортон присел рядом, с другой стороны от меня часто дышал и отпихивал ревниво от меня всех и каждого Бобик. Разведчики понимающе отодвинулись.

— У вас особый конь, — заметил сэр Норберт, — как и пес... Но я тоже постарался отобрать в этот отряд наиболее заметных героев. У сэра Ободрита... этот молодой парень из очень знатной, но обедневшей семьи, на поясе, видите, самые обычные с виду ножны? Однако в них покоится раскаленный добела меч! Я не понимаю, как сохраняет жар годами, но это неважно, я вообще магию не понимаю. Кроме того, обратите внимание на Галла и Крестера. Первый никогда не спит, а второй никогда и не отдыхает.

Я сказал с уважением:

— Очень разумное приобретение! Как я понимаю, они всегда в ночном дозоре?

Он усмехнулся, кивнул.

— Глупо было бы не воспользоваться?

— Верно... Кто-то еще?

— Дряговер и Вятер, — продолжил он с удовольствием, — умеют карабкаться по отвесным стенам, я уже проверил их умение, послав однажды на высокую башню.

— И как?

— Вскарabкались по такой гладкой, что и муха бы соскользнула. Правда, так могут, увы, недолго.

Я перепросил:

— Недолго, это сколько?

— Быстро устают, — объяснил он, — дальше просто упадут. Если с большой высоты, то разобьются.

— Понятно. Если стена в три-четыре человеческих роста. Сумеют?

Он кивнул, не раздумывая.

— Я проверял на башне высотой в полсотни ярдов. Но взберутся совсем обессиленными. И драться не смогут.

— Неважно, — сказал я нетерпеливо. — Главное, чтобы сбросили нам веревки. А если будем опускаться в пропасть... Кто-то еще?

Он вздохнул.

— Еще не всех в войске проверил. Многие с такими вещами таятся, что и понятно. Еще в отряд напрашивались сэръ Герцель и сэръ Палант... вы уже знаете, первый вооружен мечом, что днем просто клинок, а ночью горит ярче факела, у второго сапоги, по любому болоту бегают, как по турнирному полю!

— Не взяли? — спросил я.

Он развел руками.

— Оба знатные рыцари.

— Что, неловко командовать? Вон граф Ришар отдает приказы герцогу Ульриху и герцогу Готфриду, и — ничего!

— Да, но... я побаиваюсь, что вдруг не всякий приказ исполнят? Вы же сказали, у нас особые условия...

Он умолк и поглядывал осторожно. Я жадно грыз мясо, смаковал, время от времени бросал кусочки Бобику. Тот ловил на лету, как мух, и тут же выжидающе смотрел на мои руки.

— Вы правы, — согласился я со вздохом. — Благородные рыцари сами решают, какие приказы выполнять, а какие нет. Увы, в нашей ситуации это чревато боком.

Он умолк, только поглядывал с сомнением. Я сожрал три великанских ломтя и взял четвертый, хотя в животе заметно потяжелело. Недалеко от нас воины неспешно собирают седельные мешки, я услышал неторопливый разговор:

— Если два охотника преследуют одну и ту же дичь, они сперва выпускают стрелы друг в друга.

— Или потом.

— Да, лучше бы потом.

Третий обронил рассудительно:

— Потом нехорошо. Хоть добычу домой принесет победивший, все испортит мыслишка, а что, если все-таки подстрелил соперник?

— Значит, — сказал первый мудро, — надо стрелять раньше в соперника, а в дичь потом.

Разумно рассуждают, мелькнуло у меня. Очень прагматично. Адекватных людей подобрал сэр Норберт. В друзья таких не запишу, но для выполнения особых заданий такие орлы как раз самое то.

Когда я отшвырнул обглоданную кость и поднялся, сэр Норберт моментально подхватился, будто подброшенный разъяренным вепрем.

— По коням!

Боудеррия оказалась в седле снова раньше всех, зарабатывает репутацию. Воины вспрыгивали один за другим, не касаясь стремени, особый шик легких всадников.

Сэр Норберт выехал вперед.

— Выступаем! Сэр Ричард, как я догадываюсь по вашему виду...

— Вы правы, — ответил я. — Дорогу я наметил прямую. Будем там совсем скоро.

Зайчик подбежал, повернулся боком. Я вспрыгнул, как и остальные, не касаясь стремени, и весь отряд слитно понесся по широкой долине, но горы начали приближаться с обеих сторон чересчур быстро и грозно.

Боудеррия пронеслась вперед к двум высланным впереди основного отряда, остальные мчатся плотной мас-

сой, почти касаясь друг друга стременами. Сердце мое начало возбужденно подрагивать, я не понимаю почему, но всегда слышу грозную и величественную музыку в грохоте копыт множества всадников. Или в мерном шаге тысяч идущих в поход воинов.

Сэр Норберт поравнялся, лицо суровое, взгляд выражает крайнюю степень озабоченности.

— Сэр Ричард, — спросил он, — я не думаю, что просто ворвемся куда-то и все подставят под наши мечи покорно шеи. Чего нам ждать? На стены лезть придется?

— Наоборот, — сказал я, — спускаться.

— Ущелье?

— Да. Правда, боюсь, что не простое.

Он взглянул коротко.

— Коркунское?

Я переспросил:

— А что это? Впервые слышу.

— Был такой великий маг, — объяснил он. — Многие годы боролся с нечистью. Но однажды его окружило целое войско... Он мог бы справиться и с ними, однако помочь своим явился сам Темный Хозяин. Они сцепились с Коркуном, и тогда тот, видя, что погибнет, произнес Заклятие Предела.

— И что?

Он вздохнул.

— Судя по легендам, был такой взрыв, что горы ходили ходуном. А на месте схватки с той поры широкая и очень глубокая яма с оплавленными краями. На дне, говорят, и доныне плещет жидкая земля, хотя я в такое не верю...

— Почему?

Он пожал плечами.

— Все должно остыть. Это было века назад. Если не тысячи лет.

— Разумно, — согласился я. — Главное, твари погибли с ним вместе. А то нам пришлось бы пробиваться через их стаи...

Он покосился в мою сторону с уважением.

— Никогда не забываете о наших интересах?

— Они и мои, — ответил я.

Он спросил с осторожной деловитостью:

— Охрана там будет... серьезная?

Я покачал головой.

— Думаю, вообще не будет. Или долго не встретим.

Это не его башня, здесь он просто грабитель. Быстро наладить охрану и оборону не сумеет, сперва надо разобраться, на что наткнулся. А на это уйдет не одна его жизнь.

Он взглянул на меня с удивлением.

— Но вы велели взять целый отряд...

Я улыбнулся.

— Просто на всякий случай. Почему бы не прогуляться по живописным местам?

Его лицо прояснилось.

— А-а-а, тогда да, спасибо. Честно говоря, ребята в последнее время здорово устали.

К нам прислушивались, лица прояснялись, завоевание Гандерсгейма только началось, но уже чувствуется усталость затяжной войны, отдых всегда желанен.

Сэр Ободрит, который из знатной, но обедневшей, сказал с готовностью:

— Тогда вы с отрядом останетесь на привале, ваша светлость, а мы втроем-вчетвером спустимся.

Дряговер сказал быстро:

— Лучше я!.. Ты еще молод, а у меня трое орлов из наших земель, сушие звери!.. Мы сами все сделаем, а вы отдохните пока.

Другие тоже ввязались в разговор, каждый предлагал другим разбить лагерь, пока он отыщет мага и разделяется с ним, с ними спорили, я слушал, благожелательно улыбался, кивал, но, когда все замолчали, исчерпав запас доводов, я ответил доброжелательно:

— Это очень убедительно! Правда. Я обязательно учту ваше мнение, дорогие друзья... как только у нас наступит

демократия. Но сейчас приказываю больше смотреть по сторонам и вперед, мы не в своем огороде!

Впереди земля заметно почернела, даже не земля, а гранитная плита, по которой уже давно стучат копыта. Донесся слабый запах гари. Всадники притихли, тревожно всматривались вдаль.

Далеко впереди дорогу пересекла черная трещина, какой она показалась всем. Норберт тревожно оглянулся в мою сторону.

— Сэр Ричард... мы едем верно?

— Да, — ободрил я. — Там не щель, не волнуйтесь. Достаточно широко, все в порядке.

Черная трещина превратилась в широкое ущелье, а мы все ехали к нему, ехали, а оно ширилось и ширилось. Когда наконец приблизились к краю, каждый умолк, потрясенный до глубины души.

Казалось, целая страна исчезла в темных глубинах. Противоположную стену едва видно на таком расстоянии, а сама яма выглядит так, словно землю с высоты пронзили раскаленным цилиндром в несколько фарлонгов в диаметре. Стены все еще черные, будто покрытые копотью.

Все молчали, сэр Норберт спросил озадаченно:

— Спускаться? Но... как?

Я указал чуть левее.

— Там можно спуститься на веревках. Не так уж и глубоко, правда. А дальше какие-то ходы в стене. Можно позаглядывать в них, вдруг что интересное.

Он посмотрел на меня в недоумении.

— Как вы рассмотрели?

— Правитель всегда должен смотреть дальше, — сказал я лицемерно, — и глыбже.

— Хорошо, — сказал он в сомнении, — попробуем...

Коней отвели в сторонку и оставили под присмотром двух коноводов. Остальные воины доставали из седельных сумок веревки, вбивали колья у края ущелья.

Первым вниз пошел Дряговер, он и без веревки мо-

жет удержаться, по словам Норберта, даже на стекле, как муха, но я лично опоясал его крепкой веревкой.

Он на миг вскинул голову и улыбнулся, но лицо бледное, в глазах тревога. Мы свесили с края пропасти головы и в напряженном ожидании провожали его взглядами.

Опускался он быстро, лишь однажды остановился, что-то выковыривал из стены, затем пошел вниз с еще большей скоростью. Я отодвинулся, чтобы не свалиться, вижу только, как мелко-мелко подрагивает веревка.

— Есть, — произнес сэр Норберт, он не отрывал взгляда от спускающегося разведчика. — Полез в нору...

— Подождем, — ответил я. — Там еще несколько дыр.

Он прислушался, сказал быстро:

— Вятер, Выползень!.. он подает сигнал. Быстро за ним.

Еще два разведчика исчезли за краем пропасти. Все ждали молча, но эти спустились еще быстрее, по дороге ничего выковыривать не пришлось. Веревка пару раз дернулась, мол, все в порядке, на месте, и ослабела.

Норберт всматривался и вслушивался, свесившись в пропасть так, что край под ним начал крошиться.

— Кажется, — проговорил он с сомнением, — что-то нашли... Галл, Крестер!.. Вы следующие. Если там в самом деле есть ход, будем спускаться все.

Глава 8

Бобик визжал и просился с нами, я велел ему сторожить арбогастра, а то еще потеряется, эти лошади такие невнимательные, такие невнимательные. Бобик вздохнул и, сев на толстый зад, вперил в Зайчика укоризненный взгляд.

Мы с сэром Норбертом спустились в самом деле последними. Из черной норы в отвесной стене протянулись руки и помогли нам переместиться в этот проход, больше похожий на ласточкино гнездо в обрыве, какие я часто

видел в глинистом берегу нашей реки, но глубже я уж не знаю, в самом ли деле ласточки роют такие длинные извилистые и непонятные тоннели.

Впереди шли Галл и Крестер, за ними Боудеррия с обнаженными мечами. Я то и дело стучался макушкой о низкий свод, Норберт успокаивающе приговаривал, что если здесь и живет кто, то не горные огры, точно.

Ход вывел в большую пещеру, явно вырубленную людьми, природа не так педантично придерживается принципа прямых стен, да еще чтоб они соединялись с другими обязательно под прямым углом.

Все, держа оружие наготове, осматривались, готовые к схватке, Боудеррия впервые нарушила молчание:

— Отсюда четыре хода.

— Многовато, — обронил сэр Норберт. — Можно, конечно, разделиться, однако это рискованно. Предлагаю идти вместе.

— Это займет вчетверо больше времени, — предостерег я. — Какие-то ходы окажутся тупиковыми. Здесь много чего происходило, и банальные обвалы — не самое худшее. Нет, лучше разделиться.

— А опасности?

— Не думаю, — сказал я, — что велики. Повторяю, маг здесь один. Ну, возможно, привел с собой простых рабочих, чтобы выкапывали нечто и подготавливали к отправке в его башню...

Сэр Норберт спросил деловито:

— Как с ними поступим?

Я отмахнулся.

— Как с любым скотом, зараженным ящуром. Эти люди уже потеряны для жизни. Работать не хотят, всяк надеется получить... вернее, откопать ценное чужое и сразу разбогатеть. Это не путь честного человека. Мы, христиане, должны относиться к таким людям соответственно...

Он переспросил:

— Всех убить?

Я кивнул:

— Да. Милосердно.

Воины теснились перед ним, словно кого-то может пропустить, а он делил на группы, составляя так, чтобы в каждой был кто-то очень сильный, кто-то очень чуткий, а также очень осторожный и недоверчивый. И чтоб магических и защитных амулетов в каждой группе было примерно одинаково.

Я огляделся, ударился об прямой и жесткий взгляд Боудеррии, но вместе с тем умоляющий, в чем она, конечно же, никогда и ни за что не признается.

— Сэр Норберт, — сказал я, — не буду мешать и вообще стеснять присутствием. Я отправлюсь вон по тому тоннелю... а со мной пойдет Боудеррия.

Он дернулся.

— Сэр Ричард! Я планировал отправить с вами самую большую группу! Раз уж не заставишь вас держаться позади...

— Нет-нет, — возразил я. — Во-первых, вы все уже спаяны походом, а Боудеррия среди вас просто ягненочек среди волков. К тому вы к ней насторожены, за что не виню... а я вот совершенно без предрассудков, для меня и женщина почти человек, потому что я гуманист и почти демократ.

Боудеррия поморщилась, но послушно встала за моей спиной.

— Сэр Ричард, — сказал Норберт страдальчески.

— Все будет в порядке, — ответил я. — Задание понятно?.. Отлично. Боудеррия, не отставай. А то брошу. Я вообще бросаю женщин... если удастся их опередить.

Черный зев принял нас без всякой враждебности, под ногами идеально ровный пол, да и не черный, от стен приятное желтое свечение, четко проступают слои, как кольца на дереве.

Я присмотрелся, заметил мирно:

— Ого, какой океан...

Боудеррия подпрыгнула, дико огляделась.

— Где?

Я кивнул на стену.

— Да вон же...

Она сказала с тяжелым сарказмом:

— Ну да, вон еще рыбы прыгают!..

Я пропустил мимо ушей, с женщинами следует разговаривать, как с детьми, на ходу поглядывал на окаменевшие отпечатки рыб и застывшие в камне кости завроплевцов и панцирных медуз.

Глава 9

Ход медленно, но неуклонно понижается, свет начал тускнеть, четко вижу только на два-три шага, дальше все тонет в зловещей мгле.

Я наконец сотворил шарик света, но почему-то он быстро потерял силу, и в тоннеле снова стало тревожно, темно и страшно. Наконец я вспомнил, что так и должно быть, пошел уже увереннее, держа меч и щит наготове.

Боудеррия уловила, что я напряжен и поглядываю по сторонам тревожно, сама начала зыркать со всей женской злобностью и подозрительностью.

— Чего-то ждете, сэр Ричард?

— Да.

— Чего?

— Атаки.

Она быстро осмотрелась.

— Здесь вообще все мертвое.

— Да, — ответил я кратко. — Но в этом мертвом и давно древнем мире должны появиться мутанты. Или зомби.

— Что такое мутанты?

— Это те же зомби. По признакам.

— А зомби?

— Их не отличить от мутантов, — сообщил я. — Выйдут навстречу сперва по одному-два, потом начнут окру-

жать толпой. Двигаются очень медленно, морды ужасные, изуродованные. Будут страшно гримасничать, скалить зубы и рычать. А так же вот так руками...

Она посмотрела, отшатнулась.

— Да, это в самом деле отвратительно.

— Я ж говорю!

Она зябко передернула плечами.

— Как отобьемся?

— Двигаются очень медленно, — напомнил я. — Бить их легко. Только нужно рубить на куски, все равно мертвые, а так просто не убьешь.

Я задумался, она спросила тревожно:

— А нападут обязательно?

— Непременно, — пообещал я. — Хотя, может быть, сперва со всех сторон выбегут гигантские пауки.

Она подпрыгнула в испуге.

— Пауки?

— Вот-вот, — сказал я угрюмо, — потому и пускают пауков. Эти бегают быстрее, но перед смертельным укусом всегда начинают долго облизываться и подтащат тебя к пасти совсем медленно. Успеешь туда плюнуть раза три.

— Тогда не так страшно?

— Да, — подтвердил я, — мы их перебьем. Правда, потом из-под земли вылезет их матка... Эта будет размером с двухэтажный дом. И вся в броне.

Она вскрикнула:

— И что? Она нас убьет?

Я покачал головой.

— Каким-то чудом мы ее убьем. В последний момент. Даже в последний миг.

— Каким?

— Не знаю, — ответил я. — Идея придет спонтанно.

Она подумала, спросила в недоумении:

— У пауков бывают гигантские матки?

Я поморщился.

— Не умничай. Знаешь, и заткнись, больно грамотная. Не порти другим.

— Что не портить?

— Да все, — отрубил я твердо. — Не забегай вперед, Фатима!

Она, обидевшись, даже не спросила, почему именно Фатима, послушно пошла сзади, но я чувствовал, что готова в любой миг выскочить вперед и закрыть меня грудью. А то и двумя.

Ход вывел в большой зал, рассеянный и совсем не слабый свет мирно льется с потолка, тот весь как светящаяся пластина из новенького серебра.

Боудеррия сделала шаг, намереваясь идти через центр, я сказал строго:

— Нет!.. Почучундрим.

Она пошла за мной след в след вдоль стены, мечи вытасила и крепко сжала рукояти в ладонях.

— Расслабься, — посоветовал я. Посмотрел на нее и добавил поспешно: — Я, в смысле, чтоб не перегорела заранее. А то когда понадобится, уже не сможешь...

Она фыркнула, но хватку чуть ослабила. Из стены, вдоль которой идем, скалятся в жутком беззвучном смехе черепа. Я сперва шел мимо, не обращая внимания, мало ли какие барельефы, но когда сообразил, что это не дизайн, а настоящие человеческие черепа, холод пронзил до глубины костей. Стена уходит ввысь на сотни ярдов и там теряется во тьме, точно такая тянется в бесконечность с другой стороны, однако черепа, черепа, черепа так плотно к другому, что не рассмотреть, из чего же сама стена.

Затем стены начали сужаться. Сперва настолько медленно, что не замечалось, но когда из тьмы появился потолок, тоже весь из оскаленных черепов, по спине как будто провели осколком айсберга.

— Что за чудовища все это сотворили? — прошептала она.

Я сказал довольно:

— Это сделали люди. Чудовищам до такого не додуматься.

— Вы умеете подбадривать, — сказала она дрожащим голосом.

— Мой долг, — согласился я. — Сюзерен должен внушать.

— Скажите еще что-нибудь, — попросила она. — Чтобы я прям здесь и отдала богу душу.

— Вообще-то с твоим великолепным телом... — начал я, — душа как бы и вовсе...

Я запнулся, она спросила с подозрением:

— Что?

— Тихо, — прошептал я. — Такое ощущение, что мы не одни.

Она пригнулась и начала быстро осматриваться, сжатая и напряженная, готовая к яростной схватке.

— Ничего не слышу, — произнесла шепотом спустя минуту.

— Я тоже, — ответил я.

— Так чего же... — начала она раздраженно.

Я оборвал:

— Разве я сказал «слышу»? Что ты за женщина такая нечувствительная? Или прикидывалась?

Она фыркнула и медленно распрямилась, но глазами по-прежнему зыркала во все стороны, а мышцы подрагивают в готовности наносить смертельные удары.

Противоположной стены у следующего зала просто не оказалось, там дальше такой простор, что этот зал показался тесной каморкой. Под ногами оранжевые, местами вообще красные, почти пурпурные плиты, общее впечатление такое, что идем то ли по толстой стеклянной плите над открытой золотой жилой, что тянется на мили в ширину, то ли по осенним листьям, что усеяли весь мир и окаменели.

— Красота, — пробормотал я, — страшная сила, с годами становится еще страшнее

Она посмотрела с подозрением.

— Вы это к чему, сэр Ричард?

— Красота, — сказал я, — недолговечное царствование. А ты о чем подумала?

— Что вы зачем-то умничаете, — ответила она сердито.

— Как зачем? — ответил я рассеянно. — Стараюсь тебе понравиться... Мы ведь для вас, дур, затеваем троянские войны, завоевываем королевства, низвергаем тиранов, восстанавливаем вселенскую справедливость. Ну, а кто не дурак, тот завоевывает и низвергает для себя, но таких мало, а вот дураков... Красота — это королева, которая правит очень недолго. Это я, как ты понимаешь, говорю о дворцах, городах, королевствах...

Фрагмент стены высится посреди просторного зала, пролом широк, пятеро всадников проедут в ряд, не касаясь стременинами. В неглубоких нишах тщательно изготовленные фигуры существ, то ли вылеплены из мягкого, как пластилин, мрамора, то ли вырезаны из белого, как алебастр, дерева.

Даже я не назвал бы эти странные фигуры людьми. Неведомый эстет валял некое подобие зверски утонченных эльфов: худых, костлявых, но полных звериной жадности выжить и победить.

Стена из подчеркнуто разделенных глубокими бороздками блоков, в двух местах выпуклые фигуры коней с непропорционально толстыми ногами и широкими копытами, словно всю жизнь бегают по болотам.

— О том, — сказал я, — что грабить могилы нехорошо, понимали даже в древности. Семирамида, королева Ассирии, выстроивши себе гробницу, написала на ней так: «Кому из царей будет нужда в деньгах, тот пусть разорит эту гробницу и возьмет, сколько надобно». И вот Дарий, был такой король, разорил гробницу, но денег не нашел, а нашел другую надпись, так гласившую: «Дурной ты человек и до денег жадный — иначе не стал бы ты тревожить гробницы мертвых».

— Все-таки грабили? — спросила Боудеррия.

— Да, — согласился я, — но то был век варварства и

дикости. Все люди на свете были жадными, глупыми и подлыми, так как Иисус Христос еще не родился. Но теперь наступил век просвещения, гуманности, политкорректности! Можем ли мы допустить такую дикость, как раскопки? Безусловно, нет. Как только выберемся отсюда, я подумаю насчет того, чтобы новые нормы гуманности и бережного отношения к захоронениям внести в законы...

— Не как только, — буркнула она, — а если.

— Надо верить, — укорил я.

— Мужчины вообще доверчивы, — сказала она презрительно.

— А я думал, женщины...

— Это женщины пустили такой слух, — мстительно сообщила она, — объяснить зачем?

— Не надо, — ответил я.

В зале нарастает странный холод, я начал ежиться, вздрагивать, поводить плечами, а потом и вовсе едва удерживал недостойную мужчины дрожь, а то вдруг женщина да подумает, что мне страшно. Возможно, надо все-таки брать с собой самца, перед подобными себе если и выпендриваемся, то не так уж и весьма...

Даже статуи в нишах, похоже, жутко мерзнут и пытаются удержать остатки тепла, обхватили себя руками, съжились.

— Как же холодно, — пролязгала она зубами, посмотрела на меня и сразу ошетибилась: — Сэр Ричард, давайте без всяких «согрею»!

— И в мыслях не было, — ответил я честно, но подумал, что могу обидеть, и добавил: — Это было не в мыслях. Ну, ты понимаешь... И, оказывается, ты все-таки что-то да чувствуешь.

— Спасибо, — буркнула она.

— За что?

— За «что-то».

— Я ни на что не намекаю, — возразил я. — И под

«что-то» имел в виду вообще, а не что-то конкретное...
Господи, что это?

В глыбе льда отчетливо видно огромное человеческое тело. Лохматый, как горилла, гигант не меньше, чем в два моих роста, широкий и с толстыми, как стволы деревьев, руками и ногами, с массивной головой, приплюснутым носом с вывернутыми ноздрями, застыл в позе Лаокоона, что борется с незримыми змеями.

— Это не огр, — сказала Боудеррия.

— Тебе виднее, — согласился я. — Только не смей разбивать лед. А то у тебя такое заинтересованное лицо...

Она всмотрелась, вздрогнула.

— Лед и так почему-то тает... быстро.

— Тогда побыстрее отсюда!

— Может быть, ему нужна помощь?

— Может, — сказал я уже на ходу, — но рисковать не будем.

Она догнала, сказала с презрением:

— Что за мужчина...

— Вот такой, — согласился я. — Уже не нравлюсь?

— Да вы, сэр Ричард, вообще-то никогда не нравились.

— Почему? — спросил я с обидой.

— Не в моем вкусе, — отрезала она.

— Ну да, я не огр во льду.

— Там не огр!

— Ничего, — крикнул я на бегу, — не отчаивайся, еще встретишь себе пару!

Ход вел вниз, потом пошел подниматься, затем без всякой причины резко свернул в сторону. Я начал подозревать, что рыли крупные муравьи, это у них муравейник под землей весь в таких извилистых тоннелях, а пещер великое множество, любой муравейник сразу строится на вырост, он никогда не бывает заполнен даже на десятую часть...

Боудеррия шепнула:

— Тихо! Там кто-то есть!

Впереди в небольшом, строго оформленном зале на пьедестале из темного мрамора висит массивный каменный гроб. Крышка тяжелая, вся в барельефах, похоронен кто-то из очень знатных, края почти срослись, в глаза бросается толстый слой пыли и кисея мертвой паутины.

— Ага, — сказал я, — но пусть лежит спокойно. Маг, как я вижу, крышку поднять не сумел.

— А вы?

— Я все сумею, — ответил я со значением в голосе, — но я, как истый гуманист, полон почтения к усопшим.

— Тогда, — сказала она задиристо, — и маг, может быть, даже не пытался?

— Ну да, — буркнул я. — Тогда он сюда вообще не сошелся...

Каменный гроб страшно блеснул синим огнем, под пьедесталом раздалось грозное рычание. Я отпрыгнул, а над гробом материализовался сверкающий меч с узким сверкающим клинком, старинной формой эфеса и позолоченной рукоятью.

Он моментально опустился с одной стороны, молниеносно облетел вокруг пьедестала с гробом, словно сторожевой пес, и замер в воздухе напротив меня.

Я сосредоточился и посмотрел сперва тепловым, затем запаховым. Меч все так же висит в воздухе, чуть-чуть подрагивает в нетерпении. Словно ждет команды, что вот-вот последует...

Я на всякий случай отступил, Боудеррия тоже отодвинулась, смотрит с непониманием, как я одеревенел, глаза в кучку, рот приоткрылся, как у дурака на базаре, а я безуспешно шарил тепловым взглядом за мечом и даже вокруг, потом запаховым.

Она даже спросила что-то, но я не услышал, тужился изо всех сил, вызывая в себе еще силы, что могли бы увидеть скрытое... однако меч по-прежнему висит в воздухе сам по себе, за рукоять никто не держит.

— Ну, не знаю, — сказал я с неуверенностью, — если это не галлюцинация...

Она сделала шаг вперед.

— Надо проверить!

— Не смей, — велел я.

Она неохотно отступила, я вытянул руку с мечом, хотел коснуться кончиком оружия охранника, однако чужой меч дернулся резко и быстро. Звякнул металл, я едва удержал рукоять, пальцы заныли.

Боудеррия сказала ликующе:

— Он дерется!

— Нашла, — проворчал я, — чему радоваться...

Я отступил, меч остался висеть на месте, я приблизился, он тут же ударил по моему клинку. Некоторое время мы фехтовали, незримый противник бьет сильно, но техника бедновата, было бы куда наносить удар, я уже постарался бы ранить в плечо или в бок, а так лишь звон металла, иногда сорвется искра...

Для проверки я попытался, меч остановился в нерешительности, задрожал и повис в воздухе, словно подвешенный на стене в особых крюках.

— Он не хочет драться! — сказала Боудеррия радостно. — Он отступает!

— Просто охраняет, — определил я.

— Не хочет убивать?

— Убьет, — сказал я, — если попрем. А так просто отгоняет.

Я отступил еще, меч вспыхнул и пропал из виду. Выждав, я сделал шаг вперед, клинок материализовался мгновенно, но не ринулся в атаку, для этого, как я понимаю, мне нужно сделать еще шаг.

— Появление, — сказал я, — просто предупреждение. Дескать, ближе подходить не рекомендуется. Думаю, маг мудро послушал. Оружие обладает даром убеждать быстро.

— Может быть, где-то обойти и нам? — предположила она.

— А не будет ли это ущемлением моего достоинства? — спросил я.

Она подумала, покачала головой.

— Меч никто не держит, сэръ Ричард.

— Тогда обойдем, — согласился я. — И вообще... может быть, он вообще простолюдин!

Глава 10

Я попятился, начал обходить по широкой дуге, прижимаясь спиной к стене. Меч дрожит, словно получает противоречивые команды, но я все-таки протиснулся через опасную зону, с облегчением перевел дух, когда он исчез.

— Пробуй, — велел я.

Она прижалась к стене спиной и быстро-быстро проскользила на мою сторону. Меч выскользнул из незримости, поблестал лезвием и снова ушел в невидимые ножны.

Боудеррия шумно перевела дух, очутившись со мной рядом.

— Вы так шумно звенели, — сказала она обвиняюще. — Не может быть, чтобы маг вас не почувял!

Я сам дергался, как бы не, но ей ответил с нужной небрежностью:

— Каким образом? Он здесь в чужом городе. Просто удачливый грабитель, который старается понять, что же отыскал.

— Великий Маг... грабитель?

В ее голосе было недоверие, я ответил с высокомерием благородного человека:

— Они все — грабители. Никто из них ничего не достиг своим умом, своими знаниями! Это лишь те, кому повезло в раскопках чуть больше, чем другим...

— Сэръ Ричард, — сказала она шокированно.

— Потому все они, — продолжил я обрекающе, — за-

служивают смерти!.. Как грабители и осквернители священных могил предков. Великих предков.

Она посмотрела с подозрением на лице.

— Сэр Ричард, это не ваши предки.

— И что? — спросил я с достоинством. — Я за сохранность общечеловеческого наследия! Шлимана — под суд, никто не смеет раскапывать могилы, как бы давно ни захоронили великих... а они все великие, предки. Это культурная ценность, на ней будут зарабатывать деньги!

Она шла за мной и что-то бурчала. Я вышел в другой зал, здесь воздух плотный, как на большой глубине, на стенах испарина, я вздохнул всей грудью и ощутил, что наполнил легкие мелкими капельками взвешенной в воздухе воды.

За спиной загрохотало, каменный пол дрогнул. Я оглянулся, в десяти шагах с потолка опускается массивная стена.

— Назад! — закричал я. — Быстрее!

Она ринулась за мной, стена толстая, идет вниз быстро, я на ходу пригнулся, а Боудеррия красиво упала на бок и эффектно прокатилась по каменным плитам.

Стена с глухим стуком ударилась в пол и, как мне почудилось, с облегчением вздохнула. Боудеррия красиво вскочила, рисуясь гладкими мышцами, потрогала каменные плиты.

— Тараном не пробить, — определила она. — Похоже, о защите все-таки подумал!

Я буркнул:

— Необязательно. Это может сбавывать автоматика.

— Что это?

— Древние хозяева велели защищать жильё, — пояснил я, — самому дому.

— Но ваш Тиларет все же прошел?

— И мы пройдем, — ответил я.

Она проворчала, не желая сдаваться:

— Это, по-вашему, простой грабитель?

— Я не сказал, — поправил я, — простой. Умный и хитрый, но все-таки грабитель. К тому же...

— Что?

— Я не уверен, — закончил я, — что ловушки настроил он. Думаю, это дело рук древних, а наш маг просто сумел проскользнуть... как сделаем и мы.

— Но здесь закрыто!

Я кивнул в сторону.

— Зато вон там боковой ход. Здесь либо не все продумано, либо архитекторы не согласовывали планы.

Она промолчала, но двигалась за мной шаг в шаг, даже ставит ступни на мои следы, молодец, догадывается насчет ловушек в полу. За этим залом снова настолько извилистый тоннель, будто его прорыл гигантский червь, что питается окаменевшими ракоскорпионами и трилобитами.

Когда миновали половину пути, за спиной загремело. Из щели в своде показались острые зубья металлической решетки. Боудеррия вскрикнула, дернулась в ту сторону, но застыла в бессилии: решетка не опускается, а просто обрушилась, наподобие тех, что в рыцарских замках. Острые концы стальных прутьев плотно вошли в квадратные дырочки в каменных плитах пола.

Она все же подбежала, подергала за прутья, как запертая в клетке обезьяна, только что не повизжала, повернулась ко мне, испуганная и злая.

— Простой грабитель?

— Умный, — напомнил я, — но хитрый.

— Он здесь хозяин!

— Он ведет себя, — поправил я, — как хозяин. Но это не значит, что хозяин. Это не его дом.

Она сказала сердито:

— Теперь его!

Я покачал головой.

— Как и раскопки могил, что квалифицируется как осквернение, так и это точнее назвать самозахватом. Жи-

лице принадлежало другим людям. Тиларет лишь вломился сюда, торопливо грабил, а потом решил, что некоторые ценные вещи можно изучить только здесь, не вынося за пределы здания.

Она фыркнула:

— За пределами гаснут, что ли?

Я тоже старательно ощупал прутья, все одинаковой толщины в кисть моей руки, четырехгранные, несокрушимые даже с виду.

— Да, — ответил я рассеянно, — что-то в этом роде. Так что не преувеличивай его мощь. Он сам не знает половины... Да что там половины! Он не знает и сотой доли того, что здесь ждет своего часа.

Она посмотрела на решетку, потом на меня с некоторым испугом.

— Вы говорите так, словно знаете, о чем говорите.

Я буркнул:

— А вдруг и я хочу поумничать?

Она не сводила с меня взгляда.

— Да? Раньше не замечала.

— Я в тебя влюбляюсь все больше, — пояснил я. —

Вот и...

Она фыркнула, вытащила мечи и повернулась к решетке. Прямая спина красиво напряглась, обрисовывая литые мышцы. Прекрасное зрелище, но чтобы им наслаждаться, мужчина должен быть втрое мускулистее, чтобы не чувствовать себя уязвленным.

— Сейчас придет за нами?

— Возможно, — согласился я. — Только не лезь вперед.

— Почему?

— Из нас двоих, — напомнил я сухо, — пока что больше мужчина я.

Она сказала язвительно:

— Простите, если задела вашу мужскую гордость!

— Не прощу, — ответил я.

Я снял лук, натянул быстро тетиву и взял стрелу. Боудеррия смотрела с непониманием, я отступил на шаг, прицелился. Сердце бешено стучит, я могу ошибаться, но логичнее, если вон тот рычаг на стене в десяти шагах по ту сторону решетки как-то с нею связан.

За спиной прошелестел ее голос:

— Там кто-то в темноте?

— Не хрюкай над ухом, — предупредил я.

Тетива звонко ударила по мозоли на руке, стрела исчезла в темноте, что для меня не темнота. Донесся звонкий щелчок, блеснула короткая искра, это металлический наконечник стрелы чиркнул еще и по камню. Ничего не произошло, решетка на месте, однако рычаг чуть приподнялся.

Ободренный, я наложил вторую стрелу. Если кто-то идет с той стороны, то рычаг для него должен быть именно на таком расстоянии, чтобы не замедлять шага, а решетка успевала подниматься, не заставляя хозяина склонять на ходу голову.

Боудеррия не выдержала, прошептала снова:

— Там кто-то есть?

— Никого, — ответил я.

— Так зачем...

— Надо же поупражняться, — объяснил я. — Иначе навыки исчезают.

— Ну и время вы нашли!

— Да и покрасоваться надо, — добавил я. — При стрельбе из лука особенно красиво смотрится в развороте плечевой корпус. Как он у меня сейчас?

Она буркнула зло:

— Неплох.

— А мышцы? — спросил я. — Двуглавая и трехглавая?.. Про четырехглавую уже молчу, сам вижу, глаз не сводишь...

Она что-то прошипела злое, я разжал пальцы, щелчок, стрела исчезла между стальными прутьями. Через

мгновение металлический звон, надсадный скрип, решетка дрогнула и с великой неохотой начала подниматься. Я смотрел с тревогой, вот-вот застрянет, механизмы от старости готовы развалиться, все скрипит и дергается из стороны в сторону...

Боудеррия все-таки первой проскользнула на ту сторону, замерла с мечами в руках, яростная, как дикая кошка, как же не люблю этих тварей.

Я из принципа дождался, когда решетка поднимется на высоту, и прошел с гордо поднятой головой. Дурак, конечно, вдруг бы механизмы издохли.

Боудеррия смерила меня злым взглядом.

— Чего вдруг?

Я вопрос понял верно, буркнул:

— А ты думаешь? Перед тобой решил пофанфаронить.

— С чего вдруг?

Я пожал плечами.

— Что с нами делает присутствие женщин. Пусть даже вот таких.

Она покосилась недоверчиво, не стала так уж явно обижаться на «вот таких», понятно же, мужчины не любят признаваться в слабости даже перед мужчинами, а перед женщинами так и вовсе...

Проходя мимо рычага, я небрежно ухватился за него и двинул в другую сторону. Загрохотало, решетка с облегченным вздохом рухнула вниз.

Боудеррия испуганно оглянулась.

— Что это? Мы снова в западне?

— Разве мы возвращаемся? — осведомился я.

Она ответила сердито:

— Нет, но... или это вы закрыли?

— Я, — ответил я скромно. — Да-да, продолжаю фанфаронить. И распускать хвост. Я тебе уже нравлюсь?

Она наморщила нос и стала смотреть только вперед. Гладкие стены идут на строго одинаковом расстоянии друг от друга, у меня даже мелькнула мысль замерить, в

самом ли деле везде с точностью до микрона, с ума сойти, кто же прорубил... вернее, проплавил, слишком даже, сверху и снизу все идеально гладкое.

Под стеной кое-где человеческие черепа, я не обращал внимание, но насторожился, когда заметил впереди в правой стене ряд отверстий, а на другой стороне пятна копоти.

Камень заметно оплавлен, тут уж и женщина могла бы догадаться...

— Постой-ка...

Она послушно остановилась. Я вернулся, поднял череп и швырнул вперед. Из отверстий в стене выметнулись струи огня. Череп превратился в пылающий комок пламени, на землю упал уже обугленный комочком и тут же рассыпался.

Боудеррия посмотрела на меня выразительно.

Я поморщился.

— И что?

— Ничего, — сказала она. — Молчу.

— Как все одинаково, — проворчал я. — У меня бы спросили! Я бы им такое напридумывал...

Боудеррия спросила:

— Там дракон? А как мы пройдем?

— В интервал, — ответил я. — Как только брошу — беги следом. Дракону нужно сделать новый вздох перед выдохом.

Она сама вернулась, подобрала берцовую кость несчастного, который не решился идти вперед, не сумевшего назад, так и умершего, как буриданов осел.

Я взял ее из дрожащих пальцев.

— Готова? Беги!

Я швырнул кость на секунду раньше. Боудеррия сорвалась с места чуть замедленно, все-таки страшится, впереди полыхнул адский огонь. Я догнал ее, толкнул в спину, и мы пролетели последние ярды сквозь исчезающий огонь и горячий воздух.

Она в страхе оглянулась, там нерешительно польхнуло еще раз, но уже без энтузиазма, птичка пролетела мимо. Даже две.

— Господи, что за ужасы! Надеюсь, это последняя?

— Уверен, — ответил я и зевнул с протяжным волчьим подвыванием. — Как же это однообразие надоело...

Она смотрела на меня с патетическим возмущением. Я со стуком захлопнул пасть, выпрямился гордо, я ж красавец, кивнул и пошел с прямой спиной и развернутыми плечами. Надеюсь, она уже оценила мои широчайшие, а также косые, что старательно оберегают бока от «французских ручек».

Под ногами хрустнуло, одна из плит чуть просела. И сразу же впереди из стен напротив друг друга выметнулись два гигантских топора и начали на скорости резать воздух.

Она посмотрела на меня и сказала ехидно:

— Я молчу-молчу. Даже рот не открываю!

— Слишком громко молчишь, — пробормотал я. — И слишком широко не открываешь. Ворона влетит...

— Как здесь проходить?

— А надо? — спросил я.

Она изумилась:

— Но вы же...

— Ах да, — сказал я. — Вот смотрю на тебя и забываю все время, куда и зачем идем. Видишь, как ты действуешь на мужчин!

Она поморщилась.

— Так как?

Я присмотрелся к топорам, в самом деле не проскочить, измерил взглядом коридор по ту сторону.

— Дай-ка твой меч...

Она сказала настороженно:

— У вас есть свой!

— Свой жалко, — ответил я.

Она нахмурилась, но подала клинок, но на лице сильнейшее сомнение, стоит ли так делать.

Я присел, меч положил на пол, некоторое время при-
сматривался, высчитывая время взмахов. Боудеррия ох-
нула, когда я с силой толкнул меч острием вперед.

Он успел проскользнуть под проносющимися сталь-
ными лезвиями, прозвенел по камню эфесом и остано-
вился.

Боудеррия спросила мрачно:

— И что?

Я промолчал, сам заколебался, вдруг да не получи-
лось, хотя странно, чтоб у меня да не, однако топоры вро-
де бы двигаются все медленнее, неохотнее...

Наконец невидимые плечи перестали зудеть, топоры
полностью ушли в стены.

Боудеррия обратила на меня удивленные глаза.

— Но... как?

— Мы нажали на плиту здесь, — объяснил я. — Про-
изошел запуск, говоря по-умному, хотя бы этого можешь
не понять... Для остановки нужно было наступить там, на
той стороне, что и сделал твой меч. Как видишь, приго-
дился.

Она всмотрелась, плита под мечом в самом деле слег-
ка просела в сравнении с другими.

— Мой меч не только для таких целей годится, —
буркнула она. — Откуда вы всегда знаете, как их прохо-
дить?

Я пожал плечами.

— Если скажу, что сам делал чертежи для всех подоб-
ных ловушек... согласишься?

Она пробормотала, чуточку ошалелая:

— Ну... вообще-то... теперь... могу...

— Ну и зря, — сказал я. — Стал бы такой ерундой за-
ниматься! Я герцог или не герцог? Это другие делают, а
мне с низжайшим поклоном на подпись. Я человек дотош-
ный, всегда смотрю, под чем ставлю свой красивый рос-
черк! А то так хрюкнуть не успеешь, как в женатых ока-
жешься.

Глава II

Она шла за мной сердитая и недоумевающая, а когда с обеих сторон затрещало и стены начали медленно сдвигаться, сразу сказала:

— Я молчу в тряпочку!

— Правильная женщина, — пробормотал я. — Но редкая, как та птица, что перелетела Днепр вдоль течения.

Она вертела головой во все стороны.

— Что делать будем?

Я спросил:

— А ты думаешь, почему плиты не обрушиваются сразу? А вот так медленно-медленно, словно не камни, а толпа зомби?

— Почему?

— Потому что убили бы и строителей, — объяснил я. — А так дают время... В общем, нам сюда.

Я уперся плечом в неприметную боковую плиту. Открылся узкий проход, пришлось двигаться боком, но через пять шагов вышли в большой светлый зал с зелеными малахитовыми стенами.

Боудеррия почти выпала следом, глаза как блюдца, рот распахнут, словно у голодной вороны.

— Как это мы... сквозь стену?

— Noslip, — ответил я отстраненно. — А тебе какая разница? Вы против нас чарами пользуетесь чаще, чем мы против стен... Очаровашки чертовы... Похоже, мы наконец-то добрались до цели!

Она сразу выхватила мечи и начала оглядываться, пригибаясь, как хищный зверь перед прыжком.

— Где?

— Осторожно, — предупредил я. — Мечи против магии, увы, редко эквивалентны...

— Чем плохи мечи?

— Оружие ближнего боя, — сказал я сожалеюще, — а маг — боец дистанционный.

Она опустила мечи и хмуро наблюдала, как я вытащил из чехла лук, натянул тетиву.

— Какой-то вы странный рыцарь, сэръ Ричард.

— Я правитель, — ответил я со значением.

— И что?

— Значит, — пояснил я, — во мне есть рыцарство, чтобы я мог понимать интересы рыцарей и проводить их в жизнь, во мне есть простолюдинство, я их лорд тоже и должен о них заботиться, во мне есть торгашество, так как купцы тоже мои, я должен чувствовать их нужды и открывать им пути к наживе, во мне есть все пороки, чтобы я знал желания подданных...

Она отшатнулась, затем указала кивком в сторону стены.

— Там враги, а вы меня пугаете своими пороками!

— Пугаю? — изумился я. — Соблазняю!

Я тихохонько высунулся из-за угла стены. Боудеррия напрасно трясется, никто не нападет, подземный город мертв в смысле защитных ловушек и заграждений, а отдельные работающие не в счет, да и созданы уже поздними поколениями, изрядно одичавшими.

Трое охранников расположились у входа, крупные мужики в старинного вида доспехах, но видно, что с чужого плеча. Да и сейчас любовно и гордо осматривают свои конечности, чуть ли не пылинки сдувают. В трех шагах на стене висит огромный медный щит, отсвечивает нагло, как может только медь, соревнуясь со скромным блеском золота.

— Не профессионалы, — определил я. — Из ближайших племен завлек обещаниями...

Она снова подняла мечи.

— Оставайтесь здесь, я уложу их сама.

— Нет, — сказал я. — Успеют поднять тревогу. Видишь тот щит? Стукнуть раз — тут же сбегутся все.

— Я могла бы успеть...

— Я человек осторожный, — объяснил я.

Боудеррия молча смотрела, как я наложил стрелу на

тетиву, оттянул до уха. Ее тело напряглось и стало похожим на вырезанную из дерева фигуру и покрытую светлым лаком.

Я высунулся из-за стены и сразу же спустил тетиву, прошептав:

— Не стой под стрелой...

Стрела была еще в полете, как я выхватил вторую, мигом опустил на тетиву и с силой натянул.

— И ты не стой, попадет и тебе...

Все трое увидели меня, но две стрелы ударили в цель, третий метнулся к щиту, стрела ударила его сзади в шею и пронзила насквозь.

— Лысый пешему не конный, — сказал я.

Боудеррия метнулась вперед, пока я убирал лук, мечи страшно блещут в мускулистых руках, добежала, оглядела всех троих, касаясь остриями мечей.

— Мощные у вас заклятия, — проговорила она озадаченно. — Все трое сразу... Даже не хрюкнули.

Я приблизился, довольный, кивнул важно:

— Главное, не успели.

Она посмотрела на щит, один из стражей успел к нему ринуться, но не добежал двух шагов.

— Может быть, хоть теперь в него стукнуть?

— С какой стати? — спросил я.

— Может, честнее принять открытый бой?

— Они сами не примут открытый, — предупредил я. — Близость к магии, богатству и красивым женщинам... гм... ну вон как ты, весьма и зело портит людей. А от удара в спину... или пущенной стрелы и ты не увернешься.

Она вздохнула и пошла в проход за мной молча, я только слышал ее сдержанное дыхание.

Нерационально извилистый ход повел по спирали вниз, распахнулся зал, больше похожий на пещеру, где муравьи держат расплод, если можно вообразить себе муравьев размером с волков. Боудеррия настороженно осматривалась, замедляла шаг у крупных драгоценных кам-

ней в стенах, и она ощутила тщательную отделку, будто неведомые строители тщательно стилизовали зал именно под естественную пещеру.

Я осторожно переступил через ручеек, быстрый и прозрачный, несется по каменному ложу целеустремленно, будто выполняет указание горного герцога.

— Пить не смей, — предупредил я.

— Воды Стикса? — спросила она шепотом.

— Да, — согласился я. — Козочкой станешь. Мало ли через какое захоронение отходов бежит...

— Почему здесь никого?

— Ничего важного, — предположил я. — Людей у Тиларета очень мало, он поставил их у самых уязвимых мест... Или тех, которые никак не миновать по дороге к нему. Настоящей охраны здесь не будет.

Она кивнула, но сомнение вздернуло брови и приподняло уши. Женщина точно сперва бы окружила себя всевозможными видами защиты, а уж потом... Не понять мужчин, что сломя голову бросаются хватать сокровища и пихать в мешок, пренебрегая опасностями.

Я сделал еще пару шагов, чувство опасности легонько дернуло за шнурок, а тот стукнул молоточком в гонг. Я замер на месте, странное ощущение опасности, кто-то подстерегает нас совсем близко, но затаился, ждет, когда подойдем ближе...

Продолжая нести какую-то чушь, я же говорю с женщиной, медленно снял лук, неторопливо наложил стрелу на тетиву, а сам все зыркал по сторонам. На блестящей выпуклости одного украшения в стене мелькнула тень, взялся за мысленные расчеты, тщательно прицелился в зеркально блестящую стену слева.

Боудеррия смотрела с удивлением, я натянул тетиву до отказа, задержал дыхание и отпустил.

Стрела исчезла, послышался сухой щелчок, и тут же следом болезненный вскрик. Из-за укрытия поднялся человек в простой одежде крестьянина, но с топором с руке, обе руки на боку, откуда торчит оперение стрелы.

— Ты... — проговорил он хриплым голосом, — ты...

И рухнул лицом вниз. Я сказал довольноно:

— Угол падения равен углу отражения.

Другой выскочил и, пригибаясь, попытался перебежать под прикрытием низкой стены. Я моментально натянул тетиву, звонко шелкнуло. Он подпрыгнул и, патетически вскинув руки, рухнул лицом вниз. Стрела снесла ему верх черепа.

— Воины, предавшиеся грабежу, — сказал я назидательно, — сами становятся добычей.

Боудеррия вскинула брови и смотрела на меня с подозрением.

— Это тоже заклятие? Слишком простое... Или что-то сказать захотелось?

— Традиция, — напомнил я. — Герои всегда что-то говорят. Героическое.

Она искривила губы.

— Вы перепутали, сэр Ричард. Они произносят слова, исполненные великой мудрости, перед смертью! Своей. Тогда только их записывают, передают из поколения в поколение.

Я сказал обидчиво:

— Значит, ты не будешь записывать и передавать из поколения в поколение?

— А вы как думаете?

— Я думаю, — начал я замедленно, — что ты... весьма... ага...

Она отлетела от толчка, между нами блеснул меч и оскаленные в жутком напряжении зубы. Я успел увидеть потное лицо, но уже мой меч ударил наискось. Чавкающий удар, хруст костей, и голова нападавшего упала на его же отрубленную руку с зажатой в кулаке рукоятью клинка.

— Пифагоровы штаны, — сообщил я, — во все стороны равны.

Она поднялась злая, прошипела:

— Можно бы и предупредить... Это тоже заклятие?

Я буркнул:

— Да так... из тайников памяти.

Она сказала с отвращением:

— Сколько же у вас там хлама!

— Много, — согласился я. — Только не хлама, а перлов. Но когда их горы, то и они кажутся... не столь... ценны...

Я выдернул из укрытия в стене еще одного, швырнул оземь. Боудеррия развернулась с двумя мечами в воздухе, но голова с хрустом ударилась о камень.

Мой меч остался в ножнах, охранник лежит на спине с широко открытыми глазами, из-под расколотого об острых край камня черепа быстро побежала алая струйка.

— С голой женщиной, — сказал я веско, — трудно спорить.

Боудеррия спросила с подозрением:

— Странное какое-то заклинание...

— Зато верное, — сказал я веско. — Проверенное.

Я пригнулся и прошел под стеной, прислушиваясь к каждому шороху. Боудеррия двигалась сзади, я все-таки сумел убедить, что самое важное — защищать мою спину, там я беспомощен, ну якобы беспомощен, женщин все-таки можно убедить в чем угодно, особенно если убеждает такой орел...

— Все-таки охрана есть, — сказала она с напряжением.

— Да разве это охрана? — спросил я. — Крестьяне... У них только и надежды пырнуть внезапно ножом в бок. Желательно, из темноты...

Я вытащил меч, прошел пару шагов и резко ткнул его в стену. Там треснуло, посыпались изразцы, человек выпал, зажимая ладонями рану на животе, задергался в корчах.

Я спросил с удивлением:

— Как?! Вы не читали Пикассо?

Боудеррия догнала меня возле выхода, я прислушался, но не сунулся в приглашающе приоткрытую дверь,

знаем эти шуточки, придержал и Боудеррию, о дурах надо заботиться особенно нежно, с ними жить интереснее.

— Там кто-то есть?

— Прислушайся, — посоветовал я. — Слышишь, как сопят? Как ты, когда мечтаешь меня прибить. Нет, мы не они. Пусть сидят, а мы пойдем другим путем. Нам они за чем? То ли дело — Тиларет.

— А вы знаете, где он?

— Примерно, — ответил я. — Он главный, значит, должен находиться в самом важном месте.

— А где самое важное?

— Разберемся, — пообещал я. — Хоть это и чужой муравейник, но как-то тетрамоориумы ориентируются в лабиринтах крематогастеров? А мы что, глупее?.. А если и глупее, то не слишком уж критично. Хотя глупой это тебе можно, ты красивая, а вот мне надо бы умным, хотя дуракам жить легче...

Она шла за мной, злая, как кобра, ловила комплименты, но какие-то они странные, да еще и красивой обозвал, за это и в спину за оскорбление можно, или хотя бы ниже спины, но это будет выглядеть, как мятеж, все-таки сюзерен, а мы в походе, дисциплина должна быть, а все обиды и недовольства оставить до завершения...

Я все чаще останавливался, прислушивался. Боудеррия всякий раз тыкалась мне в спину, я наконец прорычал:

— Нарочно, да?

Она прошипела:

— С чего бы?

— Стараешься выглядеть беспомощной дурочкой, — сказал я обвиняюще. — Замедли шаг. Скоро его гнездо.

— Он сидит в гнезде?

— Да, — огрызнулся я. — На яйцах.

Она озадаченно умолкла, люблю этих людей, я на их фоне хоть и свинья, зато какая же умная, хитрая, далеко заглядывающая, расчетливая, заботливая, неутомимая, а

как же иначе, это же мои люди, мои существа, мой огород, о нем забочусь и все в нем оберегаю...

А сорняки выпалываю, добавил уже другим тоном. Мой огород должен быть чистым... по возможности.

Боудеррия на ходу провела пальцем по стене, лицо приняло нехарактерное для воительницы озадаченное выражение.

— Станный камень...

— Это не камень, — сказал я.

— Металл?

— И не металл.

— А что? Не глина же...

— Металлокерамика, — предположил я. — Тугоплавкость камня, пластичность металла... Стоп! Ничего не трогай!

Она в испуге отдернула руку. В том месте, где вела пальцем, за нами устремилась огненная змейка, оставляя в камне вдавленные багровые знаки. Одни подпрыгивали и зависали выше, другие опускались, а пара странных завитушек вообще отделилась от стены и зависла в воздухе, нереально объемная.

— Колдовство, — прошептала она.

— Оно самое, — согласился я. — Но разгадывать не изволим. Думаю, Тиларет уже пробовал не раз. Теперь поумнел и тратит время на другую ерунду.

Она оглядывалась на огненные знаки, пока выступ стены не скрыл их от нас.

— На какую?

— Другую, — повторил я твердо и уверенно. — Мы все тратим время и жизни на ерунду, если честно. Но кто признается?

Я прошел мимо распятого на стене скелета, не удостоив вниманием, но Боудеррия остановилась, я оглянулся в нетерпении. Со скелетом в самом деле что-то не так, вроде бы человеческий, только очень огромный и с толстыми костями, руки длинные с вывернутыми суставами,

ноги тоже в норме, разве что голова больше смахивает на козью, а еще рога...

Боудеррия остановилась, губы что-то шепчут, а глаза бросают быстрые злые взгляды по сторонам. Я подошел, потрогал рога, по телу прошел трепет. Рога настоящие, растут прямо из черепа, а я было решил, что скелет составлен из разных животных.

— Боже милостивый, — проговорил я с трудом и перекрестился, — что за хрень это?..

— Дьявол, — проговорила она с убеждением, зубы ее лязгали так, что могла бы прокусить стальной нагрудник, если бы я уговорил ее надеть. — Самый настоящий...

— И дал себя распять? — спросил я с сомнением.

— А если ради насмешки над Иисусом? — спросила она. — От дьявола ожидать можно всего.

— Не больше, — сказал я мрачно, — чем от людей. Бедолаги...

— Кто?

— А те несчастные, — сказал я, — кто пытался вот так получить магическую мощь. Жертвоприношения, поклонение дьяволу, сатанинские пляски, оргии...

— А что, — спросила она с недоверием, — разве и оргиями можно что-то получить?

— Конечно, — подтвердил я. — Я вообще-то сам видел тех, кто за участие в оргиях получал повышения, льготы, премии... Но в данном случае все не так меркантильно, здесь гордый вызов небу, значит, должно понравиться Тьме. Вполне объяснимо.

Она наморщила нос.

— Я не верю, что можно оргиями... Сэр Ричард, не смотрите на меня так!

— А как я смотрю?

— Как будто, — отрезала она, — вы уже закончили с верховным магом!

Я посерьезнел.

— Ты права. Как присутствие женщины расслабляет... Это не оскорбление, Боудеррия, поверь! Это ближе к

некому комплименту. Думаю, до Тиларета уже донесся этот грохот.

— Он выйдет навстречу?

— Вряд ли... Но свою ближайшую стражу выслать может...

Глава 12

Стена, мимо которой идем, со стеклянным звоном рассыпалась, на нас прыгнули люди в кольчугах и с мечами в руках. Я бешено завертелся, стараясь побыстрее войти в то странное состояние, когда все замедляется, кроме меня самого, бил кулаками и локтями, сбрасывал с себя вцепившиеся руки, наконец выдернул меч, клинок страшно сверкнул на мгновение и тут же окрасился кровью.

Боудеррия дралась в двух шагах, я видел, как пошатнулась, в правой груди появилось четырехгранное оперение стальной стрелы. Она вскрикнула от боли, но прыгнула вперед, мечи жутко заблестали, двух разбросало, как сухие листья ветром, третий успел вскинуть над головой щит, однако меч воительницы страшно блеснул у его живота. Он выронил щит, ухватился обеими руками за брюхо, удерживая выпадающие внутренности.

Я заорал:

— Сзади!.. Держись, иду!

Она круто развернулась, успела парировать удар, однако второй в кольчуге и с кривым мечом вонзил ей клинок в живот. Я стоптал двух последних передо мной, в мгновение ока оказался возле них. Оба не успели поднять оружие, как мой меч двумя ударами рассек одному голову, другому вспорол грудную клетку так, что видно было трепыхающееся в ужасе сердце.

Боудеррия слабо улыбнулась, закашлялась, кровь хлынула изо рта. Ноги ее подогнулись, она рухнула на колени, я подхватил ее и уложил на спину.

— Ну вот и... — проговорила она слабо, кровь некрасиво хлынула изо рта, — и все...

— Размечталась, — ответил я сварливо, — я еще на тебе поезжу!.. И землю вспашу до самого моря!.. Лежи спокойно...

Она вскрикнула, когда я безжалостно потянул на себя стальную стрелу. Наконечник не пожелал выходить, я быстро и безжалостно продвинул его дальше, и так видно, что навьлет, быстро перевернул ее на бок, обломил оперение, ухватил со спины скользкое от крови жало и безжалостно рванул на себя.

Боудеррия вскрикнула, дернулась, но другая моя рука прижимает ей лоб, я снова уложил на спину.

Она что-то прошептала сквозь зубы.

— Да, — ответил я, — ты права: такой я гад, грубый и жестокий... Молчи-молчи, я и так знаю, куда меня посылаешь и что обещаешь...

Я срезал ремни, удерживающие пластинки кожаных доспехов, одна грудь залита кровью, в ней ужасающая дыра, вторая часто вздымается, словно в ужасе, что и ее ждет такое же.

Я опустил вторую ладонь на раненую грудь, холодок чувствуется, но и то благодаря возросшей чувствительности, зато Боудеррия вскоре перестала стонать, на бледных щеках проступил слабый румянец.

— Колдовство? — прошептала она слабо, почти поженски. — Я чувствую себя намного лучше.

Я покачал головой.

— Нет.

— А что?

— Ты не поверишь, — ответил я честно. — Правду говоря, сам не очень-то верю, было бы слишком лестно, а у нас принято хвастаться, какие мы все говно... Но у церкви свои мерки для греха и святости. Не буду с ними спорить, пока... пока это в мою пользу.

Она с трудом сдвинула мою ладонь со своей пышной груди. Кровавая рана уже почти затянулась, во всей красе

цветет безобразный бугристый шрам в виде сизо-багровых валиков. В середине еще не успело затянуться, валики идут вздутыми лучами, повторяя наконечник арбалетной стрелы.

— Это даже красиво, — сказал я бодро. — А как живот? Даже не чувствуешь?

В ее глазах отразился ужас.

— Что живот... Я обезображена...

— Ты же воин, — ободрил я. — Амазонки так и вовсе эти вторичные половые срезали, чтобы не мешались в бою. На животе, уверен, никакой дыры.

В ее светло-голубых глазах блеснула влага, я виновато вздохнул, видя, как там начали собираться озера чистейших слез.

— Это так ужасно...

— Разве ты ходишь с обнаженной грудью? — спросил я. — Или ходишь где-то тайком?.. Но перед жадными мужскими взглядами? Нет? Тогда чего, не понял?.. Все хорошо, ты жива. А шрамы только украшают... ага, ну, в смысле, да. Если ты воин.

Она слабо покачала головой.

— Это ужасно. Лучше умереть....

Я подумал, предложил буднично:

— Вообще-то могу попытаться убрать. Если, конечно, хочешь избавиться от так украшающих боевых шрамов.

Ее глаза широко распахнулись, но пара слез все же сорвались, прорвав запруды, и побежали по впалым щекам, оставляя блестящие мокрые дорожки.

— Это... шутка?

— Я мог бы попытаться, — сказал я, — но мне надо доверие пациента. Желательно, полное.

Она сказала с мольбой:

— Сэр Ричард! Делайте со мной, что хотите!.. Только сделайте этот ужасный шрам хотя бы не таким заметным!

Я опустил ладонь на ее правую грудь, другой взялся за левую, на беспомощный взгляд Боудеррии ответил молча,

что для полноты ощущений и сравнения необходим здоровый образец. По ее щекам начал расползаться несвойственный ей жаркий румянец, веки вздрогнули и опустились.

В моих пальцах тоже странное жжение, а в теле пошла вверх-вниз горячая кровь, ну да, это же лечение так действует, а ты что подумал, ну и что, если обычно не так, а в этот раз именно так...

Никогда не думал, что мои пальцы и ладони такие чувствительные, смотрю в ее почему-то смущенное лицо, а сам чувствую каждый нюанс и каждое движение кожи, буквально вижу, как толстые грубые рубцы медленно опускаются под плотно прижимающей их ладонью, медленно растворяются, исчезают, рассасываются...

Наконец рубцы перестали ощущаться ладонями, но я держал эти трепетные чаши, закрепляя результат, чтобы не было отката, отдачи, пусть иммунитет закрепится, да и чтоб воспалений не было, мало ли какие бактерии попали в кровь с арбалетной стрелой...

Боудеррия прошептала, не поднимая век:

— Не получилось?

— Да как тебе сказать, — сказал я медленно и неохотно убрал ладони. Разогретые моим жаром ее груди колыхнулись и замерли в ожидании, глядя вверх острыми красными сосками, затвердевшими, как речная галька. — Посмотри, не бойся. Я же смотрю... и тебе можно.

Она открывала глаза медленно, со страхом, но когда взгляд скользнул на грудь, непонимание длилось одно мгновение, затем лицо осветилось такой чистой радостью, словно у ребенка, что вместо порки получил конфетку.

— Даже шрама... нет?

— Как видишь, — сказал я гордо. — Кожа чистая, нежная, белая, не выдавшая солнца. Ни шрама, ни царапин, ни следов зубов.

Она с минуту смотрела все еще ошалело, потом приподнялась, огляделась.

— Где мои доспехи? Сэр Ричард, отвернитесь!..

Я сказал в благородном возмущении:

— Боудеррия, я же сейчас лекарь, а кто нас стесняется?.. Перед лекарями вообще раздеваются донага...

— Ага, щас, — сказала она мстительно.

Я отвернулся, слушал, как собирает верхнюю часть кожаных доспехов и торопливо соединяет ремешками. Когда разрешила повернуться, левая половинка кожаного панциря сидит, как влитая, но правая, и без того пробитая стальной арбалетной стрелой, оттопыривается, потеряв ремешки. Сверху хорошо видна чистая белая грудь, не целованная солнцем, нежная, как у ребенка.

— Ну вот, — сказал я с энтузиазмом. — Лучше придумать трудно! Хорошо сидит.

Она посмотрела с подозрением на лице.

— Да?

— Точно, — с жаром подтвердил я. — Еще бы и вторую так же... В смысле, оттопырить.

Она наморщила нос.

— Сэр Ричард, вы же отныне герцог!

— Прости, — сказал я, — герцог — да, должен. И обязан. А еще ему надлежит. Ладно, продолжу герцоговничать. Ты все-таки вперед не лезь!

— Не хочется напоминать, — заявила она ядовито, — если бы не полезла, вашу светлость уже вороны бы клевали! Или местные жуки.

— Это еще бабка надвое сказала, — заявил я. — Может быть, пауки. А теперь вот ты клюешь. Живот не болит?

Она потрогала в том месте, куда стальной клинок проник на ширину ладони.

— Нет. Спасибо, сэр Ричард! Надеюсь, за это умение вас не слишком сильно будут тыкать вилами в аду. Чем-то очень уж вы угодили дьяволу, раз наделил вас таким даром.

Я кивнул, взял меч на изготовку и пошел крадучись, Тиларет Стойкий должен быть уже близко, чувствую.

Боудеррия двигалась сзади, легкая, как моя тень, но я видел по отражению в стене, как свободной рукой то и дело проверяет, в самом ли деле ни одного шрамика, не иллюзия ли...

Выступ каменной стены уплыл в сторону, за нею открылось пустое пространство, массивный стол, а на нем золотой поднос с кристаллом, размером с бычью голову. Шагах в трех под стеной пылится большое зеркало на трех ножках.

Боудеррия при виде кристалла ахнула, глаза засветились, как у кошки в темноте, увидевшей толстую жирную рыбу.

— Какое... чудо... Это алмаз? И сколько он может стоить?

— Драгоценность камня, — буркнул я, — зависит от массы заблуждений.

— Заблуждений?

— Не надо вводить в меня заблуждение, — посоветовал я. — И себя тоже. Заблуждения тоже следует менять.

Она прошептала зачарованно:

— Только не такие...

— Так ты, — сказал я с изумлением, — оказывается, женщина?

Она фыркнула, не отрывая взгляда от кристалла:

— А вы что думали?

— Большие сиськи еще не делают женщиной, — сказал я резонно. — Вообще не делают, если уж честно. Ладно, бери кристалл, поместишь в свою корону. Или в ожерелье на шее...

— И вы меня с ним толкнете в воду?

— Не обязательно в воду...

Я огляделся, придвинул золотой поднос с кристаллом на другой конец стола, подошел к зеркалу, смахнул пыль и паутину с поверхности. Боудеррия в недоумении смотрела, как я подвигал его, повернул, наконец в нем блеснуло солнце.

Яркий прямой луч ударил сквозь темную, так показа-

лось, пещеру и вонзился в кристалл. Сверкающая радуга, немисливо радостная и чистая, как в тот первый день, когда ее увидели люди, сойдя на берег с ковчега, рассыпала ликующий свет в пещере.

Боудеррия охнула. Я задержал дыхание и медленно-медленно поворачивал кристалл. Краски смещались, первыми ушли фиолетовые, синие и голубые, стали блекнуть зеленые, зато спектр желтый и оранжевый расширился, заиграл оттенками.

На стене появились тени, странные и размытые. Я терпеливо поворачивал кристалл, двигал по столу взад-вперед, наконец изображения стали четче и непонятнее. Те, нечеткие, можно было как-то трактовать, но вот эти... не лезут, никуда не лезут.

Боудеррия что-то горячечно говорила за моей спиной, я с таким напряжением всматривался, что в черепе начало потрескивать, словно распухающие мозги взламывают черепную коробку.

Похоже, кристалл хранит в себе некую информацию. Однако ощущение такое, что неведомые предки использовали для передачи, как и для приема, не только зрение и слух, как мы привыкли. Скорее всего, судя по странным провалам, он обращается и напрямую к мозгу, однако даже у меня нет тех чувств или устройств, что принимали бы то, что передает это устройство.

— Это... магия, — проговорила Боудеррия, она боязливо подошла и стала рядом. — Вы ею овладели, ваша светлость?

— Я против магии, — обронил я. — Я демократ и гуманист.

От кристалла узкий лучик света пал на стену. Я подошел, пощупал камень, гранит, надежно, с силой ударил кулаком. Хрустнуло, будто проломил скорлупу яйца. Каменная перегородка рассыпалась мелкой крошкой, в углублении сиротливо блеснул небольшой старинного вида ключик.

Боудеррия ахнула.

— Откуда вы знали?

— Не помню, — пробормотал я. — Может быть, это я его туда положил?

Ключик на ощупь холодный, очень тяжелый, куда тяжелее, чем если бы золотой. Я взвесил его на ладони, чувствуя, как напрягаются мышцы.

Раньше всегда с недоверием смотрел, как крохотный ключик, пролежавший где-то тысячи лет, может привести в действие стонные плиты, что начинают отодвигаться, подниматься, в общем — убираются с дороги и открывают тайный проход, а то и вовсе огромный сказочный зал с Великими Сокровищами, оставленными фараонами. Никакие струны не смогут так долго быть натянутыми, никакие противовесы не удержат постоянно напирющую тяжесть...

...но здесь все оказалось намного проще: стоило мне сунуть его в прорезь тут же рядом в стене, одна из глыб в стене раздвинулась, признаваясь, что не монолитная вовсе, а так, с солидным дуплом почти в рост человека.

Там ничего, кроме массивного рычага, я сразу же ухватился, нажал, упираясь всем телом и с усилием разгибая ноги. Каменная плита в глубине сдвинулась, надавила на другую, та прижала нижнюю, и вот широкие каменные блоки, аккуратно отесанные, начали медленно и неохотно опускаться, часто и негромко поскрипывая, потрескивая.

Изломанные стены уплыли в стороны, под ногами неожиданно чавкнуло, будто ступил в болото. Я тревожно уставился в странный красный пульсирующий мир, весь в наплывах и потеках.

Ясное и четкое ощущение, что мы во внутренностях чудовищного насекомого. Красные стены разделены на неровные сдвинутые клетки, иногда различаю даже ядра и мутные соки, все медленно шевелится, внутри этих замкнутых камер что-то происходит...

На полу вдоль одной из стен нечто вроде гигантских яиц, в каждом легко поместится взрослый человек, толь-

ко эти без прочной скорлупы, а кожистые, влажные, видно, как изнутри что-то продавливает бока то в одном, то в другом месте.

Большая часть яиц, если это они, покрыты паутиной, кожица высохла и стала похожей на шеи галапагосских черепах, дряблые и морщинистые. Половина из них ко всему еще и затянута паутиной, но тоже мертвой и давно высохшей.

Воздух влажный и жаркий, лицо Боудеррии сразу заблестело в мелких капельках пота.

— Это... — прошептала она, — выглядит, как живое...

— Оно и есть живое, — пояснил я мирно, хотя сердце трепещет в ужасе, — мы внутри живого... ага, организма...

Она побелела, глаза распахнулись, как у испуганной принцессы, как не стыдно.

— Что? Мы сами зашли к нему через пасть?

— Скорее, через рану, — поправил я. — Древнюю, незаживающую... и причиняющую ему боль...

— Господи! Как же он мучается!

На мгновение она показалась мне почти женщиной, чуткой и сопереживающей любым несчастьям.

— Не так уж и сильно, — утешил я. — У него порог должен быть ниже.

Она посмотрела в недоумении.

— Порог?

— Болевой, — объяснил я. — Если это вот создано на основе, близкой к насекомой. Она самая пластичная и позволяет вытворять с собой многое, как говорят дрозифилы.

Она не стала переспрашивать, кто такие эти многознающие дрозифилы, оглядывалась в ужасе, дергалась, подпрыгивала при каждом чавкающем звуке.

Почти по всему своду идут сталагмиты, эти полупрозрачные сосульки выглядят живыми, раскачиваются в плотном тяжелом воздухе, словно при ветре.

Глава 13

Я шел медленно, прислушивался, за спиной Боудеррия топают, как стадо слонов, вскрикнула и чуть-чуть не ухватилась за меня, когда впереди два сталактита, один за другим, лопнули с мокрым звуком. Брызги выплеснулись на пол, а из отвратительных коконов начали выползать блестящие от слизи насекомые, размером с крупных кошек. Очень медленно они распрямляли крылья, но не хитиновые, а кожистые, прозрачно-красные, с черными прожилками.

Я остановился, надеясь, что Боудеррия все же ухватится, это же так интересно, если будет беспомощно прижиматься ко мне, вздрагивать и пугливо вскрикивать. Есть же мир, созданный мечтами слабых мужчин, где женщины бьются рядом с ГГ, повергают мощными ударами крохотных кулачков могучих мужчин, впятеро тяжелее их, а от пинков ногами эти слоны вообще улетают на десятки шагов.

И вот так, побив их десятки, она даже не запыхается, остается очаровательной, остроумной, красивой, намакияженной, с красиво уложенной прической из вымытых лучшими шампунями волос.

Но я в реальности, где женщина есть женщина, а я, уву, должен быть мужчиной, обязан им быть, хотя иной раз и хочется побалдеть и спихнуть часть забот на нее.

Я вздрогнул от ее насмешливо-встревоженного голоса:

— Сэр Ричард, что с вами?

Я пробормотал:

— А что... вроде ничего...

— Да у вас такая рожа была сладенькая, — сказала она безжалостно, — что просто захотелось по ней врезать.

— Добрая ты, — сказал я. — Хотя я тоже тебя люблю.

Сзади хлопнуло, с потолка на пол упало нечто вроде комка мокрой глины. Боудеррия мигом развернулась и

уже замахнулась обоими мечами, но там на полу расплывается, быстро исчезая, лужа.

— Что за страсти, — сказала она раздраженно.

— То ли еще будет, — утешил я. Когда кто-то рядом боится еще больше, легче скрывать свой страх. — Зато разрешаю ликовать.

— Что стряслось?

— Мы подошли, — сообщил я, — к головному ганглию...

Она не стала переспрашивать, озирается, пригнувшись.

— И где он?

— Шас прыгнет, — пообещал я. — Ладно, шучу. Может быть, и не шас...

— Но прыгнет?

— Или скакнет...

В булькающем красно-багровом помещении все больше наростов, похожих на полипы, все блестит слизью, пол неровный, иногда под подошвами начинает нечто приподниматься или что-то перекачивается, я поспешно делаю шаг в сторону, а Боудеррия вообще отпрыгивает, как будто постоять на горле врага не самое то.

В одном месте прямо из пола поднимается нечто вроде ствола дерева в три обхвата, только нет кроны, а высотой в два моих роста, даже не ствол, а чудовищный гриб, даже шляпка намечается, хотя и хилая для такого великана...

Я огибал медленно, прислушиваясь, посматривая то тепловым, то запаховым, и увидел смутное очертание человеческой фигуры в дальнем углу.

Тиларет Стойкий, укрывшись незримостью, быстро-быстро вынимал прямо из живой щели в полу некие блестящие шары, похожие на свежестолженные муравьиные яйца, только размером с овечьи головы.

Боудеррия, повинувшись моему знаку, застыла, я вышел из-за стены. Тиларет быстро взглянул в мою сторону, но

тут же продолжил вытаскивать и складывать в ряд эти странные яйца.

По мне пробежал холод, маг в самом деле приблизился к раскрытию какой-то великой тайны, что даст ему силу и власть...

Я сказал громко:

— От честных глаз да не укроется порча, даже прикрытая парчою. Пусть на пороке золотой венец, но и злату не скрыть зла.

Он встревоженно поднял голову, всмотрелся в меня, поколебался, но снова принялся за прерванную работу.

— Тиларет, — сказал я громко. — Тиларет Стойкий! До чего же надо преисполниться презрением к человечеству, чтобы даже сейчас полагать, что тебя никто не видит.

Он вскинул голову, лицо исказилось злобной гримасой, открыл было рот для злого ответа, но остановился и только смотрел на меня, не двигаясь, выпученными глазами.

Я сказал сурово:

— Все еще не веришь? Тогда лови доказательство...

Мои пальцы неспешно сняли с плеча лук, я наложил тетиву и прицелился прямо ему в лицо. Там дрогнуло, он судорожно отодвинулся, крикнул срывающимся голосом:

— Ничтожество!.. Земляной червь!.. Тебе слишком долго везло!.. Но здесь твоя удача оборвалась!

Он вытянул в мою сторону руки и начал стискивать пальцы, на лице проступило нехорошее наслаждение. Я оттянул тетиву до самого уха, а Тиларет стиснул пальцы, разжал кулаки и еще раз стиснул. В глазах появилось недоумение.

— И что? — спросил я. — Боудеррия, я хорошо смотрюсь со спины?

Маг прокричал нечто злое, вскинул руки к своду.

Я сказал громко:

— Ты на кого руку поднял, смертный?.. Господи, направь руку мою.

Стрела исчезла, тетива звонко и совсем не больно щелкнула по огрубевшей коже. Тиларет вздрогнул, оперение появилось в левой стороне груди, словно там расцвел диковинный цветок.

— Что... — проговорил он непонимающе, — что... как ты...

— Твои барьеры, — сказал я надменно, — для воина Господа не барьеры, черно книжник проклятый! Припади к ногам моим и смиренно проси пощады...

Его рука уже ухватила за кончик стрелы и медленно потащила из груди. Боудеррия охнула, наконечник явно высунулся из спины и сейчас жутко рвет плоть...

На свет появилось окровавленное острие, но тут же вторая стрела с такой же силой ударила в живот. Маг на миг согнулся, но ухватился за стрелу и потащил ее с таким же упорством, перекошенным лицом и плотно сжатыми челюстями.

— Напрасно, — сказал я победно. — Господи, ты же видишь, кто на твоей стороне?

Третья стрела ударила рядом раньше, чем он вытащил вторую. Боудеррия часто дышит рядом, уже заметила, что первая рана в груди мага почему-то не затягивается, кровь хлещет ручьем.

Маг отбросил вторую стрелу, ухватился за третью и только сейчас заметил, что в груди дырка, откуда обильно течет кровь. Он вскинул голову и отыскал меня горящим взглядом.

— Кто... ты?

— Разве мы не знакомы? — спросил я. — Тиларет Стойкий, нужно было слушать меня внимательнее в прошлый раз.

Он взмахнул руками, я насторожился и приготовился прыгнуть в сторону, однако он моментально превратился в огромную летучую мышь, подпрыгнул и полетел, часто махая крыльями, к широкой дыре в своде.

Я быстро вскинул лук и выстрелил. Стрела еще не догнала его, как я выстрелил еще дважды.

Он был возле дыры, первая стрела ударила в крыло и пригвоздила к стене. Он страшно завизжал, две следующие с такой силой поразили его мохнатое тело, что исчезли в нем.

Я снова наложил стрелу и ждал. Его тело начало меняться, превращаться в нечто бесформенное... стекло по стрелам, что вонзились в камень, начало падать, все ускоряя движение и принимая форму огромной капли.

Шлепок о каменный пол едва не расплескал смертоносными брызгами, я почти физически чувствовал, каких усилий стоило ему удержаться в единой форме.

Масса после мгновения передышки взбурлилась, начала принимать некую угрожающе знакомую форму.

— Лаудетор Езус Кростос, — произнес я. — Ты со мной, Господи!.. И мы с тобой все здесь разнесем во славу твоего милосердного имени...

Боудеррия охнула и попыталась шагнуть вперед с выставленными клинками. Я резко рявкнул, она поспешно остановилась. Перед нами быстро принял форму разъяренный тигр с огромной головой, а когда распахнул саблезубую пасть, стены и пол дрогнули от громopodobного рыка.

Я удержал стрелу на тетиве, что-то не так, очертания тигра странно зыбкие, нечеткие, даже на морде глаза чуть сдвинулись справа налево и тут же вернулись на место.

Запаховое зрение сказало четко, что никакого тигра нет, передо мной все тот же человек, из груди и живота все так же течет кровь, быстро слабеет, потому ему не превратиться полностью...

Я сунул лук за спину, Боудеррия дергается, не в состоянии стоять и ничего не делать, я сказал громко:

— Твои уловки тщетны, Тиларет... Сдавайся. Обещаю быть милостивым.

На месте тигра моментально возник человек, лицо перекошено ненавистью, быстро поднял к лицу ладонь, на ней возник ярко пылающий огнем шар, и маг швырнул его в мою сторону.

Страх стегнул по нервам, это уже серьезно, маг то ли понял, что на меня магия не действует, то ли случайно ухватился за подходящее заклятие, но я едва успел скакнуть в сторону. Огненный шар пролетел мимо, опалив щеку, а далеко за спиной раздалось громкое шипение, словно крупный метеорит упал в болото, чавкнуло, над нами пронесся болезненный вздох.

Я прыгнул на мага с растопыренными руками. Он пытался ударить в лицо, в опасную минуту все забываем, кто мы, и становимся просто мужчинами, то есть диким зверьем, но я сбил массой тела, навалился и стиснул пальцы на его горле.

Он захрипел, лицо побагровело, вздулось и... преобразилось в милое женское личико невинной девушки, глазки удивленно-испуганные, небесно-голубые, ресницы длинные и распушенные на кончиках, тонкий носик и полные вздутые губы бантиком.

— Врешь, — прохрипел я, — трансвестит... Я продвинутое, чем ты думаешь... Женщина — тоже человек... А это значит...

Я на миг отпустил одну руку, выхватил из-за пояса нож и с силой вонзил ему под левую грудь, волнуяще и даже волнительно вздымающуюся.

— ...ее можно убивать, — закончил я. — А чаще — нужно...

Она страшно закричала, милое личико перекошилось, рот распахнулся, став шире волчьей пасти, а в нем заблестели два ряда острых зубов.

Я отстранился и с силой врезал кулаком в морду. Пальцы ожгло, словно ударил в дерево, однако женскую голову отшвырнуло так, что затылок хрустнул, словно скорлупа гусиного яйца.

Невообразимо быстро он превратился в льва, громовой рык оглушил, я снова с силой сжимал пальцы на толстой шее, густая грива мешает нащупать горло, дважды ударил в морду и снова ухватил в объятия, перекатился по влажному и мягкому, словно барахтаемся в утробе, не

удаётся упасть так, чтобы Тиларет ударился хребтом о что-нибудь твердое и желательно острое.

Хрустнуло, Тиларет взвыл, начал превращаться в нечто холодное, скользкое, я усилил хватку.

— Протей? Ладно, это я помню, уже проходил...

Он прошипел, как большая змея:

— Отпусти... иначе умрешь...

— Все умрем, — сообщил я. — Но ты — сейчас.

Под пальцами чешуйки продолжали уплотняться, я стиснул челюсти и сжал пальцы, напоминая себе, что это всего лишь иллюзия, на самом деле я держу за глотку человека, а не тираннозавра...

Мое тело тоже молит об отдыхе, пот заливает глаза, в черепе шум и грохот, не сразу понял, что это Боудеррия тоже дерется с кем-то. Я потрянул головой, звон и крики прервались, как отрезанные большим ножом. Краем зрения увидел, как Боудеррия сразила сразу двух каких-то в настоящих доспехах и, не останавливаясь, чтобы перевести дух, ринулась к нам.

— Сэр Ричард!.. Не кувыркайтесь, я сейчас отрублю ему голову!

Я прохрипел:

— Не...льзя...

— Почему?

Я огрызнулся:

— Откуда я знаю?..

— Но что мне делать?

— Стой, — сказал я хрипло, — и прижимай кулачки к груди... Можешь иногда вскрикивать жалобно «Держись!» и «Ой, Рич, милый»... «Ой, не сдавайтесь», «Ой, он вас ударил!»...

Под пальцами сопротивление слабело, силы колдуна тают, но беда в том, что мои истаяли еще раньше, я надсадно сипел и чувствовал, что не смогу с него слезть, даже если задавлю.

Он медленно и против воли обретал прежний облик,

лицо измученное, в глазах боль от ран, их не удалось заживить никаким заклятием, бледные губы шевельнулись.

— Не дави... — услышал я хриплый шепот. — Клянись... если подаришь мне жизнь... стану твоим слугой на веки...

— Я демократ, — прохрипел я с достоинством и красиво тряхнул головой, отбрасывая падающие на лоб волосы, — люди не должны служить никому, кроме отечества.

— Тогда я исчезну... — прошептал он, — покину эти земли и забуду к ним дорогу...

— Куда исчезнешь?

— Вблизи берега... большие острова... Так много...

Я покачал головой, дрожащими пальцами нащупал рукоять кинжала на поясе.

— Ты не рыцарь. Клятва мага дешевле улетевшей паутины.

— Но я...

— Давай не тянуть, — посоветовал я буднично. — Твое бытие вредит прогрессу.

Боудеррия ахнула, когда я резко двинул руками вниз. Острие лезвия вошло в горло, поворот — и голова откатилась в сторону. Красные струи ударили из рассеченной шеи с напором.

Я с трудом поднялся, некрасиво кряхтя, повернулся к Боудеррии.

— Ты не очень против?

Она медленно покачала головой.

— Я нет, но вы... от вашей светлости не ожидала.

— Почему?

— Он же готов был поклясться в верности!

Я сказал хмуро:

— Я не для него, а для тебя сказал, что клятва мага дешевле улетевшей паутины. Ты у меня такая доверчивая, чистая, светлая, наивная, добрая, невинная...

Она прервала:

— Ваша светлость! Вы меня спасли для того, чтобы глумиться?

— Вот так и говори комплименты, — пожаловался я. — В общем, если враг не сдастся — его уничтожают!

— А если сдастся?

— Тоже уничтожают, — пояснил я, — тем или другим способом. Я вот не хитрил, не политкорректничал, просто зарезал. Без объявления каких экономических санкций. Я человек сравнительно честный.

Она передернула плечами.

— Сэр Ричард, вы меня пугаете.

— Чем?

— Зарезали, — пояснила она, — слишком уж... буднично. Без злости. А это все-таки не курица на обед.

Я подумал, покачал головой.

— А ты меня удивляешь. Заметила... Мне самому такое очень не нравится, а почему так, понять не могу. Я же не был такой черствой сволочью!.. Когда ею стал? Или почему?.. И как вернуть мое святое невежество? Как стать глупым и желательно идиотом, чтобы никому не быть врагом?

Она спросила тихо:

— А почему он не залечил раны? Он же пытался, я видела! Иначе бы и стрелы не выдирали... Бр-р-р, как представляю...

Я развел руками. Можно бы сказать честно, что в мир пришла другая сила, более трезвая, зрелая и безжалостная, абсолютно не принимающая магии. Но Боудеррия, скорее всего, не поймет...

— Когда я бью, — сказал я хвастливо, это она поймет, — то бью, а не царапаю!

Она вздохнула, отвернулась и начала смотреть по сторонам.

— Надо выбиратьсья?

— Подождем сэра Норберта с его людьми.

— Они сюда доберутся?

— Обязательно, — сказал я. — Просто я послал их кружным путем.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Зачем?

— А если бы они первыми сюда добрались? — ответил я вопросом на вопрос.

— М-да, — сказала она неохотно, — нам пришлось бы пасти свиней...

— Ни к чему не прикасайся, — предупредил я. — А то все рухнет. Над нами столько камней, что и мне шишки набьет, а тебе прическу весьма сдвинет.

Глава 14

Она фыркнула, но осталась на месте, а я пошел быстро и настороженно по залу, старательно осматриваясь, ну хотя бы что-то понять, ну что за выверт культуры, зачем дизайнерам дали волю, все ж испохабили, знакомые вещи делают такими, что не признаешь...

И чем дольше ходил и всматривался, тем острее разочарование медленно и без откатов вытесняло восторг молодого бедуина, попавшего в сезамову пещеру с сокровищами. Вот здесь одичавшие потомки с непониманием смотрели на работающие установки и приходили в ужас, когда те останавливались, начинался плач, мольбы, устраивались танцы с бубнами, а затем неизбежные жертвоприношения...

Самые умные и деятельные пытались что-то исправить. Ну, как Архимед пытался бы исправить простейшие электронные часы... Что-то надстраивали, что-то разбирали и, обильно смазав кровью девственницы детали, вставляли снова. На тех, что поддавались обработке, вырезали сцены поклонения богам, барельефы ужасных созданий, олицетворяющих мощь, вдруг да сжальтся, помогут...

Боудеррия на месте не осталась, слышу ее осторожные шаги за спиной, чуть не оттаптывает пятки. Сама ничего не трогает, смотрит со страхом, но иногда чего-то ка-

саюсь я, и тогда между пальцами и поверхностью проскакивают искры.

— Оно... — проговорила она, волнуясь, — как-то с вами общается?

— Да, — ответил я.

— Что оно говорит?

— Если бы я знал, — ответил я, — но, кажется, чувствую, чего оно хочет...

Она спросила быстро:

— Чего? Убить нас? Поработить?

Я покачал головой.

— Нет. Напротив.

— Чего?

— Хочет умереть...

Она охнула, забежала сбоку и заглянула мне в лицо. Я смотрел мрачно и тускло, в самом деле в голове настойчиво повторяется эта смутная мысль, я гнал ее, полагая, что сам придумал, но зов идет снова и снова, тоскливый, молящий, в нем столько боли... А я считал, что у насекомых болевой порог крайне низок...

Или это совсем не насекомья основа. Возможно, что-то намного выше? Тогда понятно чувство невыносимой боли от незаживающих ран.

Я зябко передернул плечами. Боудеррия тут же схватилась за мечи.

— Сэр Ричард! Вы так побледнели... Что случилось?

— Он просит его добить, — произнес я с трудом. — Он невыносимо страдает...

— Ему... больно?

— И больно тоже. Погоди, не мешай.

Я опустил ладони на приподнимающуюся, как грудь астматика, мокрую поверхность у широкого скользкого выступа стены. Кожу защекотало, странное ощущение, словно зачесалось внутри, зуд пробежал к локтям, остановился ненадолго, затем медленно и с передышками взбирался, как старик, до плеч, там снова передохнул, а уж затем осторожно коснулся шеи.

Зуд стал невыносимым, словно под кожу запустили огненных муравьев. Я сцепил челюсти и терпел, а зуд поднялся в мозг, хотя я чувствовал, как часть муравьев все же пошла по телу к ногам, будто некто решил просканировать меня целиком на случай, вдруг сюда забрел тролль или огр...

Перед глазами появилась туманная завеса, постепенно исчезли все звуки, зато начал чувствовать нечто огромное, просто невыносимое, давящее громадностью и обреченностью, что даже не от нынешнего состояния, а вообще, изначально, словно бытие — это трагично, обязательно трагично...

И лишь потом смутно и через толстые слои помех уловил просьбу этого квазиживого дома, города или завода, не знаю, что это, может быть, лаборатория или спальня, но желание становилось все четче, по мере того, как помехи истаивали, и я понимал все отчетливее голод и отчаяние смертельного раненного существа с незаживающей раной.

Боудеррия стояла рядом и заглядывала сбоку в мое лицо.

— Сэр Ричард!.. Сэр Ричард?

Я медленно покачал головой.

— Все-все... Он смертельно устал, но успел сказать...

Издали донеслись крики, топот, в зал с двух сторон вбежали сэр Норберт и его люди. Многие забрызганы кровью, троих недостает, у самого Норберта рассечена бровь, но при виде нас в глазах вспыхнуло ликование.

— Сэр Ричард!.. Мы уж и не надеялись!

— Все кончилось, — заверил я. — Ничего здесь не трогайте... за исключением вот этого... Но я сам...

Я отошел к розовой неровно пульсирующей стене напротив. Все следили за мной настороженно, вздрагивали от шумного дыхания за спиной. Из слизи выступила мокрая плита багрового камня.

Я сосредоточился на ощущениях, стараясь не обращать внимания на вставших справа и слева, готовых защищать меня от всего на свете. Все выставили перед со-

бой мечи, а я протянул руки, отчаянно надеясь, что делаю правильно.

Багровая глыба приятно холодит пальцы, но не люблю слизь, внутри зародилось и пошло шириться красноватое свечение. Воины завозились, я слышал приглушенные молитвы, каждый крестился левой, к сердцу ближе, а меч сжимал в правой.

Сэр Норберт тоже перекрестился и сказал нервно:

— Вам лучше отойти, сэр Ричард!

— Почему? — спросил я.

— Это нечто... дьявольское!

— Наш долг, — ответил я гордо, — сражаться с дьяволом. Мы крестonosцы или кто?

Мои трепещущие от страха ладони все еще касаются камня, хотя хочется не только отдернуть, но и самому отпрыгнуть. Внутри глыбы раздался чавкающий звук, будто в болото упал большой камень.

За моей спиной подпрыгнули, кто-то выругался трепещущим, как лист на ветру, голосом.

Дряговер прошептал дрожащим голосом:

— Ваша светлость... только скажите.

— Не мешайте, — сказал я и сам не узнал своего тусклого голоса. — Сейчас... это для вас...

Плита опустилась в пол, открылся темный лаз. Ветер пригнулся, громко охнул:

— Это новое искушение? Или тайник?

— Ни то, — ответил я устало, — ни другое. Это золото для вас. Берите, берите. Мы пришли сюда ради чести и славы, ради торжества веры, но кому-то не мешает что-то поправить в амуниции, купить новое седло, кому-то нужен меч получше...

Сэр Норберт выпрямился, по его жесту один из разведчиков, худой и жилистый, полез в нору и начал передавать оттуда тяжелые плитки золота.

Боудеррия зябко дернула плечами.

— Это он платит, чтобы его убили?

— Нет, — ответил я. — Просто ничего больше брать

нельзя. Всем надо будет уходить отсюда... быстро. Я уже освободил его от клятвы все здесь беречь и хранить до возвращения...

Я умолк, она договорила:

— ...но они не вернуться? Ну, те... которым он служил?

— Нет, — ответил я. — А другим доверять здешние находки опасно. Кто-то может оказаться более удачливым, чем Тиларет Стойкий.

Она в испуге повела глазами по сторонам.

— Здесь все рухнет?

— А сверху обрушатся еще и скалы, — заверил я. — Даже горы! Погребение будет надежным. Но мне так тоскливо, словно хороню родного человека.

Она сказала с сочувствием:

— Когда у меня в детстве умерла собака, я два дня проплакала.

— Да, — ответил я. — Он был вроде... собаки. Верной и услужливой. А собаке очень тоскливо, если хозяин вдруг умрет. Ей тогда и своя жизнь не мила...

Ратники сэра Норберта распахивали золото в сумки и в отделения в поясах, только Боудеррия стоит неподвижно, лицо бледное и напряженное, а мечи подрагивают в ее руках в полной готовности рубить и сечь.

У всех глаза ошалело-счастливые, переглядываются, уже прикидывают, на что истратят, Боудеррия огляделась и сказала вместо меня:

— Сэр Норберт, возвращаемся нашим путем. Он короче.

Тот покачал головой.

— Простите... Боудеррия, но мы на полдороге оставили двоих раненых под защитой Ободрита.

Он посмотрел на меня, я кивнул.

— Заберем по пути. Ведите, сэр Норберт!..

Их путь сюда в самом деле оказался длиннее втрое. Мы то и дело натыкались на плавающие в крови трупы, переступали через разбросанное чужое оружие. Боудер-

рия начала одобрительно пофыркивать, немногословный сэр Норберт с ее глазах явно вырос.

Наконец в одном из залов увидели троих, двое распротерты под стеной на горке оранжевого мелкозернистого песка, пещера будто фрагмент пустыни, даже есть нелепый здесь бархан, а воздух сухой и горячий. Третий воин, самый молодой, стоя перед товарищами на коленях, подносит к их губам по очереди левой рукой баклажку с вином, правую держит на отлете плотно сжатой в кулак.

Я сразу же бросился к раненым, успел, хотя один был на самом краю, вскоре задышали чаще, один за другим открыли глаза, смотрят с радостным удивлением.

— Все в порядке, — заверил я. — Назад отправимся вместе. Сэр Ободрит, что у вас с рукой?

Сэр Ободрит, бледный и с неестественно искаженным лицом, с усилием изобразил на лице слабую улыбку.

— Ничего, ваша светлость...

— Что в кулаке? — потребовал я.

Сэр Норберт начал объяснять быстро:

— Ваша светлость, он первым ринулся в бой, принял на себя первые удары и... был ранен тяжелее всех. Смертельно, если напрямую... Но проклятый маг из подручных главного, которого мы так и не смогли завалить, посмеялся над ним и сказал, что он будет жить до тех пор, пока не выпустит из ладони горсть песка... Тут же исчез, а сэр Ободрит на последнем вздохе схватил песок...

— И раны закрылись, — сказал я с пониманием. — Да, шуточка жестокая. Ладно, того мага мы с Боудеррией все-таки завалили, как медведя. И других тоже. А песок... гм...

Сэр Ободрит, в начале похода краснощекий и бодрый, сказал с вымученной усмешкой:

— Я сделал это, чтобы спасти Галла и Крестера. Но теперь мне можно и выпустить этот песок, а то уже пальцы свело...

Все смотрели серьезно и понимающе, я сказал резко:

— Нет!.. Ни в коем случае!.. Сэр Норберт, быстро найди кусок плотного полотна, нужно замотать ему кулак...

Послышался треск, один из воинов, не раздумывая, разорвал на себе сюрко и протянул длинный клок сэру Норберту. Тот плотно замотал кулак Ободрита в несколько слоев, песчинка не проскользнет, на всякий случай закрепит тонким ремешком, радостно оглянулся на меня.

— Вернемся в лагерь, я еще и клею замажу!..

— Отличное решение, — одобрил я. — Жаль, что правая, но ничего, научись держать меч в левой!

Боудеррия сказала бодро:

— А на правую можно надевать щит. И никто ничего не заметит.

— Разве что на пирах, — уточнил Галл. — Его светлость поспешили с кулаком. Можно бы большой палец просунуть между указательным и средним. Разве так не лучше? И песок бы никуда не делся, и фигура из трех пальцев на месте...

Все начали ржать, хлопать Ободрита по плечам, поздравлять. Крестер предположил, что раз все было рассчитано на быструю потерю песка, то теперь их друг Ободрит не только будет жить долго, но и останется вечно молодым. А штаны научится снимать одной рукой.

— А слуги на что?

— Ну не во всех же случаях слуги...

— Га-га-га!

— Го-го-го!..

Я сказал строго:

— Отдохнули? Теперь чтоб без остановок!

Глава 15

Наверх, как и обещал сэр Норберт, быстро и красиво взобрались, буквально взбежали, красуясь и не обращая внимания на спущенные веревки, Галл и Крестер. Остальные поднимались долго и с натугой, но никого не пришлось поднимать, уже хорошо.

К лагерю возвращались веселые, бахвалились победа-

ми, ощупывали добычу в мешках и поясах. Я с сочувствием посматривал на сэра Ободрита, однако он очень быстро освоился с новыми реалиями, на щеки вернулся румянец, глаза блестят, едет весьма довольный.

К нему подъехал один из ветеранов, я узнал Крестера, которого Ободрит отпаивал водой, не давая помереть от жажды, кивнул на широкое пятно крови на боку камзола юного героя.

— По дороге будет озеро, — сказал он, — там точно сделаем привал. Я помогу тебе постирать, а то тебе с одной рукой...

Ободрит с некоторой гордостью покосился на красное пятно, кровь уже засохла и приобретала коричневый оттенок.

— Постирать?.. — перепросил он. — Не волнуйся. Вернусь в лагерь, там и постирают.

— До лагеря еще далеко, — сказал Крестер, — если остановимся на привал возле того же ручья, то я быстро! Вода там чистая, как слеза!

— Не нужно...

— Почему? — спросил Крестер. — Ты мне жизнь спас, а я что, не могу за тебя постирать твой камзол?

Ободрит оглянулся по сторонам и сказал шепотом:

— Понимаешь, это приятная кровь... Ну, не моя, понял? А кровь врага на своей одежде — это хорошо. Я смотрю с удовольствием. Любуюсь. Это не грязь, ну, понял? Это украшение.

— А-а-а, — протянул Крестер обалдело, он явно давно уже перерос этот возраст и уставился на юного героя, как на чудо, — тогда да, конечно... Понял! Я в детстве, после первой драки, помню, даже кровоподтеками гордился.

Ободрит пугливо огляделся по сторонам.

— Только не кричи об этом!

Крестер сказал тише:

— Все-все, я ничего не предлагал.

Он придержал коня, пропуская сэра Ободрита вперед, а я сделал вид, что целиком поглощен важными госу-

дарственными думами. Боудеррия не слышит в самом деле, ее больше заботит мысль, считают ли ее уже полноценным членом команды или пока нет...

Из лагеря выбежали навстречу самые нетерпеливые, люди сэра Норберта сразу же начали горделиво рассказывать о героических деяниях. На шум и ликующие вопли вышел граф Ришар, с ним сэр Альвар, Арчибальд, Макс, я помахал рукой с коня, потом решил, что следует все-таки быть подемocratичнее, соскочил на землю и со всеми обнялся, будто отсутствовал целые годы.

— Все отлично, — повторял я, — все благополучно... пойдете ко мне, расскажу новости, заодно наметим стратегию продвижения дальше... с учетом новых реальностей...

Макс воскликнул радостно:

— Будет что-то новое? Как же я это люблю...

— Пойдемте, — повторил я.

Они шли за мной гурьбой, я чувствовал, что я в самом деле центр, а то нередко раньше, когда куда-то идем, я всегда был одним из, а теперь все поворачивают, когда поворачиваю я, ускоряют шаг, если я иду быстрее, и также замедляются, если я перехожу к неторопливой походке.

Мои стражи заулыбались, стукнули тупыми концами копий в землю.

— Ваша светлость!

— Ваша светлость!

— Бдите, бдите, — сказал я благожелательно.

Оруженосец поспешно распахнул передо мной полог, я шагнул в шатер, дернулся в удивлении. Прекрасная Констанция Брегонская, раскрасневшаяся, щеки горят как розы, рывком поднялась из кресла и, в два быстрых шага оказавшись у ложа, бросилась на него, повернулась на спину и вскрикнула:

— Насилуйте, сэр Ричард! Упивайтесь своей властью победителя, топчите мое целомудрие в грязь!.. Срывайте с

меня одежды, утоляйте свою похоть, свои нечистые желания...

Я сказал торопливо:

— Леди Констанция, простите, я не один! К сожалению, нам сейчас не до милых естественных желаний... Заходите, дорогие соратники, не стесняйтесь местных реалий.

Я отступил, в шатер вошли граф Ришар, Альвар Зольмс, Арчибальд Вьеннуанский, Макс, Будакер и Митчелл, все почтительно кланялись принцессе, хоть и стыдливо отводили взгляды от разорванного ее же рукой декольте.

Сэр Альвар проскользнул к столу и, не глядя по сторонам, торопливо расстелил карту. Констанция Брегонская поднялась, красная, как цветущий мак, в глазах гнев, опустила голову и, придерживая платье на груди, быстро-быстро выбежала из шатра.

Я сказал угрожающе:

— Кто отпустит хоть одну шуточку — сошлю в Сен-Мари на долгую мирную жизнь!

Арчибальд Вьеннуанский поперхнулся, явно что-то уже срывалось с языка, остальные тоже кряхтели, давящая и придушивая нечто в себе, кое-как собрались вокруг стола, но я видел, как то и дело косятся то в сторону разбросанных подушек на ложе, то на плотно закрытый полог, где раздаются приглушенные голоса.

— Граф, — сказал я жестяным голосом, — не отвлекайтесь. Лучше доложите обстановку.

Граф Ришар помотал головой, будто отгоняя целый рой приставучих мыслей, недостойных благородного человека, сказал крепнувшим с каждым словом голосом:

— Сэр Ричард, кентавры сделали ошибку... Зато на счет огров и троллей вы попали в точку. Они наши полностью.

Я буркнул:

— Откуда это известно?

— Когда тролли и огры, — сказал он с подъемом, —

узнали, что кентавры нарушили слово и снова в войске варваров, тут же воспользовались случаем и напали на них с двух сторон! К счастью для них, лучшие бойцы кентавров в это время были, уже потрепанные, в составе армии степняков. В общем, тролли и огры разгромили, уничтожили стойбище, вырезали молодняк, перебили старых и малых...

Я поморщился.

— Ну да, а как же... Я думал, только люди такие... милосердные.

— У людей есть, — заверил он радостно, — чему поучиться! Вы для нас разве не пример с вашим удивительным милосердием? В общем, племени кентавров в Гандерсгейме не осталось! А их земли тролли и огры поделили между собой. Ха-ха, теперь они соседи, можете себе представить?

Я поморщился, подумал, махнул рукой.

— Ладно, не до них. Оставим все, как есть. Хотя в моей карте Гандерсгейма нет места ни троллям, ни ограм, но... жизнь иногда вносит... некоторые коррективы. Выделим им по резервации. А оттуда будем брать на некоторые работы.

Он вскинул брови.

— Огров?

Я сказал холодно:

— Я не планирую делать из них математиков или танцоров.

— Ну да, — пробормотал он поспешно, — камни таскать смогут.

— Ну вот видите, всему есть ниша.

После разбора оперативной обстановки быстро сверили расположение своих частей и возможные действия варваров. Получалось, что все наши войска, останавливаясь даже на кратковременный отдых, ошетиняются, как рассерженные ежи,

— Я убежден, — сказал сэр Альвар с подъемом, — что

даже тяжелая конница, которой у варваров нет, не провет оборону, выстроенную сэром Максимилианом!

Я вздохнул.

— Наш язык мудр, — заметил я мирно, — между выражением «я убежден» и «я убедился» — большая разница. Но в оборонительные порядки барона Макса я верю, он делает все со вкусом. Ему важно не просто отбить атаку, но и красиво отбить! Чтоб не потерять ни одного из своих копейщиков... Хорошо, на сегодня все. Наступление будем продолжать, ни на шаг не отходя от плана!

Покидая шатер, шуримся от яркого солнца, бьющего в глаза с начищенных до невыносимого блеска оруженосцами доспехов, обнаженных мечей, секир с широкими лезвиями, кинжалов.

Вблизи шатра Ришара шум и гам, там установили толстые дубовые колоды, на некоторые насадили слишком уж изрубленные и потому непригодные рыцарские доспехи. Слышится постоянный звон металла по металлу.

Мы приблизились быстро редеющей группой, перед нами почтительно расступились.

Жерар де Брюс, красногордый больше обычного, отдувающийся, заявил тяжелым голосом человека, взбежавшего на гору:

— В последнем бою захватили с десяток мечей нового типа.

— Поздравляю, барон, — сказал я, нелишне напомнить, что прибыл сюда простым рыцарем, а из моих рук получил этот высокий титул, — и чем они хороши?

Он покачал головой, глаза выглядят беспокойными.

— Многим, увы.

— И это вам не нравится? — спросил я.

Он кивнул.

— Да, ваша светлость. Не нравится. Легче наших, но намного крепче. Вот смотрите...

На грубо сколоченном столе расположились наши тяжелые двуручники и намного более легкие мечи варваров. Я сразу отметил острые лезвия, что хороши для схваток

друг с другом, но абсолютно непрактичные для боев с закованными в доспехи рыцарями.

Он угадал мои мысли, покачал головой.

— А вот и нет, — сказал он. — Смотрите...

Он взял рыцарский меч, у таких лезвия больше похожи на колуны, стальные доспехи не разрубают, а раскалывают, как скорлупу ореха, с размаха ударил по мечу варвара. Я инстинктивно ждал, что тот разлетится на две половинки, как ледяная сосулька, однако клинок варвара лишь подпрыгнул на столе и упал обратно.

— Обратите внимание, — сказал он недовольно, — ни царапинки!.. А когда попадешь по лезвию, то там такая мелкая зарубинка, что просто стыдно за наши мечи...

— За наших оружейников, — подсказал сэр Альвар с некоторой ехидцей.

Я сказал быстро:

— Выяснить, откуда поступают такие мечи! Окружить тот город... явно изготавливают не в племени, никого не выпускать!.. А город брать бережно, мастеровых не трогать. Нам высокие технологии нужнее золота и серебра.

Жерар де Брюс посмотрел на меня с уважением.

— Вы абсолютно правы, ваша светлость. С такими мечами никакого золота не надо! Сами все возьмем.

— Я всегда прав, — буркнул я.

По протоптанной дорожке в нашу сторону красиво шагает граф Бокард Эйхсфельдский, в малиновой накидке поверх доспехов, как всегда, торжественный, одетый тщательно, а золотая цепь на груди лежит, как пришитая, только большой медальон с алмазами в виде креста поблескивает горделиво-скромно.

Арчибальд Вьеннуанский, при хорошем расположении духа исполняющий на добровольных началах роль церемониймейстера, шагнул вперед и, выпятив грудь, важно провозгласил:

— Граф Константин Бокард Эйхсфельдский, владетельный сеньор Казенхельма, барон Утрерда, лорд Итлингии... к его светлости Ричарду Длинные Руки!

Мне показалось, что он собирался еще долго перечислять титулы и владения графа, но не излишняя почтительность звучит в нарочито громком и восторженном голосе, а скрытая издевка.

Граф Бокард коротко поклонился Арчибальду, намекая, что без него обойдемся, как и без остальных, затем мне.

Я вежливо чуть наклонил голову.

— Сэр Константин, — сказал я.

Он еще раз поклонился мне, уже с вежливым приседом и покровительственной улыбкой, все-таки у него двенадцать поколений предков, один благороднее другого, а я сам себе благородный предок.

— Ваша светлость...

— Сэр Константин, — сказал я снова и кивком пригласил идти со мной. В лагере далеко не уйдешь, здесь везде уши, но создается иллюзия интимного душевного разговора. — Сэр Константин, мне все не удавалось поблагодарить вас за все усилия...

Мы вошли в шатер, оставив слышавшим нас знать, что я поблагодарил графа за усилия, даже за все.

В шатре я указал ему на свободное кресло, сам обошел стол и сел по ту сторону. Он опустился медленно и церемонно, расправив полы расшитого золотом сюртука.

— Я доволен вашим продвижением, — сказал я, — и той отвагой, которую вы лично выказываете в боях. Не так уж много влиятельных лордов Сен-Мари участвуют со своими войсками в нашей справедливой войне за возвращение королевству его исконных земель!.. Вы один из них, и ваше имя навечно останется в памяти потомков как человека, что пошел освобождать Гандерсгейм, хотя мог бы преспокойно развлекаться, как другие, в столице...

Он довольно улыбался, чуть кивал, но не сказал с достоинством, что так на его месте поступил бы любой сен-маринец, я же только что обрисовал ситуацию, что он лучше других, а я вздохнул, собрал на лбу складки, озна-

чающие серьезную озабоченность, и заговорил уже совсем другим тоном:

— Однако у нас противник несколько иной, сэра Константин. Я уже предупреждал. Вы отважно прошли почти в середину земель Гандерстейма, полностью игнорируя приказы графа Ришара замедлить движение, сильно оторвались от основного войска, и вся завоеванная вами территория снова попала в руки противника.

Он молчал, нахмурившись.

— Варваров недостаточно разбить в бою, — сказал я. — У них нет городов, нет крепостей, нет замков, которые можно бы захватить и тем самым закрепить победу. Потому вы совершили крупную ошибку, самонадеянно уходя вперед и вперед, несмотря на мой четкий приказ всякий раз закрепляться на захваченных землях.

Он вскинул голову и посмотрел дерзко.

— Сэр Ричард, я воин!.. Это наш долг — разбить противника и гнать его, не давая передышки!

Я вздохнул.

— Трудно гнать того, у кого кони быстрее. После того, как вы углубились в сердце Гандерстейма, вас окружили. Герцогу Готфриду стоило немалых трудов пробиться к вам, а у вас к тому времени треть войска была уничтожена... совершенно зря.

— Сэр Ричард, зато мы...

Я сказал страшным голосом:

— Сэр Константин!.. Где вы научились прерывать сюзерена?.. Или решили, что лучше меня знаете, как выиграть эту войну?

Он умолк, но видно было, как кипит его кровь и с каким усилием удерживается от возражений и споров.

— Решим так, — сказал я жестко. — Ввиду ваших больших заслуг как отважного воина и умелого военачальника, мы никому не скажем, что вы отстранены от управления вашими полками.

Он вскочил, стиснул кулаки. Лицо его вспыхнуло праведным гневом, а глаза полезли из орбит.

— Что-о? Да как вы...

Я покачал головой.

— Сэр Константин, еще одно слово таким тоном, и я позову стражу. Вас будет судить военно-полевой суд рыцарей. Уверен, по законам военного времени наказание будет предельно жесткое. Вы совершенно напрасно погубили двенадцать рыцарей, двести тяжелых конников и четыреста пятьдесят пеших ратников. За это можно лишиться головы, как вы понимаете. Но я хочу спасти вас! И потому велю принять управление строительными работами в городе Убарлоу, оно же и королевство. Поставьте ворота, заделаете бреши в стенах, а если будет необходимость — поднимете их повыше. Это будет подано как повышение по службе! Если вас такой вариант не устраивает, только скажите. Стража явится моментально.

Он краснел, бледнел, рука то и дело дергалась к рукояти меча, наконец процедил с ненавистью:

— Вы меня держите за горло...

— Держу, — согласился я.

— Это... подло!

— Это ваше спасение, — ответил я. — И мое великодушие. Так каково ваше решение?

— Хорошо, — проговорил он раздавленно, — я приму руководство укреплением города.

— И других городов, — сказал я.

Он проговорил с трудом:

— И других городов...

— Вот и хорошо, — сказал я милостиво. — Можете идти, сэр Константин.

Похоже, в моем милосердном голосе больше обнаженной стали, чем я сам думал, он дернулся, от уверенности и вальяжности не осталось и следа, поклонился и торопливо пошел, почти побежал к выходу.

Я сказал вдогонку:

— Ах да, сэр Константин...

Он испуганно оглянулся.

— Ваша светлость...

— Когда закончим с варварами, — сказал я милостиво, — вы можете снова вернуться к командованию рыцарской конницей. На парадах.

Он даже не решился обрадоваться, только торопливо поклонился и пропал за дверью. Я потер ладонью лицо, а я все-таки зверь, такого быка подчинил... То ли уже научился рывкать и раздувать ноздри, то ли в самом деле во мне появляется нечто такое, руководящее, кто бы подумал...

Глава 16

Вокруг шатра тишина, все ходят на цыпочках, хотя сквозь тонкие стенки доносятся и далекие песни, и конское ржанье, и звон удил, не говоря уже о частых ударах молота: походные кузницы работают круглые сутки во всех концах лагеря.

Через полчаса я вышел, совсем ошалелый, но вроде бы все предусмотрел и предугадал, только к великим магам нужно еще заглянуть пару раз. Герберту Страстному, великому математику, пора подбросить такое понятие, как дроби, а то и отрицательные числа. Он с ума сойдет от таких возможностей математического познания мира. Тиграту Вдумчивому больше подойдут эксперименты с физическими свойствами материи... Можно даже высушить кошку и дать им гладить в темноте, пусть разгадывают, откуда берутся эти щелкающие по пальцам искры...

Настроение препаршивое, я посмотрел на небо, не к дождю ли, однако глаза режет сплошная синь от и до, солнце слепит глаза и накаляет железо доспехов даже через наброшенную сверху тонкую ткань. Потом в ушах прозвучали, как наяву, пророческие слова Сьюманса на счет моего скорого ужасающего падения. И эти туманно-тревожные ассоциации с приходом Антихриста, его победным шествием во главе преданных ему войск, а потом страшным разгромом его сил, а его низвержением в бездну...

Сьюманс не упомянул, что это будет крушением всех моих планов, т.к. все это разношерстное рыцарство идет за мной только потому, что одерживаю победы и щедро раздаю земли. Хотя, конечно, не только потому, я уже убедился, к своему стыду, что благородство и вера в справедливость нашего дела ведут очень многих, а может быть, и большинство, однако я в самом деле уже политик, то есть, та свинья, что всегда предполагает в людях самое худшее и постоянно учитывает, что эти свиньи могут обезуметь и сожрать своего вожака, если он оступится.

Сьюманс каким-то образом увидел мое скорое и ужасное падение... Но как его избежать, если я не знаю, после чего все рухнет?

Завидев бездельничающего верховного лорда, ко мне чуть ли не бегом ринулся Альвар Зольмс.

— Ваша светлость! Вас ждут!

Я поинтересовался с недоумением:

— Кто? Где?..

— Пир, — сказал он так, словно не сообщил, а напомнил. — По поводу захвата земель Темных Мечей и племени астрогитов, а также расположенных на их территориях трех королевств...

Я наморщил нос.

— Трех королевств? Вообще-то мелочь...

Он с интересом смотрел через мое плечо, я оглянулся, там в лагерь въехала повозка, из нее легко выпорхнула яркая и свеженькая, как только что выбравшаяся из кокона бабочка, принцесса Констанция Брегонская — в головном уборе с длинной вуалью до пояса, в расшитой золотом длинной тунике, широкие рукава полностью закрывают руки...

Альвар взглянул на нее, на меня, мне даже показалось, он вспомнил, как пытался приударить за Лоралеей, иначе с чего бы смутился, поклонился и поспешно отступил.

— Ваша светлость...

Констанция Брегонская, красивая, надменная и гор-

дая, подошла быстро и решительно, взгляд прям, ноздри слегка раздуваются, а высокая грудь приподнимается, как морской прилив, и снова опадает, невольно приковывая взгляд.

— Ваша светлость, — сказала она решительно, — наконец-то вы не морщите лоб над картой...

— Ах, принцесса, — возразил я замученно, — вы должны бы радоваться, что государственные дела мешают моим прямым обязанностям в отношении вас!..

Она гордо вскинула голову.

— За кого вы меня принимаете, сэр Ричард?

— А что случилось? — спросил я встревоженно.

Она произнесла с величайшим чувством достоинства:

— Все мои подданные были подвергнуты этой обязательной процедуре в пересмотре отношений победителей и побежденных и закреплении новых реалий... а я увильну? Я не смогу им смотреть в глаза, потому что на их долю выпало это несчастье, а на мою... нет, сэр Ричард, я обязана делить со своим народом горе и радости!.. Иначе я буду опозорена!

Сэр Альвар прокричал в нетерпении издали:

— Сэр Ричард, вы идете?.. Вас заждались! Можем не успеть!

Я крикнул торопливо:

— Иду, иду!.. Прекрасная принцесса, у мужчин государственные интересы всегда выше личных. Я вам сочувствую, но в другой раз...

Я бросился бегом к удивленному Альвару, опередил его и, проскочив охрану, ворвался в огороженное веревками пространство в центре лагеря, где уже расставили столы, куда натаскали стульев, кресел, лавок и даже табуреток.

Все повернулись ко мне и разом, словно направляемые одной рукой, поклонились, что выглядит красиво и внушительно. Я вскинул руки, сомкнув их в замок, мы же воинское братство, улыбался и тряс ими в воздухе.

Навстречу заспешил Арчибальд Вьеннуанский, пере-

монно предложил проводить меня к трону. Он так и сказал — трону, хотя кресло мало чем отличается от остальных, но я понял, что оговорка не случайна и что это вовсе не оговорка.

Надо, надо форсировать вопрос о смене династии королевства Сен-Мари...

Я медленно и красиво сел, впери́л взгляд прямо, там за оградой из веревок граф Ришар держит за плечо упирающегося Бернарда. Я услышал бормотание Бернарда, полное неловкости:

— Ваша светлость, там будут только благородные рыцари. С родословными! А я простой ратник.

Граф Ришар похлопал его плечу.

— Одно зеркало важнее целой галереи предков. Пойдем!

И, поднырнув под веревки, потащил его, упирающегося, к столам. Музыканты, стоя по всему периметру у ограды, играют нечто приятное, мелодичное и незапоминающееся, за столами знатные лорды и полководцы, звучат неспешные разговоры, только изредка раздаются раскаты хохота, и снова все сравнительно чинно, все-таки за отдельным столом сам сюзерен с его ближайшим окружением.

Граф Ришар подвел к столу, где расположились сэры Будакер, Митчелл, Альвар Зольмс, Палант и другие знатные рыцари, шлепнул сэра Герцеля, чтобы подвинулся, кивком велел Бернарду сесть на свободное место.

Бернард заколебался, но Митчелл оглянулся и сразу же прогудел благожелательно:

— А, это тот герой, что сразил четверых у вражеского знамени, а потом срубил древко и бросил на землю?.. Поздравляю, сэры... сэры?

Граф Ришар сказал с улыбкой:

— Бернард, теперь сэры Бернард. Ну, я вас оставлю...

Палант бесцеремонно ухватил смутившегося Бернарда за локоть, почти силой перетащил к себе и усадил рядом.

— Не жеманничайте, сэр Бернард, — сказал он уверенным голосом. — Если бы вы не были старинным приятелем сэра Ричарда, он возвел бы вас в рыцари еще раньше! Вас многие заметили, уверяю вас.

Бернард, густо краснея, сел за стол, а я, уже спокойный за него, начал смотреть так, чтобы видеть сразу всех, никого не выделяя в отдельности.

Главный стол расположен удачно, могу обозревать всех, со мной всего двое: сэр Ришар и герцог Ульрих. Ришар что-то рассказывал веселое, я слушал краем уха и улыбался, как же — сюзерен задает тон всему торжеству, а в зал вошел сэр Анри Готмар, доверенное лицо герцога, и направился между столами в нашу сторону.

Рядом с ним богато одетая молодая женщина, волосы убраны в прическу, перевиты нитями крупного жемчуга, а в довершение всего прикрыты тончайшим платком, что не скрывает красоты тяжелых волос.

Сэр Анри поклонился.

— Ваша светлость...

— Сэр?.. — ответил я с благодушным интересом.

Он снова поклонился и в таком положении сказал:

— Ваша светлость, позвольте представить принцессу Ундегондию...

Не разгибаясь, он повернулся и закончил поклон, распределив его равномерно между нами двумя.

Она подошла к столу, присела низко-низко, пышная грудь с таким нетерпением просится на волю, что я невольно представил, как она получает свободу, и ощутил, что такую же картинку нарисовали себе в воображении граф Ришар и герцог Ульрих.

— Принцесса, — сказал я.

— Ваша светлость, — произнесла она.

— Вы не из этого королевства? — спросил я любезно.

Она ответила, не приподнимаясь из глубокого реверанса:

— Да, я здесь была по приглашению подруги, прин-

цессы Итии. Однако она покинула столицу при наступлении ваших войск, а я, увы, осталась в покинутом дворце...

Она смотрела немножко испуганно, немножко хитренько, все-таки здесь одни мужчины, а ее полуоткрытая грудь смягчает любые нравы да еще под хорошее вино...

Я улыбнулся широко и весело.

— Вы не разочаруетесь, что не успели убежать. Здесь столько достойных рыцарей, молодых, зрелых и совсем юношей! Вы сегодня услышите любезностей больше, чем за всю предыдущую жизнь.

— Спасибо, ваша светлость, — проговорила она и улыбнулась уже смелее.

Я улыбнулся еще шире, она поднялась, в глазах веселые чертики, уже ощутила, здесь ничего не угрожает. Может быть, ей даже повезло, что подруга уехала, а она не успела...

Сэр Анри Готмар молча и неподвижно ждал окончания приема, а когда принцесса повернулась уходить, отвесил мне рассчитанно медленный поклон. Я удерживал на лице ту же довольную улыбку, пусть думает, что вот едва дождусь конца пира, так сразу и кинусь пользоваться случаем, кивнул ему с понимающей улыбкой, мол, благодарю, она весьма хороша, спасибо за такое вот, ага...

Он пошел за нею к выходу, хотя вообще-то могла бы остаться, но почему-то все они сразу пытаются подшибить главную дичь, ведь в охоте на мужчин нет никаких правил, главное условие в том, чтобы добыча досталась живой или хотя бы полуживой после такого вот пира.

После первых тостов за победу, за церковь, за веру, за наши идеалы я поднялся с кубком в руке.

— Вы все помните, как я пытался навязать вам титулы и здешние земли. Ваше единоклюшье меня здорово пристыдило, я вознес благодарственную молитву Господу, что вы такие, и — покаянную, что такой я... Однако на этот раз я твердо намерен заставить хотя бы одного из вас принять земли племени оталяров с расположенным на нем королевством Йеремланд! Как всегда выбор падает на са-

мого добросовестного, который берется за любое дело и никогда не ропщет... как вы догадываетесь, я имею в виду барона Максимилиана фон Брандесгерта!

За столом послышались одобрительные выкрики, начался стук ножей по столешнице, Макс поднялся, красный и смущенный, поклонился.

— Ваша светлость, — сказал он торопливо, — благодарю за щедрый дар! Даже очень щедрый. И потому я...

Я прервал строго:

— Умолкни. Мне есть что добавить. Это не столько дар, сколько новое и трудное задание. Это королевство является для нас стратегически важным, так как именно в нем выковали те изумительные мечи, что привели в восторг графа Ришара и других лордов. Тебе предстоит в кратчайшие сроки все понять, освоить и наладить бесперебойное производство уже для всей армии. Или хотя бы для рыцарской конницы.

Он смотрел на меня во все глаза.

— Ваша светлость... сэръ Ричард...

Я вскинул ладонь.

— Не перебивай. У нас ожидается не меньше двух недель затишья. В захваченных городах ставят ворота и укрепляют стены, некоторое время займет обустройство гарнизонов. Как все знаете, мы стараемся привлекать для охраны и местное население городов. Так что, сэръ Максимилиан, успеете ознакомиться с Йеремландом, сообразить, что изменить и поправить, а к войску вернетесь еще до того, как мы сдвинемся с места. Это я вам обещаю!

Он поклонился, все еще растерянный, но уже с разбитыми доводами, которые так и не успел высказать.

— Ваша светлость... если для этого не нужно будет оставлять армию...

— Насовсем не нужно, — заверил я. — Эти две недели проведете в Йеремланде, знакомясь со своим хозяйством и знакомя местных с новым хозяином. Потом будете наезжать в свободное время, когда армия снова остановится надолго.

Он поклонился еще раз.

— Спасибо, ваша светлость.

Я кивком разрешил ему сесть, граф Ришарг сказал тихонько и с одобрением:

— Наконец-то вы уломали этого рыцаря всех доблестей. А что за королевство Йеремланд? Кроме города хотя бы есть деревни?

Я пожал плечами.

— Граф, стану ли я забивать голову такими мелочами? Думаю, пока это неважно.

Он кивнул, соглашаясь, впереди еще больше сотни таких королевств.

А я и в самом деле не соврал, в Йеремланде был только краешком да и то ночью, когда ловил падающую с башни Вики.

Макса все еще похлопывают по плечам и шепчут в уши с обеих сторон, советчики, умники, будто он лучше их всех не разберется, пир набирает обороты, я улыбался все шире и все с большим облегчением, а Ришарг, наблюдая за мной, пробормотал:

— Его светлость уже созрел, чтобы незаметненько убраться...

— А получится незаметненько? — огрызнулся я.

Он ухмыльнулся.

— Просто можно свести к минимуму.

— Как?

— Например, в конце пира, когда все упьются...

— Не подходит, — отрезал я твердо. — В общем, я пошел заниматься государственными делами.

В лагере постепенно загораются факелы, огонь костров стал ярче, заметнее. Небо сперва пугало темно-фиолетовым покрывалом, низким и тяжелым, затем истончилось так, что начали проглядывать звезды, тропически огромные, яркие.

Множество насекомых слетается на свет костров и факелов, гибнет тысячами, а юркие муравьи и тут подхва-

тывают неожиданную добычу, уже поджаренную, и с торжеством бегом уносят в норки.

Я вспомнил, что на пиру не увидел священников, а это зря. Пусть не пьют, но присутствуют и как бы задают некоторую планку. Вообще нужно прислушиваться к священникам, к идеям, что витают в монастырях, потому что вот так с первого взгляда не сразу определишь — ересь это или свежий ветер обновления, очищения, реформации.

К примеру, Иисус не помышлял ни о какой смене веры, он оставался правоверным иудеем, только был строгим иудеем, даже очень строгим, ортодоксальным, и настаивал, чтобы законы иудаизма исполнялись со всей строгостью и точностью. Потому он сразу же заявил, что пришел «исполнить старый закон», который евреи начали забывать, он врвался в синагоги и опрокидывал столы менял, потому что в храме нельзя заниматься обменом денег, он выгонял торговцев голубями — в храме торговать нельзя...

Это Павел, мудрый и дальновидный, придумал хитрый и весьма еретический ход, что христианами могут становиться не только иудеи. Зато это сразу резко расширило количество сторонников очищения старой веры, хотя большинство сперва были все-таки иудеи. С того дня началось победное шествие нового учения, а затем новый росток отделился от древнего ствола и постепенно стал самостоятельным деревом под названием «Христианство».

Так что создал христианство Павел, а Иисус был всего лишь реформатором иудаизма. Неудачным реформатором, что, однако, не отменяет его величия и звездной роли для самого христианства.

Но я должен всматриваться в тех, кто станет Лютером, Кальвином и прочими-прочими отцами новых церквей. Иначе не я поведу, а меня поведут, а то и потащат.

Граф Ришар покинул стол вскоре после меня, а затем нас догнали лорды, то ли знающие свою норму, то ли не

упускающие случая побыть в зоне зрения верховного сюзерена.

— Что-то у вас лицо не совсем ликующее, — заметил граф Ришар. — А ведь все идет как никогда лучше...

— Точно по плану, — согласился я.

— Это же замечательно?

Другие тоже посмотрели на меня с вопросом в глазах. Я скривился, развел руками.

— Еще бы! Только, к сожалению, на завоевание Гандерсгейма уйдет гораздо больше времени и усилий, чем на весь блистательный захват королевства Сен-Мари. Здесь нет эффекта неожиданности, к тому же варвары всегда готовы воевать, в отличие от сен-маринцев. Конечно, мы завоюем эти земли полностью, но продвижение наше будет затруднено, как уже говорил сто раз, необходимостью укрепления городов, строительства крепостей вблизи важных переправ, на перекрестках дорог...

Они слушали, кивали, все так, это уже много раз обговорено, только граф Ришар мрачнел, хмурился.

— Эх, сэр Ричард... Я, кажется, понял, что вы еще не сказали, но готовы... Дескать, что-то засиделись в войске, надо бы понарезать круги вокруг...

На меня смотрели с испугом и нежеланием такое слышать, я снова развел руками.

— Граф, в очередной раз убеждаюсь, как вы меня прекрасно понимаете. Завоевание Гандерсгейма — лишь крохотная часть моих забот. И не самая важная, кстати! Это для рыцарей — да, им же подвиги подавай, но мне важнее выстроить могучий океанский флот, не так ли? Еще хочу соединить хорошими дорогами Сен-Мари и королевства по ту сторону Великого Хребта... А Вестготия? Это тоже в сфере наших интересов!

Он молчал, двигал складками на лбу, я подумал, что они все сказали бы, узнав про мои заморские владения. Заботы о нем посещают все чаще: все ли там в том виде, как оставил? Не сменилась ли власть, не принялись ли

пираты за старое... Не пора ли туда, проверить, укрепить, поддержать, дать новый толчок реформам...

Палант заговорил первый:

— Сэр Ричард, в Брегонске закончили заделывать стены, поставили прочные ворота, возвели две башенки по обе стороны ворот. Я могу со своим отрядом выступить следом за сэром Норбертом?

Митчелл спросил в недоумении:

— Что еще за Брегонск?

Будакер объяснил тихонько:

— Нет никакого Брегонска, а есть Брегонское королевство. Там сейчас эта... так ее... недоизнасилованная принцесса Констанция Брегонская... ага, из самой династии Керлингв!.. Правда, не слыхал о такой...

Митчелл спросил туповато:

— Это как?

— Что, — переспросил Будакер педантично, — как недоизнасилованная?

— Да, — ответил Митчелл честно, — это мне совсем уж... видно, вино было крепкое.

Альвар, Арчибальд и другие переглядывались, по их лицам видно, что им тоже не все понятно, но педантичный Будакер сказал размеренно:

— Ее захватил в бою сэр Ричард и не дал бежать вместе с семьей. По праву войны... в общем, что-то ему помешало, он недоизнасиловал ее, как я понимаю, прыгнул на коня и ускакал по делам.

Сэр Арчибальд сказал глубокомысленно:

— Он наш сюзерен, а сюзерен всегда поступает верно. Это я не смог бы, раз уж... а вот сэр Ричард смог! У него стальная воля.

— Да, — сказал Альвар Зольмс с почитительностью в голосе, — сэр Ричард — силен! Я бы тоже не смог.

Митчелл поинтересовался:

— И что же, она так и ходит недоизнасилованно?

— Да, — подтвердил Будакер. — И пока сэр Ричард не донасилует, никто не может ее тронуть. Это же вмешать-

ся, как вы понимаете, а это почти мятеж и глубокое оскорбление личности и суверенной власти. А она страдает, чувствует себя чуть ли не предательницей своего народа. Их насильовали, а ее нет...

Глава 17

Еще через неделю войска подошли к королевству Меркель. Граф Ришар выехал вперед к сэру Норберту, тот оглядел город с высокого холма и сказал довольно, что захватить его ничего не стоит. Я сидел на Зайчике, касаясь ногой стремени сэра Норберта, помалкивал, а в груди нарастает сладкий и печальный щем.

— Что скажете, сэр Ричард?

Я тяжело вздохнул.

— Король Меркеля Франсуа Меченый уже принес мне присягу. Еще до вторжения. Еще там ярл Растенгерк, вождь объединения племен ассиоров, не только наш подданный, но и союзник... в какой-то мере. Во всяком случае, его вполне боеспособный отряд очень хорош в заключительной фазе любого сражения.

Ришар кивнул.

— Точно, — сказал он деловито. — Его всегда бросаем преследовать противника. Только его люди могут так долго гнать и устилать дорогу трупами.

— Главное, — закончил я, — там Мириам Сероглазая, дочь короля... если, конечно, Растенгерк не увез ее в свое дикое родовое гнездо айсоров. Он за нее костями ляжет, ее нельзя ни в коей мере обидеть! И вообще во всеми там надо обращаться, как с союзниками, хотя, конечно, бреши в стенах сразу же заделывать, не спрашивая позволения местных, поставить прочные ворота и немедленно расположить надежную охрану по всему периметру обороны. Хотя, насколько помню, они все это обещали сделать сами. И стены заделывать, и ворота поставить... Ладно, граф, я возвращаюсь в лагерь.

— Я тоже, — сказал он быстро. — У меня конь очень быстрый, так что я вас не стесню.

— Буду рад вашему обществу, — сказал я любезно.

Мы попрощались с Норбертом, часть телохранителей последовали за нами на некотором расстоянии.

Граф Ришар пригнулся к конской гриве, быстрая скачка любому из нас доставляет наслаждение, на меня поглядывал с интересом.

— Что-то у вас глазки бегают, сэръ Ричард, — произнес он доверительно. — Что-то случилось?

Я замаялся, помотал головой, затем оглянулся на удаляющийся город и перевел коня на шаг.

— Мне льстит, граф, что вы ко мне относитесь так дружелюбно. Я вот подумал, что в Меркель мне вступить вроде бы и совсем незачем...

— Что-то случилось?

Я промямлил:

— Да там ничего особенного, так ведь? Начнется обычная рутина укрепления городских стен, создание надежного гарнизона. Это сожрет несколько дней, а я так берегу время!..

Он кивнул.

— Да, вы за пару лет успели больше, чем все, кого я знаю, за всю жизнь. И как намерены потратить эти дни иначе?

Я блудливо посмотрел по сторонам, избегая его вопрошающего взгляда.

— Да вот то ли успеть быстренько побывать в Геннегау... то ли...

Он покачал головой.

— Вы собирались отлучиться с Ордоньесом на пару дней, а пробыли неизвестно где несколько недель.

— Обижаете, граф! Я был в Вестготии.

— Но ведь не собирались?

— Ну... сперва не собирался. Потом это было осознанно. Разве те несколько сот прекрасно вооруженных рыцарей нам не нужны?

— Не всегда же так будет везти, — предостерег он.

Лицо его было серьезным, я ощутил неловкость, поглядел по сторонам.

— Граф, скажу честно, вы так все прекрасно делаете, что я вам только мешаю.

Он улыбнулся, лесть нравится всем, спросил неожиданно:

— У вас есть особые причины, чтобы не появляться в Меркеле?

Я потупил глаза.

— Граф, вы меня видите насквозь... Неловко признаться, но там есть женщины, с которыми мне сейчас видеться не хотелось бы. А этого не избежать, они королевской крови...

Он охнул, всплеснул руками.

— Сэр Ричард!.. Я все понимаю, как сам не подумал... Вообще-то понятно, вы молоды, кровь горяча, собой хороши, но... Господи, когда же вы успеваете?

— Да как-то, — промямлил я, — оно само. Ну, вы понимаете...

Он подхватил с готовностью:

— Я все прекрасно понимаю! Мы не женщины, что друг друга топят! Мужчины всегда понимают и всегда прикроют друг друга. Особенно, когда касается замужних женщин. Хорошо, сэр Ричард!.. Вам в самом деле нужно придумать себе какое-то крайне важное дело подальше от Меркеля...

— Конечно, граф, — сказал я с облегчением. — Как только, так сразу!

— Это ж понятно, — сказал он, — вы не можете быть у стен Меркеля и не захватить в королевский дворец! Но мы минуем его быстро, учтите!

— Конечно, граф, — сказал я с жаром, — оглянуться не успеете, я снова уже буду в самой середине лагеря!

В лагере блеск доспехов на солнце, лязг мечей, хриплые вскрики, тяжелые удары, народ по ту сторону натянутых веревок вскакивает и восторженно орет — ничего не

изменилось ни с пещерных времен, ни с гладиаторских боев в Риме, ни с куда более поздних времен... знаю таких вот тупо орущих...

С другой стороны, пусть лучше орут вот так за оградой, чем беспорядят беспорядки. Довольным народом управлять легче. А главное вести его в ту сторону, куда угодно моей светлости.

Я буркнул:

— Мало им варваров? Еще и турниры подавай...

Он сказал глубокомысленно:

— А разве вся наша жизнь не турнир? Иные приходят состязаться, другие — торговать, а самые счастливые — смотреть.

В числе наблюдающих за схватками я увидел Боудерию, она смотрит очень внимательно, запоминая каждое движение бойцов, а также с другой стороны огороженного квадрата принцессу Ундегондию... не похоже, чтобы очень уж страдает, вон как хлопает в ладоши, визжит, покраснелась, глазки блестят.

Она перехватила мой взгляд, словно я в самом деле коснулся ее плеча, расцвела в улыбке.

— Ваша светлость!

Ого, мелькнула у меня мысль, голос у нее такой, словно мы уже давно и прочно знакомы.

— Принцесса, — произнес я и поклонился.

Она сказала живо:

— Меня привели сюда, представляете, и бросили!

— Нехорошо, — согласился и предложил тут же, нельзя не понять такой ясный намек, — позвольте вас отвести обратно в шатер?

Она просияла:

— Да!.. Ой, сочту за честь!.. Вы же тот самый Ричард Завоеватель!

В глазах женщины идея всегда имеет лицо, мелькнула мысль. Как смотрит на меня, как смотрит... Не перевыполнить бы норм морали...

Мы прошли до шатра, который любезный граф Ри-

шар выделил для нее, я приоткрыл полог и в этот момент перехватил внимательный взгляд Боудеррии, от которого у меня по спине болезненно вспухла багровая полоса.

Я пропустил принцессу в шатер, она вошла грациозно, покачивая гибким станом и тем местом, что ниже, я смотрел, как двигается ровно и красиво, на той стороне она развернулась и посмотрела мне в глаза чисто женским взглядом.

— Ваша светлость...

— Да, принцесса?

— Я чувствую себя здесь, — призналась она слабым голосом, — такой одинокой и брошенной...

Всё, мелькнула тоскливая мысль, что есть хорошего в жизни, либо незаконно, либо аморально, либо ведет к ожирению. Так почему же...

За стенкой шатра простучали конские копыта, раздался сильный резкий голос:

— Ваша светлость, срочное донесение от графа Ричарда!

— Простите, — сказал я принцессе встревоженно. — Старый ворон зря не каркнет.

За пологом шатра всадник на легком коне сунул мне в руку крохотный лист бумаги. Я посмотрел с одной и с другой стороны, пусто. Ну, спасибо, граф...

Я крикнул:

— Принцесса, срочные дела! Отдыхайте, наслаждайтесь...

Я повертел головой, турнир все еще длится, только другие бойцы сошлись в пешем поединке, но Боудеррия уже покинула свое место зрителя и проталкивалась прочь.

Глазеть на турнир мне тоже как-то не то, к тому же я сказал принцессе, что у меня важные дела, так что я побрел медленно за Боудеррией, а когда она услышала мои шаги и резко повернулась, хватаясь за мечи, мы уже вышли за пределы лагеря.

Она фыркнула, отвернулась и некоторое время шла молча, гордо задрвав подбородок. Я безмятежно рассмат-

ривал далекие горы на горизонте, наконец она спросила язвительно:

— Вы так быстро все успеваете, сэр Ричард? Прямо кролик.

Я изумился:

— Ты о чем?

— Об этой женщине, — ответила она с большей резкостью, чем намеревалась показать. — С вот такими.

Я широко улыбнулся.

— Аа-а-а, вот ты о каких пустяках думаешь!.. Нет, я пожелал ей доброго отдыха и пошел за тобой. Кстати, у тебя они не мельче.

— Ушли? Почему?

Я спросил с непониманием:

— А что я должен был делать?

Она фыркнула.

— Ну, как все мужчины... Вам что, объяснять надо?

Я сказал назидательно:

— Боудеррия! У меня более высокие и строгие принципы, чем даже у папы римского. Он не может лгать. Я могу, но не буду.

Она покосилась удивленным взглядом.

— Это... как?

— Я не все, — ответил я мирно. — Разве на мне написано, что я дурак?.. С какой стати буду задерживаться... вообще отвлекаться на такую мелочь?

Она посмотрела на меня искоса, во взгляде было недоверие.

— А почему нет? Мужчины именно на таких клюют. Как дурные рыбы на жирного червячка.

— Ты права, — согласился я мирно, — леди Ундегондия похожа на толстенького жирненького червячка, нежного и лакомого. Я понимаю, почему мужчины на нее клюют. Но у меня ты рядом!

Она насторожилась и спросила неприятным голосом:

— А что я?

— Ты тоже женщина, — сказал я, — но не для всех,

как леди Ундегондия, а для избранных. Даже Избранных! В смысле — настоящих мужчин. Простые кого предпочитают?

Она шевельнула плечами.

— Ну, это понятно. Все мужчины засматриваются на слабеньких, маленьких, пищащих хоть при виде мыши, хоть в темноте... Любой рядом с такими чувствует себя богатырем.

— Верно, — согласился я. — А еще мы очень любим дур. Смеемся над ними, но выбираем именно дурочек. Потому даже умные женщины стараются прикидываться наивными и глупыми. Я тебе как-нибудь расскажу про блондинок...

Она выворачивала голову, не сводя с меня взгляда, в котором удивление перерастает в изумление. Я ответил ей бесстыдной улыбкой, молча напоминая нашу единственную ночь, когда мы были лютыми врагами.

Она надменно вскинула голову и начала смотреть в сторону. При такой посадке ее грудь даже крупнее, чем у леди Ундегондии, а плоский живот к тому же подчеркивает вызывающую приподнятость вторичных половых.

Боудеррия повернула голову и тут же перехватила мой взгляд.

— Сэр Ричард, — произнесла она холодно, — не щупайте.

— Я не щупаю...

— Я чувствую пальцы вашего взгляда, — сказала она. — Уберите лапы!

Я с виноватым видом начал смотреть вперед, только пробормотал:

— Боудеррия, это само, я ни при чем...

Она поинтересовалась:

— А вы не замечали, что ваш взгляд... как бы поточнее... обладает некоторой силой?

— Ты о чем? — спросил я настороженно.

— Не пробовали сдвигать камешки? — спросила она. — Или хотя бы перышки?

— Нет, — отрезал я. — И вообще такое невозможно.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Разве? На островах, откуда я родом, некоторые шаманы так делают... я сама слышала разговоры.

— Разговоры, — фыркнул я. — О чем только не говорят!

— И все-таки прислушайтесь к себе, — посоветовала она. — Слишком уж ваш взгляд...

— Липкий? — поинтересовался я трусливо. — Противный?

Она покачала головой.

— Скорее, горячий. Словно подержали ладонь над костром, а потом...

— Прости, — сказал я искренне. — Надо поработать еще над самоконтролем. Мало ли что мне хочется тебя пощупать, облапать, помять, потискать, завалить, содрать с тебя...

— Но-но, — сказала она почти испуганно, — остыньте, сэръ Ричард! Когда-то в давние времена мы были с вами на равных, но я уже и забыла то древнее время. Сейчас вы — властелин всего Гандерсгейма, а я простая охранница... И только. Ничего больше.

Я сказал ехидно:

— А как насчет особи королевской крови, как утверждает маг Дреслер?

Она отпарировала:

— Вы еще не насмотрелись на здешние карликовые королевства? Вон сэру Вильярду вы сами предложили владения, на землях которых три королевства. Как звучит, а? Барон, а в его феоде такое... Сэръ Ричард! Да уберите же ваши шупающие взгляды!

Я отвел глаза в сторону и произнес виновато:

— Если бы ты не сказала, я бы и не знал, и ничего бы не было. Ну, разве что чуть-чуть... А теперь все время думаю...

Она сказала сердито:

— Если не можете удержаться, то шупайте меня за ногу, что ли... Не там, а ниже колена! И вообще сразу учитесь контролировать себя. Тоже мне, герцог!

— Как? — пробормотал я. — Если бы знал...

— Научились же с лечением? — сказала она. — Вы же сюзерен, сэр Ричард!.. Вот опять шупаете не там, где можно...

— Боудеррия, — взмолился я. — Ты друг или нет?.. Потерпи, я же не нарочно!.. Это во мне дикая сторона орудует, а сам я вообще-то грамотный, без прелюдий никак, интеллигент почти... Ух ты, это я?

Она покосилась на край туники, что начал игриво подниматься.

— Да, — подтвердила она мрачно. — А что, можно подумать, будто это я так?

— Я уж обрадовался, — ответил я с лицемерным вздохом. — Да и сейчас больше на ветерок грешу.

— Сосредоточьтесь, — посоветовала она холодным голосом. — Когда начнете задирать подола придворным дамам, они подумают... сами знаете, что подумают. Даже, если вы это сделали нечаянно.

Я ощутил, что покрываюсь холодным потом.

— Спасибо, Боудеррия! Это меня прошибло. Надо загнать эту способность поглубже, чтобы и не попискивала. Я же государственный, а не Луи какой-то... Постой, а может быть, я как раз ни при чем, а это ты слишком чувствительная?

Она переспросила оскорбленно:

— Я? Чувствительная?

Я пробормотал:

— Это я так, как самое дикое предположение. Сейчас что-то чувствуешь?

— Нет.

— Тогда дело в тебе, — сказал я обвиняюще. — Когда вот такая злая, то ничего не чувствуешь. Ладно, давай проведем опыт...

— Это что? — спросила она с подозрением.

— Закрой глаза, — предложил я, — и говори, что чувствуешь. А то по взгляду можешь догадываться, куда смотрю.

Она фыркнула.

— Хорошо.

Как только закрыла глаза, я уставился на ее высокую грудь. Боудеррия стоит неподвижно, я уж подумал, что ничего не получается, потом ее щеки внезапно порозовели.

— Левая, — буркнула она.

— Что? — переспросил я.

— Как что, — ответила она с раздражением, — на что вы все в первую очередь глаза тарашите?.. Теперь правая... Та-а-ак... живот... А зачем живот?

Я ответил мирно:

— Хотел проверить твои квадратики... но отыскал сладенький такой жирок на боках...

— Нет у меня жирка на боках, — отрезала она гневно. — Нет, сюда не лезть!.. Можете потрогать за плечи, но уже понятно и вам, думаю.

— Да, — признался я упавшим голосом. — Только этого мне еще не хватало! Мне прямо необходимо это умение для управления страной, для повышения валового продукта, для строительства железных дорог, для закладки могучего флота... эх! Что за дар, господи?

Она посмотрела с откровенной насмешкой.

— Вы уверены?

— В чем? — спросил я.

— Что этот дар от господи?

Я остановился, подумал, поколебался, сказал нерешительно:

— Давай вернемся. А я то захожу что-то слишком уж далеко...

— Только не со мной, — отрезала она, не уловив, как это звучит двусмысленно. — Да, лучше вернуться. С вами что-то не то, даже шупать перестали.

Глава 18

На импровизированном турнирном поле бьются уже два на два, со всех сторон азартные вопли, крики, визг, хохот, звон мечей по щитам такой, что не слышно самих бойцов, а совсем рядом поставили столы, там гремит пир, удалой и безбашенный, трезвых не осталось, вино льется рекой, всюду песни, хохот, соленые шуточки, бухающие удары по столешнице, когда соседи начинают бороться на руках.

Граф Ришар руководит и застольем, и поединком, хоть и через своих лордов, увидел меня и вышел навстречу.

— Ну как?

— Спасибо, граф, — сказал я.

— Не за что, — отмахнулся он. — Я же видел, как вам хотелось увильнуть. Какие планы?

— На завтра? — переспросил я. — Те же, что и на сегодня. А вообще... если быть совсем уж честным, то хоть я и маркграф Гандерсгейма, однако после завоевания этих земель ноги моей здесь не будет.

— Что случилось?

Я поморщился.

— Непомерные амбиции местных... королей, видите ли! Может быть, сто лет назад это и было грустной шуточкой, но к нашему времени в самом деле возомнили себя королями! А у меня нет ни сил, не желания ломать им хребты и объяснять, что если их королевство входит в земли некоего баронства, то главный там барон!.. И вообще, дальнейшее обустройство уже на плечах местных феодалов.

Он подумал, поморщился, но кивнул.

— Вообще-то вы правы, хотя это выглядит, как будто вы бросаете дела, не заканчивая.

— Завоевание будет закончено, — возразил я. — Затем введем новое административное деление, распределим налоги, обязанности, но я должен думать о завтрашнем дне! Завоевание и упорядочивание — это день сегодняшний, что переходит во вчерашний...

— И что вы задумали?

— Я полагаю, — начал я важно и осекся, глядя, как у графа вдруг удивленно остекленели глаза и он застыл, задрал голову.

В зияющей вышине медленно плывет толстый крестик, однако когда граф вскинул руку и указал на него, странная птица, если это птица, начала быстро увеличиваться.

Народ начал задирать головы, послышались предположения, что это такое, уже видно, что крылья неподвижны, птица побольше кондора, круг над головами собравшихся нарезает механически ровно. Когда прошла между нами и солнцем, крылья вспыхнули радостным пурпуром, стало видно тонкую сеть темных сухожилий, а так крылья как у летучей мыши, только намного тоньше и прозрачнее.

Птица, описывая над нами круги, опускалась все ниже. Солнце блестит и прыгает по ее телу, словно покрыто мелкими частичками слюды.

— Хробойл, — сказал я наконец-то пораженно. — Я уж думал...

Крупные выпуклые глаза сверкают на солнце, то ли кварц, то ли стекло. Мне показалось, птица рассматривает именно меня. Лучники присели и начали торопливо натягивать тетивы на луки.

— Отставить, — велел я.

Все перестали двигаться, а хробойл продолжал нарезать круг за кругом, словно плетет некую волшебную сеть и медленно окутывает ею нас.

Граф Ришар спросил тревожно:

— Что это? Вижу впервые.

— У барона де Брюса спросите, — посоветовал я.

— А что... он откуда знает?

— Мы с ним однажды поспорили за такую, — сообщил я. — Я на них охотился, а падали они на землю соседа... Даже вспомнить стыдно, каким дураком я был!

— Вы их били стрелами?

— Да. Представляете, какая жестокость?

Он пожал плечами.

— Ну, если вы так считаете...

Хробойл чуть подвигал растопыренными крыльями, устраиваясь поудобнее в воздушном потоке, затем его лапы разомкнулись, блеснув острыми когтями... хотя мне почудилось, что нечто выпало не из лап вовсе, как все решило, а из брюха, что ли...

Некая вещица летит вниз, кувыркается, но я уже ощутил, что она предназначена мне. Хробойл не зря нарезал круги, высчитывая давление ветра, расстояние, скорость, и теперь эта штука падает прямо мне на голову.

Я вскинул руку, растопырил пальцы. Не пришлось даже ловить, просто держал. В ладонь смачно шлепнулась короткая трубка из легкого металла, с виду очень похожего на золото, только раз в двадцать легче. По отряду пробежал вздох то ли изумления, то ли тревоги.

Пальцы ощутили приятную прохладу. Я держал трубку в ладони и чувствовал, что создана именно для нее, для того, чтобы вот ее хватали на лету, обхватывая пальцами.

— Сэр Ричард! — вскричал издали сэр Норберт встревоженно. — Это не опасно?

Я проводил взглядом хробойла. Он часто и сильно взмахивает крыльями, поднимается стремительно и одновременно уходит в сторону океана.

— Не думаю, — ответил я.

— Уверены?

— А в чем можно быть уверенным? — спросил я.

Трубка в руке похожа на цилиндр, с обеих сторон такой же точно металл, однако я чувствовал, что внутри полая. Более того, там что-то лично для меня.

— Я Ричард Длинные Руки, — произнес я. — Если это для меня, то желаю увидеть.

Трубка вспыхнула так ярко, что зажмурились на миг даже граф Ришар и сэр Норберт. Когда мы все открыли глаза, на моей ладони остался туго свернутый лист бумаги. Все охнуло, я осторожно развернул, похоже на некую грамоту, в конце после красиво выписанного каллиграфическим почерком текста золотые печати... ого, личная

печать императора Германа Третьего, а также большая императорская печать....

— Это мне, — сказал я громко. — Послание от императора Германа.

В почтительном молчании граф Ришар сказал нетерпеливо:

— Сэр Ричард, мы изнываем в ожидании.

— Читайте, — попросил герцог Ульрих.

— Минутку, — сказал я, пробежал глазами текст, ухватил смысл, а затем начал зачитывать вслух, делая в нужных местах ударения, повышая или понижая голос: — Император Герман Третий, властелин Солнечной империи, жалует сэра Ричарда Длинные Руки, маркграфа Гандерсгейма, титулом эрцгерцога и дает во владение острова архипелага Рейнольдса, что ранее принадлежали королевству Арндское, ныне Орифламме... Та-а-ак, — произнес я озадаченно, — хробойл улетел, не дожидаясь ответа. Видимо, в моем согласии принять этот титул у императора сомнений нет. Кто-нибудь знает, что это за архипелаг Рейнольдса?

Молчание было ответом, только герцог Ульрих сказал задумчиво:

— Судя по тому, что некогда принадлежали Арндту, то должны находиться сравнительно недалеко от берега. Однако что-то их не видно.

Граф Ришар с силой потер ладонями лицо.

— Нечто вертится в голове...

— Вспоминайте, граф, — сказал я с надеждой.

Он морщился, двигал складками на лбу, горестно вздыхал, наконец хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ах, вот оно!

— Что за острова, граф? — спросил я.

Он покачал головой.

— Не-е-ет, я другое вспомнил. Когда-то в минуту просветления вы заподозрили, что император вручил вам это маркграфство с какой-то неизвестной вам целью... Припоминаете? Не столь явной?

— Да, — ответил я. — Вы полагаете...

— Да! — перебил он пламенно. — Не сам Гандерсгейм ему важен! Его интересуют острова, что входят в зону влияния этих земель. И откуда, видимо, сюда перебрались варвары.

Граф Генрих Гатер, тоже стараясь был полезным, сказал преданно:

— Там что-то нужно императору?

— Возможно, — сказал Морган Гриммельсдэн многозначительно, — не только императору.

Герцог Ульрих проговорил медленно:

— Эрцгерцог... да, прекрасно. Серьезный титул. Герцогов у нас несколько, эрцгерцог — один. Однако, сэръ Ричард, я бы не советовал пока принимать этот титул... всерьез. Как вы понимаете, в Гандерсгейм мы только-только вошли и уже увязли, в Сен-Мари серьезные проблемы, к тому же вы взбаламутили еще и Вестготию...

Я покачал головой.

— Дорогой герцог, я не всегда чересчур умный, но и дурак не всегда. Конечно же, пока не закончим все дела здесь, никаких островов!.. А здесь этих дел ой-ой-ой!

Граф Ришар сказал задумчиво:

— А у меня такое странное ощущение, что император уже знает о вашем герцогстве...

Я спросил быстро:

— Почему?

— Он бы даровал вам титул герцога, — объяснил он. — После маркграфа. А так пришлось пожаловать чуть повыше.

Лица помрачнели, никто не любит, когда за ними наблюдают, да еще из-за океана.

Издали донеслись звуки труб. Далеко по дороге клубилась пыль, но ее сразу же уносил ветер, а солнце яростно играет на выпуклых щитах, шлемах, кирасах, искрится на кончиках длинных копий, поднятых кверху.

Тяжелая рыцарская конница идет красиво и строго, веют знамена и штандарты, вперед выехали горнисты и, вскинув к небу длинные серебристые трубы, пропели

торжественную и величавую мелодию, от которой защи-
пало в груди.

Из головного отряда отделились двое всадников на
легких конях, понесли в нашу сторону во весь опор.
Наши рыцари на всякий случай взяли за рукояти мечей.

Я всмотрелся, крикнул:

— Отставить! Это адмирал Ордоньес, друг.

Несколько человек выбежали навстречу, перехватили
коней Ордоньеса и его спутника, а он бросился мне на-
встречу, раскинув руки, но вовремя вспомнил, что мы на
людях, сбавил шаг и преклонил передо мной колени.

— Ваша светлость!

— Здравствуй, Ордоньес, — сказал я. — Эту пыль под-
нимают новые рыцари из Вестготии? Спасибо, они всегда
вовремя.

Он смотрел на меня сияющими глазами, я чувство-
вал, как ему не терпится похвастать новыми приключе-
ниями, в том числе и полетом в лапах огромного и ужас-
ного дракона, но вместо этого покачал головой.

— Если бы вы знали, как вовремя эти вестготцы взош-
ли на борт!

Я спросил заинтересованно:

— А что случилось?

— Нас атаковали пираты, — сообщил он.

— У берегов Вестготии? Или уже здесь?

— Когда шли вдоль берега Сен-Мари, — пояснил
он. — Долго готовились, видно... Двенадцать кораблей!..
Пошли на абордаж... Скажу честно, вряд ли мы выстояли
бы. Но они не догадывались, что у нас на борту триста
рыцарей, жаждущих славы. В общем, все двенадцать ко-
раблей были захвачены, трофеи перетащены к себе, ко-
рабли затоплены. Все вестготцы в диком восторге! Не ду-
мали, что приключения начнутся так сразу. Двух капита-
нов удалось захватить живыми, хоть и помятыми... На
второй день очень вежливых расспросов согласились ука-
зать дорогу к их головному острову... Ага, с чего бы это у
вас глазки заблестели? Вот не могу догадаться...

Его окружили, поздравляли, тем временем кавалькада рыцарей приблизилась, наши лорды приосанились, вокруг них столпились их люди, придавая значимость, наконец неспешно пошли навстречу с раскинутыми для объятий руками.

Рыцари Вестготии спешивались, передавали коней в руки местному воинству.

Я ухватил Ордоньеса за рукав и отвел в сторонку.

— Значит, пленные могут показать дорогу?

Он довольно кивнул.

— Да. А если учесть, что их основная воинская сила полегла и ушла на дно, защищать остров почти некому.

— Все ты понимаешь, — сказал я. — Да, соблазнительно.

— Так что? — спросил он. — Без вас тут никак?

— Никак, — ответил я со вздохом. — Но вообще-то пока укрепляют города Меркель и прочие, это займет их надолго. Я мог бы, да... ненадолго. И не слишком далеко от берега.

Он сказал с подъемом:

— Это в самом деле недалеко! Здесь не знают, как это близко, потому что своего флота нет, но это в самом деле близко!

Я в нерешительности почесал голову, звук глухой, будто скребу валун, спросил:

— Ты привез вестготцев в Тараскон или прямо сюда?

Он фыркнул.

— Из Тараскона они бы сюда месяц топали! Берег тут близко, вон за теми холмами. И места удобные. Даже бухта есть.

— Тогда рискнем, — сказал я решительно, — а то острова эти уже мне подарены, а я их еще не видел!

— Подарены? — переспросил он.

Я отмахнулся.

— С сегодняшнего дня я уже эрцгерцог. И все острова — мои. Знать бы, что это такое.

— Увидим, — пообещал он с азартом.

— Увидим, — сказал я со вздохом. — Завоевание земель Гандерсгейма в самом разгаре, но у меня шило в заднице. Не могу усидеть! По мне все так медленно шевелится, как мухи на морозе! А здесь война, увы, и не может быть стремительной, потому что кочевников никогда не победить, если не построить в их землях крепости!.. Потому пока строят крепость на перекрестье Черных Мечей и возводят башню у единственной переправы через Огненную, я немножко поплескаюсь тут у берега. На мелководье. Недолго.

Он вдруг посерьезнел.

— Но здесь без вас... точно не рухнет?

— Ордоньес, — сказал я с досадой, — я не всегда чересчур умный, но и дурак не всегда. Конечно же, заканчивать все дела здесь оставлю моих лордов, здесь этих дел ой-ой-ой! Но я — сеньор, стратег, должен смотреть и заглядывать вперед. Рыцарство, как и простой народ, охотно идет за тем, кто побеждает. Но они так же легко меняют привязанности, если их вождь начинает терпеть поражения.

— У вас их не будет, — сказал он убежденно. — Вон как почти без драки вы завоевали все Черро! И ваша власть там сильна.

Я сказал нервно и со злостью:

— Я не могу жить так... медленно! У меня все время должно что-то происходить, иначе день потерян зря, будто и не жил!.. А здесь я все знаю наперед. Будем по-черепаши отвоевывать каждую милю и закрепляться на ней, иначе уже завтра снова будет не нашей. Видишь ли, есть работы для государя, а есть для работников. Завоевание Гандерсгейма лишь вопрос времени. Это уже просто работа. Монотонная и неспешная работа.

Он пробормотал озадаченно:

— А потом? Есть желание повоевать на Юге?

— Шутишь? — спросил я. — С голыми руками?.. Нет, а вот покаботажничать малость не откажусь. Что-то меня к морю тянет.

Он осведомился:

— А ваши предки с морем не связаны?

Я сказал обидчиво:

— Как это не связаны? Первая кистеперая рыба, что вылезла на берег, и дала начало нашему роду!.. У меня даже в гербе это отражено. Там намек на мутацию.

По случаю прибытия трехсот отборных рыцарей в полном вооружении и с боевыми конями, приученными ходить в строю и двигаться в атаку, придерживаясь клина, был устроен грандиозный пир.

Я сам посоветовал продлить и на следующий день, пусть вестготцы видят, что им рады, что их чтут. Сам я, пообщавшись с ними милостиво, пообещав всякое, сказал таинственно, что на некоторое время удалюсь по важным государственным делам.

Уж не знаю, что они подумали, морды у всех сразу стали понимающими, а глазки масляными, но я выскользнул через заднюю стенку шатра, отошел незримником подальше, а затем свистнул Зайчику и Бобику.

Они примчались, счастливые и веселые, я расцеловался с обоими, и уже через пять минут, перевалив холмы, передо мной широко и победно распахнулось бескрайнее море.

Сердце мое стукнуло взволнованно, в удобном месте, можно сказать в бухте, гордо высятся две огромные величественные каравеллы со спущенными парусами. И пусть это так называемые малые каравеллы, *caravella latina*, но на сегодня это самые крупные, самые маневренные и самые быстроходные корабли в мире.

Зайчик, не дожидаясь команды, ринулся вперед, однако Пес первым вскочил в лодку и, пугая матросов, часто дышал и показывал огромную пасть с острыми зубами.

Ордоньес с борта весело отдавал команды, Зайчика со всей тщательностью перевезли в другой лодке. Матросы смотрят на меня с боязливым и почтительным любопытством, даже не представляю, что наговорил обо мне Ордоньес.

— Поднять якорь! — прокричал он.

Загрохотала цепь, я ощутил, как огромный корабль радостно вздрогнул, освобождаясь от привязи. Легкий ветерок начал поспешно отодвигать его в открытое море. Далеко на берегу, почти на горизонте, неторопливо и сонно поплыли серые стены Брегонского королевства, что из одного города и пары деревень. Там осталась недоизнасилованная принцесса, эта недоизнасилованность, надеюсь, защищает ее от всех посягательств, как самый надежный щит.

— Как хорошо, — сказал я с чувством. — И как же я, оказывается, не люблю рутинную работу!

Ордоньес смотрел на меня с веселым любопытством, скалил зубы в предчувствии беспечных приключений.

— Истинный мужчина, — заметил он со смехом, — как бы ни был беден, никогда не унизится до какой-либо полезной работы!

Морской ветер остужает разгоряченное лицо водяной взвесью, в каком жарком пекле я все это время пекся, как же здесь хорошо...

Я вдохнул чистый морской воздух всей грудью, сердце стучит радостно и свободно, словно наконец-то вернулось домой, где мне хорошо.

— Пойду пока в каюту, — сказал я. — Приведу себя в порядок.

Ордоньес кивнул.

— Да-да... Хотя я так и не понял, зачем вам та женщина.

Я спросил расслабленно, еще не ощутив опасности:

— Какая?

Он лениво кивнул в сторону моей каюты.

— Да явилась и говорила о каком-то долге. Да так пылко и с жаром, что я подумал... если отплываем на пару дней, от силы — на недельку, то пусть, ладно, если вы так велели.

Я насторожился.

— Что ты говоришь? Какая женщина? Неужели это...

Он кивнул с одобрением.

— Очень красивая. И решительная. Это редкость, когда женщина верна долгу и так рвется его исполнить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	48
Глава 6	60
Глава 7	68
Глава 8	78
Глава 9	85
Глава 10	92
Глава 11	103
Глава 12	110
Глава 13	118
Глава 14	128
Глава 15	137
Глава 16	145
Глава 17	154

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	165
Глава 2	174
Глава 3	183
Глава 4	192
Глава 5	200
Глава 6	209
Глава 7	217

Глава 8	226
Глава 9	232
Глава 10.	241
Глава 11.	250
Глава 12.	264
Глава 13.	272
Глава 14.	283
Глава 15.	293
Глава 16.	304

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	316
Глава 2	325
Глава 3	334
Глава 4	344
Глава 5	353
Глава 6	363
Глава 7	375
Глава 8	382
Глава 9	385
Глава 10.	394
Глава 11.	403
Глава 12.	412
Глава 13.	421
Глава 14.	430
Глава 15.	436
Глава 16.	446
Глава 17.	457
Глава 18.	467

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ – ЭРЦГЕРЦОГ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *В. Авдеева*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 13.10.2010.
Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 65 000 экз. Заказ № 4002686.

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-45622-3

9 785699 459223 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact

Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,

в том числе в специальном оформлении,

обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

ISBN 978-5-699-45922-3

9 785699 459223 >

Фичонд

Длинные Руки —

эригермог